

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Научный руководитель проекта:
Сергей Александрович
КАРАГАНОВ

Научный редактор:
Тимофей Вячеславович
БОРДАЧЁВ

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ: хроника поворота на Восток

**Сборник докладов
Валдайского клуба**

УДК 338.2
ББК 65.049(2)
К11

Руководитель проекта
Андрей Георгиевич Быстрицкий

Научный руководитель проекта
Сергей Александрович Караганов

Научный редактор
Тимофей Вячеславович Бордачёв

Выпускающий редактор и координатор проекта
Вячеслав Олегович Коломин

Дизайн-проект
Мила Силенина и Яна Эткина

Фотография на переплёте предоставлена Alamy/TACC
В оформлении книги использованы фрагменты
спутниковых карт Google maps

К11 К Великому океану: хроника поворота на Восток.
Сборник докладов Валдайского клуба. — М.: Фонд развития
и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»,
2019. — 352 с., ил.

Начиная с 2012 года Международный дискуссионный клуб «Валдай» является флагманом концептуализации и обсуждения тематики поворота России на Восток. Этот сборник венчает собой многолетнюю работу по продвижению и обоснованию необходимости развития Сибири и Дальнего Востока через интеграцию в систему торгово-экономических связей в Азии. Каждая из шести глав книги посвящена определённому аспекту поворота и дополняется статьями иностранных экспертов, оценивающих усилия России со стороны. Сборник содержит в себе рекомендации по тому, как претворить такую политику в жизнь, двигаясь, как российские первопроходцы времен освоения Дальнего Востока, к «Великому океану» возможностей, которые открывает России подъём Азии.

УДК 338.2
ББК 65.049(2)

ISBN 978-5-6043044-0-2

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2019
© Караганов С.А., Бордачев Т.В., составление, комментарии, 2019
© Мила Силенина, Яна Эткина, дизайн, 2019
© Творческий коллектив НО «Издательский центр
«Московедение», инфографика, 2019
© 000 «Бослен», издание на русском языке, оформление, 2019

Международный дискуссионный клуб «Валдай» был создан в 2004 году. Своим названием Клуб обязан месту проведения первой конференции, которая состоялась в Великом Новгороде, недалеко от озера Валдай. За время своей работы Международный дискуссионный клуб «Валдай» стал признанной на международном уровне площадкой взаимодействия ведущих мировых экспертов с российскими учёными, политиками и представителями государственной власти.

Сегодня основное внимание в своей деятельности Клуб уделяет исследованиям в области глобальных политических и экономических процессов. За прошедшие годы в работе Клуба приняли участие более 1000 представителей научного сообщества из более чем 70 государств мира. Клуб активно взаимодействует с ведущими мировыми экспертами и аналитическими центрами в таких областях, как международные отношения, глобальные процессы, экономика, безопасность, энергетика, социология, коммуникации. Одной из основных своих целей Международный дискуссионный клуб «Валдай» видит консолидацию мировой интеллектуальной элиты для выработки решений по преодолению кризисов мировой системы, решению глобальных и региональных проблем.

Интеллектуальный потенциал организации высоко оценивается экспертным сообществом как в России, так и за рубежом. Известность получили региональные программы Клуба — Азиатская, Ближневосточная и Европейская конференции, а также Ежегодные заседания с участием Президента России и высших должностных лиц страны.

Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай»

115184, Российская Федерация, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

<http://ru.valdaiclub.com>

 ValdaiclubRu
 ValdaiclubRu
 t.me/valdaiclub
 Valdaiclub
 valdaiclubcom
admin@valdaiclub.com

Содержание

Вместо предисловия: шесть историй одной страны	9
часть первая К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ, ИЛИ НОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ РОССИИ	14
Взгляд из 2019 года	17
Введение: мир вокруг России	19
Азия как вызов и Азия как возможность	23
От европейской к глобализированной державе	52
Япония и развитие российского Дальнего Востока	71
часть вторая К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ, ИЛИ РОССИЙСКИЙ РЫВОК К АЗИИ	82
Взгляд из 2019 года	85
Введение	88
К Великому океану: от призывов к действию	91
Экономико-политические процессы в АТР и место в них России	97
Сибирь и Дальний Восток: переосмысление угроз и возможностей	114
Международное сотрудничество для развития Сибири и Дальнего Востока	130
Интересы зарубежных партнёров в отношении освоения российской Арктики	134
К новой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока	142
Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы	155

часть третья К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ, ИЛИ МОМЕНТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ	172
Момент Центральной Евразии	175
Подход Австралии к сотрудничеству с Россией	184
часть четвёртая К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ: ПОВОРОТ НА ВОСТОК. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ	196
Обращение Председателя Совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай» А.Г. Быстрицкого	199
Взгляд из 2019 года	201
Введение	203
Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион в XXI веке	206
Большая Евразия: вчера, сегодня, завтра	223
Дальний Восток в зеркале Азии: взгляд из Индии	235
часть пятая К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ: ОТ ПОВОРОТА НА ВОСТОК К БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ	242
Взгляд из 2019 года	245
Вступление. Поворот состоялся	247
Развитие Сибири и Дальнего Востока	267
Что такое Большая Евразия?	275
Дорожная карта на завтра	278
Цели России в Азии и Евразии	281
Развитие российского Дальнего Востока: взгляд из Кореи	294

	304
Взгляд из 2019 года	307
Введение. Краткое изложение	309
Что сделано	312
О новом этапе российского поворота на Восток	319
Россия как «место сборки» Большой Евразии	327
О мифах, фобиях и переводе Азии на русский язык	332
Что нужно делать №1. Дальний Восток и не только	340
Что нужно делать №2. Поворот на Восток для всей России: узнать Азию	345
Подведение итогов	349

Вместо предисловия: шесть историй одной страны

Тимофей Бордачёв

Этот сборник — часть интеллектуальной истории того, что получило в общественно-политической дискуссии и средствах массовой информации определение «поворот России на Восток». Авторы, коллективные произведения которых вошли в сборник, — это те, кто несёт ответственность за существенную часть экспертной и академической проработки поворота, его популяризацию в России и за рубежом. Целью работы нескольких авторских коллективов на протяжении почти 10 лет было обосновать, убедить общество и власть, что без поворота, без ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока и их интеграции в систему торгово-экономических связей в Азии и Евразии, не восстановив и не установив полноценные отношения с азиатскими странами, Россия не сможет стать ведущей державой XXI века. Будет вынуждена удовлетворяться ролью периферии и «подмастерья» и Европы, и Азии. Сейчас, в 2019 г., можно с уверенностью сказать, что этого удалось избежать.

Поворот на Восток — это давно назревшая необходимость в российской внешней и внутренней политике. Отдельные шаги по активизации этого направления наблюдались уже в 1990-х гг. Тогда начали осуществляться первые попытки не только установить двусторонние отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), но и закрепиться в многосторонних форматах — АТЭС и асеаноцентричных структурах. Однако отсутствие системности подобных шагов и экономическая ситуация в России в тот период не позволили эффективно выстраивать стратегию взаимодействия на пространстве АТР. Страна была тесно связана с Европой, провозглашала свою однозначно европейскую ориентацию, а её элита мало интересовалась Азией. Вплоть до конца 2000-х гг. не было понимания того, что более 50% национальной внешней торговли, приходящиеся на одного партнёра — Европу, — это ненормально для такой страны, как Россия. С начала 2010-х гг. важную роль в активизации поворота на Восток сыграла ползучая деградация отношений со странами Запада, очевидная бесперспективность и бессмысленность попыток «втиснуть» Россию в Европу.

Для поворота на Восток существуют объективные условия и предпосылки, он выгоден всем региональным игрокам. Успех России и её региональных партнёров может принести в Азию и Евразию больше мира и процветания. Ни одно из противоречий, про которые принято говорить в контексте поворота, не является объективным. Крупнейшие евразийские державы — Россия и Китай — движутся на встречных курсах, стремятся к согласованию своих региональных проектов и, по сути, ведут дело к формированию в Евразии нового сообщества.

В этот сборник вошли шесть докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай», объединённых под общим названием «К Великому океану» — лозунг российских первопроходцев и обжителей Сибири и Дальнего Востока. Каждый из докладов сопровождается авторскими комментариями Сергея Александровича Караганова, научного руководителя всего проекта, а также комментариями видных экспертов из стран Азии и их оценками того, насколько успешным является поворот на Восток, что нами сделано и что ещё предстоит сделать. Весь этот материал может дать

любому читателю масштабную картину того, какие задачи ставились на протяжении этих лет и какие новые возможности и ограничения возникали на пути «К Великому океану». Каждый из докладов — это новый шаг в рефлексии вокруг одного из наиболее важных для России проектов национального развития в XXI веке. Прочитав их, можно увидеть комплексную картину того, как развивался поворот на Восток последние 10 лет.

За прошедшие годы экспертным сообществом, политическими элитами и самим российским обществом был пройден большой путь. Ещё каких-нибудь 10 лет назад в подробном разъяснении нуждались, казалось бы, очевидные сейчас вещи: новое качество участия Азии и азиатских государств в мировой экономике и политике, колоссальный потенциал азиатских рынков для российской продукции, наличие в Сибири и на Дальнем Востоке уникальных ресурсов для создания ориентированных на страны Азии производств, запрос на более активное участие России в обсуждении ключевых проблем региональной политики и безопасности в Азии. Всё это ещё недавно казалось спорным. Только в конце 2000-х гг. были сделаны первые исследования о том, какие возможности предоставляет России новое качество экономического роста в Азии. Всегда приходилось, и приходится, преодолевать сомнения скептиков, тех, кто привык жить с повернутой только в одну сторону, на Запад, головой.

Активность России на крупных региональных площадках вызывает у наблюдателей внутри и вовне смешанные чувства. **Наиболее сложно дело обстоит в Азии, где Россию привыкли считать европейской периферией.** Хотя к такому статусу стремятся, надо признать, и многие в самой России. Поэтому поворот России к Азии, несмотря на все достижения последних лет, всё ещё вызывает вопросы. Часть этих вопросов имеет концептуальный характер. И друзья России в Азии, как и за её пределами, имеют полное право эти вопросы задавать, особенно в Азии, где у России нет враждебных отношений ни с одним из государств.

Региональные партнёры иногда не до конца понимают цели России и принципы её политики в Азии и Евразии. Это непонимание остаётся важнейшим препятствием к дальнейшему укоренению России, её товаров и услуг на региональных рынках. Мифы и плохой опыт 20-летней давности рассматриваются как препятствия для инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке. Даже ведущие мыслители и политики региона иногда недоумевают на тему того, а что всё-таки Россия хочет в Азии и для чего она выдвигает свои масштабные инициативы? Поэтому сейчас нужно, видимо, сказать нашим друзьями в Азии и Евразии, что во фразе «поворот России на Восток» ключевым является слово «Россия».

Цель данной политики — развитие страны, её движение в сторону того, чтобы оставаться полноценной крупной державой современного мира. Необходимым и неизбежным условием приобретения такого качества является субъектность страны в мировой политике и экономике, способность выступать источником важных региональных инициатив и проектов, а не привязывать себя к уже существующим, что, однако, не исключает активного сотрудничества с такими проектами. Это сотрудничество может принимать форму торговых договоров разной степени глубины или присутствия на политических, дипломатических и экспертных площадках.

Всё это должно вести к большей интегрированности России в региональные связи и диверсификации её торгово-экономических и политических отношений. В этой связи развитие экономического сотрудничества с Японией или Республикой Корея является не менее важным, чем укрепление уже сформировавшегося партнёрства с Китаем. Хотя именно Китай

и китайское руководство сыграли исключительно важную роль в том, чтобы России было легче отстаивать свои интересы в непростые 2014–2016 гг. И при продолжении существующей парадигмы Россия никогда не сможет пойти на решения, ущемляющие китайские интересы.

Именно эти понятия — субъектность, диверсификация и интегрированность — могут, по моему мнению, рассматриваться как цели российского поворота к Азии и Евразии.

Однако ещё большее значение и смысл субъектности для такой большой страны, как Россия, заключаются в осознании себя «цельной личностью». В военно-политической сфере у России с таким самопониманием проблем нет. Думаю, что и другие государства мира не сомневаются в этом. Но достижение аналогичного состояния в невоенной области для страны, доля которой в мировом ВВП не превышает 4%, требует дополнительных политических усилий. Таких, например, как поворот на Восток или инициатива Большого евразийского партнёрства. Потенциально эти инициативы имеют огромное значение для осознания Россией и россиянами своего места в мире, сравнимое с ролью инициативы «Один пояс, один путь», предложенной председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., для Китая и китайского народа. Великим странам нужны великие идеи.

Давайте посмотрим на историю поворота России на Восток. Официально эта политика была объявлена 12 декабря 2012 г. в обращении президента России. Но фактическая история поворота началась на несколько лет раньше. В его основе лежало понимание трёх важнейших факторов.

Во-первых, отсутствие альтернатив открытию Сибири и Дальнего Востока для мировой и региональной экономики. Но это открытие не должно носить сырьевой характер, хотя использование своих природных ресурсов для интеграции в региональную экономику также имеет значение, как это сделала, например, Австралия. Но России на Дальнем Востоке нужны рабочие места, освоение территорий и местные налогоплательщики. В России есть понимание того, что при населении в 6,2 млн человек Дальний Восток не может рассматриваться как самостоятельный рынок. Нужен выход на внешние рынки.

Во-вторых, во второй половине 2000-х гг. очевидными стали новые возможности для российского экспорта в страны Азии, связанные с растущим там потреблением. Поэтому сельскохозяйственный сектор всегда рассматривался в рамках поворота на Восток как один из важнейших. Снятие азиатскими партнёрами нетарифных барьеров для сельхозпродукции должно стать и уже становится важнейшей задачей переговорщиков.

В-третьих, сыграло роль понимание, что для такой страны, как Россия, ненормально иметь почти 53% своей внешней торговли, приходящейся на одного партнёра. Тогда это был Европейский союз — сейчас его доля не превышает 46,5%. Перераспределение произошло в пользу азиатских экономик. Несколько лет назад мы не могли даже поверить, что такое станет возможно. Споры нет, поворот приносит наиболее ощутимые результаты именно в отношениях с наиболее крупными игроками. Так, уже в январе 2017 г. рост товарооборота России с Китаем составил 34% по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.

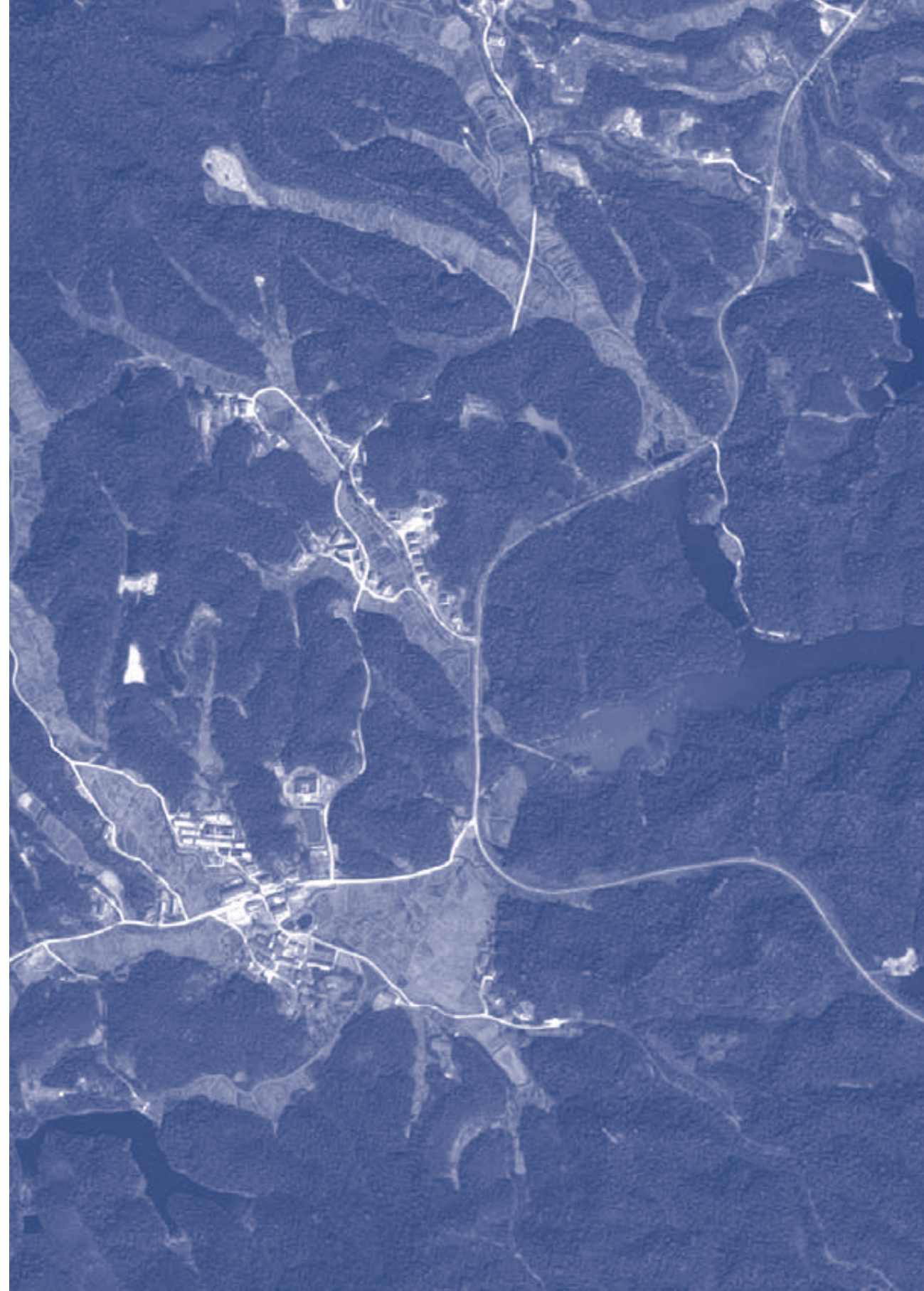
Все три фактора, рассмотренные выше, важны для внутреннего развития Российского государства, но и России есть что предложить своим региональным партнёрам. Маленький Сингапур мог предложить миру уникальное географическое положение и доступную для его размеров экономическую открытость, великий Китай — колоссальные, всё ещё почти неисчерпаемые, ресурсы рабочей силы. В России людей немного, но она

располагает уникальными возможностями в таких ресурсах, как земельные богатства, вода и всё, что с ней связано, энергетика, транспорт, культура, наука и отдельные технологии. Но для того чтобы правильно всем этим распорядиться, ей необходимо быть в согласии с самой собой. Знать своё место в мире. И это знание не должно вступать в противоречие с великой российской историей, культурой и международно-политическим положением. Поворот России на Восток решает задачи диверсификации внешнеэкономических связей и интеграции в региональные и глобальные рынки, в то время как большой евразийский проект служит, в первую очередь, новому видению себя в мире.

Инициатива «Большого евразийского партнёрства» была выдвинута Россией летом 2016 г. Благодаря её существованию Россия может позиционировать себя внутри и вовне как лидер и интегратор. Параллельно развивается проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который остаётся важнейшим ресурсом для внешней и внешнеэкономической политики её участников — вне зависимости от того, сколько времени и совокупных усилий потребует практическое наполнение обеих инициатив. При этом существование масштабных политических инициатив не противоречит ежедневной работе экономической дипломатии и ни в коем случае не сможет препятствовать или затягивать подготовку конкретных соглашений России и стран ЕАЭС с азиатскими партнёрами. Это разные истории.

Новые преференциальные и непреференциальные торговые соглашения с азиатскими партнёрами — это важная и необходимая работа. Они, как можно судить, будут последовательно готовиться и реализовываться. Для этого у Москвы и её союзников по ЕАЭС есть отличные административные возможности, выдающиеся эксперты и политическая воля. А стратегические идеи — это то, что двигает нацию вперёд. Бояться выдвигать масштабные инициативы могут только те, кто не видит Россию самостоятельным игроком. А у партнёров России в Азии не должно быть сомнений в серьёзности её намерений и решимости их реализовать.

Настоящий поворот России на Восток только начинается. Его основные измерения — создание новых внутренних (организационных и правовых) условий для ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока, качественное усиление российского присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе и постепенное наращивание торгово-экономических и политических связей со странами Азии, формирование в Евразии нового пространства совместного развития. Поворот — это процесс, каждое из измерений которого необходимо для развития двух других. Поворот — это не разворот от Европы, а прагматичная ориентация на новые возможности, стремление к новому и предпринимаемые для его реализации усилия. Цель этих усилий — быть адекватными современному миру. Миру, в котором Россия начинает чувствовать себя всё более уверенно.

Руководитель авторского
коллектива и ответственный
редактор:

С.А. Караганов

почётный председатель
Президиума Совета по внешней
и оборонной политике

Члены авторского
коллектива:

О.Н. Барабанов

профессор МГИМО МИД России

Т.В. Бордачёв

научный руководитель Центра
комплексных европейских
и международных исследований
НИУ ВШЭ

Часть первая

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ, ИЛИ НОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ РОССИИ

Взгляд из 2019 года

Сергей Караганов

В данном докладе, первом из серии, излагаются выводы предшествовавших исследовательских работ, посвящённых изучению конкурентных позиций Сибири и Дальнего Востока на мировом рынке. Эти работы выявили, что экономический рост в Азии, изменение структуры потребления в азиатских странах привели к появлению у России ряда отсутствовавших ранее конкретных преимуществ: производство энергоёмких товаров, многих видов сырья высокой степени переработки и, в первую очередь, водоёмких товаров для азиатских стран, практически повсеместно и по нарастающей испытывающих дефицит пресной воды, которой весьма богата Сибирь. К таким водоёмким товарам относятся прежде всего продовольствие, зерно, корма, а в перспективе, уже наступающей, — мясо, потребление которого в Азии, в первую очередь в Китае, растёт очень быстро. К водоёмким товарам также относятся целлюлоза и химическое волокно.

В докладе, а также в исследованиях и публикациях вокруг него, мы постоянно боролись с отечественными и зарубежными специалистами «проталкивающими» (и даже сейчас продолжающими предлагать) идею экспорта чистой пресной воды. Это один из самых политически опасных, зато крайне экономически невыгодных методов использования водных ресурсов. Гораздо прибыльнее продавать «виртуальную воду», затраченную на производство какой-либо продукции.

Пока такие производства только зарождаются. Среди помех — слабость транспортной инфраструктуры, особенно меридиональных путей, связывающих Россию с азиатскими странами. Их практически нет и до сих пор, хотя о некоторых говорят десятилетиями: через Иран к Персидскому заливу и Индии, или же в западные области Китая. Кроме того, до сих пор недоразвита другая водоёмкая отрасль — производство целлюлозы и бумаги, деревообработка. Продолжается массовый вывоз леса-кругляка — неэффективный экономически и экологически, да и политически вызывающий раздражение как у местного населения, так и в российском обществе в целом.

Помимо перспективности и выгоды экономического поворота России к растущей Азии, наше обоснование целесообразности такого поворота основывалось и на прогнозе замедления развития Европы, нарастания трудностей и противоречий в Европейском союзе, потенциально делающих его (и теперь можно сказать, увы, сделавших его) менее перспективным и выгодным партнёром.

Главный пафос доклада направлен на преодоление стремительно устаревавшей и всё менее выгодной политической и экономической европоцентричности, доминировавшей в российской элите. Оценивая пройденный путь, можно с удовлетворением констатировать — она постепенно уходит. Хотя, разумеется, Россия и российское общество остаётся и, будем надеяться, будет оставаться преимущественно европейским в культурном отношении.

В докладе был выдвинут достаточно новый для того, да и для нынешнего времени тезис об использовании в предлагавшемся движении к Азии составных частей российской культуры и общества, близких к традиционно азиатским — якутов, бурят.

Сдвиг к поднимающейся Азии через развитие Зауралья предлагается и для всей или большей части Сибири. Он назывался «Проект Сибирь»

и исходил из культурно-исторической целостности зауральской России, из того, что центральные регионы Сибири имеют первоклассный человеческий, научный, промышленный и сельскохозяйственный потенциал. Но их развитию мешает «континентальное проклятье» — удалённость от важнейших рынков сбыта, в первую очередь от Азии. Пока программа ускоренного развития предусмотрена только для Дальнего Востока. Хотя в самое последнее время появились признаки распространения этих усилий на центральные регионы Сибири, о чём, в частности, говорил В.В. Путин в своей речи на Питерском международном экономическом форуме в июне 2018 г.

В этом докладе, первом из серии «К Великому океану», впервые системно была сформулирована идея о необходимости создания третьей социально-экономической столицы в Зауралье: политико-военная должна, естественно, оставаться в Москве, культурная в Санкт-Петербурге. В Сибирь и на Дальний Восток предлагалось перенести часть социально-экономического блока правительства, офисы части госкорпораций. Цель переноса столичных функций — ускорение подъёма Зауралья и Дальнего Востока, омоложение правящей элиты всей страны. Предварительно мы внимательно изучили опыт стран, переносивших столицы: Бразилии, Турции, Германии, Казахстана. Во всех странах выгоды значительно превысили издержки. При этом мы предлагали и предлагаем именно частичный перенос.

Немало копий было сломано в полушутливых спорах о том, куда переносить. Вывод был однозначен: если и создавать новый столичный город, он должен быть расположен на берегу Тихого океана, в том числе символизируя и закрепляя новый глобальный статус России как великой, полновесной атлантико-тихоокеанской державы. Именно на придание России этого крайне выгодного в современном мире статуса — новой глобализации России для XXI века — и был нацелен этот и последующие доклады.

Оглядываясь назад, можно с удовлетворением признать: многое сделано, но ещё больше предстоит, в том числе претворение в жизнь некоторых из содержащихся в этом докладе конкретных идей и предложений.

Введение: мир вокруг России

Мир возвращается к привычному хаотичному состоянию международных отношений. Это возвращение к *status quo ante* происходит на фоне необычно высокого уровня взаимозависимости стран и народов, глобализации всех экономических и экологических процессов, небывалой информационной открытости обществ. Разрыв между глобализацией мира и деглобализацией управления — наверное, важнейшее противоречие, стоящее перед человечеством. Но это и позитивный вызов, от ответа на который зависит успех обществ, государств, людей, всего человечества, в том числе россиян и России. Внешний мир становится для России, как и практически для любой страны мира, гораздо более важным, чем за всю предыдущую историю. Нарастает, и бесповоротно, зависимость от него. Чтобы быть современной и сильной, России нужно в большей степени, чем когда бы то ни было, строить свою стратегию национального развития исходя из макротенденций мирового развития. Важнейшая из них — это исторически беспрецедентный по масштабам и скорости сдвиг центра мировой экономики и политики в «новую Азию»: в её восточные, юго-восточные регионы и Индию.

Азиатский подъём тянет за собой и экономики стран, которые прицепились или были прицеплены к «азиатскому экономическому локомотиву». После долгих лет полустагнации, или даже деградации, можно наблюдать экономический рост во многих странах Африки, начавших поставлять в Китай и другие страны сырьё и продовольствие. Ещё более эффективно прицепились к этому «локомотиву» США, по сути дела создавая с Китаем и другими странами региона высокоинтегрированный экономико-финансовый комплекс.

Россия пока не смогла поучаствовать в этом росте, несмотря на свою на две трети азиатскую географию. Мешает отсталость инфраструктуры, недоразвитость экономики, демографическая ситуация. Но ещё более — отсталая для нынешнего мира евроцентричность российского экономического и внешнеэкономического мышления.

На уровне политических деклараций сдвиг в сторону Азии начался. В.В. Путин и Д.А. Медведев неоднократно говорили о необходимости поворота к Азии. Так, В.В. Путин в своей предвыборной статье призвал «поймать китайский ветер в российские паруса». В мае 2012 г. было создано Министерство по развитию Сибири и Дальнего Востока. Но на уровне реальной экономической стратегии Россия все ещё поворачивается очень медленно. Существует вероятность серии фальстартов или политической ошибки.

Продолжается и структурная перестройка мировой экономики. И происходит это не совсем так, как предсказывало большинство экономистов лет двадцать-тридцать тому назад. Накопление результатов жизнедеятельности людей, промышленных выбросов ведёт к качественным, хотя и не до конца ясным, изменениям климата. Идёт глобальное потепление. Быстро нарастает дефицит пресной воды, многих видов сырьевых ресурсов. Развёртывается новая геополитическая конкуренция за территории, на которых эти товары, прежде всего продовольствие, можно производить.

На новом этапе мирового развития «территориальное проклятие» России становится источником не слабости, а потенциальной силы. Раньше огромные территории были нужны России преимущественно в качестве буфера от внешних агрессий. Теперь при правильной экономической стратегии они могут стать важнейшим источником её новой конкурентоспособности.

Через сумбур волнений и бунтов «арабской весны», роста протестных движений на старом Западе всё явственнее проступает новая мировая тенденция — нарастание социально-политической нестабильности. Её причины многообразны. Почти везде в основе — небывало быстрый и повсеместный рост социального неравенства, разрыва между богатыми и бедными.

В развитом мире можно с уверенностью предвидеть рост левацких и правонационалистических настроений, размывание ужесточающейся международной конкуренцией традиционного среднего класса — базы правополитических и левоцентристских партий. Запад вступил в период социально-политической турбулентности, которая сделает его более трудным партнёром. А если эту турбулентность наложить на системный кризис ЕС, то становится очевидным, что перспективы быстрого сближения России с Европой становятся пока более туманными.

На глазах углубляется до катастрофического уровня вакуум безопасности на Ближнем Востоке, где нет никаких общих структур безопасности — все не доверяют всем. Гораздо менее глубокий, но потенциально тревожный вакуум безопасности начал формироваться вокруг Китая. КНР никому не угрожает, но усиливается столь быстро, что соседи не могут не чувствовать себя уязвимыми.

У России не только сохранился, но и развивается мощный ядерный потенциал сдерживания, нейтрализация которого практически невозможна — естественно, при продолжении его модернизации. Но главное — впервые в многовековой истории страны у неё нет явных противников, которые могли бы ей угрожать. Отсутствуют и политические противоречия с основными мировыми державами, которые были бы чреваты перерастанием в открытую конфронтацию. Таким образом, прямая внешняя угроза резко уменьшилась. Угроза вовлечения в конфликты, их эскалации, напротив, возрастает с возвращением мира в привычное для него состояние хаоса и соперничества.

Но всё-таки главное в современном мире для России — не угрозы и вызовы, а возможности, которые он предоставляет. Новая его открытость, новые рынки расширяют перспективы для всё ещё мощной, находящейся на ключевых геостратегических позициях державы защищать и продвигать свои интересы, интересы россиян. Главный вопрос — сможет ли Россия использовать возможности, предоставляемые окружающим миром. Необходима и направляемая сверху, но поддерживаемая развитой частью общества, его элитой, эффективная модель развития, нацеленная на максимальное использование реальных конкурентных преимуществ страны.

С точки зрения внешнеполитической и особенно внешнеэкономической стратегии современный мир однозначно требует от России частичной, уже запоздавшей, но тем более решительной переориентации на рынки «новой Азии». В первую очередь — через переориентацию мышления от традиционного евроцентризма к пониманию возможностей и вызовов, которые предоставляют восточные рынки, и сдвиг центра мировой экономики и политики в Тихоокеанский регион. Естественно при этом, что связь с Европой должна остаться основой культурно-идеологической ориентации России, как останутся мощными и экономические связи с Европой. Курс на создание собственной интеграционной группировки на базе Евразийского союза должен быть вписан в новую внешнеполитическую ориентацию России. Мы называем эту частичную переориентацию «новой глобализацией России».

Данный доклад не претендует на создание всеобъемлющей концепции развития Сибири и Дальнего Востока. Таких концепций

создано уже немало, и в них много полезного. Но их объединяет одно: они не работают и работать не могут. С точки зрения авторов данного доклада, происходит это по двум главным причинам. Во-первых, они русоцентричны и сходят из потребностей тех или иных отраслей, из общей идеи развития Зауралья, но не учитывают возможностей и ограничений, которые предлагает и ставит внешний мир. Во-вторых, они государственноцентричны и рассчитаны, в первую очередь, на активность государства, которого уже давно нет (типа СССР). А это заведомо не очень эффективно в современной России, в которой любая крупная госпрограмма будет подорвана коррупцией.

В докладе предлагается другая философия подхода к проблеме. Она отталкивается от возможностей, которые предоставляет новая поднимающаяся Азия, и опирается на создание условий для привлечения российского и зарубежного капитала, без которых новое освоение Сибири с опорой на огромные новые возможности, предоставляемые современным миром, невозможно даже при самых благих намерениях.

Наиболее важной задачей России на ближайшие десятилетия будет обеспечение соответствия страны требованиям формирующегося на наших глазах мира XXI века. Этот мир впервые за всю историю человечества становится глобальным как в международно-политическом, так и в экономическом отношении. Центральную роль в этой новой глобализации играет повышение значения Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой экономике, политике и, в ближайшем будущем, культуре до уровня, равного евроатлантическому. В этом новом мире только глобальные державы могут считаться великими. И если Россия хочет остаться великой, что заложено в её генетический код, ей придётся становиться современной глобальной державой — разумеется, не такой, как СССР, — и у неё есть хорошие шансы.

Укрепление и вывод на новый качественный уровень взаимосвязей России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) не являются самоценными либо привязанными к отношениям с тем или иным государством. Экономический и политический выход России в АТР — это необходимое условие её внутренней устойчивости и конкурентоспособности на международной арене. Только достижение подлинного равновесия между западным и восточным векторами российского развития и системы внешних связей позволит говорить о полноценности страны как современной глобальной державы. Естественными конкурентными преимуществами для решения этой задачи являются физическое присутствие России на Тихом и Атлантическом океанах, опыт участия в азиатских делах, сильные военно-стратегические позиции и, наконец, потенциал Сибири и Дальнего Востока.

Усиление восточного вектора, неотъемлемой составляющей которого должен стать комплекс мер по ускоренному развитию Сибири и Дальнего Востока, невозможно без совершенствования торгово-экономических отношений и политического взаимодействия с ведущими странами АТР и, прежде всего, с Китаем, США, Японией, Южной Кореей, без учёта интересов других активных участников региональной жизни. Нарастив своё участие в азиатской, а стало быть и глобальной, политике и экономике, Россия не только сможет воспользоваться открывающимися там возможностями. Стране также придётся искать ответы на целый ряд вызовов, связанных с геоэкономическими и геополитическими последствиями повышения роли Азии в современном мире. Для России эти вызовы имеют как философски-цивилизационный (учитывая традиционную и естественную ориентацию страны на Европу), так и практический, потенциально даже военно-политический, характер.

Во второй половине XX века предшественник России, СССР, стал глобальной державой благодаря коммунистическому мессианству и ядерному оружию. И надорвался. Возможности, открываемые Азией, дают России шанс стать мирной глобальной державой — евроатлантическо-тихоокеанской державой, получить от новой глобализации не издержки, а, по большей части, выгоды. Важную символическую роль, близкую по масштабам и историческому значению к постройке Петром I Санкт-Петербурга, могло бы сыграть в этом строительство на Тихом океане «азиатской столицы» России и перенесение туда из Москвы части столичных функций.

Азия как вызов и Азия как возможность

УСПЕШНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В центре происходящего в последние годы наиболее стремительного за всю историю человечества перераспределения сил в мировой экономике и, в нарастающей степени, в мировой политике находится Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Причиной этого процесса стал бурный экономический рост стран Азии, оказавшихся главными бенефициарами экономической глобализации и коренной перестройки всей системы международных отношений после завершения холодной войны. Исчезновение глобального противостояния СССР и США привело к освобождению стран Азии от необходимости выстраивать внешнеполитическую и экономическую стратегии в зависимости от правил игры, диктовавшихся противостоящими лагерями.

В первую очередь, экономические и, в последние годы, политические успехи стран Азии стали возможными благодаря тому, что Восточная и Юго-Восточная Азия оказалась в начале XXI века единственным регионом мира, характеризующимся последовательным повышением качества и эффективности государственного управления и усиления государства в целом. На фоне мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., практически все государства мира вернулись к политике повышения масштабов прямого и опосредованного вмешательства в экономику. Однако именно страны Азии оказались в наибольшей степени способны к осуществлению такого вмешательства.

Этому способствовали, прежде всего, такие черты менталитета народов стран Азии, в первую очередь Китая, как приверженность решениям, основанным не на идеологических схемах и умозрительных моделях, а на логике здравого смысла и целесообразности. Играет свою позитивную роль и способность азиатских народов к творческому восприятию чужого опыта, высокая, чего не скажешь о большинстве европейцев, степень терпимости к другим традициям и образам мышления, отсутствие убежденности в собственной эксклюзивной правоте, присущая им открытость и любознательность. В основе этого лежит свойственное традиционной китайской философии отрицание возможности постижения истины, дополненное затем конфуцианской этикой труда, уважения к старшим и совершению благих дел. Большое значение имеет то, что в центре экономической и политической стратегии стран Азии находится не стремление к конкуренции с другими странами и народами, а повышение благосостояния и удовлетворенности собственного населения. Данный образ мышления выступает серьезным корректирующим фактором при использовании в странах Азии классических подходов к государственному регулированию экономической деятельности, позволяет использовать полезное и отсекают ненужное или вредное.

В результате азиатский путь развития, впрочем весьма условный, воспринявший существенную часть позитивного западного опыта и адаптирующий его применительно к национальным традициям и условиям, может рассматриваться на современном этапе мирового развития как пример наиболее успешной стратегии повышения конкурентоспособности в мировой экономике. Кроме того, на фоне объективного ослабления эффективности классической демократической модели государственного управления в странах Запада усиливается политическая устойчивость азиатских

государств к вызовам новейшего времени. В большинстве своём страны Азии пока демонстрируют способность более оперативно и эффективно решать возникающие социально-политические проблемы и адаптировать институциональные условия применительно к требованиям времени. Примером здесь может служить постепенное внедрение системы внутренних сдержек и противовесов, в том числе на внутривластной уровне, в государственном управлении Китая.

Другая важнейшая причина успеха — умение воспользоваться происходящей в последние десятилетия либерализацией мировой экономики и финансов и растущей демократизацией международных отношений, лишившими старые крупные державы возможности навязывать свои интересы силовыми методами. Страны Азии, в первую очередь Китай, воспользовались «ядерным патом» и невозможностью в условиях ядерного паритета рисковать развязыванием большой войны, которой обычно в истории сопровождалась или предотвращалась крупные сдвиги в соотношении сил.

Существенно повысившаяся за последние годы международно-политическая самостоятельность стран Африки и Латинской Америки, потеря к ним интереса со стороны США и России способствуют и будут способствовать проникновению в данные регионы китайского и другого азиатского капитала, за которым следует усиление политических позиций КНР в странах «третьего мира», увеличение числа государств, лидеры которых внимательно прислушиваются к мнению Пекина.

Эти стратегические достижения и преимущества не исключают, однако, того, что в будущем страны Азии сами будут сталкиваться с необходимостью решения целого ряда сложнейших проблем внутреннего и регионального развития. Отчасти эти проблемы связаны с действием внутренних факторов, отчасти — с выходом на поверхность исторических противоречий, а также всё более активным участием в региональных делах крупных мировых держав, в первую очередь США, провозгласивших наращивание присутствия в Азии приоритетом своей внешнеполитической стратегии на ближайшие годы. Видимо, такое перенацеливание направлено против восстановления в Восточной и Юго-Восточной Азии веками существовавшей системы лидерства Китая, являющегося культурным и экономическим центром региона. **Налицо, похоже, необратимая тенденция к интернационализации и глобализации внутрирегиональных проблем. В их разрешении и придании им позитивного характера могла бы и должна принять участие Россия.**

Также в международном плане важным вызовом становится фактическое отсутствие потенциала развития интеграционных отношений в регионе. По мнению большинства специалистов, возможности углубления интеграции в таких форматах, как АСЕАН, уже исчерпаны, и любые дальнейшие попытки здесь сталкиваются с различиями внутривластного устройства, не позволяющими перейти к формированию совместных институтов принятия решений, а также с историческими конфликтами, недоверием и в ряде случаев территориальными противоречиями.

Ещё более заметны пределы региональной интеграции в двусторонних отношениях Китая и других стран Азии, особенно Юго-Восточной. Всё более выпуклой становится проблема растущих опасений по отношению к Китаю со стороны других государств Восточной и Юго-Восточной Азии. В таких условиях и при достаточно активном вмешательстве в региональные дела внешних сил все инициативы КНР, направленные на повышение качества экономического взаимодействия со своими соседями, не вызывают у потенциальных партнёров большого энтузиазма.

К числу потенциальных сложностей внутреннего развития, в первую очередь Китая, относятся адаптация существующей модели государственного управления к вызовам информационной открытости. Проводимая властями и пока эффективная политика контролируемого доступа в Интернет и ограничения на территории страны действия целого ряда значимых сегментов информационного общества, поддержка их местных, контролируемых сверху аналогов все чаще сталкивается с попытками населения обойти существующие правила. Тем более что институты информационного общества также становятся в последнее время предметом активного внимания государств, реализующих политику «скрытого сдерживания» КНР в региональном и глобальном масштабах.

В других ведущих азиатских государствах, особенно в Корее и Японии, негативную роль играет снижение рождаемости, старение населения и неготовность, ввиду специфики менталитета, к восприятию и ассимиляции больших масс трудовых иммигрантов. Для Китая, отметим, данная проблема, в силу исторической традиции безболезненной для местной культуры, языка и обычаев ассимиляции больших масс инородного населения, вряд ли когда-нибудь обретёт практические черты. Тем более что официальный Пекин уже отреагировал на тенденцию к старению населения через постепенный отход от практиковавшейся десятилетиями политики «одна семья — один ребёнок».

Но и в Китае всё более заметное место занимает необходимость решения социальных проблем, провоцирующих, по разным данным, тысячи, если не десятки тысяч, частных проявлений социально-политической нестабильности. Вызовом, особенно для Китая, становится количественный рост потенциально политически активного среднего класса, интересы и ценности которого необходимо принимать во внимание.

Отдельным риском в сочетании с последовательным увеличением количества городского студенчества, традиционно представляющего наиболее «бунтарскую» часть общества, может оказаться порождаемый экономическими успехами рост националистических настроений, особенно среди молодёжи. Это потенциально может привести к осложнениям в отношениях Китая с такими партнёрами, как Япония и Вьетнам, и отчасти даже Корея и Россия. Кроме того, повышение самооценки китайского населения на фоне роста его достатка способно спровоцировать новую волну в развитии ханьского национализма, что негативно скажется на проводимой Пекином политике выравнивания развития восточных и западных (Тибет и Синьцзян-Уйгурский автономный район) регионов страны.

Все эти объективные риски и вызовы, тем не менее, пока — на нынешнем этапе мирового развития — не могут нивелировать объективные преимущества азиатской модели государственного управления и социально-экономического развития. Тем более на общем фоне кризиса традиционных экономических и политических институтов на Западе, снижения там доверия граждан к доминирующим элитам, неприспособленности сложившейся модели развитой демократии и необходимости её болезненного приспособления к новой остроконкурентной международной среде.

РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Физическим фундаментом повышения роли стран Азии в мировых делах является их поступательное экономическое развитие. **Уже в течение почти двух десятилетий страны Азии, прежде всего Китай, Индия и страны АСЕАН, демонстрируют наиболее высокие темпы экономического роста в мире и являются главным двигателем мировой экономики.** Следствием этого экономического подъёма является неуклонный рост благосостояния населения, экономическая экспансия и повышение роли региона в мировой экономике и в мировой политике. По величине ВВП по ППС Китай в настоящее время — вторая экономика мира, Япония — третья, Индия — четвёртая, Республика Корея — тринадцатая. Только азиатские страны смогли сохранить высокие темпы роста в ходе мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., став основным локомотивом по выводу мировой экономики из рецессии. Очевидно, что они и в дальнейшем будут расти, хотя, вероятно, и с замедлением. Если в настоящее время на ВВП стран Азии приходится порядка трети мирового ВВП, к 2050 г. их доля может превысить 50%.

По итогам 2011 г. темпы роста развивающихся стран Азии по-прежнему остаются самыми высокими в мире. Эти государства являются на сегодня фактически единственным локомотивом мировой экономики. Помимо агрегированного показателя валового внутреннего продукта азиатские страны уже сегодня располагают ресурсами, которые обеспечат их выгодное положение в мировой экономике в средне- и долгосрочной перспективе: речь идёт об уровне золотовалютных резервов и валовых сбережениях. По уровню золотовалютных резервов (по данным на 31 декабря 2010 г.) первое место занимает Китай (\$ 2876 млрд), второе — Япония (\$ 1063 млрд). В десятку экономик лидеров также входят Тайвань (Китай), занимающий 5-е место (\$ 387,2 млрд), Южная Корея — 6-е место (\$ 291,6 млрд), Индия — 8-е место (\$ 287,1 млрд) и Гонконг (Китай), расположившийся на 10-м месте (\$ 268,7 млрд).

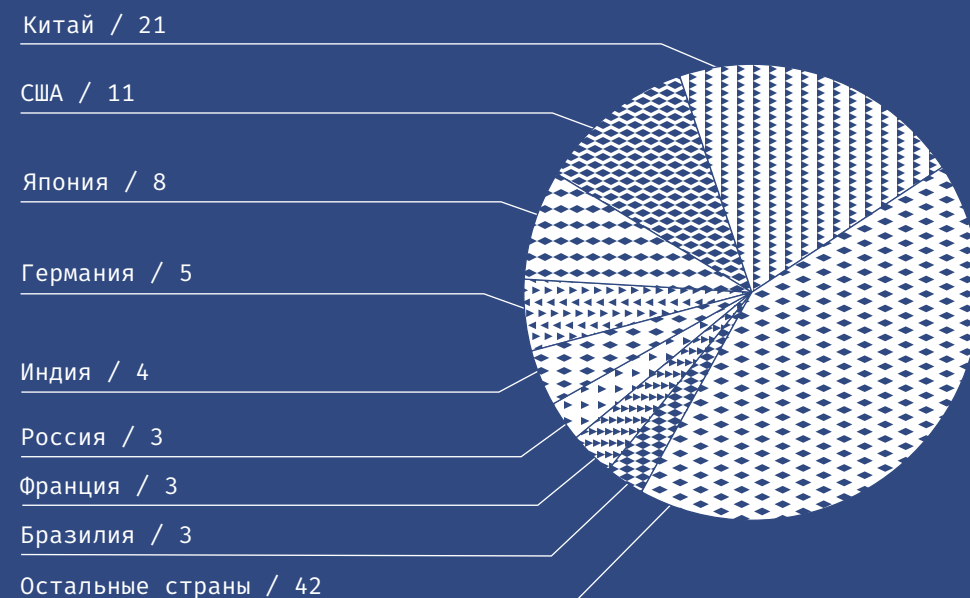
Что касается валовых сбережений, которые на практике определяют инвестиционный потенциал, то и здесь азиатские страны также занимают лидирующие места. Первое место с колоссальным отрывом принадлежит Китаю (\$ 3064 млрд, доля — 20,7%). Помимо него в десятку стран, располагающих наибольшими валовыми сбережениями в абсолютном выражении, входят Япония (3-е место, \$ 1167 млрд), Индия (5-е место, \$ 545 млрд) и Южная Корея (10-е место, \$ 324 млрд). На эти четыре азиатские страны приходится 34,5% совокупных мировых сбережений. Для сравнения: доля Европейского союза — 21,4%, США — 11,3%. Помимо абсолютных показателей Китай и Индия демонстрируют очень высокие относительные показатели: доля сбережений в ВВП этих стран в 2010 году составила 53% и 34%, соответственно.

В рейтинге экономик с наибольшими темпами прироста промышленного производства в 2010 году — восемь из десяти экономик Восточной Азии. Первое место занял Сингапур (29,7%), 3-е — Тайвань (Китай, 26,9%), 4-е — Филиппины (23,2%), 6-е — Лаос (17,7%). Южная Корея (7-е место) и Япония (8-е) отметились 16,6% прироста. Китай и Таиланд замыкают десятку лидеров с результатами 15,7% и 14,4%, соответственно.

Сейчас номинальный ВВП Китая составляет \$ 7,3 трлн. За последние 30 лет ВВП Китая вырос примерно в 30 раз и сейчас является вторым в мире, уступая только американскому. ВВП по ППС Китая превысил в 2010 г. \$ 10 трлн. Ранее считалось, что Китай обгонит США по ВВП и займёт по этому показателю первое место в мире к 2025–2030 г., однако прогнозы МВФ

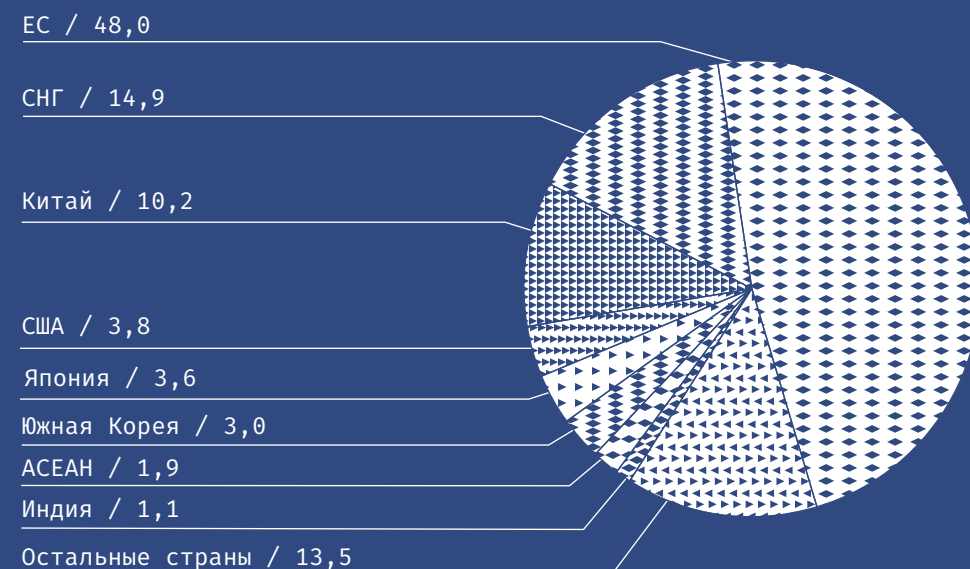
Структура мировых сбережений и торговые партнёры России в 2010 г. (%)

Структура мировых сбережений

Источник: Департамент по социальным и экономическим вопросам ООН

Доли стран мира в товарообороте России

Источник: Федеральная таможенная служба РФ

за 2011 г. указывают, что это, видимо, случится уже к концу второго десятилетия XXI века. С 1991 г. средний годовой прирост ВВП Китая составил свыше 10%. Такие темпы прироста ВВП не показывала больше ни одна страна мира. Даже в кризисный 2008 г. Китаю удалось сохранить показатель прироста ВВП на уровне 9,6% — самый высокий в мире, а в 2010 г. темп прироста ВВП вновь превысил 10%. С 1991 по 2010 г. душевой ВВП по ППС вырос более чем в 5 раз — с 422 до 2425 (в долл. США на 2000 г.). При этом пока в перечне стран мира по душевому ВВП по ППС Китай занимает лишь 92-е место (2011 г.), однако с каждым годом поднимается в этом списке всё выше.

Не менее стремительно растёт степень участия Китая в международной торговле. С 2000 по 2010 гг. объём экспорта вырос в 5 раз (с \$ 280 млрд до \$ 1422 млрд в ценах 2000 г.), объём импорта — в 4 раза (с \$ 251 млрд до \$ 1060 млрд в ценах 2000 г.), внешнеторговый оборот — почти в 5 раз. Если в 2003 г. Китай занимал 5-е место в мире по объёму экспорта, то в 2009 г. впервые вышел на 1-е место. По объёму импорта Китай также обогнал в 2010 г. Германию и вышел на 2-е место, уступая лишь США.

Одним из факторов достижения таких высоких экономических показателей является крупнейшая в мире численность населения, которая составляет 1 млрд 348 млн человек (более 20% населения Земли). Устойчивый и при этом контролируемый рост населения, повышение его грамотности и уровня образования показывают, что в ближайшие десятилетия Китай сохранит позиции главного экспортёра и рынка сбыта в мировой экономике.

В определённой степени переломным моментом в понимании новой роли Азии как локомотива мировой экономики стало смещение Китаем Японии, одной из наиболее развитых стран мира, на третью позицию мирового рейтинга по объёму ВВП. По сравнению с беспрецедентным ростом в период 1960–1980-х гг. сегодняшнее экономическое положение Японии выглядит, безусловно, проигрышным. На фоне экономического бума последних двадцати лет в соседних азиатских странах Японию даже стали часто воспринимать как «слабое звено» Азии.

С 1992 г. вплоть до 2010 г. годовой прирост ВВП Японии ни разу не превышал 3% (в 2010 г. прирост составил 4%, что можно объяснить эффектом послекризисного восстановления), а среднее его значение за этот период составило чуть более 1%. При этом Япония была и остаётся одной из наиболее уязвимых стран в периоды кризисов. Так, в 1998 г. её ВВП упал более чем на 2%, а в 2009 г. — на 6,3%. Слаба динамика душевого ВВП Японии: он с 1990 по 2010 г. вырос всего на 21%, что явилось одним из худших результатов среди развитых стран. Серьёзный удар по экономике Японии нанесла авария на АЭС «Фукусима». Кроме непосредственного экономического эффекта вероятно ухудшение ситуации в энергетике страны и, как следствие, ухудшение общего инвестиционного климата.

Однако абсолютные показатели не позволяют «списывать» японскую экономику, которая по-прежнему остаётся одной из крупнейших и технологически наиболее развитых в мире и, по самым пессимистичным прогнозам, не выйдет из пятёрки лидеров вплоть до 2050 года. Номинальный ВВП Японии (\$ 5,9 трлн) позволил стране в 2010 г. занять третье место в мире, уступив вторую строчку Китаю. По ВВП по ППС Япония также входит в тройку лидеров (после США и Китая) с показателем \$ 4,4 трлн. Быстрее, чем ВВП, растёт участие Японии в международной торговле. Несмотря на негативное влияние экономических кризисов, японский экспорт с 1990 по 2010 г. вырос почти в 2,6 раза, а импорт — в 1,7 раза.

По показателю ВВП по ППС на душу населения (\$ 34,7 тыс.) Япония занимает 23-е место в мире, что для страны с населением 127,8 млн человек — весьма высокий результат. В целом в долгосрочной перспективе демографическая ситуация в Японии будет резко отличаться от положения в остальных азиатских странах: Япония стала единственной азиатской страной, где с 2008 г. ежегодно фиксируется абсолютная убыль населения (–0,8% в 2010 г.), и его увеличения в ближайшее десятилетие ждать не приходится. Уязвимость в кризисные периоды и замедление темпов экономического роста, усугублённые трагедией Фукусимы, приводят к тому, что по большинству основных экономических показателей Япония теряет свои позиции относительно Китая, но остаётся важным участником глобальной экономики, в том числе благодаря активной инвестиционной политике за рубежом.

Индия — быстрорастущая экономика, активно интегрирующаяся в мировую экономическую систему и за счёт этого чрезвычайно привлекательная для инвесторов и торговых партнёров. Главными ограничениями являются неконтролируемый рост численности населения, стабильно высокий процент неграмотных (более 40%), сохраняющаяся кастовая система, полудемократическая политическая система, не дающая возможностей для форсированного развития. Всё это обуславливает чрезвычайно медленное увеличение душевых доходов и неизбежное отставание в темпах роста от Китая.

Сейчас ВВП Индии составляет \$ 1,68 трлн, по этому показателю страна занимает 11-е место в мире. По ВВП по ППС (\$ 4,4 трлн в 2011 г.) Индия занимает 4-ю позицию. С 1990 по 2008 г. он вырос в 5,5 раза — средний ежегодный прирост ВВП составлял более 6%. При этом последний этап роста начался в 2003 г., когда в течение пяти лет индийская экономика росла более чем на 8% в год. Кризис замедлил рост ВВП до 4,9% в 2008 г., однако уже в 2009 г. произошло возвращение к высоким темпам роста — 6,7%. Темп роста ВВП в 2010 г. достиг 10,6%. За последние 20 лет Индия существенно увеличила свою долю в валовом объёме международной торговли. С 2000 по 2010 г. объём экспорта увеличился в 6,1 раза, с 1990 по 2010 г. — в 16,5 раза. Увеличение объёма импорта за эти же периоды составило, соответственно, 3,6 и 12,9 раза. За один лишь 2010 г. экспорт вырос по сравнению с 2009 г. на 36%. Внешнеторговый оборот с 1990 по 2010 г. вырос в 15,4 раза.

Номинальный ВВП 10 стран-членов АСЕАН за 2010 г. равнялся \$ 1,87 трлн, ВВП на душу населения — \$ 3111. Внешнеторговый оборот в 2010 г. составил \$ 2,1 млрд, а положительное сальдо торгового баланса равнялось \$ 72 млрд. С 2004 по 2008 г. ВВП АСЕАН увеличился в 2 раза. Последствия кризиса выразились в незначительном снижении ВВП на 0,01 % в 2009 г., однако в 2010 г. прирост ВВП превысил 8%. Население АСЕАН растёт со скоростью 1,4 % в год и составляет на текущий момент 599,6 млн человек.

ВВП Индонезии с 2000 г. рос в среднем на 5,2 % в год и в 2011 г. равнялся \$ 845 млрд. Таким образом, за 10 лет он вырос в 4,4 раза, и сейчас по этому показателю страна занимает 18-е место в мире. Даже в кризисный 2009 г. был зафиксирован рост ВВП на 4,6%, а в 2011 г. он достиг 6,4%. ВВП по ППС на душу населения в 2011 г. составил лишь \$ 466, увеличившись с 2000 г. в 2 раза. По этому показателю Индонезия занимает лишь 122-е место в мире. Объём внешней торговли Индонезии в 2000 г. составил около \$ 244,6 млрд, а в 2010 г. достиг \$ 328,4 млрд. Из них \$ 174,9 млрд пришлось на экспорт и \$ 153,5 млрд — на импорт. И по объёмам экспорта, и по объёмам импорта Индонезия занимает 28-е место в мире. Экспорт достаточно низкотехнологичен, его основные статьи приходятся на нефть, нефтепродукты и каучук.

Население Индонезии в 2011 г. составило 241 млн человек (4-е место в мире по численности населения). Прирост населения составляет лишь 1 % в год, однако по абсолютному приросту страна занимает 6-е место в мире: численность населения Индонезии увеличивается на 2,5 млн человек в год.

Не менее динамично, чем Индонезия, развивается Малайзия. Население Малайзии составляет 28,7 млн чел. Прирост стабильно снижался и в 2009–2010 гг. и не превышал 1,6–1,8 % в год, что существенно ниже показателей 2–3 %, наблюдаемых в предыдущие годы. ВВП составляет \$ 278,7 млрд, страна занимает по этому показателю 36-е место в мире. По ВВП по ППС (\$ 447,2 млрд) Малайзия занимает 28-е место в мире. В 1990-е гг. страна демонстрировала ежегодные темпы прироста ВВП на уровне 9–10 %, однако в период азиатского финансового кризиса последовало резкое падение. Начиная с 2002 г. вновь наблюдался устойчиво высокий рост ВВП на уровне 5–6 % в год. Мировой кризис привёл к падению ВВП на 1,6 % в 2009 г., однако в 2010 г. экономика показала рост на рекордные для последнего десятилетия 7,2 %. Душевой ВВП по ППС в Малайзии — \$ 15,6 тыс. Это позволяет ей занимать лишь 57-е место в мире, однако с каждым годом в этом списке Малайзия поднимается все выше. Малайзия — страна, активно участвующая в мировой торговле. Её товарооборот составил \$ 421,2 млрд в 2010 г.: экспорт — \$ 231,7 млрд (21-е место в мире), импорт — \$ 189,5 млрд (26-е место в мире). Экспорт из Малайзии сочетает в себе сырьевые товары (нефть и нефтепродукты, древесина, пальмовое масло) и высокотехнологичные товары (электроника, продукция химической промышленности).

Республика Корея — одна из наиболее развитых стран Азии и единственный, кроме Японии, азиатский член ОЭСР. ВВП страны по ППС — \$ 1,55 трлн (13-е место в мире). После периода быстрого экономического роста в 1990-е гг. (средний темп годового прироста ВВП составлял 7,5 % в год) последовал резкий спад, вызванный азиатским финансовым кризисом, а затем не менее резкий восстановительный рост. С начала 2000-х гг. страна демонстрирует устойчивые темпы прироста ВВП в среднем на уровне 4,5 % в год. Мировой финансовый кризис негативно сказался на корейской экономике, однако ей удалось сохранить рост ВВП в 2009 г., но лишь на уровне 0,3%. Прирост ВВП в 2010 г. составил 6,2 %. ВВП по ППС на душу населения в Корее — один из самых высоких в Азии (\$ 31,7 тыс.) и 29-й в мире. С 2000 по 2010 г. он вырос почти на 70 %, а с 1990 г. — в 3,6 раза. Экономика Кореи — одна из самых высокотехнологичных в Азии. Так, среди основных отраслей специализации значатся высокотехнологичная электроника, автомобиле- и судостроение. Корея является активным участником международной торговли. Её товарооборот составляет \$ 1063,3 млрд, причём с 1990 г. он вырос более чем в 9 раз. И по объёму экспорта (\$ 547 млрд, и по объёму импорта (\$ 516,3 млрд) Корея входит в число ведущих пятнадцати государств мира. Численность населения в Корее в последние 20 лет находится на стабильном уровне, средний ежегодный прирост в 1990-е гг. составил 0,9 %, а в 2000-е гг. — 0,3%. Численность населения Кореи — 49 млн чел.

В последнее время рост азиатских экономик приобретает не только количественное, но и качественное выражение. Ведущие развивающиеся страны Азии заметно диверсифицируют свои экономики, создавая основу для более стабильного и качественного экономического развития. Происходит быстрый рост их внутренних рынков и внутреннего потребления, что существенно снижает зависимость от мировой экономической конъюнктуры и, прежде всего, от колебаний экономической ситуации в развитых странах.

Китай и Индия опережающими темпами наращивают инвестиции в образование, науку, в том числе фундаментальную, и инновации, а также осуществляют масштабную модернизацию своей производственно-технической базы. В результате эти страны, сохраняя за собой сегмент «примитивного» производства товаров широкого потребления, наращивают свою долю на рынках производства высокотехнологичной продукции и продукции высокой степени переработки.

При этом Индия специализируется, прежде всего, на производстве программного обеспечения и фармацевтических средств, Китай — на производстве всё более высокотехнологичных машин и оборудования. Сингапур является признанным мировым лидером инноваций. По степени инновационности экономики и общества Сингапур опережает даже такую страну, как США.

В 2006 г. Китай занял первое место в мире по доле экспорта высокотехнологичной продукции на мировой рынок (его доля равнялась 16,9%, в то время как доля США была 16,8%, ЕС — 15%, Японии — 8%). Стоит отметить, что переломным по данному показателю был 2003 г., когда Китай обогнал Японию, приблизившись к доле США и ЕС, а к 2006 г. он уже вышел на первое место в мире. Значительное место в экспорте высокотехнологичной продукции занимают малые азиатские экономики. Доля Сингапура и Гонконга (Китай) составила в 2006 г. 7,8% и 6,8%, соответственно. Доля Индии равнялась 1%. К 2009 г. Китай достиг показателя в 21% от мирового экспорта высокотехнологичной продукции (включая Гонконг). На втором месте остались США с долей 13,6%. Далее следуют Германия (7,0%), Япония (4,2%) и Сингапур (4,1%). По доле высокотехнологичной продукции в экспорте в 2010 г. лидируют страны-члены АСЕАН: Филиппины (67,8%), Сингапур (49,9%) и Малайзия (44,5%). В Китае этот показатель равен 27,5%, в Индии — 7,2%.

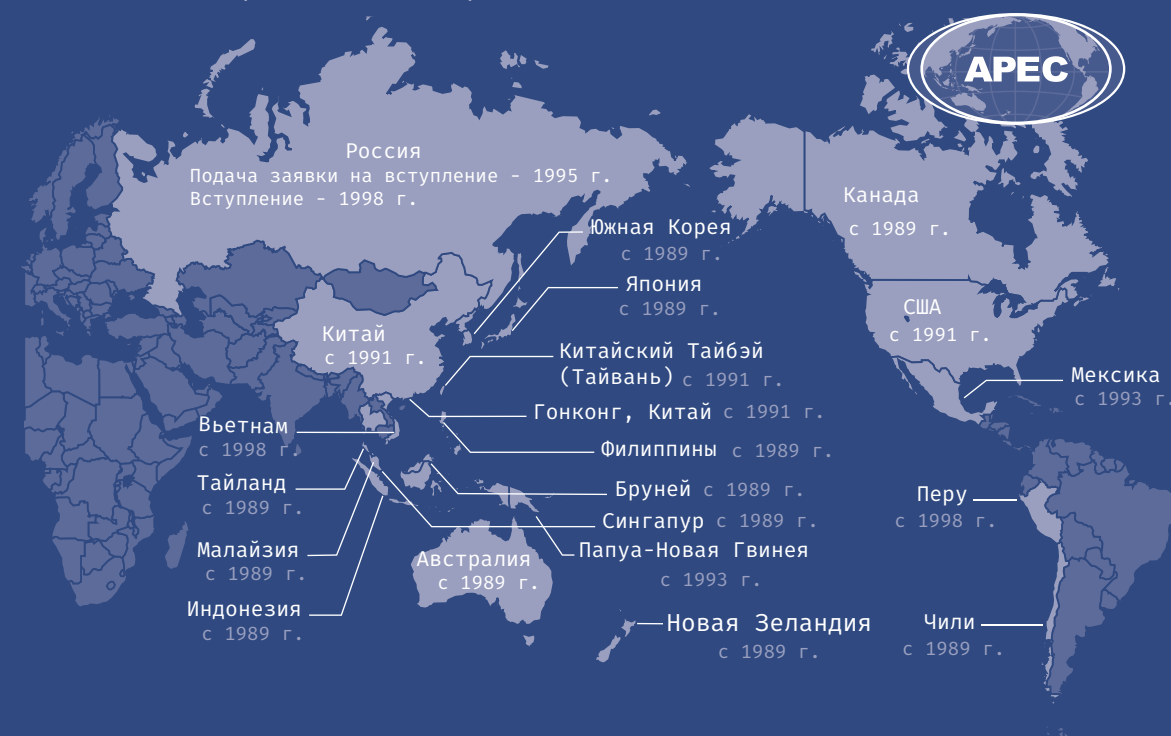
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В АЗИИ

Как уже отмечалось выше, опираясь на экономические достижения, страны Азии, в первую очередь Китай, смогли существенно увеличить масштабы своего международно-политического влияния. Это увеличение имеет как глобальное, так и сугубо региональное измерение и ведёт к объективному снижению влияния ведущих стран Запада, в первую очередь США, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, провоцирует на Западе опасения по поводу стремления Китая к региональному доминированию. У Китая вызывают подозрения и раздражение все более явные попытки ограничить рост его влияния. Наиболее очевидная иллюстрация — это поддержание контролируемой напряжённости в Южно-Китайском море. Но и в Китае часто звучит, правда не с высоких трибун, великодержавная риторика. **Результатом становится нарастание соперничества в отношениях между Китаем и США и приобретение Азиатско-Тихоокеанским регионом признаков центра главного глобального конфликта**, сравнимого — разумеется, не по форме и глубине, а по сути — с Евроатлантикой времён холодной войны. Тем более что в современных условиях и под влиянием заметного на Западе запроса на «идеологического противника» отношения Китай–США начинают приобретать характер противостояния альтернативных политико-экономических моделей.

Резкое усиление Китая объективно создаёт вокруг него вакуум безопасности — ощущение соседних государств, что Китай им угрожает, — даже если такой угрозы ни объективно, ни субъективно нет. Это ощущение порождено не столько силой или намерениями Китая, сколько относительной слабостью соседей. Этот вакуум ведёт к повышению чувствительности

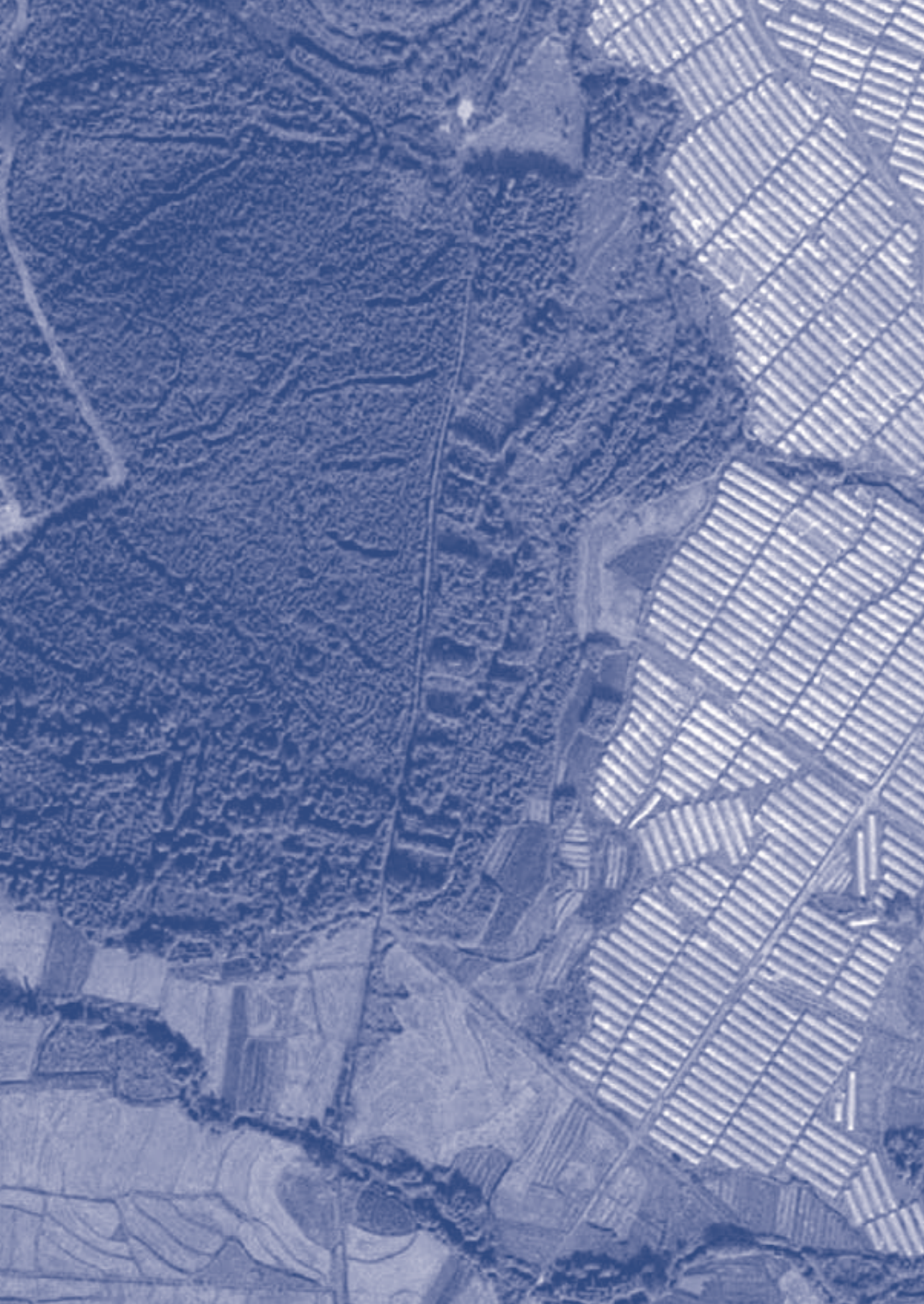
Азиатско-Тихоокеанский форум экономического сотрудничества

АТЭС — одна из крупнейших региональных экономических организаций; образована в 1989 г.

АТЭС в цифрах: 21 участник, 42% населения земли, 53% мирового ВВП, 44% мировой торговли

Источник: МВФ, Обзор мировой экономики, апрель 2012

в отношении нерешённых микропроблем, в частности в Южно-Китайском море. Налицо стремление внешних сил, прежде всего США, с согласия части региональных держав заполнить этот вакуум «против Китая» с помощью как политико-экономических, так и военно-политических инструментов. Если гонка вооружений в сфере ПРО и развёртывается, то не столько в Европе, сколько в Тихом океане, в частности вокруг Китая. Явно просматривается опасность милитаризации региональной политики и развёртывания региональной гонки вооружений.

Пока США не собираются перенацеливать свой потенциал обычных вооружённых сил на Китай. Если в начале 2000-х гг. военное присутствие США в Тихоокеанском регионе оставалось стабильным, то в середине прошлого десятилетия оно даже начало снижаться, и наиболее резкое сокращение военного присутствия произошло после прихода в Белый дом демократической администрации Б. Обамы: с 68 тыс. военных в 2008 г. до 45 тыс. в 2009 году (по данным министерства обороны США).

И хотя в 2009–2010 гг. возобновился повышательный тренд по числу военных, находящихся в регионе, и за 2011 г. число американских военных в регионе выросло до 53 тыс. человек, эта цифра пока невелика. Сейчас структура вооружённых сил США в Тихом океане выглядит так: 20 тыс. приходится на корпус морской пехоты, 18 тыс. — на ВМФ, 13 тыс. — на ВВС, а оставшиеся 2 тыс. приписаны к армии США. В Европе расположена большая группировка американских войск, насчитывающая 81 тыс. человек.

Пока напряжённость в отношениях Китая и США амортизируется колоссальными масштабами экономической взаимозависимости, в разрушении которой не заинтересована ни одна из сторон. За 10 лет, с 2001 по 2010 г., торговый оборот между США и Китаем вырос почти в четыре раза и на настоящий момент — это крупнейший двусторонний сегмент международной торговли, общий объём которого составляет \$ 456 млрд. Американский экспорт в Китай вырос за последнее десятилетие в 4,5 раза, китайский экспорт в США — более чем в 3,5 раза.

При этом с каждым годом возрастает отрицательный для США торговый баланс в двусторонней торговле, и к настоящему моменту он достиг астрономической цифры в \$ 273 млрд. Вместе с тем структура торговли двух стран вовсе не напоминает, как это было раньше, структуру торговли развитой страны с развивающейся. Основу китайского экспорта на настоящий момент составляют отнюдь не традиционно связываемые с Китаем товары широкого потребления: крупнейшая группа товаров из этой категории (игрушки и спортивный инвентарь) занимает лишь 4-е место в товарной структуре китайского экспорта. Главными статьями китайского экспорта стали электроника, продукция энергетического машиностроения, а также станки и оборудование. Отметим, что те же самые товары преобладают и в американском экспорте в Китай.

Весьма скромно на первый взгляд выглядят отношения Китая и США в сфере инвестиций. Сейчас Китай является крупнейшим импортёром прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире, и только в 2010 г. совокупный объём ПИИ в КНР составил более \$ 100 млрд. При этом на США приходится лишь совсем малая их часть — порядка 1,5 %, и эта доля, как и абсолютный размер инвестиций, с каждым годом снижается.

Последнее может быть связано как с отсутствием в Китае условий для деятельности спекулятивного капитала, что выгодно отличает его от, например, России, так и со стремлением властей США контролировать и без того колоссальное значение КНР для американской экономики.

Китай, в свою очередь, является главным внешним инвестором в американскую экономику, причём речь идёт как о частных, так и о государственных инвестициях. Накопленные ПИИ из Китая в США достигли к началу 2010 г. \$ 791 млрд, в то время как аналогичный показатель по американским инвестициям в Китай остаётся на уровне лишь \$ 50 млрд.

Пока, по мнению большинства экспертов, вектор развития китайско-американских отношений остаётся открытым, и их эволюция зависит от множества факторов внутривнутриполитического развития США и КНР и развития международной обстановки. Влиять на развитие этой обстановки может и Россия. Учитывая то, что Китай и отчасти США уже явно тягостятся ситуацией «гарантированного взаимного уничтожения» в валютно-финансовой и экономической сферах, борьба за лидерство может приобрести и более жёсткий характер.

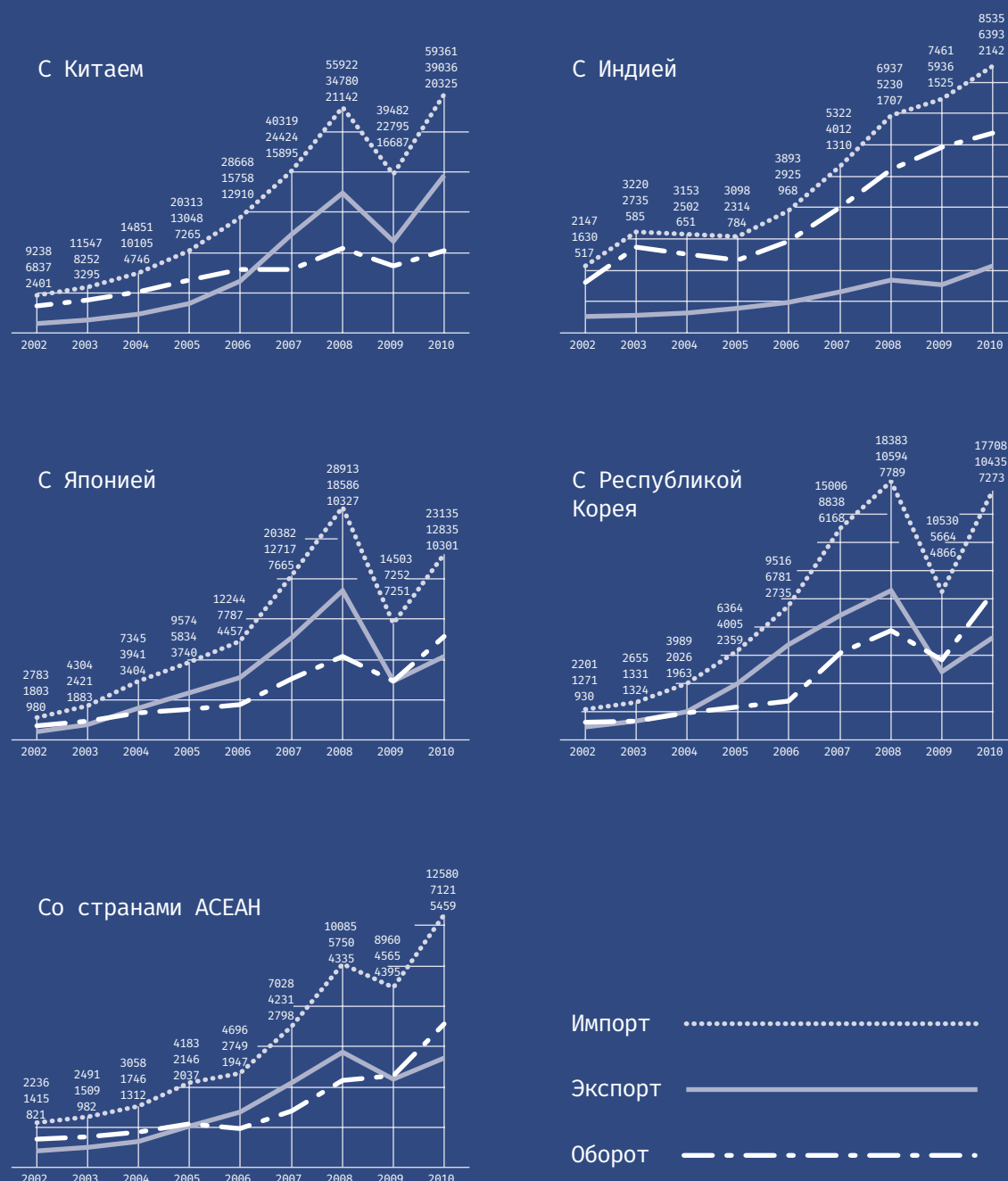
РОССИЯ И ЕЁ ОТНОШЕНИЯ С АЗИЕЙ

На этом международно-политическом фоне возникновение во многом искусственной дихотомии и необходимости выбора между условными западной и азиатской моделями становится всё более важным вызовом внутреннего развития России и её внешней политики. При безусловном сохранении общей цивилизационной принадлежности страны к Европе и невозможности полноценного восприятия азиатской модели социально-политической организации общества соблазн более активного восприятия успешного опыта стран Азии сможет в будущем создать объективные трудности при выработке национальной модели развития.

В практическом же плане разноразнообразие сценариев развития отношений между США и Китаем при сохранении роста двусторонней конкуренции в качестве доминирующей тенденции может привести к необходимости модификации географических приоритетов стратегии национальной безопасности России, включая строительство и дислокацию вооружённых сил. Пока азиатский регион не несёт в себе угроз, которые были бы сопоставимы по масштабам с прошлым западным или нынешним южным направлениями, либо не рассматривается в качестве потенциального источника серьёзной озабоченности на уровне восприятия российской элитой и общественным мнением. Хотя в ней силён часто неадекватно артикулируемый страх перед Китаем, имеющий, правда, тенденцию к уменьшению. В значительной степени он унаследован из далёкого прошлого, ещё более — от страха советских геронтократов перед «жёлтой опасностью». Но главное, он — результат ощущения российской слабости в Азии, порождённой, в том числе, отсутствием внятной, открывающей позитивные перспективы российской стратегии в Азии, особенно в отношении Сибири и Дальнего Востока. Этот регион не часть мегапроектов, продвигаемых Российским государством (Олимпиада, Северный и Южный потоки, развитие Северного Кавказа и т.д.).

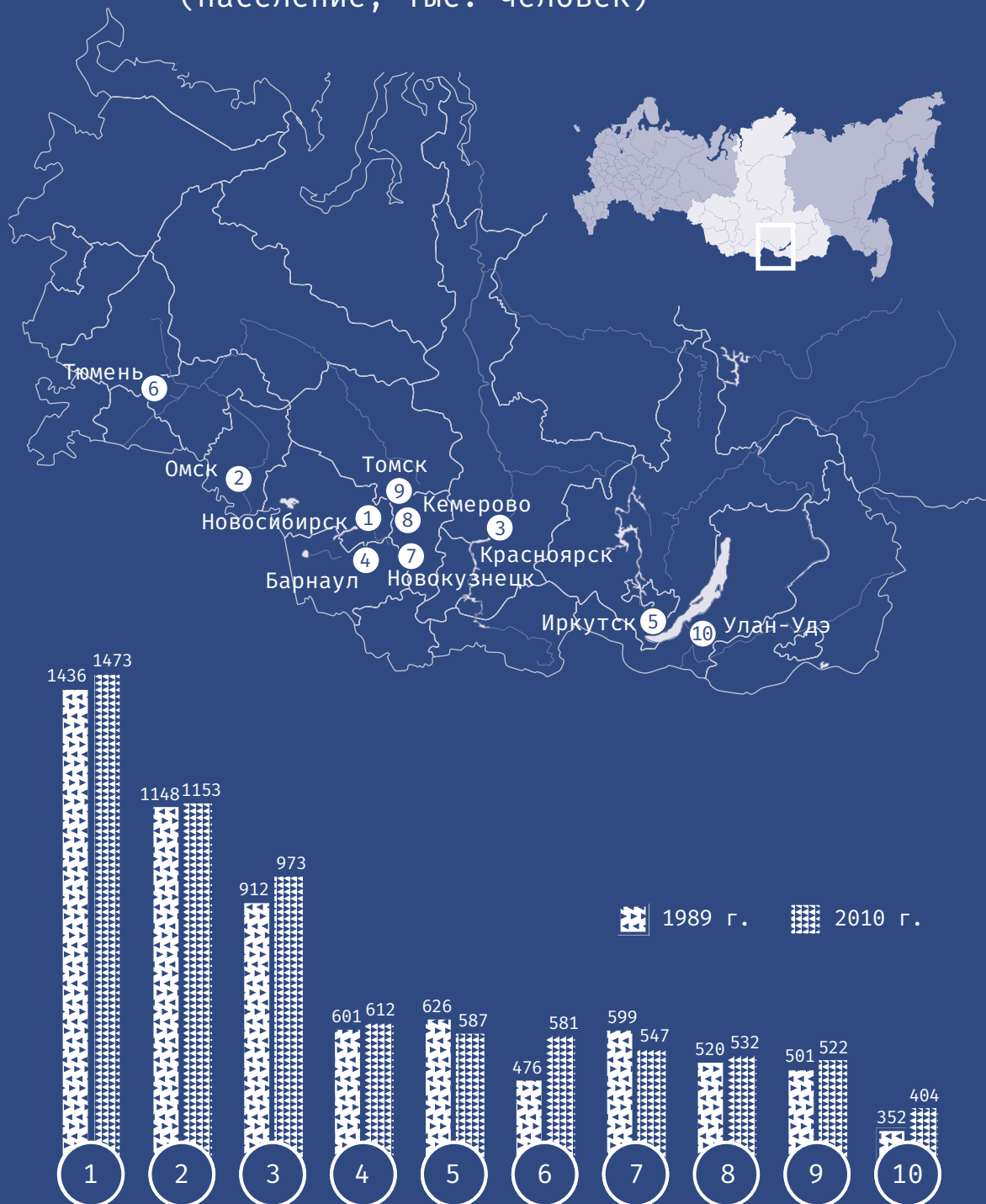
Между тем, восток страны уже давно не глубокий тыл в противостоянии с Западом, и России придётся искать ответы на вызовы сугубо практического характера. К числу этих вызовов может относиться начало ограниченной гонки вооружений между Китаем и США, в центре которой будут находиться военно-морские силы и развёртывание Вашингтоном на китайском направлении системы противоракетной обороны (ПРО). Возможно обострение северокорейской проблемы, эскалация недоверия и территориальных противоречий между Китаем и Вьетнамом, нарастание трений между растущим Китаем и слабеющей Японией.

Динамика торгово-экономических отношений России в период 2002-2010 гг., \$ млн

Источник: Росстат

Крупнейшие города Сибири (население, тыс. человек)

Примечание: границы Сибирского федерального округа представлены на момент написания доклада

Источник: Росстат

Относительное ослабление Японии и её способности эффективно защищать свои интересы на фоне северокорейской ядерной проблемы, усиления Китая, а также возможной милитаризации политики в Восточной Азии может уже в обозримой перспективе (5–10 лет) поставить на повестку дня вопрос о переходе страны от «порогового статуса» (способности производить ядерное оружие) к его обладанию. Блокирование части этих угроз может стать предметом сотрудничества России, Китая, США, Японии, других государств. Динамика позиций Японии в регионе объективно толкает её и к сближению с Россией. Этому же в среднесрочной перспективе способствует фактическое прекращение Россией торга по поводу Южно-Курильских островов, хотя это и вызывает понятное недовольство в Токио, привыкшем строить свою политику вокруг возможности их «возвращения». Сближению позиций способствует и неурегулированность северокорейской ядерной проблемы, беспокоящей обе страны.

Сейчас Россия уже играет роль «фонового» фактора развития военно-стратегической ситуации в Азии. Ядерный паритет России и США исключает большую войну в мире, в том числе в Азии, и по-прежнему обеспечивает своего рода стратегическое «прикрытие» экономического рывка Китая. Вместе с тем Россия не может пока выступать в качестве полноценного балансира между Китаем и США (Западом) в АТР, оставляет их один на один, что не может стабилизировать региональную ситуацию в сфере безопасности. В будущем способность России выступать в качестве эффективного игрока на Тихом океане будет обусловлена в первую очередь не только военно-стратегическими возможностями, а реализацией целого комплекса мер, направленных на выравнивание западного и восточного векторов развития страны и её вовлечённости в международные дела.

Пока Россия, которая имеет все предпосылки для того, чтобы стать полноценной азиатско-тихоокеанской державой, не смогла выработать комплексную стратегию, необходимую для реализации этой задачи. Азиатско-Тихоокеанский регион, несмотря на активизацию российской политики на данном направлении в последние годы, всё ещё остаётся для России тактическим и полупериферийным направлением. Во многом это обусловлено тем, что, несмотря на качественные изменения в мировом балансе сил, страна всё ещё живёт в европоцентричной системе координат XX, если не XIX, века и остаётся европейской державой с большими владениями в Азии. Страна сталкивается при проведении своей политики в АТР со всеми связанными с такой геополитической философией ограничениями. Россия не только страдает от своей экономически устаревшей европоцентричности, но и ментально всё ещё зачастую рассматривает Зауралье как обузу или проблему. Между тем из-за коренных изменений экономической и политической карты мира этот российский регион становится не тылом, а фронтом — не противостояния, а развития.

Результатом отсталости мышления и политики является низкое качество торгово-экономических отношений России с ведущими странами региона. Россия почти не использует потенциал, создаваемый экономическим развитием стран Азии и превращением региона в центр гравитации мировой экономики XXI века. Объём торгово-экономических связей России со странами Азии явно не соответствует ни масштабу российской экономики и экономик стран региона, ни, тем более, месту, которое Азия занимает в мировой экономике. На сегодняшний день более 53% внешнеторгового оборота России и подавляющая часть инвестиций в Россию и из неё приходится на страны Европейского союза, место и роль которых в мировой экономике постепенно снижаются и будут неизбежно снижаться в обозримой

перспективе ввиду структурных особенностей европейских экономик и социальных систем. Несмотря на существенную активизацию в последние несколько лет торговли России со странами Азии (прежде всего за счёт импорта), доля всех стран АТЭС (то есть вместе с США, Канадой и Австралией) во внешнеторговом обороте РФ составляет на сегодняшний день 23,3% (20,7% в 2009 г.). Доля всех стран Азии, включая государства Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии (Индия и Пакистан), в российском экспорте в 2010 г. составила 29%, в импорте за тот же год — 41%.

При этом содержание и динамика даже имеющихся торгово-экономических отношений России со странами Азии содержат в себе множественные дисбалансы, причём, как правило, не в пользу России, и не могут служить стимулом качественного экономического роста и модернизации российской экономики. Более того, нынешняя структура экономических связей РФ с азиатским регионом создаёт опасные предпосылки для нарастания односторонней зависимости России от одного Китая в важных отраслях экономики, а затем и в политике.

Увеличение торговли России с азиатскими странами до 2009 г. достигалось прежде всего за счёт опережающего увеличения объёмов импорта. Причём основной всплеск пришёлся на ввоз в Россию товаров промышленного производства высокой степени переработки. На сегодняшний день это компенсируется профицитом в торговле России с Европейским союзом, но в перспективе может создать опасную с точки зрения макроэкономической стабильности ситуацию, а также ослабить экономические позиции России в Азии. По сути, не Россия пользуется возможностями азиатского роста, а страны Азии используют ресурс внутреннего рынка РФ и наличия у неё финансовых резервов.

На Китай приходится около 23% всей торговли России со странами Азии, при этом роль Китая во внешней торговле России постепенно растёт. Если в 2008 г. Китай был третьим по значимости торговым партнёром РФ (после Германии и Нидерландов), то в 2010 г. занял первое место. Экономические отношения России с Японией и Кореей остаются на среднестабильном уровне. Связи же РФ с Индией и странами АСЕАН, несмотря на существующие возможности, создаваемые их экономическим развитием и ростом спроса на новые виды товаров, производство которых возможно в России, представляются наиболее запущенным направлением российской внешнеэкономической политики.

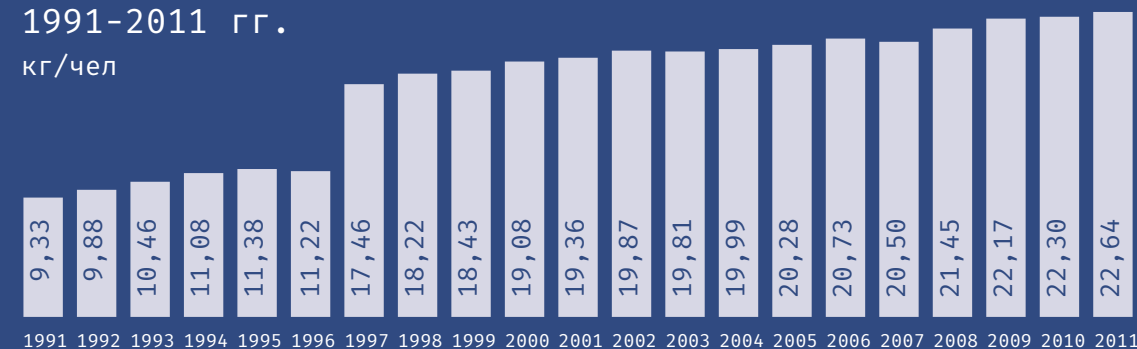
При том что с 1990 г. товарооборот между Россией и Китаем вырос в 9,5 раза и достиг в 2010 г. \$ 59 млрд, а доля Китая во внешней торговле России стабильно росла (с 4,8% в 1990 г. до 9,5% в 2010 г.), доля России во внешней торговле Китая сократилась за тот же период почти в 1,5 раза (с 3,5% до 1,9%). Двусторонний торговый баланс, который был положительным вплоть до 2006 г., стал отрицательным, и дефицит быстро увеличивается: если в 2007 г. он составлял \$ 9 млрд, то в 2010 г. — уже \$ 19 млрд.

В экспорте России в Китай, как и в другие страны АТЭС, доминирует товарная группа «минеральные продукты» (в основном сырая нефть и нефтепродукты), древесина и — в гораздо меньших объёмах — продукция химической промышленности, металлы и изделия из них. Импорт товаров из Китая формируют такие товарные группы, как машины, оборудование и транспортные средства, текстиль и изделия из него, обувь, металлы и изделия из них, продукция химической промышленности. Показательна динамика российской доли в импорте Китаем промышленной продукции, которая по итогам 1997 г. составляла около 30%, а по итогам 2010 г. — менее 1,5%. Значительная часть торговли имеет «серый» характер.

Растущий спрос в странах Азии

Потребление мяса в странах Азии, 1991-2011 гг.

кг/чел

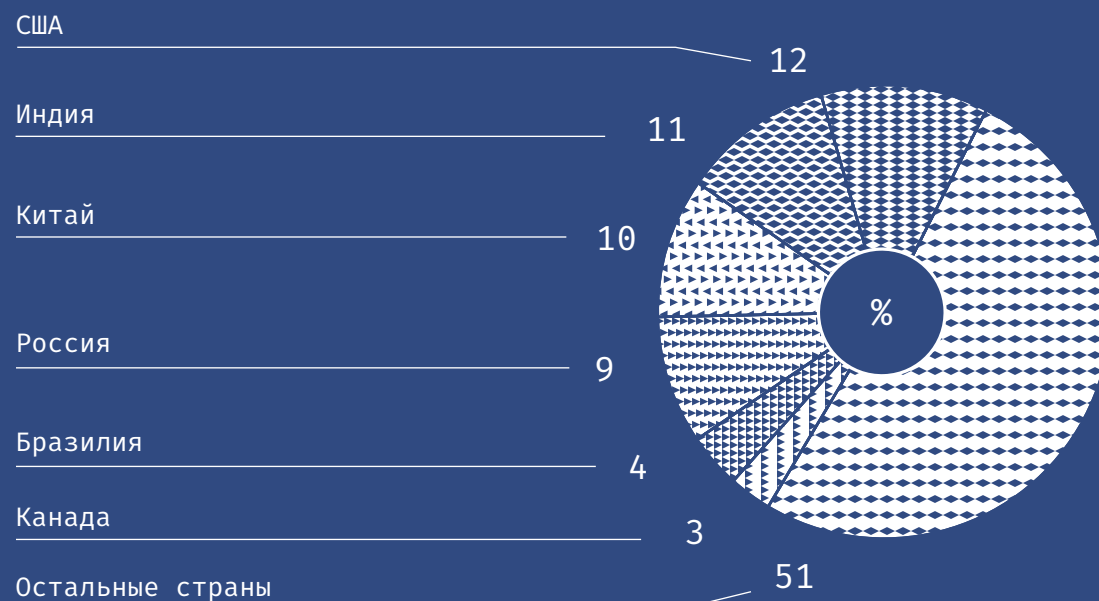

Динамика импорта лесной продукции странами Азии, 2000–2010 гг.

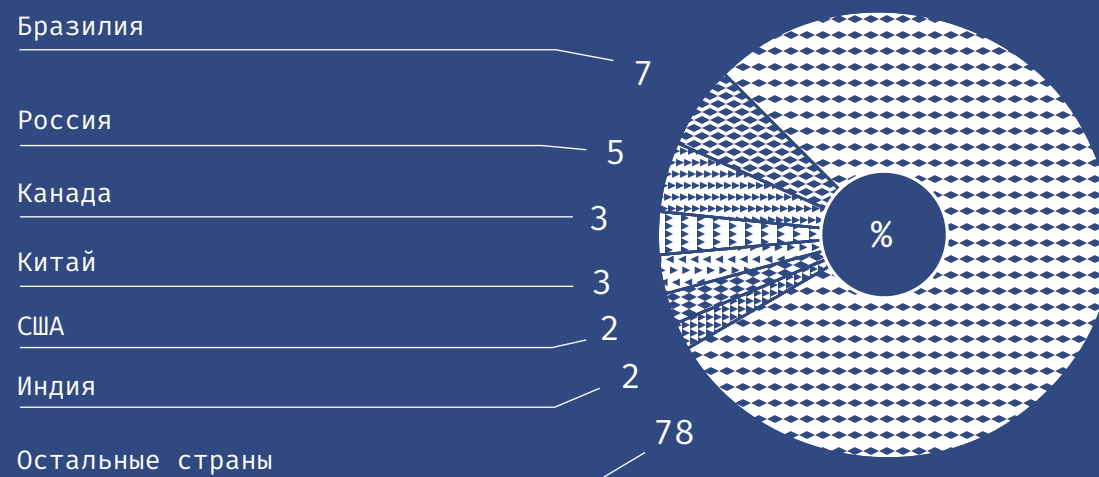

Источник: Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединённых наций

Распределение пахотных земель в мире

Распределение источников пресной воды в мире

Источник: Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединённых наций

Ещё большую обеспокоенность вызывает низкий уровень взаимных инвестиций, который в существенной степени определяет степень экономической взаимозависимости партнёров. Объём взаимных инвестиций Китая и России, по экспертным оценкам, составляет менее \$3 млрд, что существенно ниже уровня взаимных инвестиций между Россией и мелкими странами ЕС. Торгово-экономические отношения загосударствлены, и масштабы присутствия в них частного, особенно среднего, бизнеса невелики. Единична практика размещения ценных бумаг российских и китайских компаний на биржах друг друга.

Недостаточно использует Россия и возможности, связанные с наблюдающейся в последние годы активной интеграцией в мировую экономику Индии. Пока 75% товарооборота между двумя странами составляет российский экспорт в Индию, который в 2010 г. достиг \$6,39 млрд. При этом импорт из Индии составляет всего лишь \$2,1 млрд. В целом доля Индии в российском товарообороте колеблется от 1 до 1,5%, доля России в индийском не превышает 1,52%.

В японской внешней торговле Россия также занимает достаточно скромное место. Доля России во внешнеторговом товарообороте Японии до кризиса составляла около 1%, а удельный вес Японии во внешнеторговом обороте России — около 3%. При этом пока Япония остаётся одним из мировых лидеров по объёму внешнеторгового оборота. Тем не менее, товарооборот между двумя странами с 2002 по 2008 гг. вырос в 10 раз (с \$2,8 млрд до \$29 млрд). В 2009 г. под влиянием кризиса произошло резкое снижение товарооборота — до \$14,5 млрд. В первую очередь это случилось из-за падения японского экспорта в Россию (с \$18,5 млрд до \$7,2 млрд столь значительного, что впервые с 2004 г. Россия в российско-японских торговых отношениях стала нетто-экспортёром. В 2010 г. удалось несколько сгладить кризисный эффект, однако оборот всё равно не превысил уровня 2008 г. и составил \$23 млрд. Объём японского импорта вырос до \$10 млрд, российского экспорта — до \$13 млрд.

Структура российского экспорта в Японию представлена основными четырьмя товарными группами, на которые приходится до 90% всего стоимостного объёма экспорта: минеральное сырьё и топливо; продукция первичной переработки (металлы и металлоизделия); рыба и морепродукты; лесные товары. В импорте из Японии преобладает машинно-техническая продукция (свыше 90% стоимостного объёма): автомобили, дорожно-строительная техника, электробытовые товары, средства связи.

При том что Республика Корея является одним из основных торговых партнёров России в азиатском регионе, её доля в российской внешней торговле колеблется от 2 до 2,5%, а доля России в корейском товарообороте всего 1,5–2%. В товарной структуре российского экспорта в Корею 80% представлено минеральным топливом, нефтью и нефтепродуктами. Из других товаров высокий удельный вес в российском экспорте имеют металлы и изделия из них, продукция химической промышленности, древесина и целлюлоза. На 5-м месте находятся машины, оборудование и транспортные средства. Напротив, импорт из Южной Кореи представлен преимущественно машинами, оборудованием и транспортными средствами (удельный вес в российском импорте корейских товаров — 81,9%). За ними с огромным отрывом следуют продукция химической промышленности, металлы и изделия из них, текстильная продукция, обувь.

Общий объём товарооборота между Россией и странами АСЕАН в 2010 г. составил \$12,3 млрд из них \$6,8 млрд пришлось на российский экспорт, а \$5,5 млрд составил российский импорт. При этом по сравнению

с 2009 г. экспорт вырос на 77 %, а импорт — на 29 %, а в последнее десятилетие товарооборот между Россией и странами АСЕАН вырос почти в 10 раз. Однако, несмотря на позитивную динамику, на долю России до сих пор приходится лишь 1,8 % экспорта и 2,2 % импорта стран АСЕАН. При этом и доля АСЕАН в российском товарообороте невысока: в 2010 г. она составила лишь 1,9 %.

В целом, российский импорт из стран АСЕАН включает в себя следующие основные статьи: электрическое, электронное оборудование; животные и растительные жиры; транспортные средства (кроме железнодорожного транспорта); одежда, обувь; рыба, ракообразные и моллюски. Российский экспорт в страны АСЕАН представлен в первую очередь следующими категориями товаров: железо и сталь; минеральное топливо; удобрения; ядерные реакторы и котлы; алюминий; каучук; бумага и строительный картон; древесина.

Товарная структура торговли России со странами Азии всё в большей степени напоминает структуру торговли России с развитыми государствами Европы и Северной Америки. В российском экспорте в страны Азии преобладают минеральное сырьё, нефть и металлы. На первом месте по объёму — нефть, минеральное топливо, продукция добывающей промышленности в целом; на втором месте — железо и сталь; на третьем — древесина и изделия из неё. При этом несырьевая составляющая в российском экспорте в страны Азии в последние годы существенно сокращается, что, видимо, отражает общую тенденцию развития российской экономики.

В российском импорте из стран региона, в том числе развивающихся, преобладают промышленная продукция и товары высокой степени переработки. На первом месте — машины и транспортные средства, на втором — промышленное оборудование, на третьем — товары электрической и электронной промышленности. При этом обращает на себя внимание существенное увеличение в последние годы доли товаров высокой степени переработки в российском импорте из стран Азии, в том числе развивающихся.

Неудовлетворительной представляется картина инвестиционного сотрудничества России со странами Азии. Объём взаимных инвестиций ничтожен, а большая часть азиатских инвестиций в Россию приходится на добывающую промышленность, заготовку и переработку леса, рыболовецкий сектор, строительный бизнес. Инвесторы из КНР по-прежнему предпочитают учреждать структуры со стопроцентно китайским капиталом и минимальным уставным фондом. Российские инвестиции в страны региона нацелены, прежде всего, на производственные отрасли, в которых можно организовать более дешёвое, чем в России, экспортное производство, то есть ввоз в Россию дешёвой продукции стран региона.

Общий объём иностранных инвестиций в Россию за 2010 г. равнялся \$ 115 млрд. Из них китайские инвестиции составили 12 %, японские — 3,7 %, южнокорейские — 1,6 %, индийские — 0,5 %, из стран АСЕАН — 0,48 %. Общий объём иностранных инвестиций из России за 2010 г. составил \$ 96 млрд. При этом ни в одну из азиатских стран Россия не инвестировала более 1 %: на долю Китая пришлось 0,48 %, Индии — 0,15 %, АСЕАН — 0,13 %, Южной Кореи — 0,05 %, Японии — 0,47 %. Для сравнения, на долю одной лишь Австрии в 2010 г. пришлось 14,3 % российских инвестиций.

Важнейшей проблемой представляется общая пассивность российского бизнеса и государства на азиатском направлении. Российские компании, по сути, умеют торговать на китайском рынке только теми товарами, в которых у КНР существует острая необходимость. В экспорте задействованы в основном мелкие региональные компании, заведомо

не имеющие серьёзных возможностей. Но главное — российское государство фактически не оказывает отечественным несырьевым экспортёрам необходимой поддержки. Существовавшая ранее в России система государственной поддержки экспорта разрушена, новую же за последние годы так пока и не удалось создать. Информация о существующих в КНР нишах для несырьевого экспорта из РФ фактически отсутствует. Почти никаких дополнительных маркетинговых, лоббистских и финансово-экономических (кредитование и государственное страхование экспорта и инвестиций) усилий по продвижению российских товаров и российских инвестиций на китайском рынке не предпринимается.

Крайне пассивно участие России в динамично развивающихся в Азии интеграционных и кооперационных процессах. Участие России в АТЭС, даже учитывая саммит 2012 г. во Владивостоке, носит в значительной степени формальный характер. По-прежнему очевиден недостаток видения и понимания интересов России в азиатском регионе, и тем более инструментов, призванных эти интересы реализовать, и открывающихся в этой связи возможностей для внутреннего развития России. При этом встраивание РФ в азиатские и азиатско-тихоокеанские интеграционные и кооперационные процессы может стать мощным стимулом её экономического развития и модернизации, как это уже происходит с большинством азиатских стран, а также стран, устанавливающих с экономиками азиатских стран активные отношения, прежде всего США. Среди главных причин недоиспользования Россией возможностей рынков новой Азии можно назвать непонимание российской политико-экономической элитой потенциала этих рынков: Россия и ментально, и экономически европоцентрична, и на азиатский рынок работают преимущественно экономические субъекты Дальнего Востока, часто слабые, а то и криминализованные.

Слабостью является и стремление вывести на эти рынки вытесняемые оттуда промышленные товары. И это при том, что промышленный бум в Азии убивает промышленное производство по всему миру. И Россия с её высокой стоимостью рабочей силы никогда не сможет конкурировать с промышленным производством Китая, Индии, стран АСЕАН. Исключением является лишь очень узкая группа отраслей. Необходимо понимать, что возможности международно-политического значения региона у России ограничены. Нужно не сожалеть об ушедших временах, чем грешат многие российские работники, а искать и создавать новые ниши. Государства АТР не заинтересованы в усилении там российского влияния и экономического присутствия настолько, чтобы искусственно «тянуть» Россию в Азию, что частично показывают приведённые в графиках данные, характеризующие состояние торгово-экономических отношений со странами региона.

РОССИЙСКАЯ АЗИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Важнейшим препятствием полноценной «новой глобализации России» и включения её в экономическое и политическое развитие АТР является недостаточная пока развитость прилегающих к Азии регионов российского Зауралья. Исторически Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток всегда играли важную, хотя и не до конца оценённую, роль в становлении и развитии России. Во многом именно благодаря Сибири Россия стала глобальной державой, получающей объективное геополитическое право вести свою политику во всемирном масштабе, а не просто быть огромной европейской

державой, борющейся за расширение «окна в Европу» и за место в концерте европейских, а затем евроатлантических держав.

Изначальное русское заселение Сибири в XVII — XVIII вв. (волна первых переселенцев, так называемых сибирских старожилов) привело к формированию особой социальной и культурной группы сибиряков. Развитие в условиях гораздо большей свободы, без крепостного права, характерного для европейской части России, и в то же время в трудных природных условиях, закалили сибирский характер. В нём сильна инициативность, готовность полагаться на себя, а не только на государство. Такие его черты как способность к самоотверженной работе, невзирая на трудности, умение полагаться только на свои силы без ожидания помощи извне, связанные с этим целостность натуры и духовное богатство личности стали практически легендарными в России. Благодаря этим качествам сибиряки значительно обогатили и современную русскую нацию. Сформированная сибирскими первопроходцами сеть крепостей заложила основы будущих городов — опорных пунктов освоения региона — и сформировала во многом урбаноцентричный характер российской сибирской цивилизации.

Вторая волна русских переселенцев в Сибирь была связана со строительством Транссиба в 1890-е гг. и затем переселенческой аграрной реформой начала XX в. Эти программы тесно связаны с именами двух крупнейших государственных деятелей императорской России: С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Лозунг строителей Транссиба «Вперёд, к Великому океану!» стал символом и упорного труда, и нацеленности на героические свершения, когда любые задачи по плечу. Переселенческая политика привела к значительному расширению круга сибиряков, а также к большей открытости сибирского социума к другим территориям России. В результате была заложена основа родственных и корпоративных связей, которые связывают сибиряков с европейской частью России. Реформы Столыпина можно считать одним из самых светлых моментов и в истории России, и в освоении Сибири.

Масштабная индустриализация 1930-х гг., символами которой стали Новокузнецк в Западной Сибири и Комсомольск-на-Амуре на Дальнем Востоке, мощно содействовали превращению аграрной России в промышленную державу. Создавался промышленный тыл на случай войны на западе. Сибирские дивизии спасли Москву в ноябре–декабре 1941 г.

После войны открытие и освоение богатейших нефтяных и газовых месторождений в Западной Сибири, алмазов в Якутии позволили Советскому Союзу противостоять США и Западу в холодной войне, а также поддерживать национально-освободительные и антиколониальные движения во всем мире и при этом обеспечивать хотя бы скромный рост благосостояния народа. Строительство крупнейших в мире гидроэлектростанций в Восточной Сибири (Красноярской, Саяно-Шушенской, Братской, Усть-Илимской и других) привело к формированию в регионе новых мощных территориально-производственных комплексов, имеющих общероссийское значение. Наконец, строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в 1970–1980-е гг. стало последним крупным инфраструктурным проектом СССР.

Масштабная индустриализация региона в советский период соединялась с новой идеологией освоения Сибири и развития сибирских городов. Её можно определить как коммунистический неоромантизм. Новосибирский Академгородок с 1960-х гг. развивался фактически как проект идеального города. Всё это сформировало тот образ сибирской романтики, который наложил свой отпечаток на современные российские поколения старше сорока.

Но романтика в Сибири сплошь и рядом соединялась с трагедией. Регион ещё в царский период стал местом тюрьмы и ссылки для политических противников режима. Неудача восстания декабристов в 1825 г. привела к многолетней ссылке в Сибирь целого поколения военной и интеллектуальной элиты России. При коммунистическом режиме сеть лагерей для заключённых под эгидой ГУЛАГа и Дальстроя сделала Сибирь и Дальний Восток местом каторжного труда и смерти сотен тысяч людей, символом трагедии всей страны. Такие места, как Ванинский порт, малый БАМ, пересыльная тюрьма во Владивостоке, Магадан и Колыма, стали символом чудовищной жестокости советской эпохи.

Несмотря на изначальное преобладание в местной экономике аграрной составляющей, в XX веке развитие Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока концентрировалось, прежде всего, вокруг крупных городских центров: старых, возникших из казацких крепостей эпохи первого освоения Сибири городов — Тюмени, Тобольска, Омска, Томска, Барнаула, Бийска, Красноярска, Енисейска, Минусинска, Иркутска, Читы, Якутска; городов Дальнего Востока эпохи освоения края во второй половине XIX века — Хабаровска, Владивостока; а позднее и советских индустриальных центров — Новосибирска, Новокузнецка, Норильска, Братска, Саяногорска, Комсомольска-на-Амуре, Тынды, Сургута, Нижневартовска и целой плеяды других городов тюменского нефтегазового Севера.

В результате **Сибирь и Дальний Восток стали цивилизацией больших городов. Это привело к формированию высокопрофессиональных трудовых ресурсов и к росту образования и культуры среди сибирского населения.** Томский университет ещё до революции называли «Сибирскими Афинами», Новосибирский Академгородок стал одним из передовых центров науки и инноваций в Советском Союзе. Всё это делало Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток регионами с достаточно высоким качеством трудовых ресурсов и наработанной социально-экономической инфраструктурой, что, несомненно, является большим плюсом для инвестиционной стратегии России и для интеграции России через Сибирь в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Успеху интеграции России в новую Азию может способствовать и наличие в Зауралье и на Дальнем Востоке населения, близкого отдельным азиатским народам этнически, а также с языковой, ментальной и культурной точек зрения. Интеллигенция этих этнических групп может быть успешно использована для проникновения на культурные и экономические рынки Азии, где они, россияне, не «чужие», какими воспринимается большинство русских. Уже сейчас в среде этой интеллигенции разрабатывается концепция Северо-Восточной Азии, подчёркивающая, что Россия — это не просто Европа, протянувшаяся до берегов Тихого океана, но и реальная составная часть Азии, её северо-восточная часть. Когда Азия воспринималась как синоним отсталости, быть «азиатскими» было невыгодно. Сейчас ситуация очевидно меняется, и России может оказаться выгодным подчёркивать не только свои европейские, но и азиатские корни.

При этом **в советское время Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток развивались фактически как закрытые регионы, включённость которых во внешнеэкономические связи была сведена к минимуму.** Концепция «закрытого тыла» в противостоянии с Западом доминировала в официальной идеологии и в экономическом планировании. Во многом на это повлиял опыт Второй мировой войны, когда сибирский тыл в глубине страны стал ключевым ресурсом для индустриальной и сельскохозяйственной поддержки фронта в условиях оккупации значительной части евро-

пейской территории СССР. Начавшаяся сразу вслед за этим холодная война также способствовала развитию идеологии «закрытого тыла» как последнего ресурса жизнеобеспечения государства в случае новой войны. Это привело к появлению в Сибири большого числа заводов-дублёров европейской части страны как в ядерной сфере, так и в других отраслях. Конфронтация с Китаем с 1960-х гг. привела к прекращению трансграничных экономических и социальных связей и почти тотальному закрытию границы. После военного конфликта на острове Даманский в 1969 г. вся полоса Транссиба в Забайкалье, Приамурье и Приморье оказалась в ситуации, когда жизнь перешла «от тыла к фронту». Ожидание вторжения и войны не только сместило из этого региона многие индустриальные проекты, но и серьёзно повлияло на социальную психологию жителей, на стойкий «образ врага», который был там сформирован. Её отголоски ощущаются вплоть до сегодняшнего дня и находят своё отражение и в современной массовой культуре.

Первые постсоветские годы оказали на Сибирь разноплановое влияние. В обыденном мышлении существуют сплошные стереотипы о полном упадке и депопуляции огромного региона. Это во многом не так. Ряд отраслей экономики, в первую очередь ресурсно-ориентированные, а также металлургия (особенно цветная) получили мощный стимул для развития и вышли на мировой рынок. В то же время машиностроительное и обрабатывающее производство, многие отрасли ВПК оказались в серьёзном кризисе. Одним из ключевых социальных индикаторов здесь являются итоги переписи населения. Они позволяют чётко выделить как привлекательные для развития (и соответственно, для внутренней миграции и проживания) регионы и города, так и «больные точки». Некоторые центры и даже малопригодные для жизни регионы были искусственно заселены «зэками». Отток населения оттуда происходил и в поздние советские времена. Если сравнить результаты последней советской переписи 1989 г. с недавней российской переписью 2010 г., то они покажут весьма характерные закономерности.

Для областных центров Западной Сибири и Красноярского края, а также для тюменских нефтегазовых городов сравнение двух переписей показало прирост населения и, соответственно, более стабильное экономическое развитие и более высокий уровень жизни в сравнении с депрессивными регионами:

В Западной Сибири и Красноярском крае (в т. ч. в бывшей его части — Хакасии) основная проблема заключается в упадке индустриальных центров «второго эшелона», ориентированных на военно-промышленные, машиностроительные, угольные и, что на первый взгляд странно, металлургические отрасли. Это также показывает тенденцию к внутрирегиональной централизации, когда областной или краевой центр отбирает население у более мелких городов.

Начиная же с Иркутской области ситуация меняется. Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье показывают умеренный, но повсеместный спад населения — как в областных или краевых центрах, так и в других промышленно значимых городах. Это говорит о более значимом снижении уровня экономической привлекательности и качества жизни этого региона. На первый взгляд это неожиданно, поскольку относится и к внешне успешной Иркутской области. Единственное исключение здесь — города, находящиеся непосредственно на границе с Китаем, где население возрастает. Фактор приграничной торговли и прямого взаимодействия с китайскими партнёрами оказывает оживляющее воздействие на локальную экономику и качество жизни.

Прирост населения зафиксирован во всех столицах национальных республик Сибири, причём даже в тех из них, где нет масштабного промышленного развития. Здесь в полном объёме работает фактор внутрирегиональной и этнической централизации. При этом в других промышленных городах Якутии наблюдается умеренный спад населения.

В Хабаровском крае наблюдается примерно та же негативная тенденция, что и в Прибайкалье. Спад населения охватывает как центр региона, так и промышленные и портовые города. В Приморском крае ситуация гораздо лучше. Несмотря на то, что в самом Владивостоке население уменьшилось, это уменьшение компенсируется почти двойным приростом в его городе-спутнике Артёме. В Находке и Уссурийске число жителей также стабильно. И хотя большого прироста нет, но отсутствие спада тоже весьма показательно и объясняется открытостью региона для внешнеэкономических связей с Китаем и Японией, что становится для многих жителей источником дохода и повышает их качество жизни. На Сахалине повторяется модель внутрирегиональной централизации Западной Сибири: в областном центре население растёт, в других городах — падает.

Более удручающая картина на крайнем северо-востоке страны. Здесь мы видим очень резкий спад населения, что показывает отсутствие экономических и социальных перспектив, но отражает и объективно тяжёлые условия жизни в этом регионе. И, наконец, реальная угроза депопуляции предстаёт перед портовыми центрами на восточной части Северного морского пути и соединённых с ним речных портов (исключение — лишь Дудинка, через которую работает ледокольный флот «Норильского никеля», хотя ощутимый спад замечен и там).

Таковы человеческие ресурсы Сибири и Дальнего Востока на сегодня. Они указывают на точки развития и роста, а также на проблемные зоны, которые требуют серьёзных социально-экономических решений. Анализ динамики численности населения в различных субрегионах Сибири и Дальнего Востока показывает, что их можно достаточно чётко разделить на две части. Практически вся Западная Сибирь и Красноярский край, несмотря на имеющиеся проблемы, так или иначе, но нашли своё место в новой экономике России. Естественно, это не значит, что им не нужна государственная поддержка, но она уже может принимать не авральный, «пожарный» характер, а концентрироваться на общепринятых мерах защиты экспорта, диверсификации производств и развития территориально-производственных комплексов (особенно в городах «второго эшелона») и инфраструктуры. Забайкалье и Дальний Восток, за исключением городов, непосредственно вовлечённых во внешнеэкономические связи с Китаем и Японией, представляют совсем иную картину. Здесь необходима масштабная, эффективная и быстрая государственная стратегия, направленная на преодоление спада экономики и деградацию социальной сферы этих регионов.

Россию принято ругать за гипертрофированное внимание к нефтегазовому сектору. Основной аргумент критиков состоит в том, что это не позволяет развивать обрабатывающие сектора промышленности, и экономическое развитие России предстаёт односторонним и уязвимым от цен на энергоносители. В значительной степени это — правда, и нет смысла с этим спорить. Но применительно к Прибайкалью и Дальнему Востоку, особенно к не освоенным в советское время территориям, именно нефтегазовые проекты являются ключевым двигателем развития, и приуменьшать их значимость для общегосударственных целей было бы некорректным.

Без преувеличения главным из реализуемых сейчас инфраструктурных проектов, которые на деле меняют жизнь этого региона, является Восточная газовая программа, координируемая «Газпромом» с 2007 г. Уже осваиваемые и подготавливаемые к разработке в течение ближайших трёх-четырёх лет месторождения севера Иркутской области и юга Якутии (Ковыктинское, Чиканское, Чаяндинское и другие), проекты строительства газоперерабатывающих заводов в районе Чаяндинского месторождения делают вполне реальным формирование в среднесрочной перспективе третьей линии территориально-производственных комплексов в этом регионе вслед за линией Транссиба и линией БАМа. А это позволит расширить пределы освоенной территории гораздо дальше на север. В Южной Якутии деятельность «Газпрома» может сочетаться с другими промышленными проектами. Завершённое недавно строительство железной дороги до Нижнего Бестяха на берегу Лены, напротив Якутска, переводит инфраструктурные связи с этим регионом на регулярную основу, и тем самым именно Южно-Якутский ТПК может стать центром роста в регионе.

Идущее с запада на восток якутское направление Восточной газовой программы в перспективе соединится с направляющимися с востока на запад сахалинскими потоками газа. Осенью 2011 г. завершено строительство газопровода «Сахалин — Комсомольск — Хабаровск — Владивосток». Ожидаемый в ближайшее время ввод в эксплуатацию «Газпромом» проекта «Сахалин-3» с самым крупным на шельфе близ острова Кириным месторождением создаст энергетическую базу для промышленного развития приокеанских регионов (в отличие от проекта «Сахалин-2», газ с которого в основном идёт на экспорт). Проект «Сахалин-1», реализуемый с российской стороны «Роснефтью», также успешно развивается и содействует развитию инфраструктуры региона. Введённый в эксплуатацию нефтяной терминал в Де-Кастри — тому подтверждение. В перекрестье этих якутского и сахалинского потоков благодаря БАМу и близости к океанским портам оказывается в первую очередь Комсомольск-на-Амуре. Это предоставляет реальные возможности для ускоренного экономического развития города, который вместе с Южно-Якутским ТПК может стать вторым центром роста в регионе.

Таким образом, Восточная газовая программа и становление третьей линии промышленного освоения региона могут качественно изменить экономическую ситуацию на Дальнем Востоке. Но насколько востребованным будет это развитие? Закладываемый сейчас потенциал будущего роста региона заставляет вновь обратиться к дилемме между открытым и закрытым развитием Забайкалья и Дальнего Востока.

Надо признать, что и сегодня, несмотря на глобализацию и открытость мировой экономики, упомянутый советский подход, нацеленный на восприятие Дальнего Востока как «форпоста», а Сибири — как «тыла», по-прежнему является широко распространённым и в общественном мнении, и в части политической элиты России. Из него вытекает курс на закрытость и автаркичное развитие региона, и, что самое важное, курс на стратегическое недоверие к внешним партнёрам России в АТР. Этот курс во многом проявляется пока и в федеральных целевых программах развития Сибири и Дальнего Востока, которые регулярно принимаются в Москве. Они во многом просто не претворяются в жизнь и страдают при этом системными недостатками «советского» — нацеленностью почти исключительно на усилия государства, закрытостью, невниманием к возможностям, которые открывает для развития региона динамично развивающаяся по соседству Азия.

Результаты такого курса неутешительны. Данные последней переписи населения России являются самым драматичным свидетельством

этому. Приведённые нами выше её итоги статистически холодно зафиксировали непрекращающийся масштабный многотысячный отток населения с Дальнего Востока в другие регионы России и даже в Китай, где россияне живут больше, чем китайцев в России. Жители этих регионов за 20 лет постсоветского развития так и не увидели реальных выгод от существующего курса, от череды федеральных целевых программ и потому уезжают. А поскольку уезжает из региона в первую очередь наиболее профессионально мотивированное и квалифицированное население, то депопуляция влечёт за собой и социальную деградацию остающихся, что делает перспективы региона при сохранении существующего курса катастрофическими, а любые программы развития — невозможными.

Естественной альтернативой деградации региона является курс на «открытие» региона, его ускоренное развитие и прогрессирующую интеграцию в международные экономические связи. Самым очевидным путём такой интеграции является расширение объёмов поставок сырьевых ресурсов Сибири и Дальнего Востока на внешний рынок. Однако развитие в данном направлении, во-первых, будет способствовать закреплению сырьевой ориентации России, а во-вторых, имеет ограниченный потенциал. С одной стороны, выступающий основным потенциальным покупателем Китай постоянно настаивает на снижении цен на российские энергоносители в обмен на политические декларации. С другой стороны, китайская энергетическая политика по-прежнему ориентируется в первую очередь на рост собственной добычи угля и природного газа, а необходимый экспорт стремится максимально диверсифицировать. В то же время претендентов на экспорт природного газа в Китай так много, что едва ли доля России в экспортной корзине будет высокой. В этой связи потенциально более перспективен экспорт сжиженного природного газа в Японию и Корею. Однако для развития этого направления необходимо завершить строительство завода по производству СПГ во Владивостоке.

Вывод российских энергоресурсов на азиатские рынки полезен, но едва ли способен сформировать ядро азиатской стратегии государства. В то же время эта стратегия может быть основана на использовании новых конкурентных преимуществ, открываемых перед Россией благодаря бурному экономическому развитию Азии. Рост благосостояния, ведущий к переходу вегетарианских цивилизаций Востока на белковую пищу, экологические и ресурсные проблемы, такие как сведение лесов, эрозия почв, истощение поверхностных и грунтовых вод, а также крайне неблагоприятные для большинства государств Восточной Азии изменения климата, приводят к тому, что растущий спрос азиатских стран на ряд продовольственных и потребительских товаров уже не может быть покрыт за счёт собственного производства.

Пока потенциал азиатского рынка как приоритетного направления для экспорта российских энергоресурсов серьёзно ограничен невысокой покупательной способностью потенциальных партнёров и зачастую стремлением отдельных стран региона, прежде всего Китая, добиться от России многократного снижения цен в обмен на политические декларации. Поэтому речь должна идти не просто об увеличении поставок ресурсов, но о продуманном развитии на этих территориях высокотехнологичных кластеров, добывающих и перерабатывающих производств с привлечением иностранных инвестиций для поставок на рынки всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

От европейской к глобализированной державе

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Пока отсутствие активной политики по новому подъёму Сибири и Дальнего Востока, недоинформированность и малая, хотя и начавшая нарастать, активность России в Азии на фоне продолжающейся депопуляции региона создают и на международном, и на внутрироссийском уровне ощущение уязвимости России, серьёзно ослабляют её мировые геополитические позиции. Превалирует ощущение, что из-за слабости России на Дальнем Востоке ей некуда деваться, кроме как идти на сближение с Западом, который к нему, правда, пока не готов и ничего предложить России не может и не желает. Другая точка зрения, набирающая силу в последние годы, — неизбежность превращения региона, а за ним и всей страны, в сырьевой придаток и политического полуассала Китая.

Необходимость качественной активизации российской политики в Азии обусловлена ограниченностью (видимо, на длительный период) возможности сближения с Европой, в первую очередь из-за системного кризиса, в который вошёл Европейский союз. В ближайшие годы он будет неспособен реагировать даже на очевидно выгодные для него предложения, такие как создание единого экономического, энергетического, человеческого пространства, включающего Россию, ЕС, другие тяготеющие к Европе страны, — «Союза Европы», как называли такую идею в одном из докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай»¹. Такой союз стал бы третьей несущей опорой будущего миропорядка наряду с США и Китаем.

Естественно, такие российские предложения должны оставаться на столе переговоров. Будем надеяться, что в поисках выхода из нынешнего кризиса европейцы обратятся к ним. Не может и не должна подлежать пересмотру и культурно-социальная ориентация России на Европу. Предлагаемая качественная активизация российской политики в Азии и на Тихом океане и частичная переориентация экономических связей — не альтернатива европейской ориентации России, а её адекватная современному и перспективному состоянию мира модернизация.

Ещё менее перспективным и экономически, и политически является и Большой Ближний Восток, и Северная Африка. Последствия волнений «арабской весны» объективно будут засасывать Россию, не предоставляя почти никаких выгод, кроме преходящих внешнеполитических. Таким образом, Запад, традиционно являвшийся для России источником роста и модернизации, будет стагнировать (хотя и оставаться важнейшим социально-экономическим партнёром), Юг — деградировать. В этой ситуации Восток и объективно — стратегически, и субъективно — тактически —

¹ См. статью В. В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» [<http://www.izvestia.ru/news/502761>], а также доклад российской группы Клуба «Валдай» — «К Союзу Европы» [http://www.karaganov.ru/docs/Karaganov_valdaj_rus.pdf]. Сходные идеи высказывает В. В. Путин в своей статье, опубликованной в декабре 2010 г. в «Зюддойче Цайтунг», а также в программной предвыборной статье, опубликованной в «Московских новостях».

может и должен стать важнейшим направлением российской политики и внешним ресурсом развития на ближайшие годы.

Качественная активизация России в Азии является насущной с точки зрения перспектив не только экономического развития страны, но и её адекватности миру XXI века, складывающемуся на наших глазах. Именно в Азии находятся наиболее перспективные рынки. С точки зрения безопасности недоразвитость Забайкалья и Дальнего Востока, продолжение оттока оттуда населения неизбежно, вне зависимости от нынешних намерений международных игроков, будут создавать ощущение уязвимости региона и подспудно подстёгивать соперничество за его ресурсы, ослабляя международные позиции, а потенциально — и свободу действий, и реальный суверенитет всей страны.

Продолжение политики полуотстранённости от активного участия в решении наиболее насущных вопросов региональной политики и безопасности ведёт к разочарованию в России партнёров по АТР и, возможно, вынуждает их в перспективе к созданию международных переговорных форматов и механизмов, не требующих учёта российских интересов. Пока такие партнёры России в Азии, как, например, Китай, готовы к налаживанию стратегического и равноправного партнёрства и рассматривают Россию как надёжного и ответственного игрока. Но такая ситуация при сохранении в российской внешней и экономической политике отношения к АТР как к региону, имеющему второстепенное значение, не будет продолжаться вечно.

В свою очередь, демонстративное дистанцирование от обсуждения в широких многосторонних форматах центрального вопроса международных отношений в глобальном масштабе — будущего американо-китайских отношений — способно вызвать у партнёров на Западе и Востоке подозрения в намерении искусственно стимулировать развитие отношений Вашингтон — Пекин по конфликтному сценарию — сценарию, который России в долгосрочной перспективе крайне невыгоден и может поставить её в ситуацию выбора между двумя соперничающими державами.

Поворот России к Азии, в том числе через новое освоение Сибири и Дальнего Востока, необходим и с точки зрения внутреннего развития. Пока после десятилетия революций и десятилетия восстановления управляемости и международных позиций Россия лежит на курсе стагнации, которая неизбежно приведёт к постепенному затуханию экономического роста, усилению социального недовольства. Одним из возможных способов предотвращения такого сценария является, помимо курса на развитие институтов современного общества², предоставление обществу, особенно его молодой части, мегапроекта развития. Сколково или Сочи не соответствуют подобной задаче. Более мощной идеей является Евразийский союз, но и его привлекательность для общества, особенно его молодых слоёв, невелика. Он, скорее, нацелен на восстановление на новой основе части ушедшего, чем на строительство нового. В идее отсутствует необходимый вызов.

Поэтому мы считаем назревшим качественный поворот российской политики к Азии. Он должен включать в себя геостратегическое и экономическое измерения: программу нового освоения зауральской России, «Проект Сибирь», а также — для их продвижения и закрепления — поли-

² Об «оптимальном» пути развития России см. доклад Клуба «Валдай» — «Россия: не упустить удачу. Сценарии развития» [<http://karaganov.ru/content/images/uploaded/734332b02ffa1941203604e2e32ef0ec.pdf>].

тикосимволическое измерение, что включает в себя перенос части столичных функций в города Сибири и особенно на Дальний Восток. Такой перенос будет способствовать закреплению и перетоку активной части населения в регион, обороту вспять его депопуляции.

Ресурсы для становления России в качестве тихоокеанской державы, как и причины существующих на данном географическом направлении проблем, имеют преимущественно внутрироссийский характер.

В этой связи, точно таким же образом, как для стран Азии, развитие экономик которых стало основой повышения их глобального политического значения, для России в центре азиатской стратегии должно находиться ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока. Естественно, речь не должна идти о повторении прежних попыток развития региона (конец XIX и середины XX веков). Новая стратегия должна опираться на возможности, которые открывает для России взрывное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии в последние 25–30 лет, и на перспективу.

Предлагаемый кардинальный, хотя, разумеется, и постепенный, растянутый на десятилетие, поворот России к новой Азии должен включать в себя следующие взаимосвязанные аспекты:

- Резкое усиление внешнеполитической активности России в регионе, создание единой стратегии новой российской азиатской политики, активизация усилий по образованию Евразийского союза и идей по формированию единого экономико-энергетического и человеческого пространства Европы.
- Формирование и претворение в жизнь стратегии нового освоения Сибири и Дальнего Востока («Проект Сибирь»).
- И даже перенос столицы или части столичных функций в город или города Сибири и Дальнего Востока, что будет способствовать успеху этой насущной переориентации и остро необходимого проекта.

Новая азиатская политика России должна включать в себя и европейскую, и американскую, и евроазиатскую составляющие, но не быть их функцией, как прежде. Каждая новая инициатива здесь должна быть направлена на выстраивание системы взаимодействий, в рамках которой Россия становилась бы необходимым, важным для других партнёров участником. Достижение этого возможно только при концентрации внутренних, дипломатических и внешнеэкономических ресурсов, выдвижении серьёзных и проработанных на солидном экспертном уровне инициатив.

Во внешнеполитической области усилия целесообразно, видимо, концентрировать вначале на создании в регионе Тихого океана новых региональных внешнеполитических форматов. Масштабы и степень экономического могущества КНР ограничивают возможности включения Китая в существующие системы взаимосвязей и международно-правовое поле.

В связи с этим необходимо создание новых региональных форматов, нацеленных на решение двух взаимосвязанных проблем: потенциального роста конфронтационности в американо-китайских отношениях и образования вакуума безопасности вокруг Китая. В такой обстановке вне зависимости от реальной политики или намерений Китая, а просто из-за его растущей силы, соседи начинают опасаться его и выстраивать контрбалансы, в том числе в военно-политической сфере. При этом нельзя допускать активного участия России только в диалоге по военно-стратегическим вопросам при исключении её из обсуждения торгово-экономических, политических и субрегиональных проблем. Суть новой российской стратегии «вовлече-

ния» в АТР заключается в комплексном подходе ко всем аспектам региональной жизни. Но учитывая наблюдающуюся пока слабость России в Азии в экономической сфере, внешнеполитическая составляющая активизации России может идти впереди.

В этой связи имеет смысл рассмотреть вопрос о предложении в контексте председательства России в АТЭС постоянно действующего механизма межгосударственных консультаций типа «Хельсинкского процесса для Азии» и, в более узком формате, системы отношений Китай—Россия—США. Это позволит повысить уровень взаимного информирования по принимаемым решениям, в частности в военно-политической сфере, сделать шаг к повышению уровня прозрачности усилий сторон в обеспечении своей безопасности. В перспективе возможно предложить движение и к созданию особого международного формата — «Тихоокеанского пакта безопасности и развития».

Целесообразно создавать систему отношений, которая способствовала бы укреплению безопасности и суверенитета для государств АСЕАН и других средних и малых держав региона. Тем более что потенциально страны АСЕАН являются для России важными партнёрами. Страны данной группировки, возможности становления которой в качестве целостного международного игрока, видимо, исчерпаны, весьма серьёзно относятся к перспективе оказаться «зажатыми» геополитическим соперничеством Китая и США, и в этом контексте Россия может сыграть роль независимого третьего игрока, в присутствии которого заинтересованы все государства АСЕАН. В основе такого сближения должно находиться наращивание взаимной торговли и инвестиций, условия для чего может создать подписание соглашения о Зоне свободной торговли Россия—АСЕАН. Экономические предпосылки для реализации такого соглашения на практике, как подтверждают осведомлённые эксперты, имеются. Возможно будет и постепенное наращивание сотрудничества в военно-политической области.

Одно из центральных мест в российско-китайских отношениях и в сотрудничестве в рамках «тройки» Китай—Россия—США с широким участием других стран региона должна занимать информационная политика и повышение качества знаний друг о друге. Поэтому необходимо развивать программы повышения уровня и качества знаний об экономике, культуре и обществе, резко повысить интенсивность сотрудничества между высшими учебными заведениями России и азиатских стран. Необходимо создавать масштабные программы студенческих и преподавательских обменов между Россией и Китаем, Россией и другими странами АТР.

РОССИЯ, КИТАЙ И ИХ ОБЩИЕ СОСЕДИ

Важнейшее место в новой азиатской, а по сути, глобальной, стратегии России должно занимать поддержание отношений добрососедства и сотрудничества с КНР в регионах «общих границ». Выдвижение Россией, Казахстаном, Белоруссией проекта создания Евразийского союза означает, что идея интеграции является как минимум ключевым вектором государственной политики на ближайшее десятилетие. В связи с этим возникают два вызова, которые придётся решать в тесном взаимодействии с Китаем и рядом других государств региона.

Во-первых, **России и Китаю будет важно со всей серьёзностью отнестись к необходимости координации политики в отношении региона Центральной Азии, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).** Пока Россия, по большому счету, не мешает Китаю

в его проектах в Центральной Азии, а Китай — России, хотя подспудно страны и конкурируют. Это, в частности, выражается в стремлении Китая ограничить взаимодействие в ШОС в сфере безопасности, где Россия заведомо сильнее. Создание Евразийского союза сделает экономическое развитие региона в большей степени ориентированным на Россию. При неблагоприятном стечении обстоятельств центральноазиатский аспект Евразийского союза может стать препятствием для почти безоблачного сегодня стратегического партнёрства России и Китая.

Во-вторых, все большее значение будет иметь вызов нестабильного Юга, где в качестве основной угрозы выступает Афганистан в контексте вероятного возвращения к власти талибов (или иных исламистских радикалов) после 2014 года. Это приведёт к расползанию нестабильности на постсоветскую Центральную Азию и к возможному повторению ситуации 1990-х гг. с очагами исламизма и нестабильности в Ферганской долине, на юге Киргизии и по всему Таджикистану, появлению потенциальной военной и террористической угрозы для России и для прилежащих к Афганистану регионов Китая.

Угроза с Юга снова ставит на повестку дня вопрос о полноценном обустройстве условной российской границы. Есть три её возможных линии. Первое — обустройство южной границы самой России, но в контексте Евразийского союза эта мера представляется неуместной. Второе — обустройство южной границы всего бывшего СССР. Но это подвергнет Россию опасности прямого противостояния с талибами без всякой буферной зоны. Кроме того, опыт защиты таджикской границы в 1990-е гг. уже показал неэффективность и высокую социальную цену такого подхода. Третье — обустройство границы по южным рубежам Казахстана, что будет способствовать усилению интеграции и целостности в Евразийском союзе. Этот вариант представляется оптимальным. Более того, за пределами единой границы окажутся очаги распространения наркотиков в Таджикистане.

Ключевой проблемой здесь является вопрос о возможной общей ответственности России и Китая за Киргизию. Традиционно она всегда входила в тесный круг интеграционных объединений вокруг России и сейчас является естественным центральноазиатским кандидатом на вступление в Евразийский союз. Если Киргизия остаётся «по ту сторону границы», это значит — и по ту сторону Евразийского союза, поскольку проводить мощную укреплённую границу внутри Союза нелогично. Ещё одна проблема — психологическая ностальгия, связанная со стремлением объединить в Евразийский союз максимум из всего постсоветского пространства Центральной Азии. Ограничение по югу Казахстана будет противоречить этой логике.

Однако ностальгия не должна мешать рациональному выбору. В какой-то степени это потребует от России и серьёзных исторических переоценок своего прошлого. В частности, речь идёт о понимании ошибки царей в их стремлении назло англичанам покорить Центральную Азию, а большевиков — присоединить её обратно из соображений коммунистического мессианства. Центральная Азия и Россия находились вместе немногим более 100 лет, и всё это время это был сугубо дотационный регион, не приносивший России почти ничего, кроме затрат и проблем.

Кроме того, за двадцать лет после распада СССР инфраструктура и экономика Центральной Азии подверглась тяжёлой деградации. Курс на интеграцию в Евразийский союз Центральной Азии будет означать привлечение ограниченных российских ресурсов в этот почти безысходный регион, что в условиях глобального экономического кризиса может лечь

тяжёлым бременем на финансовую систему России. Это, в свою очередь, делает проект интеграции социально непопулярным в России. В этом контексте ограничение по югу Казахстана тоже может стать приемлемым решением.

Деградация повлекла за собой миграцию из Центральной Азии, с чем уже столкнулась Россия. При всей понятной необходимости привлечения трудовых ресурсов в Россию, социальные последствия этого уже сейчас приводят к дисбалансам в обществе. Важно, чтобы усиление интеграции не привело к дальнейшим перекосам. Ведь уже сейчас ключевой общественный аргумент против Евразийского союза связан именно с миграционными страхами. Их преодоление должно стать совместной межгосударственной задачей. Одной из её составляющих является поддержка изучения русского языка в Центральноазиатском регионе, чтобы приезжающие мигранты говорили по-русски.

Разумеется, обустройство границы по югу Казахстана не означает, что Россия бросит другие постсоветские государства, особенно Киргизию, на произвол судьбы. Сохранятся и гарантии безопасности, сохранится и сотрудничество, но уже в более мягких формах. В этой связи российско-китайское взаимодействие по поддержанию стабильности в бывшей советской Центральной Азии является, вероятно, настоящей необходимостью. Двум странам следует преодолеть соперничество в этом регионе. У России есть военно-политические активы, у Китая — экономические. Их необходимо совместно и координированно использовать. Уже сейчас нужно двигать китайских партнёров к увеличению составляющей безопасности в рамках ШОС, потенциал которой явно недоиспользуется и отстаёт от потребностей и вызовов как сегодняшнего дня, так и будущего.

В поддержку стабильности в расширенной Центральной Азии, включающей Пакистан и Афганистан, России с ОДКБ и Евразийским союзом, Китаю, ШОС целесообразно максимально вовлекать других партнёров, прежде всего США с НАТО и Индию. В более широком международном плане тесное вовлечение США и других стран АТР в сотрудничество России и Китая должно быть выстроено на основе совместных решений проблем региональной стабильности и вызовов, имеющих глобальный характер. С целью не допустить милитаризацию отношений в таких областях, как обеспеченность стран мира ресурсами, необходимо уже сейчас вырабатывать совместные меры по смягчению негативных эффектов изменений климата, роста дефицита продовольствия и воды, выстраивать общие стратегии и создавать проекты, способные привести к достижению общей выгоды.

Также необходимо отметить, что создание Таможенного союза и план углубления его интеграции и преобразования в Евразийский союз могут оказать разновекторное влияние на экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока России. С одной стороны, отмена таможенной границы между Россией и Белоруссией заметно усилила конкурентные преимущества для российских наземных путей «большого транзита» из Восточной Азии в Европу, поскольку грузам, направляемым из Китая, Японии, Южной Кореи в страны ЕС через Транссиб, на территории СНГ теперь нужно проходить только одну таможенную границу, что упрощает и ускоряет процедуры.

С другой стороны, по такой же логике **создание Таможенного союза усиливает конкурентные преимущества Казахстана перед российскими Сибирью и Дальним Востоком.** Ликвидация таможенной границы между Россией и Казахстаном делает для китайских партнёров использование именно казахстанских путей транзита более быстрыми и удобными. В этой связи можно ожидать оттока китайских грузов с Транссиба в пользу железной дороги, которая идёт через Западный Синьцзян в Казахстан и дальше —

в европейскую часть России. Этот путь короче и быстрее, и очевидно, что России нужно принимать комплекс быстрых и масштабных мер, резко увеличивающих коммерческую привлекательность Транссиба для транзитных грузов из Азии, иначе он проиграет в этой конкурентной борьбе.

Точно так же Казахстан становится конкурентом для российских проектов по транспортировке газа в Китай. Активное использование газопровода Казахстан—Китай может сделать китайских партнёров менее заинтересованными в строительстве новых газопроводов из России в Китай как по западному (Алтайскому), так и по восточному маршрутам. А это, в свою очередь, сделает ещё более жёсткой и без того неуступчивую китайскую позицию по вопросу о цене на российский газ. В результате существует опасность, что двусторонние российско-китайские проекты будут заблокированы или опять отложены.

Вот почему представляется насущно необходимым, чтобы Сибирь и Дальний Восток воспринимались как полноценный экономический субъект Евразийского союза. Важно, чтобы все решения федеральных властей России по вопросу интеграции с Казахстаном принимались с учётом стратегии развития Сибири и Дальнего Востока. Также целесообразно, чтобы одним из членов формируемой Комиссии Евразийского союза, делегируемых туда Россией, стал бы представитель Сибири. Крайне важно добиться того, чтобы новый интеграционный проект не стал помехой для развития собственных российских территорий.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК РЕГИОН СОТРУДНИЧЕСТВА И ОСНОВА ДЛЯ НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЫВКА

Однако главный потенциал становления России азиатско-тихоокеанской державой имеет, в первую очередь, внутрисибирский характер и может быть реализован в рамках предлагаемого «Проекта Сибирь». Его составляющими должны быть развитие инфраструктуры (включая такие масштабные проекты, как запланированное строительство космодрома «Восточный» в Амурской области), производств по глубокой переработке сырья и создание ориентированного на рынки Азии сельского хозяйства, добычи и глубокой переработки сырья, леса и других водоёмких производств. Для этого потребуются осознанная государственная политика по максимально широкому привлечению российских и иностранных инвестиций, предоставление инвесторам максимальных льгот и гарантий. **Новый подъём Сибири и Дальнего Востока возможен только при массированном привлечении иностранных и российских (в первую очередь иностранных, учитывая относительный дефицит российских) инвестиций, при расширении системы их гарантий.** Государственные инвестиции должны в первую очередь идти в создание инфраструктуры. В результате Китай и другие страны Азии получат доступ к российским ресурсам непервичной степени переработки и сельхозтоварам, относительный дефицит которых в Азии нарастает. Там, где требуется, страны Центральной Азии, Китай, Индия и Северная Корея могут предоставить дефицитную рабочую силу.

Исходя из сложившихся закономерностей в региональной экономике АТР, можно выделить несколько ключевых отраслей, в которых российские Зауралье и Дальний Восток обладают конкурентными преимуществами. Одним из таких преимуществ является наличие богатейших водных ресурсов. Соответственно, это предоставляет возможность для ускоренного развития в регионе водоёмких производств: сельского

хозяйства (в т.ч. производство зерна, кормов и мяса), лесопереработки, целлюлозно-бумажной промышленности и других — с целью экспорта на рынки АТР.

Население стран Восточной Азии нуждается во всё большем количестве продовольствия. Постоянно растёт спрос на зерновые, корма и мясо, подстёгиваемый повышающимся уровнем жизни населения и переходом традиционно ориентирующихся на рис и овощи обществ на белковую пищу (с 1990 по 2007 г. в странах Восточной Азии подушевое потребление мяса возросло на 125%). Растёт спрос и на другие виды водоёмкой продукции. Например, потребление бумаги в Китае на душу населения за последние 20 лет выросло в 5,5 раза. Государства Азии вынуждены постепенно переходить от самообеспечения к импорту товаров, производство которых требует большого количества водных, земельных и лесных ресурсов.

Огромные конкурентные преимущества в данных отраслях имеет Россия, обладающая обширными площадями пригодных для сельскохозяйственного использования земель (9% мировых пахотных земель) и большими запасами пресной воды (5% мировых ресурсов), при этом значительная часть этих ресурсов не вовлечена в хозяйственный оборот. Россия имеет колоссальные резервы как для расширения пахотного клина (не менее 10 млн га), так и для повышения продуктивности зернового поля (возможно повышение урожайности зерновых не менее чем в 2,5 раза). Ни одна страна мира не имеет такого потенциала роста. Изменения климата также предоставляют России возможности для увеличения валовых сборов за счёт расширения существующих ареалов производства основных сельскохозяйственных культур, вовлечения новых ареалов и внедрения более теплолюбивых и продуктивных сортов.

В этой связи не будет преувеличением отметить, что российские Зауралье и Дальний Восток предстают как своего рода «последняя целина» — один из немногих регионов земли, пригодных для пахотного земледелия, которые далеко не полностью используются в сельском хозяйстве. Освоение этой целины должно стать важнейшей стратегической задачей.

В настоящее время в растениеводстве России важную роль играет Алтайский край с его значительными территориями чернозёмов и 1/10 пахотных площадей всей России (77 млн га в России в целом, из них 7 млн га — на Алтае). Масштабное сельскохозяйственное производство в степной зоне Алтайского края было связано с предыдущим массовым освоением целины в 1950-е гг. Другой потенциально значимый и уже используемый регион производства зерновых — это Минусинская котловина на юге Красноярского края и в Хакасии, которая тоже обладает чернозёмными почвами и необходимыми климатическими условиями для выращивания пшеницы.

К этим уже освоенным, но имеющим потенциал развития районам зернового производства по почвенно-климатическим условиям можно добавить четыре района Забайкалья и Дальнего Востока, которые и составляют «последнюю целину». Это, во-первых, Даурские степи на юге Читинской области и Бурятии с плодородными южными чернозёмами и каштановыми почвами, ещё в значительной степени нераспаханными. Во-вторых, это южная часть Амурской области — низменности в междуречье Амура и Зеи, часть которых уже используется в сельском хозяйстве. Амурскую область иногда называют житницей Дальнего Востока. Благоприятные почвенные условия (подзолисто-бурозёмные почвы к западу от Зеи, и чернозёмовидные — к востоку от неё) делают возможным дальнейшее значительное расширение пахотных площадей. На 2012 г. правительство Амурской области уже планирует расширение пашни в регионе. В-третьих, это

приамурская низменность в Еврейской АО, где для эффективного земледелия требуется масштабная мелиорация — осушение площадей, после чего также будет возможен значительный прирост сельхозпроизводства. И, в-четвёртых, потенциально почвенные условия могут способствовать развитию земледелия в Центральной Якутии — между Леной и Вилюем, где на палевых мерзлотно-таёжных почвах находится один из самых сухих и продуваемых воздухом участков тайги. Ещё в советское время в этом регионе в значимых объёмах происходило производство овощей, а глобальное потепление в перспективе может сделать рентабельным и массовое выращивание зерновых. Наконец, к этим четырём районам новой целины следует добавить и старый традиционный район земледелия на Дальнем Востоке, где производится соя, — Приханкайская низменность на юго-западе Приморского края. В этом районе также возможна интенсификация производства.

Освоение этой новой целины сделает Дальний Восток России коммерчески значимым производителем пшеницы и кормов в регионе АТР. Главными её внешними потребителями могут стать Китай и другие страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Основной сельскохозяйственный регион центрального Китая — Великая китайская равнина между Янцзы и Хуанхэ — по климатическим условиям специализируется не на пшенице, а на рисе. Но производство зерновых достигло пика и сокращается. Пшеницу же в Китае выращивают, главным образом, только в одном регионе на северо-востоке страны — в Сунгарийской низменности (долине Сунляо), расположенной в центральной части провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин вдоль рек Сунгари и Ляохэ. Но для миллиардного населения Китая потенциала одного этого региона явно недостаточно, поэтому сельскохозяйственное производство на новой целине, в Забайкалье и на Дальнем Востоке России, получило бы стабильный рынок сбыта в КНР.

Для закрепления России на рынке зерна в АТР недостаточно только расширения пахотных площадей, создания индустрии производства мяса птицы и свинины, необходимо создание транспортной и портовой инфраструктуры. К настоящему моменту все имеющиеся бункерные зерновые терминалы России находятся только в портах европейской части страны (крупнейший — в Новороссийске), поэтому основным потребителем российской экспортной пшеницы являются страны Средиземноморья и Ближнего Востока: Египет, Турция, Сирия и другие. На рынке АТР Россия представлена лишь в минимальной степени, и поставка пшеницы в страны Восточной Азии полностью монополизирована американскими и канадскими производителями. В этой связи общегосударственное стратегическое значение получает строительство бункерного зернового терминала на Дальнем Востоке. Государству также необходимо пересмотреть железнодорожные тарифы на перевозку зерна, делающие экспорт невыгодным. Ведь в царские времена алтайская пшеница шла в Европу.

В целом **в области сельского хозяйства перспективным является наращивание экспорта из России в Китай и другие страны водоёмкой сельскохозяйственной продукции — зерна, кормов и мяса.** Это позволит Китаю экономить собственные дефицитные водные ресурсы, а России — занять нишу на предъявляющем платёжеспособный спрос растущем рынке. Необходимо активное привлечение в данную отрасль не только китайских, но и западных и других иностранных инвестиций.

Перспективным и необходимым является увеличение взаимной привлекательности России и Китая с точки зрения торговли продовольственными товарами (путём проведения выставок сельскохозяйственной продукции, совместных семинаров представителей аграр-

ного бизнеса, масштабных рекламных кампаний продукции друг друга). Китай, являясь с 2003 г. ведущим мировым импортёром продуктов питания, представляет собой очень ёмкий рынок для российских экспортёров. Пока доля импорта из России в объёме закупаемой Китаем продовольственной продукции невелика, хотя Китай, насколько известно, заинтересован в увеличении этой доли. В производстве мяса на российских кормах и российской территории заинтересованы японские производители, обладающие передовыми технологиями.

В России до сих пор распространено пренебрежительное отношение к сельскому хозяйству как к низкотехнологичной, «грязной» работе, на которой вынужденно специализируются наименее развитые страны мира. Такие представления, однако, не отражают реальной роли сельского хозяйства в современном мире, особенно в развитых странах. На Западе сельское хозяйство — это не только важная составляющая экономики стран, а также респектабельное занятие среднего класса, но и ядро нового научного направления, связанного с биотехнологиями. В связи с тем, что мировой продовольственный кризис неизбежно спровоцирует вторую зелёную революцию, перед этим технологическим направлением открываются широкие перспективы. Крупнейшими поставщиками продовольствия на мировой рынок являются США и Канада, одни из самых развитых государств мира. Но ресурс увеличения экспорта продовольствия из этих стран исчерпан, в то время как у России он огромен.

«Зелёные» (сельскохозяйственные) биотехнологии — одна из основ глобальной продовольственной безопасности будущего, и на этом рынке уже начинается активная борьба, протекающая пока без участия России. Между тем Россия обладает большим потенциалом в данной сфере. Несмотря на разгром генетики в советское время, Россия имеет достаточный научный потенциал для создания биотехнологического кластера в Восточной Сибири с использованием наследия научных институтов в крупных сибирских городах — результатов советского неоромантизма 1960-х гг. Толчком для развития этого кластера должна послужить комплексная программа освоения сибирских земель, требующая масштабных исследований в области агрономии и селекции, а также программа действий государства, направленная на снятие неписаного табу на научные разработки в области генной модификации и внедрение их результатов.

Современные биотехнологии не ограничиваются только растениеводством. Они применимы и в фармацевтике, производстве животных кормов, пищевой промышленности, лесном секторе, производстве водо-, почво- и воздухоочистительного оборудования, даже в энергетике (производство биотоплива). И без комплексной государственной поддержки соответствующие производства находят дорогу в Сибирь: в Бурятии уже действует лесопитомник с генно-модифицированными породами деревьев, в Новосибирской области и в Алтайском крае — крупные предприятия по производству ферментов и биодобавок. Масштабная государственная программа развития комплекса «сельское хозяйство — биотехнологии — смежные отрасли», объединяющая поддержку сельскохозяйственных производителей, научных институтов и высокотехнологичных компаний, позволит объединить разрозненные производства в единый кластер и повысить таким образом их эффективность.

Большое значение для построения данного кластера имеет развитие российско-китайской научной и технологической кооперации. В Китае уровень развития биотехнологий, в том числе сельскохозяйственных, хотя и растёт достаточно быстро, но всё ещё уступает ведущим миро-

вым образцам. Российско-китайская научно-технологическая кооперация в данной сфере была бы выгодна обеим сторонам. Большую роль здесь может сыграть использование механизмов БРИКС: единой базы данных БРИКС по сельскохозяйственному производству и проектов по международной сельскохозяйственной кооперации в рамках БРИКС. Непосредственно граничащие друг с другом Дальний Восток России и северо-восток Китая могут стать главными бенефициарами от этого сотрудничества.

В области борьбы с изменениями климата важную роль может играть импорт Россией китайских технологий «зелёной энергетики», привлечение китайских инвестиций в модернизацию российской энергетики и сокращение её углеродоёмкости. Возможна реализация проектов по импорту чистой электроэнергии из России в Китай, Южную Корею и особенно Японию, стоящую перед острым дефицитом энергии после аварии на Фукусиме. В первую очередь это касается гидроэнергии. **Грандиозные гидроэлектростанции Южной Сибири в настоящее время производят избыточную энергию в размере до 10 млн кВт, которая может быть направлена на экспорт.** Основная сложность при этом состоит в неразвитости технологий транспортировки. Необходимы линии электропередачи нового поколения, в том числе сверхпроводящие или криогенные ЛЭП. Совместное строительство подобных ЛЭП, в перспективе сопровождающееся расширением мощностей российских электростанций, позволит Китаю смягчить энергетические проблемы северных районов, а России — получать выгоды от экспорта чистой энергии, имеющейся в избытке.

Помимо сельского хозяйства ещё одним водоёмким производством является деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Россия занимает первое место в мире и по запасам (свыше 23% мировых запасов), и по площади (25% площади лесов мира) лесных ресурсов. При этом в настоящее время она экспортирует либо лес в чистом виде, либо низкокачественные продукты лесопереработки (например, газетную бумагу). Лесные богатства России позволяют существенно увеличить производство качественной продукции лесоперерабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (например, высококачественной бумаги) для нужд азиатского региона. Эта продукция должна заменить экспорт леса, неэффективный как с экономической, так и с экологической точек зрения.

Необходима новая инвестиционная стратегия в лесном и деревообрабатывающем комплексе Сибири и Дальнего Востока. Продолжение практики полуправильного вывоза российского леса невыгодно ни России, ни Китаю, так как сопровождается дополнительными рисками и существенными тратами воды при переработке древесины на китайской территории. Выигрывает лишь «серый бизнес». Перспективны китайские и другие иностранные инвестиции в российский лесной комплекс (от вырубки до производства готовой продукции и лесовосстановления) в обмен на преференциальный доступ КНР к продукции российской лесоперерабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.

Очевидно, что интеграция Сибири и Дальнего Востока в международную экономику АТР требует, прежде всего, оптимизации транспортной инфраструктуры. Пока единственным транспортным коридором, соединяющим европейскую часть России с Китаем, является Транссибирская магистраль, при этом имеется всего два выхода на Китай — через Забайкальск и Наушки (транзитом через Монголию). **Нет ни одной автомобильной дороги федерального значения, выходящей на границу с Китаем,**

и лишь две автомагистрали (М52 и М54) имеют выход на Монголию с перспективами дальнейшего выхода на Китай. Столь слабое развитие транспортной инфраструктуры существенно тормозит рост товарооборота между двумя странами. Нарращивание экспорта сельскохозяйственной и промышленной продукции в Китай также невозможно без инвестиций в строительство железных и автодорог, соединяющих две страны.

Россия, по нашим оценкам, обладает достаточным объёмом производственных мощностей для того, чтобы при условии модернизации производств самостоятельно осуществлять масштабные инфраструктурные проекты в Сибири и на Дальнем Востоке, а также производить транспортные средства (например, авторефрижераторы и специализированные грузовые вагоны), необходимые для экспорта продукции в Азию. И лишь современное высокоточное оборудование (например, для прокладки туннелей) необходимо будет закупать за рубежом.

В связи с малой плотностью населения в ряде районов Восточной Сибири и возможным недостатком российской рабочей силы невысокой квалификации (для строительства дорог, например), можно задействовать рабочую силу из-за рубежа — из Центральной Азии, Индии, Китая. Возможно и привлечение переселенцев из Центральной России. Но этот потенциал невелик: там налицо явный дефицит человеческого капитала. Высококвалифицированная рабочая сила (инженеры различной специализации, геологи, геодезисты, менеджеры) по большинству специальностей в России имеется, хотя и должна быть привлечена с европейской части территории страны. В связи с малым опытом строительства в России транспортной инфраструктуры в суровых условиях возможно привлечение высококвалифицированных специалистов, имеющих подобный опыт, из-за рубежа (из Канады или стран Скандинавии).

Одним из приоритетных направлений инвестиций должно стать создание в России крупных логистических центров, строительство которых пока планируется и осуществляется только на китайской территории, а также развитие портовых центров, прежде всего во Владивостоке, Хабаровске, Находке и других портах Дальнего Востока. В 2010 г. на заседании азиатской секции Международного дискуссионного клуба «Валдай» российскими участниками был выдвинут лозунг «Три моста и одна дорога». Речь идёт о строительстве трёх мостов через Амур по направлениям на Благовещенск, Ленинское/Биробиджан и Хабаровск, а также автомобильной дороги из китайского Синьцзяна на российский Алтай. Эти крупные транспортные проекты являются символическим индикатором того, насколько Россия на практике привержена курсу на открытость региона, зафиксированному в совместной программе. По тому, как быстро будут (и будут ли вообще) реализованы эти проекты, можно будет судить и о перспективах необходимой интеграции Сибири и Дальнего Востока в международную экономику АТР в целом — как по производственной, так и по транзитной составляющим. Не менее важно строительство инфраструктуры для резкого увеличения торговли с тихоокеанскими странами.

Огромное значение имеет и строительство энергетической инфраструктуры. Уровень газификации в Сибири и на Дальнем Востоке составляет 6,6% (в сельской местности — около 3%) при среднероссийском показателе в 63,2%. **Освоение газовых месторождений в рамках Восточной газовой программы должно быть дополнено созданием инфраструктуры, необходимой для доведения газа до конечного потребителя.** Одновременно необходимо совершенствование механизмов транспортировки энергии,

выработанной на крупных сибирских ГЭС. В настоящий момент по причине нехватки инфраструктуры электричество из энергоизбыточной Амурской области продаётся в Хабаровск и Владивосток по более высокой цене, чем в Китай. Вслед за транспортной и энергетической инфраструктурой необходимым является и развитие телекоммуникаций. В рамках национального проекта «Образование» Интернет в Сибири проведён во все школы и вузы. Установление веб-камер на избирательных участках перед президентскими выборами 2012 года позволило существенно расширить площадь и повысить качество интернет-покрытия — в настоящее время в Сибирском федеральном округе уровень проникновения составляет 44%, а в Дальневосточном — 48%. Эта работа должна быть продолжена. Если в Новосибирске уровень проникновения Интернета составляет 70% и превышает даже московский, то в малых городах ситуация намного хуже. Между тем цифровизация необходима для роста деловой активности в регионе, для повышения уровня развития образования и науки, а также, что немаловажно, для повышения информированности фермеров о метеорологических условиях и уровне цен.

Снять опасения по поводу того, что расширение российско-китайских экономических отношений приведёт к росту односторонней зависимости РФ от КНР, должно активное участие в «Проекте Сибирь» других стран: США, Японии, Южной Кореи, государств АСЕАН и Европы. Принцип «американские, китайские, японские, корейские и другие инвестиции в производство российских товаров и ресурсов для азиатского рынка» может стать весомым вкладом в мирное развитие всего АТР. Также этому будет способствовать прогресс в сближении России и Европейского союза в рамках предлагаемого «Союза Европы», окончательное преодоление раскола Европы, например через заключение нового Договора о европейской безопасности. Создав такой союз, Россия дотянет Европу до Тихого океана. Инвестиции в Зауралье, особенно в Забайкалье и на Дальний Восток, должны получить особую защиту и особые привилегии. Возможно даже возвращение к идее «особых экономических зон» для особенно важных типов инвестиций. Иначе российские коррупция и плохой инвестиционный климат будут блокировать развитие. Работа местных властей, губернаторов должна, как и в Китае, оцениваться в первую очередь по объёму привлечённых инвестиций. Участие государства предпочтительно не через прямую инвестиционную активность, грозящую коррупцией, а через страхование и гарантирование инвестиций.

Наконец, и с экономической, и с политической точек зрения **строительство экспортной и транспортной инфраструктуры должно быть нацелено на развитие отношений не только с Китаем, но и всем АТР.** Поэтому важнейшим направлением проекта должно стать развитие транспортных коридоров запад—восток, а не только север—юг. Особенно стоит избегать заикливания на Китае нефте- и газопроводов. Они должны идти в порты Дальнего Востока и оттуда — на весь рынок Тихого и Индийского океанов. Нельзя повторять вынужденную советскую ошибку, когда все газопроводы были построены только по линии восток—запад.

Принципиально новое звучание может приобрести в контексте ускоренного и открытого развития Сибири и Дальнего Востока вопрос сотрудничества России и других государств региона в Арктике, которая становится пока предметом псевдоконкуренции за неразведанные природные ресурсы. В связи с этим (и в условиях глобального потепления) **стратегически важным для России является модернизация Северного морского пути для международного коммерческого использования.** Его конкурентные пре-

имущества заключаются, во-первых, в скорости доставки грузов. К примеру, сухогруз из Йокогамы в Роттердам по маршруту мимо мыса Доброй Надежды идёт в среднем 29 дней, по маршруту через Суэцкий канал — 22 дня, а по Северному морскому пути — 15 дней. Во-вторых, активность сомалийских пиратов в Аденском заливе сделала крайне рискованным и дорогостоящим по страховым расходам использование маршрута через Суэцкий канал. Ситуация с безопасностью судоходства, скорее всего, будет усугубляться в связи с дальнейшей дестабилизацией Ближнего Востока после «арабской весны». Возрастающая активность нигерийских пиратов в Гвинейском заливе увеличивает эти риски и на маршруте, огибающем Африку. Севморпуть свободен от этих рисков и представляет собой самый безопасный маршрут из Восточной Азии в Европу.

Но для его эффективного коммерческого использования, помимо, естественно, стабильной тенденции на сокращение ледового покрова в Северном Ледовитом океане, необходима масштабная модернизация инфраструктуры. В настоящее время западная часть Севморпути до Енисея активно используется ледокольным флотом «Норильского никеля» и находится в рабочем состоянии. Восточная же часть совершенно запущена. Выше, в анализе итогов переписи населения, мы указали на угрожающую депопуляцию портовых точек Севморпути: Тикси, Певека и других. Портовые сооружения также требуют серьёзной модернизации, если не строительства заново.

Другая проблема в эксплуатации Севморпути связана с упадком метеорологического обеспечения судоходства. В постсоветское время была разрушена сеть сплошного метеорологического покрытия российской Арктики, и на многих участках Севморпути, особенно на востоке, судовождение происходит без должного метеорологического сопровождения. Другая проблема состоит в том, что крайне низкая зарплата и тяжёлые условия жизни привели к тому, что с метеорологических станций в Арктике уволилось значительное количество профессиональных специалистов, а приток молодых выпускников вузов крайне низок. В результате персонал метеостанций составляют случайные люди из местных жителей без необходимого профессионального образования.

Наконец, проблема Севморпути имеет и внешнеполитическое измерение. Практически всё арктическое побережье России сейчас является погранзоной, закрытой для посторонних, особенно иностранцев, и накладывающей очень сильные ограничения на коммерческую деятельность. Для полномасштабного запуска Севморпути необходимо раскрытие погранзоны в Арктике, что связано со сменой ментальности и стиля местных властей, зачастую не умеющих работать в открытой международной среде. Также необходимо избавление от бытующих у многих реликтовых убеждений, подпитываемых со времён холодной войны и связанных с ожиданием «врага с Севера». Впрочем, видели его отовсюду и даже видят до сих пор.

Запуск «Проекта Сибирь» будет иметь важнейшее значение и для внутривнутриполитического развития России. Талантливая и профессионально квалифицированная молодёжь получит возможность для успешной и достойной работы без необходимости покидать регион в поисках лучшей доли в Москве или за границей. В Сибирь же, а не за границу, может двинуться и часть талантливой молодёжи из центра России, для которой сейчас в значительной степени перекрыты вертикали мобильности и роста. А впоследствии, через несколько лет, часть этой молодёжи, с капиталом и опытом предпринимательства и управления, может пойти путём Михаила Прохорова и Александра Хлопонина — вернуться на командные высоты

в федеральном центре. Таким образом, «Проект Сибирь» может стать полноценным кадровым полигоном для новой России. А Россия, наконец, получит полноценный «большой проект», который ей необходим.

Понятно, что **потенциал новой Азии необходимо использовать и для инновационного развития российской экономики, создавая совместные научно-производственные комплексы с лидерами в этой области.** Особенно интересен с этой точки зрения Сингапур, обладающий выдающимся научно-производственным потенциалом и англосаксонской системой права, идеально защищающей право собственности, в том числе и на интеллектуальную продукцию, патенты. Как известно, во многих азиатских странах, в частности в Китае, новейшую продукцию часто копируют, вытаскивая затем инвестора.

ТРИ СТОЛИЦЫ:

МОСКВА — ПЕТЕРБУРГ — НОВЫЙ ВЛАДИВОСТОК

Запустить «Проект Сибирь», повернуть Россию на Восток будет непросто, в том числе и из-за ментальности, и из-за европоцентричности сознания, и из-за «москвоцентричности» политической системы. Мировой опыт показывает, что одним из ключевых факторов в ускорении развития приоритетных регионов страны является перенос туда столицы либо части столичных функций. Классическим примером стал здесь опыт Бразилии в 1950-е гг. по переносу столичных функций из Рио-де-Жанейро и постройке новой столицы страны в глубине её территории. Так возник город Бразилиа, ставший модельным для учебников градостроительства, а развитие страны стало более сбалансированным.

Перенос столицы Германии из Бонна в Берлин стал мощнейшим фактором развития земель бывшей ГДР и их эффективной интеграции с другими германскими землями. Недавний пример Казахстана по переносу столицы из Алма-Аты в Целиноград/Астану особенно ярко показывает эффективность подобной меры. Развитие степных регионов Казахстана получило благодаря этому шагу серьёзный дополнительный стимул. Весьма вероятно, что без переноса столицы Казахстан не смог бы удержать северные территории.

«Проект Сибирь» также получил бы приоритетное государственное внимание в случае, если часть столичных функций была бы перенесена в один или несколько городов Сибири и Дальнего Востока. При этом чисто символический перенос в Сибирь или на Дальний Восток лишь какого-то одного государственного института (например, Совета Федерации) не будет играть определяющей роли в ускорении развития региона, а приведёт лишь к ненужным затратам.

В этой связи оптимальным представляется более масштабное решение: перенести в новую сибирско-дальневосточную столицу социально-экономический блок правительства, оставив в Москве одних силовиков. Произойдёт естественное омоложение исполнительной власти: не все поедут. Сложившаяся десятилетиями система управления безопасностью страны не будет меняться, но при этом экономический центр развития объективно будет перенесён на восток. Именно этот подход послужит реальному развитию региона как ключевого государственного приоритета. В дополнение к этому все саммиты и международные встречи со странами АТР следует проводить не в Москве, а в новой тихоокеанской столице (столицах).

В географическом плане оптимальным представляется перенос столицы непосредственно на берег Тихого океана, и здесь район Влади-

востока является наиболее предпочтительным. В этом случае фактор столицы как «океанской витрины» России будет использован в полной мере. Начавшееся масштабное строительство в связи с саммитом АТЭС может послужить хорошим стартом для этого. В связи с этим о начале строительства нового столичного центра в районе Владивостока можно объявить и на самом саммите, тем самым показав приверженность России развитию своих восточных областей.

Перенос столицы к тихоокеанским берегам будет иметь и важнейшее значение для укрепления региональной гордости и идентичности дальневосточников. Сформировавшееся ещё в царское время и в краткий период существования Дальневосточной Республики чувство региональной идентичности и сопричастности у жителей региона было усилено в советскую эпоху. Сейчас же в связи с упадком и депопуляцией региона бывшее чувство гордости сменилось у дальневосточников депрессией, индифферентностью и эскапизмом. Перенос в Приморье столицы изменит эту ситуацию.

Важно ещё раз подчеркнуть, что перенос части столичных функций на Дальний Восток не означает отказа от внимания к развитию европейской части России. Для сбалансированного развития России наиболее оптимальной нам представляется схема трёх столиц: политической и военно-дипломатической столицы в Москве, культурной и судебной столицы в Петербурге и экономической океанской столицы на Дальнем Востоке. Сейчас же Москва фактически высасывает лучшие человеческие ресурсы из всей страны, ослабляя её развитие. Проект увеличения территории Москвы, при всей его логичности с точки зрения градостроения, вызывает изумление с политической и экономической точек зрения. Объективно он способствует ещё большей сверхцентрализации страны и обескровливанию провинции.

Перенос части столичных функций в район Владивостока, впрочем, тоже имеет ряд ограничений. Главное из них проистекает из традиционных, понимаемых в стиле XX века военно-стратегических соображений. В случае военного конфликта в регионе занятие Приханкайской низменности между Уссурийском и Спасском и перерезание Транссиба очень быстро сможет оставить Владивосток в сухопутной блокаде, и столица будет отрезана от страны. Это напоминает ситуацию с Ленинградом, когда в 1920–1930-е гг. граница проходила в непосредственной близости от города, что стало одной из причин советско-финской войны. Но сейчас уже давно не XX век, Россия является ядерной сверхдержавой, а наделение Владивостока столичными функциями будет чётко символизировать бесповоротный настрой России на мир и сотрудничество с Китаем, означать готовность не только развивать, но и защищать Дальний Восток.

Другой ограничитель проистекает из тенденций экономического развития востока России последних лет. Для формирующихся сейчас новых производственно-технических комплексов севера Иркутской области и юга Якутии, которые могут стать локомотивом развития всего Дальнего Востока в среднесрочной перспективе, а также для Восточной газовой программы выход к Тихому океану значительно удобнее осуществить не во Владивостоке, а гораздо северней — между Николаевском-на-Амуре и Советской Гаванью. Именно туда уже сейчас направляются мощные инвестиции и реализуются масштабные программы. Запуск в эксплуатацию нефтяного терминала в порту Де-Кастри для сахалинской нефти, проекты по модернизации Ванинского порта и другие проекты в этом регионе являются ярким тому свидетельством. Ожидаемый в ближайшем будущем запуск проекта

«Сахалин-3», самого богатого по запасам газа в регионе, а также озвученные руководством страны идеи о поддержке строительства моста из Лазарева на Сахалин сделают именно этот регион инвестиционным центром Дальнего Востока, притягательным в том числе и для масштабных японских инвестиций. Удалённый оттуда юг Приморского края может остаться в стороне от этого экономического роста.

Но в любом случае, следуя приоритетам открытия России в Азиатско-Тихоокеанский регион, новая столица должна быть расположена близ океана, а не в центре страны. Поэтому все возможные варианты по главному ходу Транссиба от Екатеринбурга через Омск и Новосибирск до Красноярска и Иркутска не смогут решить эту задачу. От них до Тихого океана почти так же бесконечно далеко, как и от Москвы. Классическая геополитика начала XX века здесь уже не работает.

Есть, конечно, и другие, более экзотические варианты по переносу столицы. Это ресурсно-алмазная столица — Якутск, аграрно-рекреационная столица — Барнаул, «первая» сибирская столица — Тобольск, где сохранился единственный в Сибири кремль. Но все эти варианты служат лишь для остроты дискуссии, океанская же столица на Дальнем Востоке России представляется насущно необходимой.

Естественно, что перенос столицы невозможен в один день. Перенос бразильской столицы тоже проходил постепенно. Необходима подготовительная экономическая работа, к этому нужно готовить общественное мнение страны и мира. Поэтому Саммит АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. представляется удобной возможностью для объявления стратегии переноса столицы. С этого момента возможно начало осуществления поэтапного плана переноса.

Наконец, все политические лидеры, переносившие столицу, остались в истории как масштабные созидатели. Петр Великий, основавший Петербург — классический тому пример. Бразильский президент Жуселино Кубичек, построивший их новую столицу, также остался в исторической памяти Латинской Америки как один из самых ярких политиков континента. Гельмут Коль вошёл в историю благодаря не только объединению Германии, но и строительству нового Берлина. Место для нового Петра Великого в современной российской истории ещё свободно. Он, безусловно, основал бы новую столицу не на Балтийском море, а на Тихом океане.

Коллектив авторов уже много лет работает над темой нового освоения Сибири и Дальнего Востока и может констатировать, что в последнее время заметны позитивные сдвиги в этом направлении. В последний год процесс развития этих территорий стал приобретать организационные черты. В частности, в мае 2012 г. было создано Министерство по развитию Сибири и Дальнего Востока. Мы не будем высказывать своего мнения по этому вопросу, а ограничимся повторением некоторых принципов, которые, на наш взгляд, должны лежать в основе российской политики на восточном направлении:

- Открытие всей России через Зауралье новой «поднимающейся Азии»; максимальная открытость Сибири и Дальнего Востока для экономического взаимодействия с азиатскими соседями.
- Использование конкурентных преимуществ, которые азиатский рост предоставляет России, а не устаревших схем типа «новой индустриализации».
- Максимальное привлечение для развития Зауралья иностранных инвестиций не только из Китая, но и из США,

Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН и ЕС под специальной защитой российского государства.

- Создание преференциальных условий для талантливых и энергичных людей, особенно молодёжи, как из самого Зауралья, так и со всей страны; трансформация региона в зону развития и творчества для всей России.

ВЗГЛЯД «ВЕЛИКОГО ОКЕАНА»

На протяжении всего сборника эксперты отвечают на вопрос, зачем России — Восток: приводят «провосточные» аргументы и для российской политической элиты, и для бизнеса, и для населения. Однако не менее интересный сюжет: зачем Россия и, в первую очередь, российский Дальний Восток — Азии? На эти вопросы в книге отвечают эксперты из стран региона, и ответы эти сильно варьируются:

- Япония, по мнению Тайсукэ Абиру, делает ставку на энергетику и СПГ, в том числе с акцентом на Арктику. А кроме того — на неэнергетический диалог и важность вспомогательной инфраструктуры для инвесторов.
- Китай, о котором пишет профессор Фэн Шаолэй, интересуется многостороннее и многоплановое сотрудничество на Дальнем Востоке с прицелом на Арктику.
- Для Республики Корея принципиально важна торговля, при этом профессор Ли Чжэ Ён подчёркивает идеальное совпадение российских приоритетов развития Дальнего Востока и внешнеполитических интересов Республики Корея.
- Индия видит долгосрочную совместимость с Дальним Востоком по базовым экономическим параметрам, и, как отмечает Санджая Бару, признаёт политическую обусловленность такого сотрудничества, но пока не видит простых путей конвертации этого в совместные проекты.
- Взгляд из Австралии, представленный в докладе доцентом Университета Нового Юэльса, Александром Королёвым, интересен как позиция важного конкурента Дальнего Востока в борьбе за рынки АТР.

Помимо собственно экспертного «зеркала», то есть подробного анализа возможностей и вызовов сотрудничества между российским Дальним Востоком и указанными странами, мнение партнёров по «Великому океану» интересно и рядом наблюдений общего характера.

Во-первых, распространённый внутрироссийский комплекс о «вынужденности» сотрудничества со странами Азии из-за кризиса с Западом не находит такого подтверждения в самой Азии. Видимо, в силу трезвой оценки конкурентных преимуществ региона «изнутри» мысль о российской заинтересованности в Азии от «безысходности» если и есть, то не является доминантной.

В Азии Россию заметили с 2000-х гг., похоже, больше, чем Россия в то время замечала Азию. Именно саммит АТЭС 2012 г. всеми экспертами из-за рубежа был воспринят как яркая декларация о намерениях в контексте реализации российской политики поворота на Восток. При этом в самой России и среди элит, и среди экспертов достаточно распространённой остаётся точка зрения, что поворот начался после 2014 г. из-за

резкой деградации отношений со странами Запада. Наиболее вероятная причина такого дисбаланса в представлениях связана с нехваткой актуальных знаний о возможностях азиатского региона и перспективах российских товаров и услуг в регионе, которую необходимо компенсировать системным развитием востоковедения в России.

Во-вторых, хотя все эксперты признают конкурентные преимущества Дальнего Востока, главным из которых видят его первозданность с точки зрения природных ресурсов, включая землю как таковую и пресную воду, — они при этом чётко разделяют долгосрочную привлекательность и принятие частных инвестиционных решений. Поэтому Дальнему Востоку, чтобы не прослыть в Азии «вечно подающим надежды», необходимо постоянно бороться за признание своей привлекательности. Остроконкурентная среда Азии требует продолжения интенсивной работы по выстраиванию многомерной сети связей между Дальним Востоком и азиатскими рынками, гражданами и информационным пространством региона.

В-третьих, опять же вопреки расхожим в России мифам Дальний Восток воспринимается в регионе как пространство с таким обширным полем для развития, что оно не порождает конкуренции между потенциальными азиатскими партнёрами. Ни одна из стран региона не навязывает Дальнему Востоку эксклюзивного партнёрства и, более того, приветствует диверсификацию связей из опасений перед слишком сильным усилением соседей по региону — в первую очередь эти опасения относятся к Китаю, но затрагивают и Корею, и Японию.

В-четвёртых, парадоксальной выглядит реакция на ТОРы в России и в странах Азии: при массовом скепсисе в российском информационном поле в отношении данного инструмента, именно ТОРы стали самым наглядным и понятным для азиатских экспертов форматом подтверждения «серьёзности намерений» России по развитию Дальнего Востока.

В контексте наращивания отношений со странами Азии данный случай является важным примером необходимости выстраивания комплекса мер не только по изменению реальных условий работы и жизни на Дальнем Востоке, но и по изменению образа региона как внутри России, так и в странах-партнёрах. О направлениях таких изменений подробно рассказано в отдельных страновых комментариях.

Япония и развитие российского Дальнего Востока

Тайсукэ Абиру

старший представитель московского филиала Японского
банка международного сотрудничества (JBIC) в Москве

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Главная задача активного участия администрации Синдзо Абэ в поддержке развития российского Дальнего Востока с участием японских компаний — создание благоприятных условий для разрешения территориального спора и заключение мирного договора с Россией. Сотрудничество Японии и России на российском Дальнем Востоке является частью плана администрации Абэ из восьми пунктов. Что касается экономического сотрудничества на российском Дальнем Востоке, существует два основных направления, которые требуют отдельного изучения. Первое направление — это традиционное сотрудничество в нефтегазовой сфере, инициируемое в основном крупными компаниями. Второе — это новые направления бизнеса, в развитии которых заинтересованы преимущественно малые и средние предприятия.

В сфере энергетики большие надежды связывались с преодолением последствий инцидента на АЭС «Фукусима» в 2011 г. Ожидалось, что сотрудничество между Японией и Россией могло расшириться вследствие быстрого наращивания импорта сжиженного природного газа (СПГ) Японией. К сожалению, результаты не оправдали этих ожиданий по ряду причин. Между тем в предстоящем десятилетии представится ещё не одна возможность расширить российско-японское сотрудничество в области энергетики. Во-первых, предстоит начало нового цикла подписания долгосрочных контрактов на поставки СПГ японскими коммунальными предприятиями — возможно, это случится уже в 2023 г. Во-вторых, высока вероятность того, что весь Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), включая Китай и страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), будет резко наращивать импорт СПГ. Следовательно, в ближайшем будущем Россия сможет расширить присутствие не только на японском рынке, но и во всём АТР.

Что касается экономического сотрудничества, не связанного с энергетикой, то стоит отметить, что сразу несколько малых и средних предприятий Японии решили использовать систему специальных экономических зон на российском Дальнем Востоке для прямых инвестиций в новые направления деятельности, такие как сельское хозяйство, туризм, здравоохранение и т.д. Количество подобных примеров пока невелико, но это новый тренд в экономическом сотрудничестве Японии и России. Нам нужно и дальше стремиться к укреплению этой тенденции.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ИНИЦИАТИВЫ АБЭ

Администрация Абэ, пришедшая к власти в Японии в декабре 2012 г., активно поддерживает японский бизнес, стимулируя его к участию в развитии российского Дальнего Востока. Тот факт, что сам премьер-министр Синдзо Абэ посетил пленарное заседание Восточного экономического форума (ВЭФ) во Владивостоке третий раз подряд с 2016 г., ясно показывает серьёзность его намерений. Не секрет, что главная цель его активной вовлечённо-

сти в эту деятельность — создание благоприятных условий для разрешения давнего территориального вопроса и заключение мирного договора с Россией. Этот подход был основан на предпосылке, что для решения сложных политических вопросов необходим процесс полномасштабного наращивания взаимного доверия между Японией и Россией через углубление сотрудничества и связей на всех уровнях, включая экономику. Одной из приоритетных областей экономического сотрудничества должно стать развитие российского Дальнего Востока, включая совместную экономическую деятельность на спорных Курильских островах.

Сотрудничество в сфере энергетики в рамках экономического взаимодействия на российском Дальнем Востоке необходимо изучать отдельно в силу особенностей её динамики. Если рассматривать российский Дальний Восток в географическом контексте, то к нему следует отнести и российское Заполярье, а также учитывать потенциальные последствия развития формирующегося Северного морского пути для Дальневосточного региона.

СЛОВА ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА О «ХИКИВАКЕ» В 2012 ГОДУ

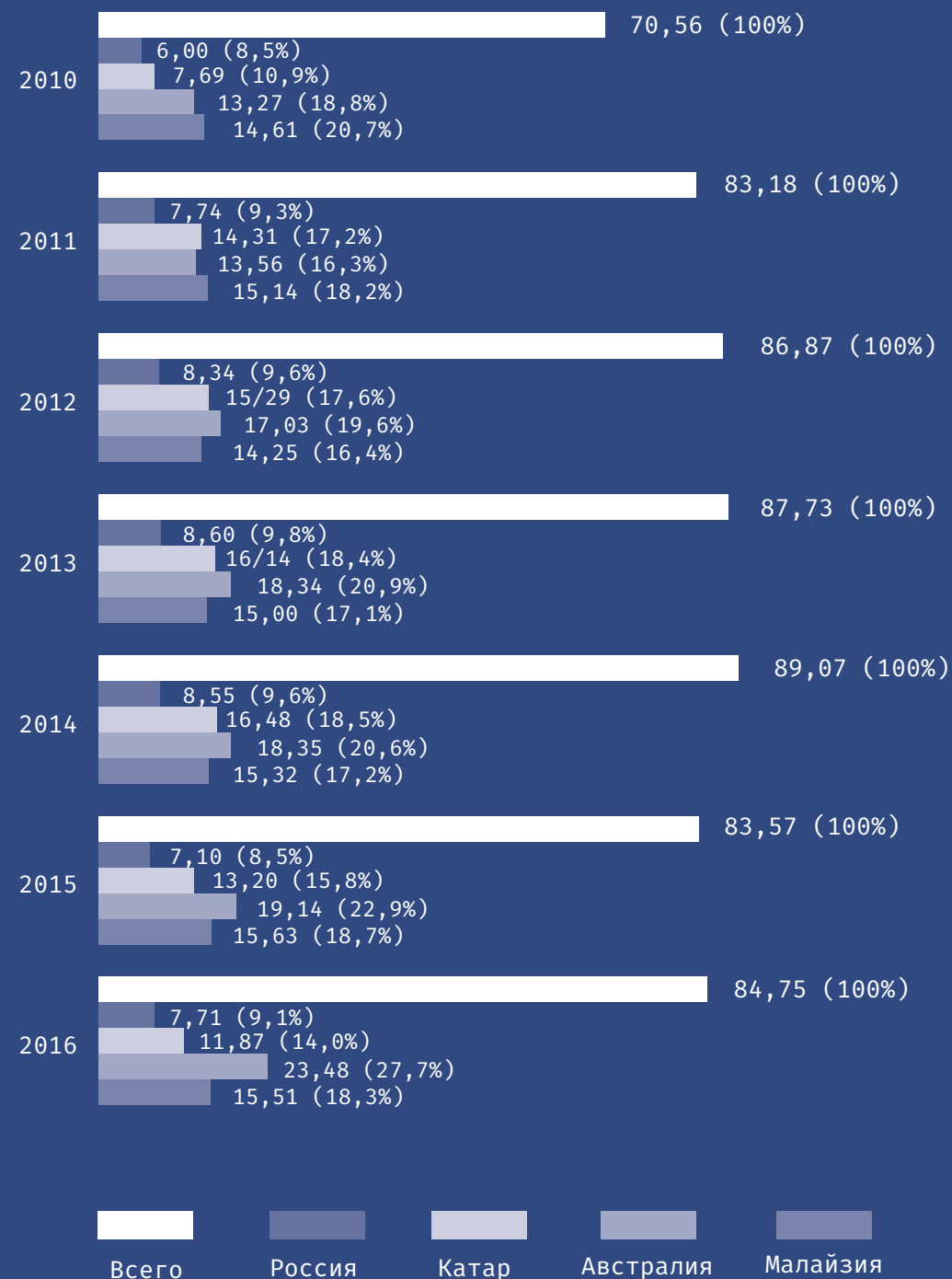
Существуют разные мнения о том, когда начался нынешний процесс активного развития отношений между двумя странами. Как представляется, поворотным моментом стала фраза «хикиваке» (по вопросу о дальнейших мероприятиях в рамках подписания мирного договора между Москвой и Токио. — Прим. ред.), произнесённая Владимиром Путиным, в тот момент занимавшим должность премьер-министра, на пресс-конференции с зарубежными журналистами в марте 2012 г., среди которых был и корреспондент японской газеты Asahi. В дзюдо этот термин означает «ничья», а произнесена она была за два месяца до возврата Путина на президентский пост.

Традиционно важнейшим экономическим партнёром России был ЕС. Россия сильно зависела от Европы, которая была главным рынком сбыта для российского энергетического экспорта, а также источником финансирования и новых технологий для модернизации российской экономики. Однако, если в ЕС после шокового известия о банкротстве Lehman Brothers Holdings (американский инвестиционный банк, ранее один из ведущих в мире финансовых конгломератов. — Прим. ред.) в сентябре 2008 г. начался длительный экономический кризис, Китай восстановился быстрее других стран, уже в 2010 г., за счёт гигантских государственных инвестиций. В этот период Китай стал наращивать активность в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. В ноябре 2011 г. администрация президента Барака Обамы в США объявила новую политику «поворота к Азии».

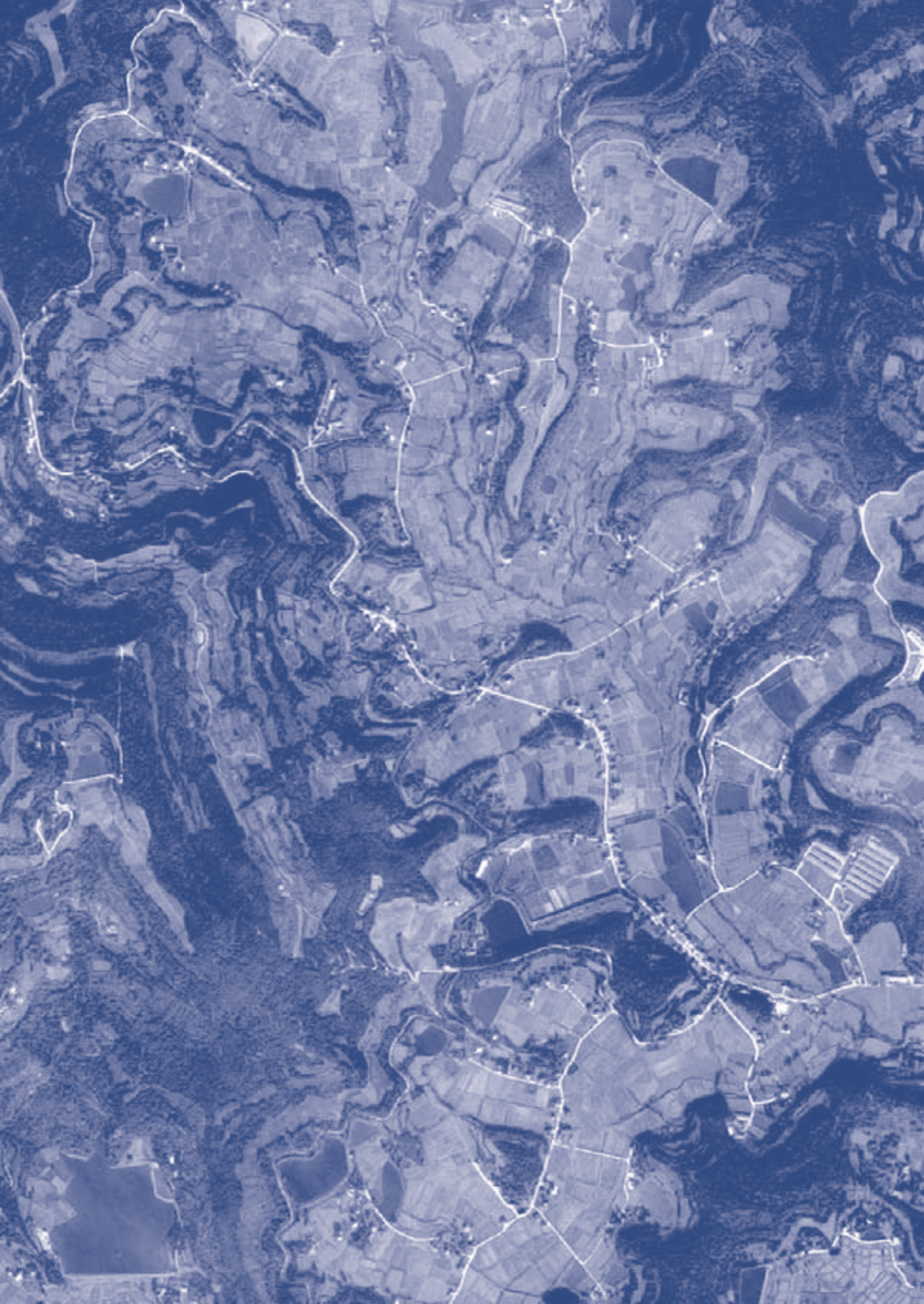
При быстром сдвиге центра тяжести в мировой политике и экономике Россия неизбежно была вынуждена начать активную политику диверсификации экономических партнёров, отказываясь от исключительной ориентации на Европу в пользу наращивания связей с АТР. В этом стратегическом контексте развитие российского Дальнего Востока в качестве «ворот» в АТР стало одним из главных стратегических приоритетов администрации Путина.

С одной стороны, нет сомнений в том, что самым важным партнёром для России должен быть Китай, опередивший Японию и ставший второй экономической державой мира после США в 2010 г. С другой стороны, Россия хочет избежать излишней экономической зависимости от Китая, поскольку она может перетечь в политическую сферу. Поэтому администрация

Объёмы импорта СПГ Японией из четырёх стран-экспортёров, млн т

Источник: Министерство экономики, торговли и промышленности Японии

Путина задалась целью максимально диверсифицировать своих экономических партнёров в развитии Дальнего Востока, включив в их число Японию, Южную Корею и другие страны. Японские политические элиты всерьёз восприняли фразу «хикиваке», произнесённую Владимиром Путиным, как своего рода стратегический сигнал от России.

Создание Министерства по развитию Дальнего Востока и проведение саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке ознаменовали разворот российской политики в сторону Азии, который был инициирован президентом Путиным. В декабре 2013 г., выступая с традиционным ежегодным посланием к Федеральному Собранию, Путин заявил о том, что развитие Сибири и Дальнего Востока — «наш национальный приоритет на весь XXI век».

ПЛАН СОТРУДНИЧЕСТВА ИЗ 8 ПУНКТОВ И ВИЗИТ ПУТИНА В ЯПОНИЮ

С приходом администрации Абэ к власти в Японии в декабре 2012 г. контакты между Японией и Россией на высшем уровне резко интенсифицировались. В апреле 2013 г. премьер-министр Абэ посетил с визитом Москву в сопровождении делегации японских бизнесменов в составе около 120 человек и провёл встречу с президентом Путиным. В феврале 2014 г. Абэ снова посетил Россию, чтобы присутствовать на церемонии закрытия Олимпийских игр в Сочи. Состоялась ещё одна встреча Абэ и Путина. Это был уже пятый российско-японский саммит менее чем за год. Премьер-министр Японии пригласил президента Путина посетить Японию осенью 2014 г. Однако после кризиса на Украине, когда отношения между Россией и странами Запада резко испортились, Япония, будучи участником Группы семи, присоединилась к американским и европейским санкциям против России. Вместе с тем Япония ввела более мягкий санкционный режим в отличие от США и ЕС, чтобы минимизировать негативные последствия для реализации инициативы Абэ по укреплению двухсторонних российско-японских связей. Тем не менее запланированный визит президента Путина в Японию был отложен на более благоприятное время.

Процесс укрепления отношений между Японией и Россией возобновился лишь после визита в Москву министра иностранных дел Японии Фумио Кисиды в сентябре 2015 г. В мае 2016 г. на саммите в Сочи Абэ предложил план сотрудничества с Россией из восьми пунктов. Этот план включает:

- увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни;
- развитие комфортных для жизни чистых городов;
- фундаментальное расширение сотрудничества и обмена по линии малого и среднего бизнеса;
- энергетику;
- содействие диверсификации промышленности и повышению производительности труда в России;
- развитие промышленности и экспортной базы на Дальнем Востоке;
- сотрудничество в области передовых технологий;
- фундаментальное расширение гуманитарного обмена.

В сентябре 2016 г. премьер-министр Абэ впервые посетил ВЭФ во Владивостоке, где снова встретился с президентом Путиным. Абэ назначил на пост министра экономического сотрудничества с Россией, ответственного за реализацию плана сотрудничества из восьми пунктов, министра

экономики, торговли и промышленности Хиросигэ Сэко. Наконец, в декабре 2016 г. президент Путин посетил Токио. По этому случаю в рамках плана Абэ по сотрудничеству между правительствами и компаниями двух стран было подписано 80 документов. Правительства двух стран также договорились начать обсуждение о совместной экономической деятельности на четырёх спорных островах.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСЛЕ АВАРИИ НА «ФУКУСИМЕ»

Есть одна область, где Россия начала политику диверсификации в направлении АТР ещё до 2012 г., и это энергетика. Проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2», в которых участвует японский бизнес, позволили начать экспорт нефти в Японию, соответственно, в 1999 и 2005 гг. На фоне повышения цен на нефть российская государственная монополия «Транснефть», занимающаяся транспортировкой нефти, начала строительство нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий Океан на участке Тайшет (Иркутская область) — Сковородино (Амурская область) в 2006 г. Нефтепровод ВСТО был введён в эксплуатацию в 2009 г. Экспорт СПГ с месторождения «Сахалин-2» также начался в 2009 г. До недавнего времени «Сахалин-2» был первым и единственным в России предприятием по производству СПГ. Вполне очевидно, что именно 2009 г. ознаменовался резким ускорением диверсификации поставок российской нефти и газа на рынки АТР. В 2012 г. нефтепровод ВСТО был продлён от Сковородино до порта Козьмино в Приморском крае.

Великое восточно-японское землетрясение и последующая авария на АЭС «Фукусима» в марте 2011 г. резко увеличили спрос Японии на природный газ. Поначалу это также породило ожидания расширения сотрудничества Японии с Россией в области поставок газа. Поскольку Япония с четырёх сторон омывается морями, весь импорт природного газа осуществляется в виде СПГ. Общий объём импорта природного газа в Японию составлял 70,56 млн тонн по состоянию на 2010 г., но в 2014 г. он вырос на 26% — до 89,07 млн тонн.

Как отмечалось выше, предприятие по производству СПГ «Сахалин-2», управляемое компанией «Сахалин Энерджи», начало экспорт в 2009 г., будучи единственным российским экспортёром СПГ. Его акционерами являются «Газпром» (50% плюс одна акция), Royal Dutch Shell (27,5% минус одна акция), а также японские компании Mitsui (12,5%) и Mitsubishi (10%). В 2010 г. объём экспорта российского СПГ в Японию оставался на уровне 6 млн тонн, но в 2013 г. он увеличился до 8,6 млн тонн. После достижения этого пикового значения объём экспорта российского СПГ в Японию снизился за прошедшие два года до менее 8 млн тонн. Этот уровень существенно уступает объёмам газового импорта из Катара и Австралии. Катар увеличил экспорт СПГ в Японию с 7,69 млн тонн в 2010 г. до 16,48 млн тонн в 2014 г., а Австралия нарастила поставки СПГ в Японию с 13,27 млн тонн в 2010 г. до 23,48 млн тонн в 2016 г.

Главная причина заключалась в ограниченных возможностях предприятия «Сахалин-2», единственного российского предприятия СПГ на тот момент по увеличению объёмов производства. Проектная мощность его производственных линий составляла 9,6 млн тонн в год. Следовательно, для дальнейшего наращивания экспорта СПГ в Японию России нужны были новые предприятия по производству СПГ или увеличение производственных мощностей предприятия «Сахалин-2».

Ещё до марта 2011 г. у «Газпрома» были планы строительства нового предприятия СПГ во Владивостоке, а также наращивания

производственных мощностей «Сахалин-2» за счёт добавления третьей технологической линии. Более того, осенью 2012 г. в энергетической отрасли России начались дебаты о частичной либерализации монополии «Газпрома» на экспорт газа. Инициатива этих дебатов исходила от крупнейшей в России независимой газовой компании «Новатэк» и российской государственной нефтяной компании «Роснефть». Обе компании желали получить лицензию на экспорт СПГ и получили это право в ноябре 2013 г. «Новатэк» планировал построить завод по производству СПГ с проектной мощностью 16,5 млн тонн в год на полуострове Ямал в Заполярье, а «Роснефть» — новое предприятие по производству СПГ на Дальнем Востоке. Как уже упоминалось, японские компании участвуют в проекте «Сахалин-2» в качестве акционеров. Японское правительство и ряд японских компаний с самого начала реализации проекта «Газпрома» по строительству предприятия во Владивостоке принимали в нём участие. По некоторым данным, японские инвесторы были твёрдо намерены также участвовать в новом проекте «Роснефти» по производству СПГ на Дальнем Востоке, если бы он был запущен. «Новатэк» также вёл переговоры с японскими компаниями по поводу их участия в строительстве завода СПГ на Ямале.

С тех пор прошло почти пять лет, но на данный момент только по проекту завода СПГ «Новатэк» было принято окончательное инвестиционное решение и началось строительство предприятия. Представляется, что на подобный исход повлияло, по меньшей мере, два фактора: неблагоприятные рыночные условия для поставщиков СПГ после резкого падения цен на нефть в 2014–2015 гг. и отсутствие у «Газпрома» надёжных источников для поставок газа.

На последнем пункте следует остановиться подробнее. У «Газпрома» есть три газовых месторождения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, на которые можно было бы рассчитывать как на надёжные источники исходного газа, поступающего на сжижение в рамках проектов СПГ: Чаяндинское месторождение в Якутии, Ковыктинское месторождение в Иркутской области и Южно-Кириновское месторождение «Сахалин-3». Однако в мае 2014 г. «Газпром» подписал договор сроком на 30 лет о поставках природного газа с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC). По этому договору «Газпром» обязался поставлять 38 млрд кубометров газа в год с Чаяндинского и Ковыктинского месторождений. Более того, Южно-Кириновское месторождение «Сахалин-3» оказалось под секторальными санкциями США с августа 2015 г.

Несмотря на неопределённость, связанную с мировым рынком СПГ, завод по производству СПГ компании «Новатэк» на Ямале осуществил инвестиции в декабре 2013 г. и был введён в эксплуатацию в 2017 г. Во-первых, российское правительство оказало полноценную поддержку компании «Новатэк», включая создание инфраструктуры и освобождение инфраструктурных проектов от налогов. Во-вторых, «Новатэк» сумел привлечь китайских инвесторов, в том числе CNPC (20%) и Фонд Шёлкового пути (9,9%), а также французскую компанию Total (20%).

В конце концов, японские компании решили не участвовать в проекте СПГ «Ямал» в качестве акционеров. Вместе с тем, совместное предприятие с участием двух крупных японских инженерно-технических компаний JGC и Chiyoda сыграли важную роль генерального подрядчика, помогая разрешать любые технологические трудности, с которыми сталкивался этот первый в истории Заполярья проект СПГ, что позволило начать производство сжиженного газа на первой технологической линии предприятия в ноябре 2017 г. В декабре 2016 г. Японский банк международного сотрудни-

чества (JBIC) одобрил кредитную линию для предприятия «Ямал СПГ» в размере €200 млн с прицелом на экспорт изготовленного в Японии заводского оборудования.

Помимо этого, японские компании также активно участвовали в реализации проектов по транспортировке СПГ из Заполярья в АТР. В июле 2014 г. крупная японская судоходная компания Mitsui O.S.K Lines (MOL) совместно с группой судоходных компаний Китая присоединились к проекту транспортировки газа из «Ямал СПГ», подписав договоры с Южнокорейской судостроительной компанией Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering CO. на строительство трёх кораблей ледового класса для перевозки сжиженного газа. В марте 2018 г. первый танкер с СПГ ледового класса «Владимир Русанов» начал свою деятельность в районе полуострова Ямал.

ИНВЕСТИЦИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Если говорить о неэнергетическом сотрудничестве Японии и России на Дальнем Востоке, то, в соответствии с предложенным японским правительством планом сотрудничества из восьми пунктов (одной из ключевых целей которого является создание благоприятных условий для разрешения давней территориальной проблемы и заключения мирного договора с Россией), Токио активно поддерживает расширение российско-японского сотрудничества. Частью этого плана из восьми пунктов является экономическая кооперация на российском Дальнем Востоке. Однако нет необходимости говорить о том, что, несмотря на поддержку японского правительства, японские компании никогда не инвестируют свои средства в российский Дальний Восток, если это нецелесообразно с точки зрения бизнеса. В этой связи справедливо отметить ряд мер, предпринятых российским правительством, включая создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ), которые уже начали приносить определённые плоды.

По состоянию на 30 июня 2018 г. шесть японских компаний уже зарегистрировано в качестве резидентов ТОРов. Среди них российско-японское совместное предприятие JGC Evergreen, созданное по инициативе японской инженерно-технической компании JGC, которое уже запустило проект создания теплиц в Хабаровске для снабжения местного населения свежими огурцами и помидорами. В рамках проекта Sayuri, запущенного по инициативе японской корпорации Hokkaido, аналогичные теплицы появились в Якутске. Российско-японское предприятие «Хонока-Сахалин», к которому присоединилась компания Marushin Ivadera — один из крупнейших японских операторов спа-курортов с горячими источниками, — начало работу над созданием первого такого курорта в японском стиле на острове Сахалин. Японское предприятие Arai Shouji планирует два совместных предприятия с российским партнёром: «Терминатор» (по переработке автомобилей) и «Прометей» (по производству запчастей для электрокаров). «Мазда Соллерс» — совместное предприятие японской компании Mazda Motor и российской компании «Соллерс» — планировала в 2018 г. начать производство двигателей для автомобилей во Владивостоке. Следует отметить, «Мазда Соллерс» эксплуатирует предприятие по сборке автомобилей во Владивостоке с 2012 г.

Помимо этого три японские компании зарегистрированы в качестве резидентов СПВ. Среди них — Стивидорная компания «Славянский лесной терминал», созданная холдинговой группой Iida Group Holdings, планирующая построить заводы по глубокой переработке древе-

сины и производства пиломатериалов в Приморском крае. Компания JGC Hokuto Healthcare Service, созданная компаниями JGC и социальной медицинской корпорацией Hokuto, открыла реабилитационный центр во Владивостоке в мае 2018 г.

Как следует из приведённых примеров, началась диверсификация прямых японских инвестиций в Россию и постепенный отход от исключительной ориентации на традиционную энергетику и крупные автомобильные предприятия в пользу новых малых и средних предприятий в сфере сельского хозяйства, туризма, здравоохранения и т.д. Однако эта тенденция началась сравнительно недавно. Японии и России нужно прилагать дальнейшие усилия для её ускорения и расширения.

В апреле 2018 г. Тэруо Асада, председатель Японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству, представляющий Федерацию экономических организаций Keidanren (деловую федерацию Японии), в ходе российско-японского форума в Москве отметил: «В последнее время мы наблюдаем некоторые позитивные тенденции в наших торговых отношениях и инвестициях. Но этого недостаточно с учётом экономического потенциала обеих стран. В Keidanren мы понимаем, что развитие Дальневосточного региона будет лакмусовой бумажкой для определения будущего российско-японских отношений в экономической сфере. Однако до сих пор лишь небольшое число японских компаний используют возможность ТОРов. Мы не видим серьёзного прогресса в некоторых крупных проектах, на который изначально рассчитывали». Асада выдвинул три предложения российскому правительству: улучшение инфраструктуры, продление периода освобождения от налогов и сопровождение и обслуживание инвестиций.

Что касается третьего пункта, то Японский банк международного сотрудничества, Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона официально объявили на Российском инвестиционном форуме в Сочи в феврале 2018 г. о создании ООО «Платформа для поддержки японских инвестиций на Дальнем Востоке» (Japanese Project Promotion Vehicle in the Far East). «Платформа» нацелена на оказание консультационных услуг японским компаниям, инвестирующим в ТОРы и СПВ на Дальнем Востоке. Создание «Платформы» в тот момент, когда на Дальний Восток начали поступать инвестиции от японского малого и среднего бизнеса, представляется крайне своевременным шагом.

Более того, в рамках плана сотрудничества из восьми пунктов в сентябре 2017 г. японский JBIC IG, дочернее предприятие Японского банка международного сотрудничества, и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) запустили Российско-японский инвестиционный фонд (РЯИФ) — совместную инвестиционную структуру, в которую каждая сторона вложит по \$500 млн. По состоянию на 30 июня 2018 г. РЯИФ принял всего три инвестиционных решения, в том числе два по энергетическим и инфраструктурным компаниям, и одно по предприятию, работающему в сфере здравоохранения.

Что касается экономической деятельности на спорных Курильских островах в рамках двустороннего российско-японского сотрудничества на Дальнем Востоке, оба правительства уже определили потенциальные к реализации проекты в 5 сферах: аквакультура и морепродукты; тепличное овощеводство; развитие туризма по особым местам Курильских островов; внедрение генерации ветровой энергии; меры по снижению объёмов мусора. Продолжается межправительственный диалог по созданию правового механизма для реализации этих проектов. Главная роль в этих консультациях отведена министерствам иностранных дел обеих стран.

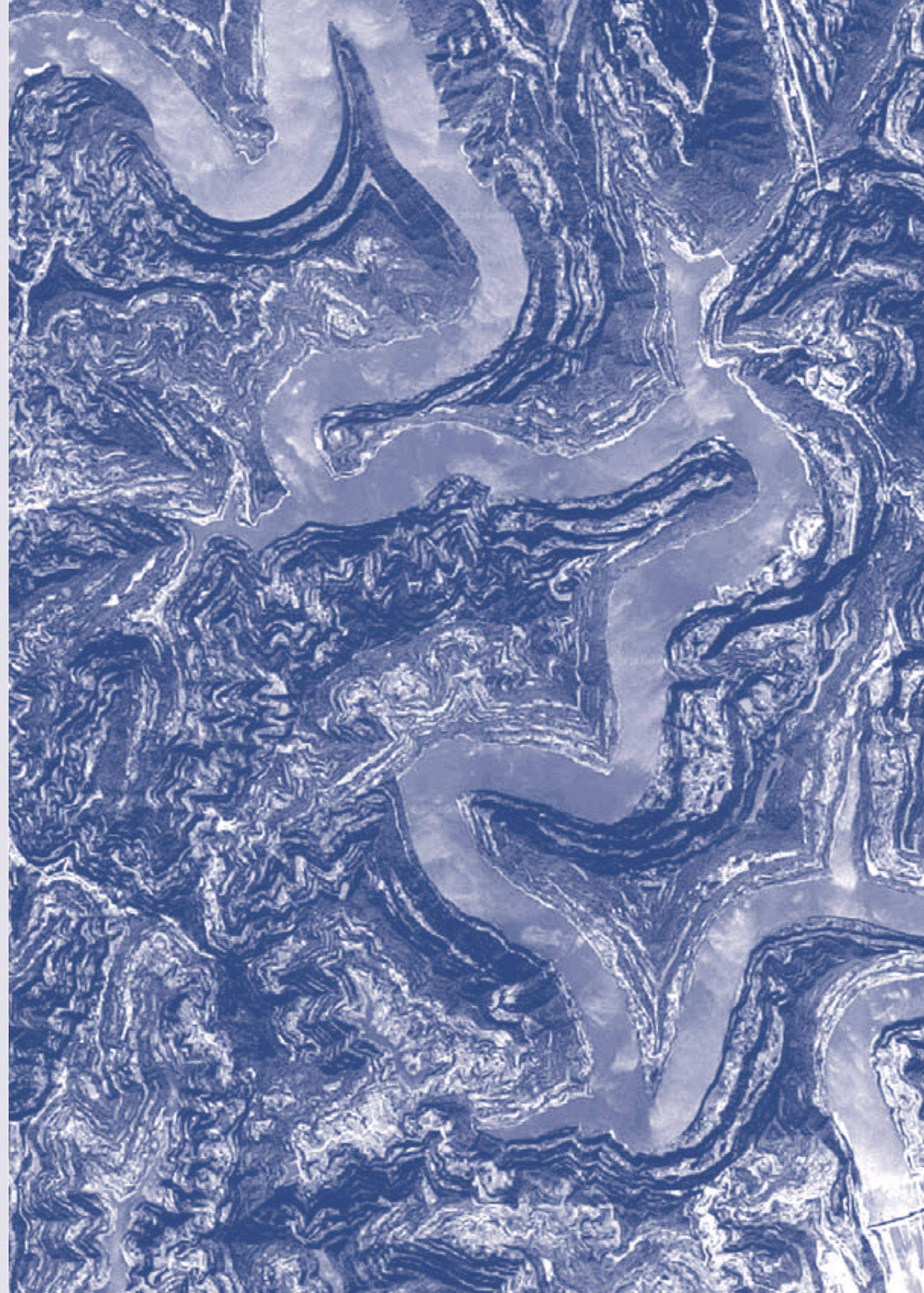
**ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ**

Возвращаясь к сотрудничеству Японии и России в сфере энергетики, следует отметить, что, согласно материалу «Последние события в индустрии природного газа и СПГ», подготовленному Японской национальной корпорацией по нефти, газу и металлам (JOGMEC) при Министерстве экономики, промышленности и торговли, есть вероятность того, что японские коммунальные компании подпишут новые долгосрочные контракты на закупку СПГ с учётом роста спроса с их стороны в промежутке с 2023 по 2024 гг. Правда, эти планы могут поменяться в зависимости от числа работающих в стране АЭС. Кроме того, высока вероятность, что спрос на СПГ во всём АТР, включая Китай и страны АСЕАН, резко вырастет в предстоящие десятилетия. На этом фоне мы наблюдаем резкое оживление проектов по производству СПГ в России.

«Сахалин Энерджи», контрольным пакетом акций которой владеет «Газпром», продолжает работу по созданию третьей технологической линии в соответствии с планом расширения предприятия по производству СПГ «Сахалин-2». «Роснефть» также собирается строить новое предприятие по производству сжиженного газа на Дальнем Востоке. В июне 2018 г. президент «Газпрома» Алексей Миллер упомянул возможность возвращения к проекту предприятия по производству СПГ во Владивостоке, который в 2015 г. был отложен на неопределённый срок. Давно разрабатывается проект строительства газопровода Япония — Россия, который свяжет Сахалин и Хоккайдо. «Новатэк» также работает над новым предприятием по добыче природного газа и производству СПГ на Гыданском полуострове в Заполярье («Арктик-2»). В мае 2018 г. французская компания Total, самый давний партнёр проекта «Ямал СПГ», договорилась о приобретении 10% акций проекта «Арктик-2». Согласно пресс-релизам, «Новатэк» также изучает возможность сотрудничества по данному проекту с японскими компаниями Mitsui, Mitsubishi, Marubeni и с корейской компанией KOGAS.

Обсуждаются и новые проекты в области транспортировки СПГ. В ноябре 2017 г. «Новатэк», Mitsui O.S.K Lines (MOL) и Marubeni подписали меморандум о взаимопонимании с целью совместной подготовки технико-экономического обоснования проекта по перевалке и маркетингу СПГ на Камчатке. Это проект создания береговой инфраструктуры для перегрузки СПГ с газовозов ледового класса на обычные танкеры. Данный проект обеспечит гибкие поставки СПГ в АТР.

Однако не только в России начато много новых проектов по производству СПГ, нацеленных на экспорт в АТР. Поэтому вышеупомянутые российские проекты столкнутся с жёсткой конкуренцией со стороны, в первую очередь, США и Австралии. Ключ к успеху — своевременное завершение проектов и предложение конкурентных цен. Между тем не вызывает сомнения большой потенциал будущего сотрудничества Японии и России в сфере энергетики и его расширение не только на японском рынке, но и во всём АТР.

Ответственный редактор
и руководитель авторского
коллектива:

С. А. Караганов
почётный председатель
Президиума Совета по внешней
и оборонной политике (СВОП)

Научные руководители проекта:

С. А. Караганов
почётный председатель
Президиума СВОП

В. Л. Ларин
директор Института истории,
археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

Члены авторского
коллектива:

И. А. Макаров
преподаватель кафедры
мировой экономики НИУ ВШЭ
(основной автор)

О. Н. Барабанов
профессор
МГИМО МИД РФ

Т. В. Бордачёв
научный руководитель
Центра комплексных
европейских и международных
исследований НИУ ВШЭ

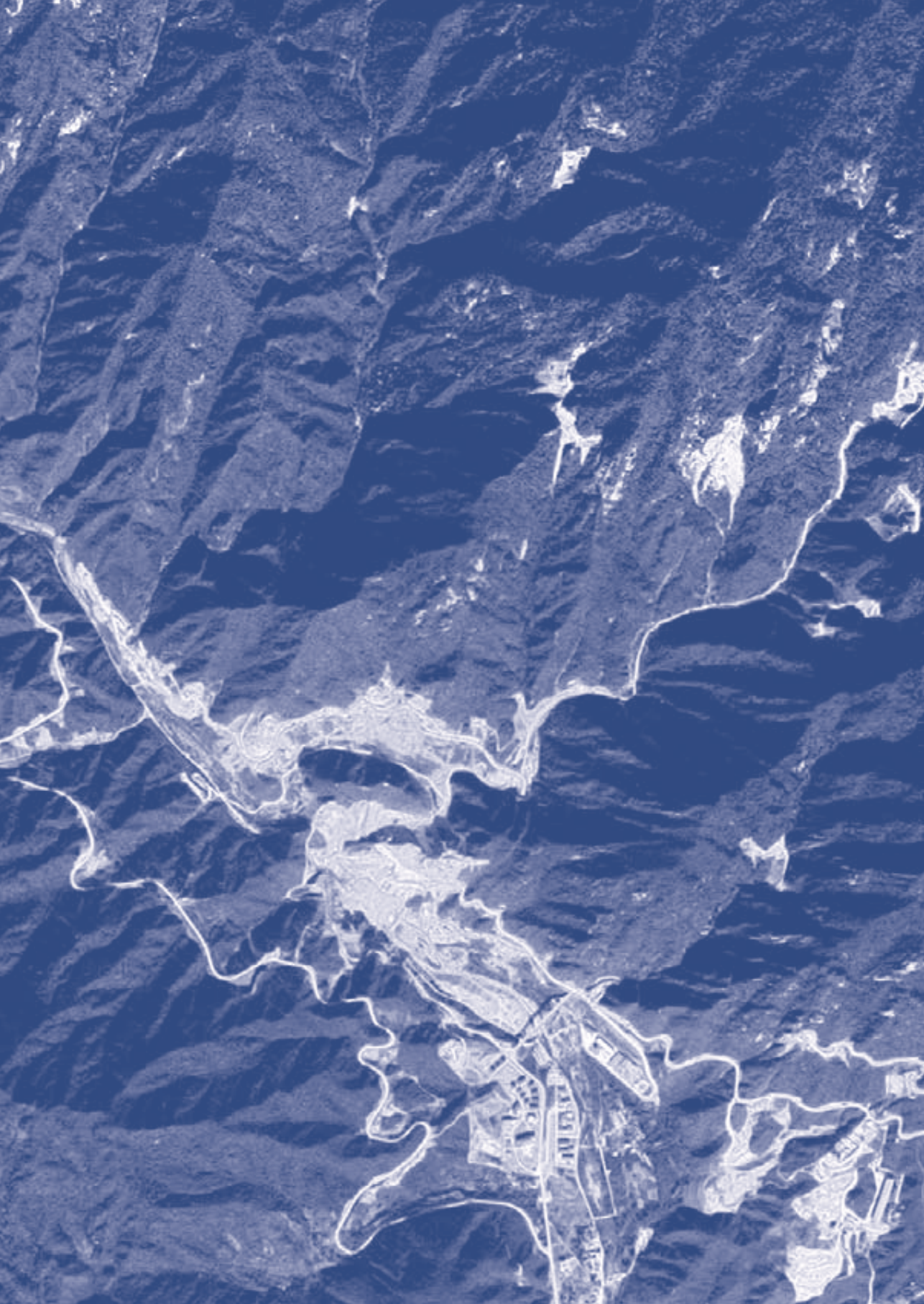
Е. А. Канаев
профессор кафедры мировой
политики НИУ ВШЭ

В. Л. Ларин
директор Института истории,
археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН

В. А. Рыжков
профессор кафедры
международных экономических
организаций и европейской
интеграции НИУ ВШЭ

Часть вторая

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ, ИЛИ РОССИЙСКИЙ РЫВОК К АЗИИ

Aerial view of a mountainous landscape with a river valley and a small town.

Взгляд из 2019 года

Сергей Караганов

Если первый доклад в серии «К Великому океану» обосновывал для российского общества и элиты выгоду и перезревшую необходимость экономического поворота к Азии через ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока, то этот, второй, намечает, и весьма комплексно, направления и даже многие конкретные инструменты этого движения. Это, пожалуй, наиболее фундаментальный из всех докладов. Он был подготовлен в 2013 г. и выпущен в самом начале 2014 г. Он вобрал в себя результат не только нашей работы предыдущих пяти лет, но и начавшие появляться исследования как учёных из Москвы, так и всё больше — из Сибири и Дальнего Востока. Соруководителем авторского коллектива доклада стал директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока В. Л. Ларин.

Нынешнее прочтение — через пять лет после публикации этого доклада — вызывает у меня смесь гордости, чувства удовлетворения и, конечно, досаду. Доклад до сих пор актуален, содержит немало прорывных идей, многие из которых воплощены или начинают воплощаться в жизнь. Может быть, единственным крупным устаревшим элементом доклада являлась ориентация нашей страны на выход в Азиатско-Тихоокеанский регион, казавшийся тогда новым будущим центром мировой экономики и политики. Но этот макрорегион не состоялся, в первую очередь из-за начавшей проявляться уже с 2015–2016 гг. и в полной мере вышедшей на поверхность при администрации Д. Трампа американской тенденции к протекционизму и односторонности.

Впрочем, в конце 2013 г. на одном из семинаров, сопровождавших наш проект консорциума институтов из России, Сингапура, Китая, Республики Корея, Норвегии, в первый раз прозвучал термин «Большая Евразия». Термин распространился среди участников, как огонь по сухой степи. И через год-два начал обрастать политическим и интеллектуальным «мясом» и стал концептуальной рамкой, в которую в России стали помещать и российский поворот на Восток, и «малый евразийский проект» — развитие того, что стало со временем Евразийским экономическим союзом, и китайскую инициативу «Один пояс, один путь».

В докладе была впервые сформулирована цель геополитического вхождения России в Азию как «неприсоединившейся» державы, но не периферии региона. Тогда такая цель казалась труднодостижимой и многие критиковали её как прожектёрство. До 2016–2017 гг. большинство азиатских партнёров не верили в серьёзность намерений, стоявших за политикой российского поворота, полагали, что это тактический манёвр перед возвращением к европо- и западнцентрической политике. Сейчас можно с удовольствием отметить, что российская дипломатия в Азии активизировалась на качество (хотя резервы этой активизации ещё далеко не исчерпаны). А в Азии поняли, что Россия пришла или вернулась туда навсегда. Западное и восточное направления практически сравнялись по интенсивности внешнеполитического взаимодействия — восточное вырывается вперёд, что соответствует реалиям сегодняшнего и будущего мира. Впрочем, естественно Россия не забросила и не будет забрасывать европейское и тем более, в перспективе, важнейшее американское направление — если и когда западные партнёры начнут преодолевать свои внутренние проблемы, являющиеся главной причиной их нынешнего приступа антироссийских настроений.

Произошёл и сдвиг в направлениях российской внешней торговли, в которую пять лет тому назад почти никто не верил. В 2019 г. торговля с Азией сравнялась с торговлей с Европой. В начале десятилетия она составляла третью или даже четвертую часть по сравнению с европейской. Россия диверсифицировала свои внешнеэкономические связи, усилив таким образом конкурентные позиции на мировом рынке.

А в совокупности внешнеполитическая активизация в Азии, на Ближнем Востоке, приоритетный рост российской азиатской торговли привели к искомому качественному сдвигу в соотношении сил в отношениях с Европой и Западом в целом. Из внешнеполитической и цивилизационной окраины Европы (Запада) Россия всё больше превращается в центральную или северную евроазиатскую державу со сбалансированными западным, восточным и, всё больше, южным векторами.

К тому же Россия начала активнейшую арктическую политику, к которой её призывали наряду со многими другими политиками и учёными и авторы этого доклада. В нём, пожалуй, впервые в российской научной и политической литературе системно критиковались повсеместно распространённые контрпродуктивные, уводящие в сторону от конкурентных преимуществ страны призывы к «новой индустриализации» Востока России. Вместо неё авторы делали упор на целесообразности развития высокотехнологичной экономики добычи и переработки сырья, развития опять же высокотехнологичного сельского хозяйства, других водоёмких производств, нацеленных на нуждающийся в них азиатский рынок.

В докладе немало конкретных предложений. Одно из них казалось совсем фантастическим — строительство в Сибири с её низкими температурами хранилищ данных, потребляющих для охлаждения гигантское количество энергии. Однако одно из них уже построено и потребляет на хранение информации в разы меньше энергии по сравнению с другими подобными хранилищами в Азии, расположенными, как правило, на 2–4 тысячи километров южнее.

Но, разумеется, не всё предложенное в докладе из того, что мы по-прежнему считаем актуальным, воплощено в жизнь. Досаду вызывает нереализованность многих, как нам кажется, плодотворных и даже, возможно, безальтернативных идей. Доклад исходил, а мы исходим и до сих пор, из необходимости развития всей Сибири как культурно-исторического, да и экономического целого, как нового большого проекта — земли роста в XXI веке. Пока большого проекта у России так и не появилось. А по не совсем понятным или просто бюрократическим причинам единый проект развития Сибири и Дальнего Востока как его части был разорван. И приоритет получило развитие только Дальневосточного региона. Будем надеяться, что объявленная на Петербургском международном экономическом форуме 2018 г. инициатива В.В. Путина по развитию центральных регионов Сибири восполнит этот пробел.

Не реализована до сих пор и абсолютно необходимая идея переноса части столичных функций в города Сибири и Дальнего Востока и создание третьей, промышленной, столицы России в центре Сибири и главное — четвёртой тихоокеанской столицы с переносом туда части министерств и офисов крупных компаний, особенно госкорпораций. Это дало бы мощный импульс развитию Зауралья, создало бы социальные лифты как для местной, так и для всей российской амбициозной молодёжи, стягивающейся и застаивающейся в старых столицах, не видящей при этом перспектив и часто уезжающей за границу.

Небольшое ненаучное отступление. Когда идея целесообразности такого «восточного социального лифта» начала пропагандироваться через СМИ, к одному из авторов доклада через социальные сети обратилась его дочь — весьма образованная и амбициозная молодая дама, работавшая в Москве преимущественно на западный рынок: папа, зачем ты гонишь нас в эти Сибирь и Азию? Там нет сотерна (высококласное французское десертное вино). Ответ был прост: сотерн будет там, где будут деньги, а именно на Востоке они и будут. (Хотя в Сибири всё-таки лучше пить водку или хотя бы виски.) Теперь эта молодая дама весьма успешно работает в Азии.

В докладе вновь и вновь повторяется формула: если бы Пётр I жил сейчас, он, безусловно, основал бы столицу не в устье Невы, а на тихоокеанском побережье. Россия по-прежнему ждёт новых Петра и Меншикова.

Недостаточно или плохо воплощается в жизнь идея о необходимом превращении региона в зону максимальной экономической свободы. А именно так он развивался, когда развивался быстро, во времена Российской империи. И это при весьма жёстком централизованном политическом контроле. Либеральные реформы конца XIX — начала XX века до Сибири, как правило, не доходили. Дальневосточные ТОРы лишь частично снижают административное давление, коррупцию и отсутствие эффективной защиты частной собственности. Из-за недостатка этой свободы недоиспользуется и даже истощается через внутреннюю и внешнюю эмиграцию человеческий капитал Сибири — в среднем лучший в России. За Уралом, на Дальнем Востоке, живут потомки поморов и казаков, осваивавших в исторически рекордные сроки гигантские территории, русских протестантов — старообрядцев, людей, привыкших выживать в тяжелейших условиях. Там не было крепостного права.

Туда уезжали наиболее предприимчивые крестьяне во времена столыпинских реформ. Туда, часто в нечеловеческие условия, ссылались в коммунистические времена элита российского крестьянства — «кулаки». Часть их потомков выжила. Там может и должна возрождаться российская пассионарность — удаль, кураж, изрядно истощившиеся за тяжкий XX век, уносивший поколение лучших в войнах, революциях, репрессиях.

Можно перечислить ещё несколько невоплощённых пока, но необходимых мер по подъёму Сибири и Дальнего Востока, по повороту к Азии. Но баланс — за выполненными шагами, за достижениями страны. Будем надеяться и на воплощение других предложений. «В России нужно жить долго».

Введение

С момента публикации доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай» «К Великому океану, или Новая глобализация России» прошло почти два года. На уровне деклараций поворот российской политики на Восток произошёл. Важность наращивания сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР) осознаётся большей частью политической и интеллектуальной элиты. Однако пока не удалось наполнить азиатский вектор российской политики реальным содержанием. Политика развития восточных регионов страны фактически топчется на месте. Не удалось, вопреки надеждам на Саммит АТЭС во Владивостоке, достичь и прорыва в интеграции России в АТР.

За счёт активности на многосторонних переговорных площадках и ряда объективных преимуществ России удалось добиться определённых успехов в позиционировании себя в рамках АТР. Начал формироваться запрос на участие России в решении региональных проблем. В условиях растущего недоверия и роста конфликтности в регионе нацеленность России на мирное решение противоречий и отсутствие явной конфронтации с какой-либо из стран АТР дают ей возможность претендовать на роль одного из гарантов безопасности региона. Постепенно, хотя и очень медленно, укрепляется и место России в национальных стратегиях государств АТР. Если ранее она воспринималась почти исключительно как восточноевропейская, а не как тихоокеанская держава, то сейчас возможностям взаимовыгодного взаимодействия с Россией в азиатских странах уделяется всё большее внимание.

России следует продолжать выбранный курс на использование статуса «неприсоединившейся державы» в рамках многосторонней дипломатии, дополняя его интенсивным развитием двусторонних отношений со странами региона, а также осуществлением политики малых инициатив — инициирования сотрудничества в узких сферах, в которых Россия может выступать в качестве полноценного участника или лидера.

Но главное — Россия сможет полноценно интегрироваться в АТР, только перестав быть периферией для этого региона. Развитие Сибири и Дальнего Востока — российское окно в Азию. Оно должно рассматриваться в качестве важнейшего инструмента российского разворота на Восток как стратегической цели нового «Тихоокеанского» века. Долгосрочное политическое усиление может быть лишь следствием экономического присутствия в регионе. Для полноценного развития Сибири и Дальнего Востока необходимо:

1. Объективно оценить основные вызовы развитию региона. Следует отбросить мифы, утверждающие, что оно невозможно в условиях холодного климата и низкой плотности населения. В то же время необходимо осознать реальные угрозы, связанные с ухудшением качества человеческого капитала и растущим пессимизмом населения в отношении их будущего в своей стране.

2. Трезво взглянуть на возможности. Никакого нового мирового центра индустриализации из Сибири и Дальнего Востока не получится (хотя развивать отдельные промышленные и высокотехнологичные отрасли и микрорегионы необходимо). Богатство региона в другом — в его пространствах, ресурсах, природе, а главное — в людях. Сибирь и Дальний Восток — последний фронт, крупнейший в мире территориальный массив, пока крайне слабо интегрированный в мирохозяйственные связи. В условиях, когда в международные отношения стремительно возвращается геополитика, а природные факторы оказывают все большее влияние на мировую

экономику, пространство и географическое положение Сибири превращаются в мощный ресурс развития. Но использовать этот ресурс можно только силами талантливой, образованной и активной населения.

3. Признать, что основой новой экономики Сибири и Дальнего Востока останутся природные ресурсы. В использовании данных природой богатств нет ничего плохого. Важно, чтобы ресурсный сектор работал на благо региона. Для этого он должен не только создавать рабочие места, но и служить ядром для развития высокотехнологичных отраслей, обслуживающих его потребности, — от производства оборудования для нефтедобычи до биотехнологий в сельском хозяйстве. Кроме того, сырьё, энергия должны поступать на внешние рынки преимущественно на высоких стадиях переработки. Перерабатывающие производства могут осуществляться, прежде всего, в городах юга Сибири, обладающих качественным человеческим капиталом и возможностями для его наращивания.

4. Кардинальным образом поменять институциональную среду в отношении освоения природных ресурсов региона. Необходимо обеспечить доступ к природным ресурсам Сибири не только государственным компаниям, но и малым предприятиям, и иностранному капиталу (своих капитала и технологий не хватит), любому экономическому агенту, который сможет использовать тот или иной ресурс максимально эффективно. В Российской империи успехи в развитии Сибири и Дальнего Востока были связаны, в первую очередь, с частным предпринимательством, действовавшим при поддержке государства, обеспечивающего ему возможности для получения доходов и осваивавшего огромные территории. Задача государства в первую очередь — создавать все условия для полноценного развития бизнеса. И таким образом укреплять свой суверенитет.

5. Осуществить переоценку роли северных территорий в развитии страны. В условиях всеобщего роста интереса к Арктике пора перестать воспринимать их как бремя и начать осуществлять продуманную государственную политику использования ресурсного и транзитного потенциала региона. Основными принципами этой политики должны стать непрерываемость государственного суверенитета над материковой и шельфовой зоной, обеспечение экологической безопасности и максимальное использование возможностей международного сотрудничества.

6. Принять новую философию развития региона. Сибирь и Дальний Восток — это не колония, не объект патерналистских усилий центра, не тыл и не фронт борьбы с внешними врагами. Это новый источник роста и окно в растущую Азию. Императив поддержки региона должен быть замещён императивом развития, а идеология ресурсного освоения — идеологией развития человеческого капитала.

7. Открыть регион для иностранных инвесторов, сняв основные барьеры, препятствующие их приходу. У России нет и никогда не будет достаточного количества ресурсов, чтобы реализовать сибирский проект самостоятельно. Это и не нужно. Освоение последнего фронта должно осуществляться всеми странами АТР под суверенным контролем России. Интерес к развитию Сибири и Дальнего Востока в странах АТР быстро растёт. Его реализации мешают институциональные и логистические ограничения, на устранение которых и должна быть направлена государственная политика развития Сибири и Дальнего Востока. Важными препятствиями выступают нехватка рабочей силы, неразвитость транспортной инфраструктуры, неблагоприятный деловой климат. Все эти проблемы можно решить. Главный на сегодняшний день барьер развития международного сотрудничества по развитию Сибири и Дальнего Востока — это недостаточная настойчивость России.

8. Отказаться от идеи социально-экономического развития всей территории востока страны и перейти к иной пространственно-географической модели развития, основанной на выделении особых экономических и геополитических зон. Во-первых, задачей государства должно стать привлечение инвесторов посредством обеспечения функционирования необходимых институтов (прежде всего, права), а также установления льготных налоговых и инвестиционных режимов, во-вторых — поддержание социальной инфраструктуры и содействие притоку кадров необходимых специальностей и квалификации. Для организации работы особых зон и распределения лицензий и концессий необходимо, видимо, создание агентства развития Сибири и Дальнего Востока. Со временем его функции могут быть переданы регионам.

9. Усилиями государства нарастить транспортный каркас территории. Его ключевые элементы — Транссиб, порты Дальнего Востока, Северный морской путь, внутренняя водотранспортная система, сети скоростных железных дорог юга Западной Сибири и Приморья, сеть авиационного сообщения. Этот каркас нацелен на сжатие экономического пространства региона, преодоление континентальности внутренних районов, создание условий для экспорта производимой продукции и развития человеческого капитала Сибири. Он может быть дополнен и другими инфраструктурными проектами, осуществляемыми частным бизнесом или на основе государственно-частного партнёрства.

10. Пора понять, что мир меняется, и мы должны меняться вместе с ним. Беспрецедентный сдвиг экономической мощи в АТР, обострение глобальных демографических, ресурсных и экологических проблем предоставляют России невиданные возможности. Мы получили шанс интегрироваться в глобальную экономику в качестве одного из ключевых игроков. Преобразить облик веками недооцениваемого региона — Сибири и Дальнего Востока — последнего фронта Азии. Придать новый импульс экономическому, духовному, политическому развитию страны. Мы не имеем права упустить такой подарок судьбы. Россия стоит на пороге нового периода своей истории. Пора двигаться вперёд, к Великому океану.

К Великому океану: от призывов к действию

В 2012 г. Международный дискуссионный клуб «Валдай» представил политическому и экспертному сообществу в России и за рубежом доклад «К Великому океану, или Новая глобализация России». Данный доклад, «К Великому океану-2», является его продолжением и развитием, учитывает опыт реализации некоторых рекомендаций доклада и результаты его широкого, в том числе международного, обсуждения.

Авторы данной работы также исходят из того, что смещение центра тяжести, поворот российской внешней и внешнеэкономической политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона является естественным и первоочередным ответом на вызов, который ставит перед страной глобальный и разнообразный мир XXI века. На наших глазах произошёл беспрецедентно быстрый сдвиг центра мировой экономики и политики в Азию. Азиатский экономический рост стал локомотивом, к которому прикрепились многие страны мира, переориентировавшие свои экономики на поставки сырья и товаров в Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии. Ни одно ведущее государство современного мира не может претендовать на по-настоящему глобальный статус, если не присутствует мощно на Тихом океане.

Возможностями, которые открывает «век Азии», может и должна воспользоваться и Россия. Она пока в недостаточной мере интегрирована в экономические связи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Благодаря экономическому и политическому усилению азиатских стран у России появляется шанс стать по-настоящему глобальной, евроатлантическо-тихоокеанской державой и извлечь из этого значительные выгоды. При безусловном сохранении общей социально-цивилизационной ориентации на Европу Россия обязана сделать экономический и, частично, политический поворот в сторону Азии. Только тогда она сможет претендовать на статус великой державы XXI века.

Важнейшим препятствием полноценной «новой глобализации России» и включения её в экономическое и политическое развитие АТР является латентная евроцентричность мышления российских элит, и главное — недостаточная развитость прилегающих к поднимающейся Азии восточных территорий России. Сибирь и Дальний Восток по-прежнему рассматриваются многими как геополитический тыл или экономическая полуколония. Такой взгляд ошибочен — Сибирь и Дальний Восток способны стать основой для российского экономического рывка. Для этого необходимы:

- Резкое усиление внешнеполитической активности России в АТР, создание всеобъемлющей, охватывающей и политические, и экономические аспекты, включая программу развития Востока России, стратегии новой российской азиатской политики.
- Перенос части столичных функций в город или города Сибири и Дальнего Востока, даже создание третьей столицы России в Сибири (а лучше — прямо на побережье Тихого океана), что заставило бы часть элит переориентировать своё мышление и экономическое и политическое поведение.

- Открытие всей России (через восточные территории) новой «поднимающейся Азии»; максимальная открытость Сибири и Дальнего Востока для экономического взаимодействия с азиатскими соседями.
- Использование конкурентных преимуществ, которые азиатский рост предоставляет России, а не устаревших схем типа «новой индустриализации». К таким преимуществам относится обеспеченность пресной водой и пахотной землёй, позволяющая производить продовольствие и высокотехнологичные водоёмкие и энергоёмкие товары, азиатский спрос на которые растёт, но не может быть удовлетворён собственными силами по причине недостаточности ресурсов.
- Максимальное привлечение для развития Сибири и Дальнего Востока иностранных инвестиций не только из Китая, но и из США, Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН и ЕС под специальной защитой и патронажем российского государства.
- Создание преференциальных условий для талантливых и энергичных людей, особенно молодёжи, как из самого Зауралья, так и со всей страны; трансформация региона в зону развития и творчества для всей России.

ПОВОРОТ НА ВОСТОК ДВА ГОДА СПУСТЯ: ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ С МОМЕНТА ВЫХОДА ДОКЛАДА?

С момента публикации «К Великому океану, или Новая глобализация России», обосновавшего необходимость «поворота на Восток» в российской внешней и экономической политике и указавшего на особую роль в этом процессе Сибири и Дальнего Востока, прошло почти два года. Этот период доказал правильность большинства положений доклада. Россия постепенно перестраивается на азиатский вектор развития, по крайней мере, на уровне принимаемых стратегических документов и выступлений руководителей страны. В июне 2013 г. на Петербургском международном экономическом форуме В.В. Путин подчеркнул, что форсировать экономический рост Россия сможет, лишь ориентируясь свой экспорт на расширяющиеся азиатские рынки, а в декабре в ежегодном послании Федеральному собранию Президент вообще назвал подъём Сибири и Дальнего Востока «национальным приоритетом на весь XXI век». Этим В.В. Путин ещё раз зафиксировал и даже усилил содержащийся в своих предвыборных статьях призыв «поймать китайский ветер в российские паруса».

Можно с удовлетворением утверждать, что отношение к азиатскому вектору российской внешней политики и к развитию Сибири и Дальнего Востока среди российской политической и интеллектуальной элиты начало меняться. Если ранее возможный поворот на Восток зачастую воспринимался как противоестественный для российской политической и культурной традиции, как результат авторитарного инстинкта российской власти, то в настоящее время в целом общепринятым становится осознание объективной необходимости использования возможностей азиатского роста в интересах восточных регионов и России в целом.

«Поворот в головах», начавшийся среди элит, — это огромный шаг вперёд. Но он сделан не полностью, и лишь одного его мало. Необходимо реальное наполнение российской политики на азиатском направлении,

в основе которого — прагматичное использование собственных конкурентных преимуществ. Такое наполнение пока почти отсутствует.

Важным символическим шагом в переориентации российской внешней политики в Азию стал Саммит АТЭС 2012 г., прошедший во Владивостоке. Его подготовка стала на какой-то период главным российским мегапроектом, а к проблемам Дальнего Востока было приковано пристальное внимание всей страны. На самом саммите российской стороной была предложена достаточно амбициозная повестка, предполагающая ускоренную интеграцию России во многие экономико-политические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На Саммите был взят курс на либерализацию торговли в регионе. В частности, разработан список из 54 наименований экологических товаров, которые будут продаваться в регионе практически беспоплатно. Россия выступила с готовностью принять на себя функции одного из ключевых игроков в обеспечении продовольственной безопасности АТР. Достигнуты общие договорённости в сфере развития транспорта и инвестиционного сотрудничества, построения единого образовательного и научного пространства.

Саммит во Владивостоке запустил последовательную работу по продвижению и защите российских интересов в Азии. Ряд представленных на встрече инициатив получили своё развитие в 2013 г. Так, на Саммите АТЭС-2013, прошедшем на Бали, сторонами принято обязательство воздержаться от внедрения каких-либо протекционистских мер в отношении торговли и инвестиционного сотрудничества друг с другом до 2016 г. Выработан механизм торговли экологическими товарами (тарифы по ним к концу 2015 г. должны быть снижены до 5% или более низкого уровня). На Восточно-азиатском саммите в 2013 г. продолжилось обсуждение поднятой во Владивостоке тематики, связанной с продовольственной безопасностью. Такой компонент повестки Саммита АТЭС-2013, как «наращивание взаимосвязей» (connectivity), перекликается с предложением, выдвинутым российскими экспертами, о Евразийско-тихоокеанской инициативе по наращиванию взаимосвязей. В целом, несмотря на то, что далеко не все предложения России оказались интересны партнёрам и лишь немногие переросли в принятие конкретных мер, председательство России в АТЭС можно признать достаточно успешным.

С завершением Саммита АТЭС в политике России на восточном направлении возник риск отката назад. С одной стороны, внимание переключилось на иные мегапроекты: Олимпиаду, председательство в «Большой двадцатке», а потом «Большой восьмёрке», чемпионат мира по футболу и т.д. С другой стороны, полным ходом запущен евразийский интеграционный проект. Теоретически интеграция на постсоветском пространстве и интеграция в АТР не являются конкурирующими, тем более что долгосрочные выгоды от участия в экономических процессах АТР несопоставимо выше. Однако с учётом ограниченности финансовых и кадровых ресурсов (на два направления их может не хватить), а также особенностей текущей политической конъюнктуры существует риск того, что приоритет будет отдан евразийской интеграции. Для России это будет означать не только огромные неиспользованные возможности, но и угрозу оказаться на периферии глобальных экономико-политических процессов, центр которых перемещается в АТР.

Увеличивает вероятность такого сценария фактор неоправданных (возможно, априори завышенных) ожиданий. На фоне ажиотажа вокруг саммита АТЭС многие предвкушали прорыв России в Азию, как политический, так и экономический. И если политические позиции России в АТР действительно несколько усилились, то про экономические такого сказать

нельзя. Доля стран АТЭС в товарообороте России достигла в 2013 г. рекордных 24,8%. С одной стороны, она непрерывно растёт, причём в 2013 г. — за счёт российского экспорта. С другой — этот рост во многом компенсационный, обусловлен снижением доли ЕС, болезненно проходящего период восстановления после кризиса и снижающего спрос на импортные товары, в том числе и на российское сырьё. Годовой прирост торгового оборота со странами АТЭС составил лишь 2,4% в 2012 г. и 3,5% в 2013 г. — слишком мало для того, чтобы можно было говорить о прорыве.

На Китай, Японию, Корею, Индию и страны АСЕАН в сумме приходится около 20% торгового оборота России — неоправданно мало с учётом быстро возрастающей роли этих стран в мировой экономике. Соотношение экспорта и импорта в 2013 г. почти выровнялось, однако структура экспорта по-прежнему остаётся неблагоприятной. Его основу составляет сырьё, в значительной степени — непроработанное, а российские производители высокотехнологической продукции (за исключением ВПК) на азиатские рынки так и не вышли. Заключённые в 2013 г. новые соглашения о поставке энергетических ресурсов в Японию и Китай лишь усилят сырьевую ориентацию российского участия в экономических процессах АТР.

Инвестиционное сотрудничество остаётся на низком уровне. За 2012 г. иностранные инвестиции в Россию из крупнейших азиатских стран даже сократились. Так, Китай направил в российскую экономику лишь \$0,74 млрд, Япония — \$1,14 млрд (в 2011 г. эти показатели составляли \$1,89 млрд и \$1,24 млрд, соответственно). Лишь Республика Корея нарастила в 2012 г. объём инвестиций в российское машиностроение с \$0,78 до \$0,95 млрд.

Саммит АТЭС во Владивостоке, вопреки надеждам и несмотря на рекордные траты (на подготовку к нему затрачено в десятки раз больше средств, чем на подготовку всех аналогичных форумов вместе взятых за 24 года существования АТЭС), так и не стал настоящим драйвером развития российского Дальнего Востока. В 2012 г., после завершения основных строительных работ, инвестиции в Приморский край упали на 44% по сравнению с 2011 г., а за первое полугодие 2013 г. в годовом выражении снизились ещё примерно вдвое. Саммит прошёл, оставив за собой инфраструктуру, но мало оживив частный бизнес и экономическую активность в целом.

Обязанность вырабатывать новые «постАТЭСовские» ориентиры развития Дальнего Востока была возложена на созданное ещё в мае 2012 г. Министерство по развитию Дальнего Востока. К настоящему моменту главным результатом его деятельности стала утверждённая в марте 2013 г. государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Однако даже несмотря на то, что этот документ готовился в течение беспрецедентно долгого срока, уже спустя полугодие после принятия его фактически списали со счетов.

В определённой степени удар по планам, изложенным в программе, нанесло наводнение, случившееся в регионе в июле–сентябре 2013 г. От этого стихийного бедствия, ставшего крупнейшим за 115 лет наблюдений, пострадали 100 тыс. человек, а ущерб превысил 30 млрд рублей. Наводнение разрушило транспортную и социальную инфраструктуру южных районов Дальнего Востока. Как следствие, потребовалась коррекция планов их развития с учётом возникшего эффекта нулевой базы. Возникли возможности проведения модернизационных работ в более короткие сроки. Программа, естественно, таких возможностей предусмотреть не могла.

Но главный недостаток программы состоит в том, что документ изначально морально устарел. Лежащий в его основе подход, основанный на ключевой роли мегапроектов (расширение БАМ, строительство моста

на Сахалин и т.д.), — это подход вчерашнего дня. Эпоха мегапроектов — символически и политически значимых, но крайне затратных мероприятий — закончилась. Предполагаемый объём государственного финансирования Программы — 3,8 трлн рублей из федерального бюджета — многократно превышает его возможности. Замедление экономического роста и, как следствие, необходимость сокращения госрасходов диктуют отказ от мегапроектов в пользу менее громких и более прагматичных шагов.

Предлагаемая программой модель развития Дальнего Востока копирует уже испытанные образцы политики федерального центра в отношении республик Северного Кавказа: для оставления региона под контролем Москвы в него вкладываются огромные средства, которые не могут окупиться даже в среднесрочной перспективе. Такое копирование ошибочно. У российского Дальнего Востока есть множество возможностей для развития. Задача федеральных властей — помочь региону их использовать за счёт ликвидации «узких мест» и снятия барьеров, а не пытаться осуществлять развитие самостоятельно за счёт денег федерального бюджета.

Патерналистский подход к региону обусловил сжатие объёма управления. Программа относится лишь к Дальнему Востоку и Байкальскому региону, а министерство — и вовсе к одному Дальнему Востоку. Произведено дробление исторически цельного региона Сибирь и Дальний Восток. За рамками оставлены территории Западной и Восточной Сибири, без учёта возможностей которых говорить о стратегии интеграции России в АТР невозможно. Почему эти территории не охвачены государственной политикой развития восточных территорий, понятно: при действующем подходе к её осуществлению средств ещё и на Сибирь не хватит ни при каком сценарии роста российской экономики.

Открыто провал государственной политики восточных территорий был признан в октябре 2013 г. На заседании Правительственной комиссии по развитию Дальнего Востока в Комсомольске-на-Амуре, где Д.А. Медведев заявил, что дальневосточная политика России не приносит ожидаемого эффекта и её следует менять. Ещё раньше, в сентябре 2013 г., азиатский вектор российской политики решено было оживить кадровыми перестановками. Уволен с постов министра по развитию Дальнего Востока и полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе В.И. Ишаев. Министром вместо него стал А.С. Галушка, а на пост заместителя председателя правительства и полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе назначен Ю.П. Трутнев. Почти одновременно подал в отставку генеральный директор Фонда Дальнего Востока и Байкальского региона Внешэкономбанка П.С. Грачёв. Замены ему до сих пор не найдено, хотя фонд уже несколько лет фигурировал в числе ключевых инструментов политики государства по развитию региона.

Кадровое обновление может пойти на пользу развитию азиатской части России. Однако принципиально важно не повторять ошибок прошлого: первым шагом, без которого реализация конкретных механизмов инвестирования средств не может достичь успеха, является определение философии развития региона. Эффективная стратегия развития Дальнего Востока должна не просто предлагать комплекс конкретных мер, но и содержать картину того желаемого состояния региона и его позиций в мире и в России, ради достижения которых эти конкретные меры должны приниматься.

Попытка выработки если не философии, то хотя бы новой модели государственной политики в отношении Дальнего Востока была предпринята на совещании в Комсомольске-на-Амуре. Эта модель осно-

вана на развитии производств, ориентированных на экспорт продукции в АТР посредством улучшения инвестиционного климата и создания особых экономических зон. На уровне формулировки такую цель можно поприветствовать, но теперь успех её реализации зависит от правильности выбора и эффективности создания новых институтов и инструментов развития. Пока высоким остаётся риск бюрократизации управленческой системы, в результате которой принятие различных инициатив и построение новых учреждений подменит в качестве самоцели реальные процессы институционального и экономического развития региона. Увеличивает опасность такого сценария тот факт, что, хотя законодательное утверждение конкретных механизмов начнётся уже в ближайшее время, ясная картина комплексного развития региона, отражающая форму управления, формат взаимодействия с инвесторами, степень вовлечения иностранных партнёров и т.д., до сих пор не представлена ни в одном документе. Не видно пока и анализа потребностей внутреннего и внешнего рынков, а также российских конкурентных преимуществ и слабостей.

Получение целостной картины невозможно без понимания процессов, происходящих в АТР (иными словами, внешней среды для развития Сибири и Дальнего Востока), а также определения целей и механизмов российской интеграции в них.

Экономико-политические процессы в АТР и место в них России

АЗИАТСКИЙ РОСТ ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

На протяжении последнего десятилетия страны АТР — Китай, Индия, Южная Корея, государства АСЕАН — были настоящими локомотивами мировой экономики. Во многом именно благодаря им в период кризиса удалось избежать катастрофического поворота событий — повторения сценария Великой депрессии. В 2009 г. США испытали падение ВВП на 3,1%, ЕС — на 4,3%, Япония — на 5,5%, а Россия — на 7,8%. В то же время в Китае наблюдался рост ВВП на 9,1%, в Индии — на 8,5%. Высокие темпы роста продемонстрировали также Вьетнам, Лаос и Индонезия. На этом фоне общим местом стали идеи о том, что центр экономической мощи уверенно перемещается в Восточную Азию.

Тем не менее глобальный финансово-экономический кризис не прошёл для стран АТР бесследно. Начиная с 2011 г. почти во всех экономиках региона проявилась тенденция замедления экономического роста. Одной из основных причин стал спад спроса на азиатские товары в результате тяжёлого восстановления в Европейском союзе. В 2012 г. прирост ВВП в Китае снизился до 7,8% (самое низкое значение с 1998 г.), в Индии — до 3,2% (самое низкое значение с 1991 г.). Замедлился экономический рост и в других странах региона — Республике Корея, Индонезии, Вьетнаме, Сингапуре.

В 2013 г. экономики ведущих азиатских стран столкнулись с рядом серьёзных вызовов. Ситуация на экспортных рынках практически не улучшилась, что усугубило состояние торговых балансов в странах АТР, традиционно ориентированных на экспорт. Вместе с тем, с весны 2013 г. начали распространяться слухи о сворачивании политики количественного смягчения в США. Несмотря на то, что до конца года его так и не произошло, возникшая неопределённость привела к панике на рынке капитала и его оттоку из стран, в наибольшей степени зависящих от дешёвых долларовых кредитов, в том числе из Индии и Индонезии. Панику ещё более усугубила возросшая нестабильность на Большом Ближнем Востоке, подтолкнувшая вверх цены на энергоносители и угрожающая стабильности азиатских экспортных и импортных сырьевых и товарных поставок.

На фоне нарастающих проблем всё громче стали раздаваться голоса скептиков о том, что перспективы азиатских экономик переоценены. В России в связи с этим высказывались опасения, что поворот на Восток оказался несвоевременным — азиатский рост, к которому Россия наконец собралась пристегнуться, закончился.

На наш взгляд, такая точка зрения поспешна — она не учитывает особенностей экономического развития региона. **Экономические проблемы, возникшие у азиатских стран в 2013 г., безусловно, следует учитывать при выстраивании российской политики в азиатском направлении, но ответом на них должен быть не отказ от поворота на Восток, а более чёткий выбор приоритетов в рамках данного поворота.**

Растущая неопределённость протекания экономических процессов в мировой экономике и в АТР в частности стала лакмусовой бумажкой, проявившей устойчивость экономического роста стран региона.

В результате азиатские страны по характеру их экономической динамики чётко разделились на две группы.

В экономиках со слабыми институтами давно существовавшие структурные диспропорции привели летом 2013 г. к кризисным явлениям: резкому падению курсов национальных валют, росту дефицитов государственного бюджета и торгового баланса, снижению золотовалютных резервов.

В Индонезии появились все предпосылки для разворачивания полномасштабного экономического кризиса. Индонезийская рупия стала летом самой слабой валютой в Азии — её курс снизился на 14%. Дефициты торгового баланса и государственного бюджета достигли рекордных для последних лет значений, инфляция возросла, а отток капитала за рубеж исчислялся миллиардами долларов. По итогам 2013 г. темп прироста ВВП впервые с финансово-экономического кризиса не превысил 6%, что для Индонезии означает шаг назад. Страна остро нуждается в институциональных реформах, но они едва ли могут быть проведены до президентских выборов, которые состоятся в июле 2014 г.

В Таиланде падение внешнего и внутреннего спроса на отечественные товары в первом полугодии привело к технической рецессии — падению ВВП в течение двух кварталов подряд. В третьем квартале из неё удалось выйти, но рост ВВП по итогам года все равно оказался ниже 4%. С учётом значительных золотовалютных резервов едва ли в стране возможен полномасштабный экономический кризис, однако экономические сложности могут стать дополнительным фактором в обострении кризиса политического. В стране продолжаются массовые акции протеста. Формально они вызваны попыткой властей через принятие закона об амнистии вернуть в страну обвинённого в государственном перевороте 2006 г. бывшего премьер-министра Т. Чиннавата, а по совместительству — брата нынешней главы правительства Й. Чиннават и, как считают многие, теневого руководителя страны. Реально же протесты имеют, в том числе, и экономическую природу: предпосылки для них сформированы популистской политикой правительства в первые годы правления Й. Чиннават и, как следствие, кризисом неоправданных ожиданий в наши дни.

На пороге экономического кризиса стоит Индия. Курс рупии за лето упал на 10%. Правительство вынуждено одновременно бороться с высокой инфляцией, дефицитами бюджета и торгового баланса и оттоком капитала в условиях значительных обязательств по внешним долгам (\$ 172 млрд до конца 2013–2014 финансового года). Нужны серьёзные институциональные реформы, но перед парламентскими выборами 2014 г. правительство не может на них решиться, особенно на фоне резкого падения популярности правящей партии «Индийский национальный конгресс». Полномасштабный экономический кризис, подобный азиатскому финансовому кризису 1997–1998 гг., едва ли возможен (несмотря на многочисленные параллели) из-за больших золотовалютных резервов, однако очевидно, что для того, чтобы Индия продолжала своё экономическое восхождение, одних лишь объективных конкурентных преимуществ в виде дешёвой рабочей силы или относительно ёмкого внутреннего рынка уже недостаточно.

В то же время государства с сильными экономическими институтами и устойчивыми политическими системами (Япония, Китай, Республика Корея, Сингапур) демонстрируют достаточную гибкость в столкновении с экономическими трудностями.

Но и в Китае происходит замедление экономического роста. Вплоть до третьего квартала 2013 г. китайская экономика замедлялась три-

надцать кварталов подряд — столь длительное ухудшение экономической динамики является рекордом с 1979 г., то есть фактически с начала рыночных реформ. По предварительным данным, по итогам 2013 г. зафиксирован рост ВВП на уровне около 7,8%, что является повторением рекордно низкого показателя 2012 г. Однако важны не столько итоговые цифры, сколько чётко продемонстрированный в 2013 г. курс китайского руководства на отказ от поддержки высоких темпов экономического роста любой ценой. С помощью государственных интервенций правительство могло бы поддерживать рост китайской экономики на уровне более 8%, однако делать этого не стало.

По мнению нового китайского руководства во главе с Си Цзиньпином, в настоящее время структурная перестройка (в первую очередь переход на внутреннее потребление как важнейший драйвер роста в будущем) важнее краткосрочного спокойствия инвесторов, привыкших к высоким темпам роста. На Пленуме ЦК КПК в ноябре 2013 г. представлен план структурных преобразований, предполагающий существенное усиление рыночного регулирования и сокращение государственного сектора в экономике. Если структурные преобразования удастся запустить, преодолев сопротивление консерваторов, традиционно болезненно воспринимающих расширение конкуренции в ключевых отраслях, то определённое замедление китайской экономики можно будет рассматривать скорее как признак её зрелости и переход к новому этапу развития, чем проявление слабости.

Для России же важно, что при условии продолжения структурных реформ, несмотря на замедление экономического роста, китайский спрос на потребительские товары и энергоресурсы будет возрастать в связи со стимулированием внутреннего потребления. Парадоксальным образом привлекательность китайской ниши на рынках большинства видов водоёмкой продукции, продовольствия и энергоресурсов по мере замедления китайской экономики лишь растёт.

В 2013 г. в число растущих экономических игроков региона возвращается Япония. Экономическая политика премьер-министра С. Абэ («абэномика»), нацеленная на борьбу с дефляцией и стимулирование экономического роста, стала одним из самых успешных в мире примеров действий властей на этапе послекризисного восстановления. О её окончательных результатах говорить пока рано, однако уже понятно, что темпы экономического роста по итогам 2013 г. в любом случае будут выше средних для Японии последних двух десятилетий значений, а безработица достигла наименьшего уровня с 2008 г. Кроме того, правительству удалось преодолеть дефляцию, которая была бичом японской экономики на протяжении 15 лет. К настоящему моменту две первых составляющих «абэномики» — государственные расходы для стимулирования экономической активности и увеличение денежной массы для разгона инфляции — успешно реализованы. Теперь время запускать третью — структурные реформы. Она и будет иметь решающее значение для возвращения Японии на траекторию устойчивого роста.

В Корее на экономические проблемы на основных экспортных рынках отреагировали увеличением государственного инвестирования. При этом удалось нарастить и внутреннее потребление, что позволило обеспечить ускорение экономического роста — до 2,8% в 2013 г. Перспективы корейской экономики выглядят вполне стабильными. Как и перспективы сингапурской.

В этой стране, как и в Корее, пока удаётся достичь увеличения внутреннего спроса и за счёт этого — ускорения экономического роста, двигателями которого выступили такие отрасли, как торговля и строительство.

Промежуточное положение между экономиками, которым грозит кризис, и островами стабильности занимает Вьетнам. С одной стороны, по итогам 2013 г. прирост ВВП, как и годом ранее, не превысил 6%. Страна, как и другие развивающиеся экономики региона, пострадала от неопределённости, связанной с судьбой политики количественного смягчения в США. Объём плохих долгов достиг столь высокого уровня, что правительство вынуждено было создать специальное агентство, направленное на очистку от них экономики страны. В то же время возникшие проблемы нельзя назвать критическими. Они не мешают Вьетнаму не только привлекать иностранные инвестиции, но и стабильно увеличивать экспорт, одновременно снижая инфляцию. Похоже, с точки зрения соотношения потенциала догоняющего развития (за счёт относительно невысокого базового уровня и низких трудовых затрат) и уровня странового риска Вьетнам превращается в самую конкурентоспособную экономику Юго-Восточной Азии.

Экономические трудности 2013 г. увеличили поляризацию региона (что будет способствовать наращиванию нестабильности), привели к уменьшению иллюзий в отношении ряда быстро развивавшихся прежде государств, но при этом упрочили позиции лидеров. Китай, Япония, Корея, Сингапур, в определённой степени Вьетнам доказали, что их экономики являются устойчивыми к кризисным явлениям. Они продемонстрировали хороший пример адаптивности и использования здравого смысла как альтернативы догматическим схемам, приведшим к кризисным явлениям на Западе. Ведущие государства Азии прошли ещё один тест на зрелость. Именно они и представляются нам главными потенциальными партнёрами России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

РОСТ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В АТР

Характерной чертой последнего времени во взаимодействии между странами АТР стало усиление элементов соперничества. В то же время ощущается «исчерпанность исходных ожиданий» в отношении механизмов купирования накопившихся противоречий. А сами противоречия продолжают нарастать. Сначала Китай объявил зону ПВО в Восточно-Китайском море, охватывающую спорные территории, что было расценено Кореей и Японией как попытка нарушить статус-кво в регионе. Затем японский премьер-министр Японии С. Абэ посетил храм Ясукуни, где захоронены, в том числе, японские военные преступники, что Китай и Корея посчитали провокацией. Новые конфликты наложился на обострившиеся в последние годы территориальные споры, внутренние переломные процессы во многих странах региона, а также на общую тенденцию военного усиления Китая. В результате градус напряжённости в АТР поднялся до рекордных значений.

Вызовы региональной безопасности эволюционируют быстрее, чем институциональные механизмы удержания противоречий в контролируемых рамках. Наиболее характерный пример — проблемы в Южно-Китайском море. После провозглашения администрацией Обамы «возвращения США в Азию» центр противоречий сместился с китайско-асеановской на китайско-американскую ось. Соответственно, суть проблемы состоит не в том, кому из участников спора принадлежат отдельные острова и рифы Южно-Китайского моря. Главное — будет ли готов Китай и впредь мириться с деятельностью военного характера США и их союзников в акватории, подпадающей под определение «внутренних вод» Китая в соответствии с законом КНР о территориальном море и прилегающей зоне 1992 г.

Вместе с тем, в настоящий момент в отношениях между Китаем и США, которые несколько лет назад многие воспринимали как эпицентр главного глобального конфликта XXI в., наблюдается определённая разрядка. США заняты внутренними экономическими проблемами, а в Китае новое руководство провозгласило курс на сближение с американским партнёром. По итогам состоявшейся в июне 2013 г. первой встречи Б. Обамы и Си Цзиньпина последний заявил о приближении «беспрецедентного события» — «создания между США и Китаем отношений нового типа». Тем не менее эта разрядка не должна вводить в заблуждение. Тёплые рукопожатия первых лиц имели бы значение, если бы отношения США и Китая следовали логике холодной войны, во многом определяемой главами государств. Это сравнение лежит на поверхности, а потому используется значительной частью экспертов. Однако оно значительно упрощает ситуацию. В политических процессах в АТР царит скорее не XX в., а XIX в. — регион представляет собой ярчайший пример возвращения в международные отношения геополитики.

В геополитических манёврах — квинтэссенция китайско-американских противоречий. С одной стороны, китайская доктрина «активной оффшорной обороны» (иначе называемая «ограничение доступа/сковывание сил противника на территории» — Anti-Access/Area Denial). Суть её первой части — не дать противнику зайти на определённую территорию, а второй — если он всё же туда зашёл, не дать ему там развернуться. Этой территорией можно считать район «первой цепи островов», охватывающий воды Жёлтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. С другой стороны, американская концепция «войны на море и в воздухе» (Air-Sea Battle). Её ключевой компонент — интеграция возможностей США на море, в воздухе, в космосе и в киберпространстве для ведения деятельности военного характера в любом районе мира.

На фоне такой трансформации проблемы Южно-Китайского моря дискуссии о путях её решения ведутся всё же между Китаем и странами АСЕАН, перспективы подключения к этим переговорам США или иных игроков, других международных организаций не просматривается. В таких условиях выработка кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море становится фактором, способствующим не столько разрешению накопившихся противоречий, сколько их консервации.

Аналогичным образом не работают действующие механизмы решения ракетно-ядерной проблемы КНДР. Являясь де-факто ядерной державой и расширяя возможности доставки боезарядов, Северная Корея уже не только не откажется от таких программ, но и планирует в перспективе вывести их развитие на качественно новый уровень. Между тем реакция мирового сообщества на северокорейские ракетные и ядерные испытания в 2012 и 2013 гг. не пошла дальше того, что уже предлагалось ранее. Были озвучены призывы к возобновлению шестисторонних переговоров, участие в которых не остановило Пхеньян от развития своего ракетно-ядерного потенциала. ООН наложила на Северную Корею новые санкции, эффективность которых сомнительна ввиду неразвитости её внешнеэкономических связей. Наконец, США и их союзники в Северо-Восточной Азии активизировали взаимное сотрудничество, что подтолкнуло Пхеньян не к сдержанности, а к ответным действиям.

Налицо неготовность США и Китая выработать общее видение факторов, подрывающих устойчивое развитие региона. Обе страны заинтересованы в сохранении региональной стабильности, однако по-разному видят ключевые конструкции её обеспечения. Для Вашингтона залог этой стабильности — укрепление собственных военнополитических

позиций и наращивание сотрудничества с традиционными и новыми партнёрами. Для Пекина основным условием стабильности в последние годы служило создание пояса добрососедства вдоль своих границ, чему, с точки зрения руководителей Китая, действия США противоречили.

Рассмотренные выше тенденции снижают уровень управляемости региональной среды усилиями её основных игроков. Запущен новый виток гонки вооружений, в первую очередь — военно-морских, началось укрепление военных связей между многими странами региона. Другая заметная черта — активное заключение ими соглашений о стратегических партнёрствах, в ряде случаев без отчётливого понимания, что стоит за этим термином.

Попытки купировать остроту проблем Южно-Китайского моря или Корейского полуострова сталкиваются с ограниченной эффективностью тех механизмов, которые ещё недавно рассматривались в качестве ключевых факторов поддержания региональной стабильности. Так, формируя всё новые асеаноцентричные площадки многосторонней дипломатии, их участники не находят компромиссных взаимоприемлемых развязок накопившихся противоречий. На фоне усложнения содержания проблем Ассоциация повторяет тезисы о необходимости противодействия им при помощи превентивной дипломатии, но не может убедительно объяснить, чем она отличается от мер по укреплению доверия. Наконец, последние инициативы экономического регионализма — Транстихоокеанское партнёрство и Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство — могут не столько содействовать снижению противоречий между странами и территориями АТР посредством наращивания взаимных торговых, инвестиционных, технологических и иных обменов, сколько проложить в регионе новые разделительные линии.

Нельзя сказать, что обостряющиеся военно-политические противоречия напрямую негативно влияют на экономическую интеграцию. Однако в условиях крайне высокого уровня взаимного недоверия запрос на неё удовлетворяется не за счёт крупных региональных группировок зонтичного типа, а за счёт двусторонних договоров о свободной торговле, сеть которых в настоящее время охватила практически весь регион. (Ключевым препятствием для того, чтобы эта сеть образовала полноценную региональную зону свободной торговли, выступает отсутствие соответствующих соглашений между ключевыми странами: Китаем, Кореей и Японией). Экономическая интеграция внутри АТР развивается и, видимо, продолжит развиваться в духе «нового регионализма»: с сетевым характером взаимодействия и отсутствием иерархических институциональных структур, характерных для европейского и евразийского интеграционных процессов.

«ЗАПРОС НА РОССИЮ» В СТРАНАХ АТР

На фоне роста конфликтного потенциала в АТР объективно усиливается запрос на присутствие в регионе России. Возросшие ожидания наших партнёров небезосновательны и базируются на заметной активизации российской политики в АТР. Наша страна ныне уже является участником практически всех многосторонних форматов, где ключевые субъекты азиатско-тихоокеанской экономики, политики и безопасности обсуждают возможности поддержания устойчивого и бесконфликтного развития региона. Россия вносит заметный вклад в дискуссии о формировании регионального мироустройства на заседаниях Восточноазиатского саммита (ВАС), Регионального форума АСЕАН (АРФ) и Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8,

которые Ассоциация рассматривает в качестве каркаса азиатско-тихоокеанской системы мониторинга стратегической среды, нацеленного на предотвращение эскалации региональных проблем до крупных кризисов.

Наконец, в перспективе вполне возможно присоединение России к таким многосторонним инициативам, как Региональное всеобъемлющее экономическое партнёрство и Соглашение о региональном сотрудничестве в борьбе с пиратством и нападением на суда в Азии.

Россия важна для стран АТР в связи с тем, что она обладает потенциальными возможностями и необходимой институциональной базой для того, чтобы содействовать снижению остроты проблем региональной безопасности, формируя условия для их эволюции в мирном, неконфронтационном русле. В частности, противоречия из-за Южно-Китайского моря — а они в значительной степени концентрируются вокруг энергоресурсов и морских коммуникаций — можно частично «гасить» за счёт наращивания российских поставок нефти и газа в АТР. Увеличение экспорта продовольствия из России в страны Азии позволит смягчить проблему продовольственной безопасности.

Более активное развитие Россией потенциала Северного морского пути и Транссибирской магистрали позволило бы «разгрузить» Малаккский пролив, напряжённость вокруг которого в связи с перегруженностью и безальтернативностью растёт. Наконец, Россия является председателем Механизма по обеспечению мира и безопасности в Северо-Восточной Азии — рабочей группы, созданной в формате шестисторонних переговоров. Заседания в рамках этой диалоговой площадки можно проводить без участия КНДР. А это — реальная возможность согласовать позиции пяти ключевых субъектов политики, экономики и безопасности Северо-Восточной Азии по проблемам безопасности, относящимся не только к северокорейской политике, но, например, и к такому актуальному для «пятёрки» вопросу, как ПРО США и потенциально других стран в АТР.

После заметного потепления отношений с Японией в АТР не осталось стран, с которыми Россия находилась бы в состоянии конфронтации. Общий позитивный (в худшем случае нейтральный) фон свойственен отношениям России со всеми странами региона. На усиление Китая Россия отреагировала, формируя вокруг него кольцо дружественных государств от Японии до Индии. Но и с Китаем Россия поддерживает близкие и дружеские отношения, хотя они и осложняются устойчивыми (и часто искусственно подстёгиваемыми) фобиями перед китайской угрозой. Но при этом в российской политике (в отличие от американской) не делается очевидно-го акцента на военно-политическое сдерживание КНР.

На фоне усиления напряжённости в отношениях между ключевыми игроками АТР, Россия подчёркивает свою заинтересованность в обратном — укреплении регионального мира как важнейшего условия интеграции страны в регион. Именно этот фактор стал решающим в решении АСЕАН пригласить Россию к участию в заседаниях Восточноазиатского саммита. И именно на укрепление региональной стабильности нацелены инициативы, озвучиваемые российскими представителями на заседаниях площадок многосторонней дипломатии.

Запрос на присутствие России в АТР растёт. Превращение России в одного из гарантов безопасности в регионе потенциально выгодно всем сторонам. В то же время этот запрос не стоит переоценивать. Он пока лишь появляется, укрепить и использовать его ещё предстоит. В рамках взаимодействия России с каждой из стран региона по отдельности рост запроса существенно запаздывает от общерегионального. Россия всё ещё доста-

точно слабо представлена в стратегиях государств АТР. Большинство из них по-прежнему рассматривают её как восточноевропейское, а не тихоокеанское государство. Впрочем, развитие двусторонних отношений со странами региона демонстрирует постепенный перелом этой тенденции.

КИТАЙ

В китайско-российском стратегическом партнёрстве главное для Китая на сегодня — это безопасная северная граница, а также сотрудничество на международной арене в формировании нового «мирового и регионального порядка». Важным экономическим партнёром (вынося за скобки поставки энергоресурсов) Россия пока, по большому счету, является лишь для провинции Хэйлуцзян, имеющей тесные связи с приграничными регионами Дальнего Востока. Безусловным приоритетом для Китая в экономических отношениях с Россией выступает доступ к природным ресурсам. На настоящий момент основу экономического сотрудничества России и Китая составляют энергетические поставки, однако даже в случае значительного расширения инфраструктурных возможностей транспортировки в Китай энергетического сырья восточные районы России останутся для него лишь одним из многих источников нефти, газа и угля. На настоящий момент импорт нефти из России составляет лишь 6%, а газа — 4% от всех поставок соответствующих видов топлива в Китай. Эти цифры можно увеличить на несколько процентных пунктов, но не более — ограничением выступают разработки Китаем собственных запасов сланцевого газа (потенциально крупнейших в мире), а главное — нежелание чрезмерно зависеть от России в энергетическом вопросе. Вероятно, в долгосрочной перспективе Китай в большей степени заинтересован в доступе не к запасам топливно-энергетического сырья на востоке России, а к другим видам природных ресурсов — минеральным полезным ископаемым, пахотной земле, пресной воде, лесу, рыбным ресурсам и т.д.

Вопреки распространённому в России мнению угроза военно-политической или демографической «китаизации» в кратко- и даже среднесрочной перспективе восточным регионам России, видимо, не грозит. Для Китая земли России не имеют почти никакой идеологической значимости, а имеют лишь прагматическую, связанную с ресурсами. Наилучшим образом это может быть проиллюстрировано тем, что если на русском название Владивостока означает «владей востоком», то на китайском — «залив трепангов». Да, российские ресурсы нужны Китаю, но доступ к ним можно получить и без заселения соответствующих территорий и контроля над ними.

Постоянное китайское население в приграничных районах России исчисляется сотнями человек. Случаи обучения китайских детей в российских школах или пользования услугами российского здравоохранения — единичны. Максимальная численность китайских рабочих в Дальневосточном федеральном округе наблюдалась в 2008 г. (с 2009 г. квота на привлечение иностранной рабочей силы была существенно снижена) и составляла 65 тыс. чел. — около 1% численности населения региона. В настоящее время китайской рабочей силы на Дальнем Востоке России в разы меньше, чем среднеазиатской. Даже работающие в России китайцы, как правило, не заинтересованы в том, чтобы жить в России. Они приезжают сюда лишь для осуществления сезонного бизнеса и потом возвращаются на родину.

Проблема с китайской миграцией на российский Дальний Восток состоит не в том, что её много, а в том, что система привлечения

Социально-экономические показатели стран Азиатско-Тихоокеанского региона, 2012 г.

	Китай	Россия
 Население		
 ВВП по ППС	 1350 млн чел.	 143 млн чел.
 ВВП на душу населения (ППС)	 \$12269 млрд	 \$3373 млрд
 Сальдо торгового баланса	 \$9083	 \$23501
 Доля экспорта к ВВП	 \$232 млрд	 \$147 млрд
 Инфляция	 27%	 29%
 Золотовалютные резервы	 1,8%	 8,5%
	 \$3388 млрд	 \$538 млрд

Япония	Индия	Таиланд	Республика Корея
 127 млн чел.	 1236 млн чел.	 66 млн чел.	 50 млн чел.
 \$4487 млрд	 \$4716 млрд	 \$645 млрд	 \$1540 млрд
 \$35178	 \$3813	 \$9660	 \$30801
 -\$118 млрд	 -\$142 млрд	 \$4 млрд	 \$34 млрд
 15%	 24%	 75%	 57%
 -0,9%	 8,2%	 1,3%	 1,0%
 \$1268 млрд	 \$300 млрд	 \$181 млрд	 \$328 млрд

Малайзия	Вьетнам	Индонезия	Сингапур
 29 млн чел.	 88 млн чел.	 246 млн чел.	 5 млн чел.
 \$495 млрд	 \$336 млрд	 \$1204 млрд	 \$322 млрд
 \$16919	 \$3787	 \$4876	 \$60800
 \$36 млрд	 \$5 млрд	 -\$14 млрд	 \$61 млрд
 87%	 80%	 24%	 201%
 0,7%	 10,9%	 4,5%	 2,1%
 \$140 млрд	 \$25 млрд	 \$113 млрд	 \$266 млрд

Источник: Всемирный банк

иностранный силы коррумпирована, в связи с чем значительная часть китайских рабочих работает в нелегальном секторе, особенно на лесозаготовках и в строительстве.

Экономическое присутствие Китая в России гораздо сильнее. Но и оно переоценено. В частности, китайский экспорт в США превышает китайский экспорт в Россию не только в абсолютных значениях (в 9 раз), но и в относительных, с учётом разницы американского и российского ВВП. Причём китайские товары начинают вымываться с российского рынка в результате существенного подорожания юаня в последние годы. Накопленные инвестиции России в Китае — на уровне \$2,6 млрд — крайне малы для инвестиционного сотрудничества экономик такого масштаба. По большому счёту китайское присутствие в экономике страны является доминирующим лишь на Дальнем Востоке — там две трети рынка представлены китайскими товарами.

США

Главные для США внешние вызовы XXI века сосредоточены в АТР: это подъём Китая, растущее влияние Индии, региональная нестабильность, связанная во многом с ядерной угрозой со стороны КНДР. Всё это заставляет Вашингтон не только укреплять свои традиционные политические союзы, но и заниматься поиском новых партнёров в АТР. Теоретически одним из таких партнёров могла бы стать Россия. Однако на сегодняшний день, формулируя свою азиатско-тихоокеанскую политику, США практически никогда официально не упоминают Россию в азиатско-тихоокеанском контексте. Россия пока преподносится официальной Америкой скорее как восточноевропейская, нежели тихоокеанская держава. Наиболее ярким примером такого подхода стало неупоминание России в программной статье Х. Клинтон, посвящённой военно-политической переориентации США на АТР.

Теоретически интерес США к азиатским территориям России мог бы поддерживаться интересами обеспечения национальной безопасности (Тихоокеанский флот и ядерный потенциал России как угроза), их сырьевыми ресурсами и транзитными возможностями, что и проявлялось в первой половине 1990-х гг. Деградация первого и серьёзные трудности в использовании второго и третьего привели к тому, что сегодня Сибирь и Дальний Восток не являются сколько-нибудь значимым объектом «экономического» внимания Соединённых Штатов. Американское экономическое и гуманитарное присутствие в тихоокеанской России — минимальное за последние два десятилетия.

Россия могла бы представлять стратегический интерес хотя бы для примыкающей к ней Аляски. Однако и этого не происходит — сколько-нибудь существенное сотрудничество между Россией и этим штатом отсутствует. Показательно, что в списке торговых партнёров Аляски Россия не входит даже в первую двадцатку и уступает, к примеру, Украине.

В рамках АТР серьёзный интерес США к России прослеживается лишь в призме «китайского фактора». В этой связи Россия рассматривается в двух плоскостях:

- как возможный союзник и партнёр США в борьбе с общей угрозой — усилением Китая;
- как фактор существенного усиления Китая. В таком контексте Россия вновь становится угрозой Соединённым Штатам. В этом ракурсе трактуется также усиление экономических позиций и влияния Китая в тихоокеанской России.

ЯПОНИЯ

В списке внешнеполитических приоритетов Японии Россия долгое время стояла в пятой группе наряду со странами Средней Азии и Кавказом.

Однако после прихода на пост премьер-министра С. Абэ ситуация изменилась. Развитие отношений с Россией было объявлено одним из внешнеполитических приоритетов Японии. Причём на первый план стал выходить экономический интерес, который оттеснил преобладавшую долгое время политическую составляющую на второй план. Ради этого интереса Япония смягчила свою позицию в отношении территориального спора, но лишь на уровне риторики. Возвращение четырёх островов Курильской гряды по-прежнему рассматривается как проблема национального государственного суверенитета и национальной гордости, в силу чего надеяться на качественные уступки со стороны Японии оснований, видимо, нет. Компромиссы, на которые пока согласна японская сторона, могут затрагивать лишь детали и механизмы возвращения.

Сближение с Россией было подстёгнуто проблемами, возникшими в японском энергетическом секторе после аварии на АЭС «Фукусима-1». Остановка работы атомных электростанций заставила Японию наращивать импорт углеводородов. Так как зависимость от Австралии и Индонезии уже достаточно высока, а импорт топлива из стран Персидского залива рискован в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке, Япония склонилась к углублению сотрудничества с Россией. Интерес к российским топливно-энергетическим ресурсам оказался преходящим: в 2013 г. в Японии запущен процесс восстановления атомной энергетики, а диверсификацию газовых поставок решено осуществлять за счёт импорта СПГ из Северной Америки. Однако сближение с Россией не прекратилось: выявлен целый ряд других направлений взаимовыгодного взаимодействия, которые постепенно начинают реализовываться, в первую очередь сельское хозяйство.

Что касается политической составляющей, то, помимо ситуации с Курильскими островами, Россия остаётся значимой величиной для Японии также и потому, что, обладая относительно мощным военным потенциалом, она может пойти на более тесное военно-политическое сближение с Китаем, что особенно беспокоит Японию в стратегическом плане. С другой стороны, Япония всячески подчёркивает опасности «китаизации» российского Дальнего Востока. Возможно, эта проблема сознательно преувеличивается для склонения России в сторону дальнейшего сближения с Японией.

Пока Японии это удаётся, тем более что сближение отвечает и интересам России с точки зрения балансирования мощи дружественного Китая. В ноябре 2013 г. проведены первые в истории японско-российских отношений переговоры в формате «2+2», в которых участвовали главы внешнеполитических и оборонных ведомств. С.К. Шойгу стал первым российским министром обороны за десять лет, который посетил Японию. Теперь визиты министров обороны решено осуществлять на регулярной основе. Достигнута также договорённость в совместных российско-японских учениях: антитеррористических и антипиратских в Аденском заливе, а также на базе МВД России в Домодедово для отработки мер по борьбе с наркотрафиком из Афганистана. Кроме того, планируется создать механизм консультаций экспертов по вопросам кибербезопасности.

Сближение России с Японией весьма позитивно воспринимается в США как шаг к интенсификации собственно американо-российских отношений в АТР. **Успех российского взаимодействия с Японией может послужить импульсом для вовлечения США в развитие Сибири и Дальнего Востока.**

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

Южнокорейское руководство достаточно активно позиционирует себя как кандидата в ключевые партнёры России в АТР, как своего рода «проводника» России в этот регион и как мост между Россией и США.

Предлагаемая Южной Кореей новая институциональная архитектура Северо-Восточной Азии достаточно интересна и нетривиальна. Южнокорейские компании заинтересованы в целом ряде промышленных и инфраструктурных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке. В историческом и психологическом плане в российско-южнокорейских отношениях нет таких «демонов прошлого», как в отношениях с Китаем и Японией. Здесь, скорее, следует говорить о том, что Россия часто занимает сдержанную и недоверчивую позицию по отношению к южнокорейским предложениям о сотрудничестве. То, как долго затягивалось российской стороной подписание соглашения о безвизовом режиме, — тому свидетельство.

Стремясь к достижению стратегического баланса в отношениях с ключевыми игроками — Китаем и США — руководство Кореи поддерживает представление о России как о серьёзном партнёре Южной Кореи в АТР. Интерес корейских лидеров сводится, видимо, к трём составляющим. Во-первых, Россия воспринимается как один из источников обеспечения национальной южнокорейской экономики энергоресурсами и минеральным сырьём. Во-вторых, она рассматривается как важный ресурс для улучшения межкорейских отношений и решения корейской проблемы в целом. Как и на Китай, на Россию пытаются возложить ответственность не только за «умиротворение» северокорейских лидеров, но и за будущую судьбу народа КНДР, который нужно прежде всего накормить. В Южной Корее возлагают серьёзные надежды на массированное привлечение Россией северокорейской рабочей силы для развития Сибири и Дальнего Востока. В-третьих, коррелируя свою политику с тихоокеанской стратегией Вашингтона, южнокорейские лидеры встревожены потенциальным сближением России и Китая (в том числе в рамках ШОС), прежде всего с точки зрения военно-политической составляющей.

КНДР

Хотя конкретное содержание современной северокорейской политики в отношении России во многом остаётся неопределённым, но суть её очевидна и утилитарна: использование заинтересованности Москвы в сохранении КНДР, а также доступ к экономическим ресурсам Сибири и Дальнего Востока для выживания северокорейского режима.

СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ряд стран Юго-Восточной Азии (Сингапур, Малайзия, Филиппины, Таиланд), в общем, проявляют интерес к Сибири и Дальнему Востоку и имеют здесь очевидные интересы прежде всего в сфере энергетики, транспорта, туризма и сельского хозяйства. Однако эти страны (за исключением Вьетнама) пока не имеют сколько-нибудь продуманной стратегии в отношении азиатских территорий России, впрочем, как и в отношении России в целом. В значительной степени они, как и страны Северо-Восточной Азии, обосновывают свою сдержанность состоянием делового климата в России: коррупцией, несовершенным таможенным, налоговым, валютным законодательством, недостатками правовой системы. Серьёзным препятствием является отсутствие видимой заинтересованности и активных действий с российской сто-

роны (как на местном, так и на региональном уровне) в привлечении интереса иностранных партнёров к Сибири и Дальнему Востоку.

Вьетнам — единственная страна в Юго-Восточной Азии, с которой у России сложились отношения стратегического партнёрства, — среди приоритетных направлений российско-вьетнамского взаимодействия — военное, военно-промышленное, энергетическое, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество. Ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли между Россией и Вьетнамом. В контексте параллельного вьетнамо-американского сближения успех этой идеи может сделать Вьетнам своего рода мостом во взаимодействиях России с Транстихоокеанским партнёрством. В то же время мост возможен и к созданию зоны свободной торговли с АСЕАН и участию в Региональном всеобъемлющем экономическом партнёрстве.

За 2012–2013 гг. в ходе председательства в АТЭС значительно усилился политический диалог между Россией и Индонезией, причём не только на общем дипломатическом уровне, но и по линии отдельных экономических министерств и ведомств.

Канберра не рассматривает Россию как стратегического игрока в АТР, хотя и выступает за расширение её участия в делах региона и видит в ней роль балансира в растущем американо-китайском противостоянии. Деловые круги Австралии имеют определённый коммерческий интерес к восточным районам России, но пока не считают экономически целесообразным расширять здесь своё присутствие в силу наличия в мире и регионе более выгодных территорий для приложения капиталов. В то же время в привлечении австралийского капитала в развитие Сибири и Дальнего Востока сосредоточен большой потенциал: австралийский опыт ведения хозяйства на слабозаселённых территориях может быть исключительно полезен России. Пока же Австралия представляет интерес в основном для мигрантов из России, оттягивая на постоянное жительство часть интеллектуальных и трудовых ресурсов Дальнего Востока. Новая Зеландия, несмотря на свою удалённость от России, является одним из тех государств АТР, которая проявляет интерес к созданию зоны свободной торговли с Россией. В этом случае она, как и Вьетнам, может стать «мостом» между Россией и Транстихоокеанским партнёрством.

К УСИЛЕНИЮ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В АТР

Рост «запроса на Россию» со стороны её азиатско-тихоокеанских партнёров требует от нашей страны содержательного и оперативного отклика. Между тем отчётливо просматривается иная тенденция: дисбаланс между этими ожиданиями и возможностями России им в полной мере соответствовать.

Несмотря на уже произошедшее усиление роли России в регионе, на настоящий момент она остаётся периферийной в отношении АТР державой, что непривычно для нашей страны. Обычно она находится в центре событий. В отношениях с постсоветскими республиками Россия выступает в качестве лидера. В отношениях с Западом у России есть сильный набор козырей, позволяющих ощущать свою силу и уверенность. В АТР ситуация иная: Россия имеет возможности укрепить своё влияние в регионе, но до лидерских позиций пока далеко. Единственной разумной стратегией в этих условиях является курс на снижение периферийности. России необходимо окно в Азию, роль которого могут сыграть лишь восточные территории страны. Очевидно, что основой для интеграции России в АТР должно стать

усиление экономического сотрудничества через развитие Сибири и Дальнего Востока. Последнее позволит России перестать быть периферийной державой, а политическое усиление будет уже следствием экономического присутствия в регионе.

У России со странами АТР есть множество общих экономических интересов. Саммит АТЭС во Владивостоке стал важной площадкой, на которой эти общие интересы были выявлены. Саммит прошёл, и теперь для России важно понять контуры дальнейшей стратегии взаимодействия со странами региона. Россия привыкла вести игру, опираясь на региональные интеграционные группировки, в первую очередь на АТЭС. Однако реальное значение этой площадки, как и других объединений (ВАС, Россия и АСЕАН и др.), на экономико-политические процессы в регионе очень невелико. Эти группировки «дверями» России в Азию стать не могут.

Отсутствие в регионе доминирующих интеграционных структур требует большей гибкости в проведении внешней политики. И одновременно большего прагматизма. **Активное участие в многосторонних форматах сотрудничества, которое России удаётся относительно успешно, должно быть дополнено созданием тесной сети крепких двусторонних экономико-политических связей со странами региона.**

На двустороннем треке активизация азиатско-тихоокеанского направления российской внешней политики уже просматривается. Помимо укрепления политических и военных связей устойчивый характер приобрело наращивание масштабов и качества торгово-экономического сотрудничества, хотя российские позиции всё ещё значительно уступают таковым других региональных игроков. В 2013 г. подписаны многочисленные соглашения с Китаем и Японией. Наблюдается стремительное потепление отношений России и Японии, теоретически появилась перспектива подписания мирного договора между странами. Наблюдаются потепление отношений с Кореей, налаживание сотрудничества с Индонезией, усиление присутствия во Вьетнаме.

Укрепление двусторонних отношений между Россией и рядом стран АТР объективно работает на урегулирование актуальных проблем безопасности и активизацию процессов экономического регионализма. Например, наращивание связей Москвы с Пхеньяном и с Сеулом даже в условиях стагнации межкорейского диалога приближает реализацию транспортных и энергетических проектов на Корейском полуострове, а следовательно, укрепляет предпосылки к объединению Севера и Юга Кореи. А перспектива формирования зоны свободной торговли России с Вьетнамом прокладывает путь к зоне свободной торговли АСЕАН-Россия, тем самым устраняя формальное препятствие присоединения России к Региональному всеобъемлющему экономическому партнёрству. Участие России в последнем способно оказать стабилизирующее воздействие на многостороннее экономическое сотрудничество на азиатско-тихоокеанском и восточноазиатском треках.

В сфере политики и безопасности в актив России можно занести успешную разработку ниши «великой региональной неприсоединившейся державы». Это проявилось в дистанцировании от основных источников китайско-американского соперничества в АТР, прежде всего по вопросу о морских коммуникациях и связанных с ним противоречиях. Российский подход к ракетно-ядерной проблеме КНДР делает акцент на неприемлемости как её решения силовым путём, так и выдвижения Пхеньяном предварительных условий своего возвращения за стол переговоров. На концептуальном уровне Россия выступает за так называемую «неделимую безопасность» в АТР, т.е. недопустимость укрепления собственной безопасности за счёт других государств.

Результатом такой ситуации стало растущее осознание нашими азиатско-тихоокеанскими партнёрами того, что **без участия России региональный порядок, основанный на принципе равенства, взаимной выгоды и полицентричности, содействующий поддержанию общего экономического динамизма АТР, объективно не может быть оформлен.**

Необходимость оправдания ожиданий заставляет Россию активнее наращивать масштаб и качество сотрудничества со своими региональными партнёрами, осваивать его новые перспективные направления и диверсифицировать инструментарий своей политики.

В условиях существования взаимного недоверия между странами региона глобальные совместные проекты выступают скорее не сплачивающим, а разъединяющим элементом (наилучшим примером является Транстихоокеанское партнёрство). Зато склеивающими страны региона, помимо торгово-экономического сотрудничества, являются малые инициативы. Полноценная региональная интеграционная структура в регионе едва ли может быть выстроена сверху вниз. Если она и появится в ближайшие десятилетия, то только снизу вверх, сложившись из множества узкоспециальных областей сотрудничества между государствами АТР. Россия может сыграть ключевую роль в развитии ряда из таких областей.

Перспективна кооперация в сфере безопасности в атомной энергетике. Катастрофа на АЭС «Фукусима-1», а также приостановка ядерных реакторов в Корее из-за найденного брака в комплектующих делают данный вопрос крайне актуальным.

Необходимо и согласование стандартов безопасности, и выработка общих принципов реагирования на возможные инциденты. Россия как одна из ведущих держав, развивающих атомную энергетику и имеющих передовые технологии в этой сфере, могла бы выступить в качестве одного из инициаторов сотрудничества. Без её участия оно идёт достаточно вяло.

Давно назрела инициатива сотрудничества в области реагирования на природные катастрофы. Восточные регионы России подвержены лесным пожарам и наводнениям, северные районы Китая — наводнениям и землетрясениям. Китай вообще является одним из мировых лидеров по уязвимости перед лицом природных катастроф, а ущерб от них составляет 3–6% ВВП ежегодно. При этом страны до сих пор реагируют на катаклизмы в одиночку, и это существенно снижает эффективность мероприятий, особенно с учётом удалённости приграничных районов России и Китая от центров экономической активности, где сосредоточены основные силы по ликвидации последствий катастроф. Наводнение на Амуре, поразившее и Россию, и Китай, при всей его трагичности могло бы стать полем сотрудничества двух держав, но этого не произошло. Не стоит ждать следующих бедствий, чтобы понять, что реагировать на них совместно эффективнее. В дальнейшем к российско-китайскому сотрудничеству в области реагирования на природные катастрофы могли бы присоединиться Япония, крайне уязвимая перед лицом землетрясений, ураганов и цунами, и страны Юго-Восточной Азии, где природные бедствия являются одной из ключевых угроз экономическому развитию.

Другим примером локальной инициативы может стать сотрудничество вокруг 180-го меридиана. В акватории, прилегающей к Берингову проливу, сходятся интересы России, США и Канады, и есть все предпосылки к кооперации как в области безопасности мореплавания, так и в области обеспечения экологической безопасности (при добыче ресурсов, при транзите, при рыбном промысле). Вокруг этого взаимодействия трёх северных стран (и после дальнейшего подключения к нему ведущих государств

Азии) может в дальнейшем развиваться и сотрудничество вокруг освоения Северного морского пути.

Перспективно сотрудничество между Россией, Японией, Кореей и Китаем в области морского туризма. Запуск сети круизных лайнеров, курсирующих между этими странами, был бы прорывом в налаживании культурного взаимодействия между ними. С учётом трений, возникающих между Китаем, Кореей и Японией на море, никто, кроме России, не сможет выступить инициатором такого шага, назревшего достаточно давно.

Все перечисленные области сотрудничества кажутся малозначимыми. Возможно, это и так, но пренебрегать ими не стоит. Только из сотрудничества в таких областях и может вырасти более масштабное партнёрство.

Продолжение имеющегося курса на площадках многосторонней дипломатии, развитие двусторонних отношений и следование «политике малых инициатив» — ключевые шаги к полноценной интеграции страны в АТР, которые могут быть сделаны уже в краткосрочной перспективе. В то же время они не должны отеснять с первого плана главное: для интеграции в Азию Россия должна перестать быть её периферией. С этой целью, повторим, необходимо развитие восточных районов России как экономического «окна в Азию», остающегося при этом важнейшей частью российского политического и культурного пространства.

Сибирь и Дальний Восток: переосмысление угроз и возможностей

УГРОЗЫ. МИФЫ О ПЛОХОМ КЛИМАТЕ И СЛАБОЙ ЗАСЕЛЁННОСТИ

Существующее восприятие Сибири и Дальнего Востока как бремени для страны основано на уверенности в том, что развитие региона не может быть экономически обоснованным проектом. При этом в качестве главных препятствий этому обычно рассматриваются слабая заселённость восточных территорий и суровость климатических условий.

Безусловно, оба фактора существенно затрудняют экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, однако непреодолимыми препятствиями назвать их нельзя. Достаточно привести пример: плотность населения Сибири и Дальнего Востока — 2,3 чел./кв. км — это сопоставимо с показателями Австралии (2,8 чел./кв. км) и Канады (3,5 чел./кв. км) и в 4,6 раза выше, чем на Аляске (0,5 чел./кв. км).

И в Канаде, и на Аляске природно-климатические условия сопоставимы с условиями Сибири и Дальнего Востока. Большая часть этих территорий мало пригодна для проживания и ведения экономической деятельности, за исключением добычи природных ресурсов. Однако уровень их развития на порядок выше, чем в России. Северные страны Европы (Норвегия, Швеция и Финляндия) также демонстрируют возможность обеспечения высокого уровня жизни в холодном арктическом климате.

Климат нельзя рассматривать как приговор. Многим странам природа отвела не меньшие вызовы. Нидерланды вынуждены отвоевывать свои территории у моря, страны Персидского залива — покорять пустыню, Израиль — бороться с острой нехваткой воды. Времена, когда холодный климат автоматически делал неконкурентоспособным любое производство, давно прошли. Затраты на отопление в Сибири не выше, чем на кондиционирование в Калифорнии.

В Австралии большая часть территории непригодна для сплошного заселения, однако это не мешает осуществлять на ней добычу природных ресурсов вахтовым методом и развивать крайне высокотехнологичное и эффективное сельское хозяйство. Другой пример победы над суровостью природных условий — динамичное развитие Монголии, сумевшей пристегнуться к экономическому росту Китая и демонстрирующей в настоящее время самый высокий в мире темп роста ВВП, несмотря на, возможно, худший среди всех стран мира климат.

Тяжёлые климатические условия не должны использоваться как оправдание неспособности обеспечить в регионе достойный уровень жизни и рост экономической активности. Причина неудач — в неспособности выработать особый подход к развитию региона, учитывающий климатический фактор. Примером такой неспособности служили используемые в советское время механизмы завлечения населения страны в северные районы, наименее всего подходящие для его проживания, вместо концентрации его в южных районах и вахтовом варианте освоения ресурсов севера. Вплоть до настоящего времени и население северных территорий, и государство вынуждены расплачиваться за административные ошибки прошлого.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ

В отличие от климата и слабой заселённости неблагоприятная экономическая ситуация в регионе является реальной угрозой его развитию. Номинальная зарплата здесь — одна из самых высоких в стране, однако разрыв в реальных доходах между Сибирью и европейской частью России увеличился с 15% в 2000 г. до 30% в 2010 г.

В десятке субъектов федерации — лидеров по количеству жителей с доходами ниже прожиточного минимума — семь находятся в Сибири и на Дальнем Востоке. Уровень безработицы в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах составляет соответственно 7,4% и 8,7% — выше он только на Северном Кавказе. В отдельных субъектах уровень безработицы вообще измеряется двузначными числами.

Несмотря на высокий соблазн ставить неутешительные диагнозы экономике региона в целом, надо понимать, что делать это подобно измерению средней температуры по больнице. Например, если при подсчёте уровня безработицы не учитывать национальные республики юга Восточной Сибири и при этом учитывать Тюменскую область (исторически неотъемлемую часть Сибири, по недоразумению относящуюся к Уральскому федеральному округу), то Сибирь и Дальний Восток окажутся в более благоприятном положении по сравнению с Уралом и Поволжьем и сопоставимом с центром страны.

Сибирь и Дальний Восток — самая поляризованная часть России. ВРП на душу населения в разделяемых узким проливом Невельского Сахалинской области и Хабаровском крае различается в 3,8 раза, безработица в соседних Тыве и Красноярском крае — в 3 раза. По объёму инвестиций на душу населения Дальневосточный федеральный округ опережает Сибирский в 2 раза, но при этом Тюменская область и входящие в её состав два автономный округа занимают по этому показателю второе, третье и четвёртое места в России.

Но даже анализ в разрезе субъектов федерации не даёт чёткого представления о реальном состоянии дел в регионе. Человеческие и инвестиционные ресурсы в Сибири исторически концентрируются в крупных городах. Контрасты между ними и периферией огромны. Несмотря на то, что в среднем уровень жизни населения восточных регионов относительно невысок, в авторитетном рейтинге самых богатых городов страны, ежегодно составляемом журналом «Финанс» на основе анализа подушевых расходов, города Сибири и Дальнего Востока регулярно занимают высокие позиции. В десятке лидеров за 2013 г. — шесть городов, расположенных к востоку от Урала (Тюмень, Новокузнецк, Красноярск, Кемерово, Новосибирск, Иркутск). А по уровню автомобилизации населения четыре города Сибири и Дальнего Востока (Владивосток, Сургут, Красноярск и Тюмень) опережают идущую следом за ними Москву.

Не менее запутана и демографическая ситуация Сибири и Дальнего Востока. Широко распространено представление о том, что из региона происходит быстрый отток населения. Если взять за базу для сравнения 1990 г., то цифры действительно выглядят пугающе: население Сибири сократилось на 6,7%, а Дальнего Востока — на 22,3%. Однако большая часть этих значений определяется экономическими, социальными и демографическими процессами 1990-х гг. Но эти процессы уже ушли в историю и не могут оказывать существенного влияния на перспективы региона сегодня. Если же за базу для сравнения брать 2000 г., то соответствующие показатели составляют соответственно 3,6% и 8,8%. Показатель Сибири сопоставим

(или даже более благоприятен) с другими регионами: Северо-Западом, Уралом, Поволжьем. Для Дальнего Востока убыль населения все равно остаётся самой высокой в России, однако большая часть оттока происходит с мало-пригодных для проживания северных территорий, а в районах концентрации населения на юге региона демографическая динамика остаётся в русле среднероссийской.

Таким образом, **экономическое и демографическое развитие Сибири и Дальнего Востока в последнее десятилетие, несмотря на ряд характерных черт, в общем и в целом повторяет динамику развития России в целом.** Демографические проблемы региона — зеркало проблем страны. Как и по всей России, усиливается тенденция к эмиграции дееспособного, особенно молодого населения, с периферии. Только в случае с Сибирью и особенно Дальним Востоком — всё чаще уже не в центральную часть страны, а в государства АТР.

Несмотря на отсутствие кардинальных отличий в экономическом и демографическом положении Сибири и Дальнего Востока от ситуации в других регионах страны, значительная часть российской элиты уверена, что на Дальнем Востоке происходит едва ли не гуманитарная катастрофа. В поддержании этого мифа заинтересованы в первую очередь региональные элиты, использующие его как основание для получения федеральных трансфертов. Федеральный же уровень власти обладает очевидным недостатком информации о состоянии дел в регионе и, идя на поводу у возникающих в таких условиях фобий и амбиций, принимает этот миф за правду.

Отказ от мифологизации, впрочем, не должен отменять видения реальных трудностей развития региона. **Главной угрозой является ухудшающееся качество человеческого капитала. В миграционной убыли высока доля лиц, имеющих высшее образование** (каждый третий уехавший с Дальнего Востока в 2010 г.). В массовом порядке выезжает наиболее образованная и динамичная часть молодёжи (по результатам опросов, каждый четвёртый сибирский студент хотел бы покинуть регион). Введение ЕГЭ ещё более усилило отток молодых талантов.

Молодых, умелых, работоспособных замещают малообразованные и неквалифицированные мигранты, преимущественно из Средней Азии. В настоящее время в регион ежегодно официально привлекается порядка 160 тыс. иностранных рабочих (подавляющее большинство из них неквалифицированные), ещё десятки тысяч трудятся полулегально и нелегально.

Неблагоприятны для качества человеческого капитала и демографические тенденции. По показателям естественного прироста Сибирь и Дальний Восток уступают в России лишь Северному Кавказу и Уралу. Однако большая часть прироста населения приходится на национальные республики, где уровень образования существенно отстаёт от передовых субъектов региона. По общему коэффициенту рождаемости республики Тыва, Алтай, Саха (Якутия) и Бурятия занимают второе, четвёртое, шестое и седьмое места в России. За ними следуют автономные округа Тюменской области и сама Тюменская область. Эксперты с беспокойством отмечают, что во многих из этих субъектов федерации взрывной рост рождаемости начался после введения в 2007 г. материнского капитала. Это признак преобладания высокой рождаемости среди малообеспеченных слоёв населения. Как это скажется на качестве человеческого капитала в будущем — большой вопрос.

Ухудшение человеческого капитала проявляется и в истощении его идеологического и морально-психологического ресурса. Опросы общественного мнения констатируют низкий уровень доверия сибирского

и особенно дальневосточного населения к власти вообще и центральной — в особенности, а также его невысокую мотивацию к жизни в регионе. В последнее десятилетие прежде твёрдая уверенность жителей Сибири и Дальнего Востока в своей российской идентичности, в принадлежности к общему историческому и культурному пространству, объединённому в понятии «Россия», подвергается всё большему давлению извне (как со стороны зарубежья, так и собственной столицы) и эрозии изнутри. Ощущение своей ненужности и заброшенности усугубляет чувство отчуждения от европейской прародины. Неудивительно, что почти половина жителей Приамурья и Приморья обнаруживает главные угрозы интересам России в Восточной Азии не в наращивании мощи Китая, конфликте на Корейском полуострове или споре с Японией из-за Курильских островов, а в неправильной политике Москвы и неадекватном отношении центра к этим далёким, хлопотным и затратным территориям.

Такие настроения в отношениях с федеральным центром ведут не к росту сепаратизма, которым местные элиты пугают федеральные власти (опять же для получения трансфертов), а к голосованию ногами. Все большая доля эмигрантов из Сибири и Дальнего Востока предпочитает уезжать не в другие города России, а за рубеж. Степень усталости местного населения демонстрирует такая тенденция, как массовая эмиграция в Китай пенсионеров, обычно наименее склонных к перемене мест.

НАСЛЕДИЕ ИСТОРИИ: СИБИРЬ КАК ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЯ

В докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» «К Великому океану, или Новая глобализация России» было уделено значительное внимание роли исторического фактора в становлении сибирской и дальневосточной идентичностей, показаны основные этапы героического и трагического освоения данного региона, а также взаимодействия русской и автохтонных культур в Сибири — от первого столкновения к относительно гармоничной интеграции. Применительно к целям данного, второго, доклада основной акцент в историческом плане мы делаем на ключевой роли частной инициативы и предпринимательства в освоении Сибири.

Различны подходы к пониманию самого термина «колония». Доминирующее сейчас негативное и политизированное его понимание вступает в противоречие с традиционным, скорее положительным представлением о колонии как месте приложения новых сил и реализации новых экономических проектов. Именно в таком ключе понимали термин «колония» отцы-основатели сибирской областнической идеологии в XIX в. Главная книга одного из них, Николая Ядринцева, так и называлась «Сибирь как колония», но колония именно в положительном смысле слова, как точка роста и стимул для развития всей страны в целом. Беда России в том, что экономические проекты в Сибири государственная власть (и при царях, и особенно при Сталине) решала весьма часто путём репрессий и моря крови. Именно поэтому, когда в очередной раз начинают разговор о государственном вмешательстве в развитие региона, то сибиряк вспоминает сразу же о Нарыме, Колыме и Краснокаменске.

Но в то же время видеть в Сибири только каторгу и ссылку неправильно и несправедливо. **Сибирь, парадоксальным образом для своего стереотипного имиджа, очень часто была в истории территорией свободы, куда не достигало тяжёлое «око государево»,** и где человек (очень редкая ситуация в России) был самостоятелен в принятии решений. Неслу-

чайно, впрочем, и то, что среди первопроходцев русской Сибири были уже люди свободные. Во-первых, это поморы и другие группы с Русского Севера (условно, к Северу и Востоку от Вологды) — там, где не было крепостного права. Северные купеческие города Тотьма и Великий Устюг оказали большое воздействие на становление не только Русской Сибири, но и Русской Америки. Во-вторых, это казаки, бежавшие от крепостного права в приграничную вольницу. Ермак и его отряд были как раз из их числа.

В Сибирь люди шли за свободой. Но, убегая от государства, они, тем не менее, расширяли его границы. Н.М. Пржевальский записывал за крестьянами уссурийского края: «Что там? Земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же ещё надо? А даст Бог пообживёмся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем».

Сибирь никогда не была колонией западноевропейского типа. Н.Я. Данилевский пишет: «Россия не мала, но большую часть её пространства занял русский народ путём свободного расселения, а не государственного завоевания. Надел, доставшийся русскому народу, составляет вполне естественную область, — столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах, — область, резко означенную со всех сторон (за некоторым исключением западной) морями и горами. Область эта перерезывается на два отдела Уральским хребтом, который, как известно, в своей средней части так полог, что не составляет естественной географической перегородки».

Однако, несмотря на то, что Сибирь никогда не была классической колонией, империя применяла по отношению к ней политику именно колониального типа. «Сибирь, как медведь, сидит у России на привязи», — писал Ф.Ф. Вигель, проехавший через восток России в 1805 г. Ситуация не изменилась и во второй половине XIX в.: в Сибири сохранялась особая централизованная система управления и финансов, на регион не распространялись судебная и земская реформы, в урезанном виде введены и другие либеральные преобразования.

Даже создание Транссибирской железной дороги, которое, казалось бы, призвано было соединить Сибирь с европейской частью России, было обставлено государственной властью в самых худших колониальных традициях. Был введён так называемый челябинский тарифный перелом, по которому все сибирские товары (а по производству зерна, сливочного масла, сыров Сибирь занимала лидирующие позиции в России), будучи перевезёнными через Челябинск в европейскую часть России, обкладывались специальным тарифом, который резко снижал конкурентоспособность продукции, произведённой к востоку от Урала. Что это, как не внутренняя таможня? Такое понимание колонии, очевидно, уже не имело никаких позитивных коннотаций.

Всё это не могло не привести к протесту со стороны сибирского общества. Осознание им собственной идентичности в условиях нежелания российской власти развивать и поддерживать местную частную инициативу привело к формированию начиная с 1860-х гг. первой целостной сибирской идеологии и политического движения, ставшего известным как сибирское областничество. Государственная власть России отнеслась к нему так же, как и к любому другому проявлению свободомыслия. С одной только разницей: поскольку из Сибири в Сибирь сослать было нельзя, арестованных руководителей областников Г. Потанина и Н. Ядринцева сослали на европейский север.

Надо отметить и то, что неприятие Сибири, презрительное отношение к ней сформировалось среди русской интеллигенции ещё задолго до коммунистов. Дневник путешествия А.П. Чехова через всю Сибирь на Сахалин является одним из первых памятников неприкрытого московского снобизма по отношению к Сибири, полным развязных и обидных эпитетов прославленного русского писателя по отношению к сибирякам. С другой стороны, именно Чехов (а не сибирские областники) прямо разделил понятия Сибири и России. Он прямо пишет в своём дневнике, что перевалив Урал, он выехал из России в Сибирь. И дальше для него — совсем другая страна, над которой он открыто глумится. Если и сформировался в России (а точнее, в Московии) свой тип колониального писателя, то А.П. Чехов — это его наиболее яркий и обидный для сибиряков вариант.

Развитие владений России на востоке было всегда жёстко подчинено интересам страны в целом. Сначала — политическим. В XIX в. управление Сибирью рассматривалось как элемент окраинной имперской политики. В начале XX в. военный министр А.Н. Куропаткин видел в Сибири в первую очередь запас свободных земель: «Необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере для четвертой части этой цифры».

При строительстве Транссиба хозяйственное развитие региона не рассматривалось в качестве цели — дорога строилась из военно-политических соображений — для обеспечения возможности быстро перебросить войска во Владивосток в случае военного нападения, а также с целью усилить собственное влияние в Китае.

Со временем политические мотивы развития Сибири были заменены экономическими. В.И. Ленин называл Сибирь «колонией в экономическом смысле». А в 1930 г. Генеральным планом развития Сибири были обозначены такие её функции, как снабжение других районов хлебом и древесиной, а также производство зерна, леса, масла и пушнины на экспорт. Кроме того, регион должен был стать энергетическим центром страны — главным районом добычи угля и производства гидроэнергии. Наконец, начиная с 1960-х гг. главными богатствами Сибири стали нефть и газ.

Тем не менее в советское время отношение к Сибири как к колонии в значительной степени было преодолено. Строительство крупных ГЭС позволило создать мощные территориально-промышленные комплексы с основой на энергоёмких производствах. Появились крупные университеты и один из символов сибирского освоения — Новосибирский Академгородок. Создан мощный задел для развития человеческого капитала, особенно в Западной Сибири.

Накопленный задел был существенно ослаблен со времён распада СССР. Промышленные регионы Сибири и особенно Дальнего Востока оказались наиболее уязвимы в период трансформационного спада (с 1991 по 1998 гг. промышленное производство в большинстве регионов Дальнего Востока снизилось примерно на 2/3), зато позиции сырьевых существенно укрепились (Тюменская область и Якутия оказались островком относительной стабильности в кризисной России). Как следствие, восстановились и квазиколониальные отношения между Сибирью и центром.

Несмотря на то, что большая часть российского экспорта обеспечивается регионами, лежащими к востоку от Уральских гор (впрочем, из-за московской прописки многих сырьевых компаний, по официальной статистике, эта доля составляет лишь около четверти — включая Тюменскую область, на которую приходится половина всего экспорта Сибири

и Дальнего Востока), они по-прежнему существенно отстают от центра по уровню экономического развития, а особенно — по обеспеченности социальной, транспортной, образовательной инфраструктурой. А значительная часть компаний, добывающих ресурсы в Сибири и на Дальнем Востоке, платит налоги в бюджет Москвы. Во многих аспектах отношения Москвы и Сибири напоминают отношения метрополии и колонии и в наши дни.

ВОЗМОЖНОСТИ

Сила Сибири и Дальнего Востока — в пространствах, ресурсах, природе, а главное — в людях. Значение этой силы долгое время не осознавали. Ещё полтора десятилетия назад (в 1999 г.) огромные пространства востока России открыто обозначались в послании Президента Федеральному собранию как бремя для страны. А сейчас немалая часть элит воспринимает природные богатства Сибири как российское проклятье, не позволяющее России вырваться из сырьевой ловушки. Такая позиция не только деструктивна, но и просто неверна.

ТЕРРИТОРИЯ И РЕСУРСЫ

Огромные пространства Сибири и Дальнего Востока, несмотря на свою слабую заселённость и удалённость от центра страны, имеют для неё огромную ценность. Она лишь усиливается благодаря происходящим в мире в последнее десятилетие сдвигам. Растущая нехватка ресурсов (как минеральных, так и возобновляемых — водных, лесных, рыбных, продовольственных и т.д.) и обострение глобальных экологических проблем ведут к новому росту влияния природных факторов на международные экономические процессы. Как следствие, растёт и значение территории. Времена, когда теоретики глобализации прогнозировали абсолютное сжатие физического пространства и падение ценности территорий в связи с развитием транспортных и информационных технологий, минули. География не просто по-прежнему влияет на международные отношения, но её роль даже возрастает. Происходит новая (экономическая) колонизация Африки, идёт борьба за Арктику, трения возникают даже вокруг Антарктиды — континента, ранее закрытого для большой политики. Усиливается напряжённость вокруг ключевых морских путей. Происходит возрождение геополитики — и как термина в научном обороте, и как основы для внешнеполитических стратегий государств.

Растущий интерес к Сибири и Дальнему Востоку не только в России, но и за рубежом — одно из отражений этой тенденции. Восточные территории России — это последний (если быть точным, один из последних) фронт, к развитию которого хотят быть причастны многие страны. Это ещё и мост, соединяющий Европу и Азию не только идеологически, но и пространственно. Освоение Северного морского пути — один из ключей к открытию этого моста.

Сибирь и Дальний Восток — регион, исключительно богатый природными ресурсами. Здесь сосредоточено 10% мировой разведанной традиционной нефти, около 25% природного газа, до 12% угля, 9% золота, 7% платины, 9% свинца, 5% железной руды, до 14% молибдена, до 21% никеля⁴⁴. Очевидно, что велики в регионе и запасы сланцевых энергоносителей. Здесь находятся около 16% мировых запасов пресной воды (без учёта подземных вод) и около 21% мировой площади лесов. На Сибирь и Дальний Восток приходится 22% площади российских пахотных земель. Наконец, морские биоресурсы Дальнего Востока — одни из самых богатых в мире.

При наличии таких богатств опора на ресурсы региона — естественная черта экономического развития, которой не надо стесняться. Предложения ускоренной индустриализации региона (вплоть до превращения его в «планетарный центр индустриализации»), основанной на развитии традиционных отраслей промышленности или высоких технологий, видимо, бесперспективны, как бы привлекательно они ни звучали. А может быть, и вредны, так как отвлекают от использования реальных конкурентных преимуществ. В условиях соседства с азиатскими странами, являющимися «мировой фабрикой», любые попытки создать конкурентоспособные на мировом рынке трудо- и капиталоемкие производства обречены на провал. В развитии наукоёмких производств (за исключением некоторых узких ниш, например, оборонного сектора) Россия безнадежно отстаёт уже не только от развитых государств, но и от Китая.

Возможности Сибири заключаются в использовании её ресурсного потенциала. В то же время необходимо, чтобы ресурсный сектор работал на благо региона, а не просто генерировал прибыль компаний, часть которой в виде налога будет поступать в государственный бюджет или в офшоры, а эффект для самой Сибири будет близок к нулю. Ресурсный сектор должен не только создавать рабочие места, но и служить ядром для развития высокотехнологичных отраслей, привязанных к нему и сконцентрированных, как правило, в крупнейших городах. В развитии промышленных, в том числе наукоёмких производств, нацеленных на добычу и переработку природного сырья, Россия может и должна преуспеть.

Основным драйвером развития региона на настоящий момент является энергетика, и ситуация вряд ли изменится в ближайшем будущем. Однако на настоящий момент состояние топливно-энергетического комплекса региона неудовлетворительное — его технологическая и особенно институциональная структура значительно устарела. После покупки ТНК-ВР «Роснефть» государственные компании стали контролировать энергетику России практически полностью. Их способность лоббировать свои интересы привела к тому, что расширение энергетического сектора осуществляется преимущественно за счёт государственной поддержки, а не повышения производительности компаний. При этом норма прибыли нефтяной отрасли ни разу за последние годы не опускалась ниже 23–25%. Даже в кризисном 2008 г. она оказалась на уровне 38%. Это позволяет некоторым обозревателям делать вывод, что «политика нефтяных монополий по сути является колониальной».

Сытая жизнь не создаёт для российских энергетических компаний стимулов следовать мировым трендам развития отрасли, в первую очередь стремительному росту его технологичности. Проблема даже не в игнорировании прорывных технологий, в частности технологий добычи сланцевого газа, а в неспособности за счёт постепенной модернизации увеличить добычу («Газпром» за 2002–2012 гг. снизил её на 7,3%) и повысить её эффективность. Если в США дебет забрасывания скважин (то есть отдача, при которой скважина перестаёт использоваться для добычи) составляет 250 л нефти в сутки, то в России — 8 т в сутки. Мы разбрасываемся собственными энергетическими богатствами. И при этом не учимся у иностранцев: с ними заключаются лишь самые примитивные альянсы для освоения конкретных месторождений, минимально связанные с передачей наиболее передовых ноу-хау.

Очевидно, что без существенного изменения институциональной среды энергетика не сможет стать основой для развития восточных территорий России. Это произойдёт только тогда, когда лицензии на освоение

новых запасов будут не бесплатно раздаваться государственным компаниям, а распределяться среди тех, кто сможет осваивать эти запасы эффективно. Прозрачная конкурсная система распределения лицензий не только заставит компании повышать качество технологической базы и, как следствие, развивать смежные наукоёмкие технологии, но и позволит значительно снизить (при соответствующем регуляторном воздействии со стороны государства) цены на энергоресурсы для внутреннего рынка и за счёт этого привлекать энергоёмкие производства из-за рубежа.

Наряду с институциональной средой необходимо менять и экспортную стратегию российского ТЭК. С учётом растущей волатильности цен на топливо продажи энергоресурсов по долгосрочным контрактам теряют свою привлекательность. Как следствие, ставка на трубопроводные поставки постепенно становится анахронизмом. **Географическое положение, позволяющее осуществлять быстрый выход и на европейский, и на азиатский рынок, потенциально делает Россию самым гибким в мире поставщиком энергоресурсов.** Однако для того чтобы использовать преимущества такого положения, необходимо строительство нефтеналивных терминалов и заводов по сжижению природного газа, ориентированных как на Европу, так и на Азию. Промежуточное положение, позволяющее быстро переставлять региональные приоритеты в ответ на изменение энергетической конъюнктуры, будут занимать арктические проекты. Первый из них, «Ямал СПГ», создаваемый корпорацией «НОВАТЭК», уже запущен.

Энергетические богатства Сибири и Дальнего Востока не ограничиваются ископаемым топливом. В России производится 4,5 % гидроэнергии всего мира, а по запасам гидроэнергии (9 % от мирового значения) она уступает только Китаю. 80 % производства электроэнергии сосредоточено в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом потенциал гидроэнергетики Сибири использован пока лишь на 20 %, а Дальнего Востока (где действуют пока лишь три ГЭС) — лишь на 4 %. ГЭС, сконцентрированные на юге Сибири и Дальнего Востока, могут стать ядром для развития кластера энергоёмких производств, от алюминиевых заводов до центров хранения и переработки информации (соответствующие подразделения ведущих информационных компаний уровня Google или Facebook потребляют огромное количество электроэнергии).

Ситуация в алмазной отрасли очень близка к ситуации в энергетической: Россия является крупным поставщиком алмазного сырья (28 % мировых поставок), но мало использует его для развития внутренних производств. Остро необходимо модернизировать отрасль. В первую очередь, использовать возможности добычи технических импактных алмазов гигантского (по некоторым данным — превышающего по своим ресурсам все мировые запасы) Попигаевского месторождения на границе Красноярского края и Якутии. Свойства этих алмазов идеальны для их применения в высокотехнологичных отраслях, а потому возникают возможности создания соответствующих производств — от бурового оборудования до элементов компьютерных устройств — в городах юга Западной и Восточной Сибири.

Россия обладает великолепными возможностями успешной добычи и переработки редкоземельных металлов. Их запасы в России уникальны и по количеству (около 30 % мировых), и по качеству. Почти все они расположены в Сибири и на Дальнем Востоке, а Томторское месторождение в Западной Якутии является одним из крупнейших в мире. На настоящий момент к востоку от Урала редкоземельные металлы в России практически не добываются. Но в последние годы появились отличные возможности для изменения ситуации. В 2010 г. Китай, обеспечивающий 97 % мирового

производства редкоземельных металлов, резко снизил их экспорт, что привело к возникновению на рынке острого дефицита и росту цен. Российские запасы могут заместить сократившиеся поставки из Китая в промышленно развитые страны (Японию, Корею, страны Европы и Северной Америки), но могут быть использованы и внутри страны. Так, например, производство конструкционных материалов и других видов продукции с использованием редкоземельных металлов в крупных городах юга Сибири могло бы стать основой для создания в регионе нового высокотехнологичного кластера и установления тесных кооперационных связей между северными и южными районами. Такое производство будет иметь значительный экспортный потенциал, обусловленный как относительной дешевизной продукции из-за близости минерального сырья, так и лёгкостью транспортировки (в виду малого веса).

Водные ресурсы могут быть использованы не только как генератор гидроэнергии. В связи с растущей во всём мире и особенно в азиатских странах нехваткой воды есть все перспективы для расширения в Сибири и на Дальнем Востоке водоёмких производств, в частности, производства химволокна и целлюлозно-бумажной продукции. Особые перспективы у сельского хозяйства, для которого, кроме пресной воды, нужны пахотные земли и пастбища, значительный неиспользованный резерв которых на всём Евразийском континенте остался лишь на востоке России.

Уникальным источником богатств являются лесные и рыбные ресурсы Сибири и Дальнего Востока. В то же время именно эти сектора в настоящий момент являются наименее прозрачными. Откровенная криминаленность лесного и рыбного хозяйства в отдельных регионах не позволяет использовать их потенциал на благо страны и приводит к хищническому истощению ресурсов. Во многом это вызвано наследием 1990-х гг., отчасти — сложностью получения легального доступа и огромным количеством бюрократических барьеров. Последние обусловлены преимущественно экологическими соображениями, однако в условиях неспособности государства полноценно контролировать процесс вырубki и вылова результат введения административных природоохранных мер из-за расширения нелегального сектора оказывается прямо противоположным желаемому. В дополнение к этому бессистемность в лесопользовании приводит к учащению лесных пожаров, ущерб от которых за один лишь 2012 г. превысил 10 млрд рублей.

Наконец, ещё одной возможностью, которую дарит Сибирь и Дальнему Востоку их природа, является туризм. Вечные разговоры о том, что развитие туризма в регионе приведёт к деградации природной среды, несостоятельны, что доказывает опыт множества стран, как развитых, так и развивающихся. Новая Зеландия или Коста-Рика привлекают миллионы экотуристов в год, но их природа от этого не страдает. Более того, есть все основания утверждать, что туризм может оказать оздоравливающее воздействие на природный капитал Сибири и Дальнего Востока, так как он дисциплинирует местных жителей — именно они, привыкшие к безграничности сибирских пространств, зачастую являются главными виновниками деградации уникальной природы региона. В качестве примера возможной полезности туристских потоков можно привести Кению и Танзанию, где именно массовое привлечение туристов и охотников позволило сохранить животный мир местных саванн. Обустройство массового туризма к главным природным объектам региона (не целиком, достаточно открытия отдельных участков) — это ещё и важный шаг к развитию у людей (как сибиряков, так и европейской части России) чувства сопричастности к своей стране. Это в полной мере работает, например, в США, где

природные достопримечательности, открытые для публики, стали настоящими национальными символами.

Россия недоиспользует природный капитал Сибири и Дальнего Востока. И это выливается не в сохранение ресурсов для будущих поколений, а в их разбазаривание. В условиях роста значения природных факторов для мировой экономики важным условием конкурентоспособности страны является не только обладание природными ресурсами, но и способность ими управлять. Россия пока этот тест в значительной степени проваливает.

ЛЮДИ

Наряду с ростом значения природных факторов в международных отношениях происходит и другой сдвиг: **международная конкуренция постепенно смещается из военно-политического поля в экономико-технологическое и в идейно-информационное**. Как следствие, главным условием успеха страны на международной арене становится способность генерировать и транслировать идеи, а на их основе разрабатывать новые технологии, навязывать свои вкусы и правила, строить новую экономику. Это способны делать только талантливые и образованные люди — развитие человеческого капитала становится первейшим приоритетом государственных стратегий во многих странах мира. В России человеческому капиталу пока должного внимания не уделяется, и, как следствие, в развивающейся конкуренции идей и технологий она всё более отстаёт от других ведущих государств.

К сожалению, российский человеческий капитал деградирует. 70 лет советской власти, систематически уничтожавшей лучших; развал страны, суливший надежды на свободу, но принёсший нищету 1990-х гг., нанесли народу тяжёлый ущерб. Необходимость бороться за выживание, окружающая несправедливость, социальная незащищённость привели к утрате доверия к государству и другим людям, к неверию в собственные силы, к тотальному пессимизму и нежеланию двигаться вперёд. Перелом этих тяжёлых тенденций — дело как минимум поколения.

Население Сибири и Дальнего Востока также оказалось подвержено этим тенденциям. И всё же череда исторических травм у него оказалась гораздо короче. Коренные сибиряки избежали ужасов крепостного права и коллективизации, их в меньшей степени затронули сталинские репрессии. Здесь в отличие от европейских регионов России не уничтожали миллионами наиболее активных, талантливых, независимых. Здесь живут потомки тех, кто от государства когда-то убежал. Людей свободных, не встроённых в иерархии и не сломленных бесчисленными бедами. Людей, готовых к проявлению инициативы и разумному риску. Именно такие люди и могут вести Россию вперёд. Могут создать центр возрождения российской пассионарности.

Несмотря на большой удар, нанесённый сибирякам в 1990-е гг., качество человеческого капитала в Сибири на настоящий момент находится на уровне, какого не было никогда за всю историю развития региона, разве что в те трагические периоды, когда лучшие люди страны, сосланные сюда, могли работать лишь киркой. Существуют мощные университеты и научные центры, как созданные в советское время (Новосибирский Академгородок), так и новые (Сибирский федеральный университет), получающие значительное государственное финансирование (позволяющее среди прочего привлекать из-за рубежа учёных в статусе нобелевских лауреатов). В Сибири расположены, возможно, лучший в стране

технопарк (Новосибирск) и самый большой студенческий город России, не считая двух столиц (Томск). Конечно, эти людские богатства, как и всё в Сибири, распределены крайне неравномерно.

Население и Сибири, и Дальнего Востока склонно к предпринимательству. Несмотря на неблагоприятный деловой климат, немало тех, кто сумел выстроить жизнеспособные модели бизнеса, преуспел в агрессивной среде. На опыт таких людей, безусловно, следует опираться.

НОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СИТУАЦИИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Неотъемлемой частью Сибири и Дальнего Востока являются арктические территории, лежащие к востоку от Урала. В их отношении особенно остро необходима переоценка угроз и возможностей. В течение всего постсоветского периода Арктика висела на плечах страны едва ли не мёртвым грузом — эти территории рассматривались как абсолютно бесперспективные с точки зрения ведения хозяйственной деятельности, однако проживающее здесь с советских времён население необходимо было содержать. Северный завоз стал настоящим образцом социальной ответственности государства — мерой, воспринимающейся как крайне обременительная, хотя и необходимая.

В настоящее время настала пора посмотреть на Арктику по-другому. Таяние льдов Северного Ледовитого океана, сдвиг экономической мощи в Азию и быстрое развитие технологий способны уже в ближайшее десятилетие сделать Арктику одним из наиболее динамично развивающихся регионов Земли. На первое место выходят игнорировавшийся долгое время ресурсный, транспортный и транзитный потенциал арктических территорий. Ими может и должна начать активно пользоваться и Россия.

В последнее десятилетие развитие технологий и рост цен на нефть существенно повысили интерес к освоению нефтегазовых ресурсов арктического бассейна. Одновременно выяснилось, что запасы ископаемого топлива на арктическом шельфе и под океаническим дном, по видимому, по-настоящему огромны. Так, по данным геологической службы США, объём неразведанных нефтегазовых запасов Арктики составляет около 412 млрд баррелей нефтяного эквивалента, что соответствует 22–25% совокупных неразведанных запасов традиционных углеводородов в мире. Большая часть неразведанных запасов приходится на офшорные территории (около 84% углеводородных ресурсов), а основная их доля сосредоточена на шельфе. При этом, если нефть расположена преимущественно в арктических районах Западного полушария, то преобладающая часть газа сосредоточена на российском шельфе. На российский сектор Арктики по некоторым оценкам приходится около 70% всего арктического природного газа, 39% из них залегает в западносибирском бассейне. Более того, российский участок арктического шельфа наиболее удобен для освоения.

Безусловно, приведённые цифры следует воспринимать с осторожностью. Оценки неразведанных ресурсов неизбежно носят спекулятивный характер — невозможно точно оценить имеющиеся запасы, а главное — возможности их извлечения. Тем не менее именно они подстегнули интерес к Арктике и даже запустили настоящую международную борьбу за неё. Её активная фаза началась в 2007 г., когда два российских батискафа установили на Северном полюсе российский флаг, а в Москве заговорили о притязаниях примерно на 18% дна Северного Ледовитого океана.

Пока борьба за Арктику выглядит контрпродуктивной. Во-первых, она походит на борьбу за шкуру неубитого медведя. Во-вторых, все потенциально извлекаемые запасы углеводородов всё равно сосредоточены на шельфе, а значит, находятся в юрисдикции той или иной страны. Неудивительно, что со временем напряжённость в регионе существенно спала.

Скорее всего, **главные возможности, которые даёт Арктика, на настоящий момент заключены не в ресурсах, а в её транзитном потенциале.** В первую очередь, этот потенциал связан с Северным морским путём (СМП). В 2009 г. два коммерческих судна совершили первый транзитный рейс по СМП. В 2011 г. маршрут использовали для транзита уже 34 судна, в 2012 г. — 46, в 2013 г. — более 70.

Главный плюс использования СМП — экономия времени транспортировки: в зависимости от маршрута она может составлять от 6 до 19 дней. СМП обеспечивает и значительное сокращение расхода финансовых средств. Анализ для маршрута Мелкойя-Йокогама показывает, что за счёт экономии на оплате фрахта судна и сокращения потребления топлива в расчёте на один рейс можно достичь годовой экономии (при условии 3 отправок судна в год) порядка \$ 18–20 млн (до 21 дня экономии при проходе в одну сторону). Экономия лишь на топливных расходах на рейсе в одну сторону составляет порядка \$ 800 тыс. Расчёты для маршрута Йокогама — Гамбург показывают, что в летний период затраты на доставку контейнеров по СМП могут быть на 30–35% ниже стоимости доставки через Суэцкий канал, в зимний период — напротив, на 25–27% выше. Со временем стоимость проводки может уменьшаться по мере накопления опыта и повышения технологической эффективности. Развитие инфраструктуры также будет способствовать снижению себестоимости перевозок по СМП.

Северный морской путь имеет множество конкурентных преимуществ перед альтернативными маршрутами при перевозках грузов из Северной Европы в Азию. В дополнение к временной и финансовой экономии к ним можно отнести абсолютную безопасность от пиратства, а также отсутствие узких мест — СМП в отличие от Малаккского пролива или Суэцкого канала вряд ли когда-нибудь будет перегружен.

Конечно, ожидать, что СМП даже в среднесрочной перспективе превратится в транзитный маршрут мирового уровня, преждевременно. Пока по нему в год проходит меньше судов и перевозится меньше грузов, чем по Суэцкому каналу в день. Но в условиях роста интереса к арктическим ресурсам и стремления азиатских стран диверсифицировать источники поставок топлива и маршруты отгрузки экспортных товаров значимость СМП будет неизбежно возрастать. Сформируется у него и устойчивая грузовая база. Её составят:

- в направлении запад—восток: сжиженный природный газ (Сабетта, Хаммерфест); железорудный концентрат (Мурманск, Нарвик); сырая нефть (Приморск); газоконденсат (Усть-Луга, п. Витино);
- в направлении восток—запад: уголь (Принц Руперт, Ванкувер); рыба (Петропавловск-Камчатский, Хоккайдо); светлые нефтепродукты (Пусан, Инчон); сезонные контейнерные грузы (Пусан, Хоккайдо), сжиженный природный газ (Сабетта).

Транзит в качестве главной возможности, предоставляемой Арктическим регионом, требует недопущения конфликтов и многосторонней кооперации. Милитаризация Арктики должна закончиться, едва начавшись. Ей на смену должна прийти эра мирного сотрудничества. Она уже открыта. В 2008 г.

Транссибирская магистраль Самая длинная в мире железная дорога

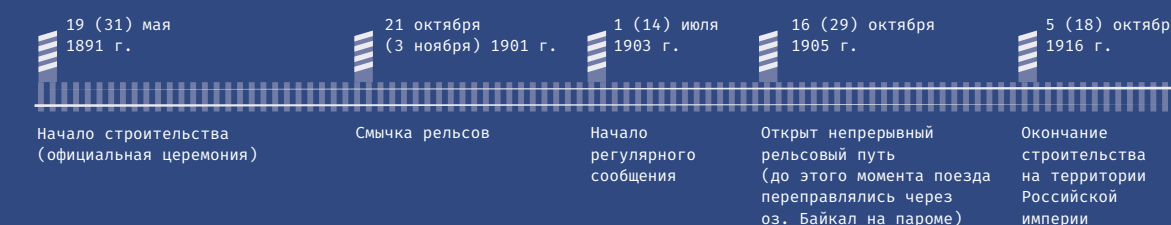

Характеристика магистрали:

Фактическая длина 9288,2 км

В регионах обслуживания:

арктические страны подписали Илулиссатскую декларацию, содержащую обязательство решать конфликты мирным путём, а в следующие годы, используя механизмы Конвенции ООН по морскому праву и Арктического совета, разрешили практически все пограничные конфликты, наладили сотрудничество в поисково-спасательных работах, в регулировании рыболовного промысла, в реагировании на разливы нефти и т.д.

Мир и атмосфера сотрудничества в регионе — ключевое условие для того, чтобы Россия в полной мере могла использовать своё арктическое положение. При этом освоение газовых ресурсов региона (для налаживания поставок СПГ в Европу и Азию) с целью превращения России в «самого гибкого в мире поставщика энергоресурсов» (см. выше) должно дополняться развитием транзитного потенциала с максимальным использованием возможностей международного сотрудничества. При этом две главные ценности должны оставаться незыблемыми: суверенитет России над своей шельфовой зоной и максимальная экологическая безопасность. Эти две ценности тесно взаимосвязаны. Новая Земля — типичный пример того, как экологическая катастрофа обесценивает суверенитет: архипелаг, хотя и принадлежит России, совершенно непригоден для какого-либо использования.

Международное сотрудничество для развития Сибири и Дальнего Востока

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК ПОЛЕ КОМПРОМИССА

Ключевым условием развития Сибири и Дальнего Востока является открытие региона для зарубежных партнёров. Принципиально важно, чтобы сотрудничество России со странами АТР приобрело не только геополитическое, но и экономическое измерение. Экономика, а именно — оптимальное использование ресурсов территорий востока России (не только ископаемых, но и человеческих, интеллектуальных, земельных, водных, биологических) — позволят сделать Сибирь и Дальний Восток развитым регионом, который, с одной стороны, сможет тесно интегрироваться в хозяйственные связи в рамках АТР, а с другой — даст новый импульс замедляющемуся экономическому, политическому и духовному развитию России.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, как отмечалось, заинтересованы в развитии Сибири и Дальнего Востока, хотя, естественно, далеко не в той степени, в какой в нём должна быть заинтересована Россия. Зарубежными партнёрами движут преимущественно следующие мотивы:

- Стремление получить доступ к природным богатствам региона. Сибирь и Дальний Восток богаты ресурсами, в которых сопредельные страны испытывают возрастающий дефицит. Речь идёт не только об углеводородах, но и об обильных земельных, водных, лесных, рыбных ресурсах Сибири и Дальнего Востока, совместное освоение которых может пойти на пользу и России, и странам АТР.
- Стремление использовать транзитный потенциал региона, в первую очередь Северный морской путь, в определённой степени Транссиб. Модернизация Транссиба и освоение Северного морского пути совместными усилиями стран региона — это задача, реализация которой представляет большой интерес и для России, и для её азиатских партнёров.
- Стремление заполнить геополитический вакуум, образующийся на востоке России. Просторы Сибири и Дальнего Востока — это едва ли не последний в мире обширный территориальный массив, «последний фронт», крайне слабо вовлечённый в хозяйственную деятельность. В связи с тем, что в современном мире территория и природные ресурсы снова приобретают возрастающее значение, за этот массив неизбежно будет разворачиваться борьба.

Все азиатские страны заинтересованы в том, чтобы эта борьба имела форму честной экономической конкуренции и осуществлялась по понятным и равным для всех правилам. Это возможно только в том случае, если суверенный контроль над развитием Сибири и Дальнего Востока будет осуществлять Россия. Доминирование Китая в гонке за российские ресурсы, казавшееся весьма вероятным ещё несколько лет назад, неприемлемо для всех других

стран региона, не желающих столь масштабного усиления своего главного конкурента. Для самого Китая освоение Сибири под патронажем России, но с ориентацией на Китай, является наиболее подходящим сценарием. Экспансия на территорию Тихоокеанской России Китаю не нужна — она будет неизбежно сопровождаться ростом напряжённости в регионе, а доступ к ресурсам можно получить и без неё. Как следствие, с точки зрения любой страны оптимальным является сотрудничество в области развития Сибири и Дальнего Востока с участием всех государств АТР при ведущей (но на порядок более активной, чем в настоящее время) роли России.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЁРОВ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Наиболее очевидный объект интереса зарубежных партнёров на территории Сибири и Дальнего Востока — энергетические ресурсы. Растущий спрос азиатских стран на ископаемое топливо заставляет их наращивать его импорт. В то же время постоянная (и даже усилившаяся в 2013 г. в связи с обострением обстановки на Большом Ближнем Востоке) нестабильность на энергетических рынках стимулирует страны к диверсификации импорта. Эти две тенденции обусловили растущий интерес азиатских государств к российским углеводородам.

Как следствие, в 2013 г. заключён целый ряд крупных сделок между российскими и азиатскими энергетическими компаниями. «Роснефть» подписала 25-летний договор с китайской компанией CNPC на поставку нефти в Китай. «НОВАТЭК» и CNPC договорились о приобретении последней 20%-ной доли проекта «Ямал СПГ», а ещё одним партнёром в рамках проекта станет консорциум компаний либо из Японии (Mitsui и Mitsubishi), либо из Индии (ONGC Videsh, Indian Oil Corp и Petronet LNG). С корейской компанией YNCC «НОВАТЭК» подписала соглашение о поставке нефти. «Роснефть» заключила несколько договоров с индийскими и японскими компаниями, предполагающих их участие в проекте строительства СПГ-завода на Сахалине, а также соглашение о поставках газа с этого завода в Японию. «Газпром» подписал меморандум о сотрудничестве по проекту «Владивосток-СПГ» с рядом японских компаний. Кроме того, близятся к завершению переговоры между «Газпромом» и CNPC о поставках трубопроводного газа в Китай.

Для оценки перспектив выхода России на азиатские энергетические рынки ключевое значение имеет понимание специфики её возможной роли на них. Россия не станет для Азии ключевым поставщиком — конкуренция высока, а многие контракты подписаны на много лет вперёд. Значение российских углеводородов состоит в том, что они дают возможность азиатским государствам диверсифицировать импорт. С этой точки зрения наиболее перспективным сегментом для азиатских стран являются морские поставки нефти и особенно СПГ. Трубопроводные поставки в Китай будут развиваться, однако их потенциал, несмотря на огромную ёмкость рынка, ограничен. Главными ограничениями являются планы Китая по разработке собственных запасов сланцевого газа, а главное — его нежелание слишком сильно полагаться на одного поставщика (тем более в рамках долгосрочных контрактов). Развитие гибких форм транспортировки ископаемого топлива, в первую очередь СПГ, — вот главный и неиспользованный пока энергетический козырь Сибири и Дальнего Востока.

Российские энергетические ресурсы — не единственное основание для интенсификации международного сотрудничества в Тихоокеанской России. Другим важнейшим ресурсом, значимость которого

в перспективе может превысить значимость нефти, является пресная вода. В докладе «К Великому океану, или Новая глобализация России» в качестве главного потенциального драйвера экономического роста Сибири и Дальнего Востока рассматриваются водоёмкие производства, и прежде всего сельское хозяйство. Прошедшие с момента публикации доклада полтора года подтвердили справедливость этих оценок.

Сельскохозяйственный потенциал Тихоокеанской России уже начинает привлекать иностранцев. На настоящий момент реализуются преимущественно небольшие проекты. Так, корейская корпорация Hyundai поглотила аграрное предприятие «Хороль Зерно» в Приморье и стремится арендовать в России пахотные земли площадью не менее 40 тыс. гектаров. В Хабаровском крае китайской провинции Хэйлунцзян сданы в аренду 426 тыс. га приграничных земель. Одновременно значительное количество дальневосточных земель обрабатывается китайцами нелегально. Кроме того, активно разворачивается сельскохозяйственное сотрудничество России с Японией.

В 2012 г., в преддверии саммита АТЭС во Владивостоке, была предпринята попытка перевести российско-азиатское сотрудничество в сельском хозяйстве в качественно новую форму. Министерство экономического развития представило проект сдачи в аренду партнёрам из Сингапура, Тайваня, Вьетнама, Японии и Южной Кореи нескольких миллионов гектаров земли в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области для выращивания риса и сои. По планам министерства, под каждый проект инвестор мог получить до 200 тыс. га земли за символическую плату в 50 руб. за гектар. Инициативу предполагалось представить иностранным партнёрам на Саммите, однако она в конечном итоге не нашла поддержки других блоков правительства.

Мощным толчком к развитию сельского хозяйства на Дальнем Востоке может стать аграрное сотрудничество с Японией. Япония крайне заинтересована в нем. Во-первых, перенеся модель сельского хозяйства Хоккайдо во вполне подходящие для неё агроклиматические условия российского Дальнего Востока, Япония получит доступ к земле — ресурсу, в котором её сельскохозяйственные производители испытывают наибольшую нехватку. Во-вторых, производство сельскохозяйственной продукции в России и её дальнейший экспорт в Японию — это одновременно простое и изящное решение по-прежнему остро стоящей перед страной проблемы продовольственной безопасности.

Для России сотрудничество с Японией в сельскохозяйственной сфере не менее выгодно. Японские производители не только будут обеспечивать рост налоговых поступлений и создание новых рабочих мест. Применение современных технологий и устойчивых практик землепользования позволит спасти пахотные земли от деградации, вызванной как простаиванием, так и нелегальным использованием. Кроме того, развитие сельского хозяйства постепенно может перерасти в развитие всего агропромышленного комплекса региона. По крайней мере, Япония постулирует свою готовность инвестировать не только в обработку земель, но и в производство сельскохозяйственной техники, модернизацию инфраструктуры, развитие пищевой промышленности и т.д.

На настоящий момент подписано соглашение между Банком Хоккайдо и Амурской областью, в рамках которого японцы в 2012 г. засеяли гречихой, соей и кукурузой 500 га земли; в 2014 г. планируется увеличить эти площади вдвое. Потенциал сотрудничества, однако, намного больше: оно, среди прочего, может охватывать и соседние регионы — Приморье и Еврейскую автономную область.

В настоящее время прорабатывается российско-японский сельскохозяйственный проект на Сахалине. Он предполагает строительство и модернизацию картофеле- и овощехранилищ, развитие бройлерного производства и переработки мяса птицы, расширение тепличного хозяйства, проведение сортоиспытания семян и поставку сельскохозяйственной техники предприятиям Сахалинской области.

Другим направлением тесного сотрудничества может стать марикультура. По оценкам учёных, продуктивность прибрежных вод Сахалина, Приморского и Хабаровского краёв составляет около 3,5 млн т морепродуктов. Этот потенциал пока почти не используется — суммарная продукция марикультуры всех дальневосточных хозяйств не превышает 1 тыс. т в год. Главной сложностью для развития марикультуры на Дальнем Востоке является необходимость крупных инвестиций, измеряемых в десятках миллиардов рублей. У региональных бюджетов таких средств нет, однако есть заинтересованность иностранных инвесторов. Особенно перспективными могут быть инвестиции в эту отрасль из Японии, Южной Кореи, Норвегии. Эти страны обладают давними традициями развития марикультуры, имеют соответствующие технологии и кадры, которыми готовы делиться с Дальним Востоком. Если вокруг Владивостока на основе передовых зарубежных технологий будет создан биотехнологический кластер, ориентированный на марикультуру (а возможно, также и на сельское хозяйство) то это будет означать возникновение на карте России новой точки качественного наукоёмкого роста.

Добыча и переработка ископаемого топлива, сельское хозяйство, марикультура, а также организация транзита через Северный морской путь — видимо, ключевые области сотрудничества России с азиатскими странами на территории Сибири и Дальнего Востока. Однако они далеко не единственные. Существуют, как отмечалось, значительные возможности развития лесопереработки, целлюлозно-бумажной, химической промышленности, возобновляемой энергетики и т.д. Существуют и более узкие сферы, в которых есть потенциал реализации единичных проектов с участием азиатских партнёров.

Так, например, Япония готова внедрять в России технологии экологически чистого сжигания мусора для решения проблемы нехватки мусорных полигонов в крупных городах. В первую очередь, сотрудничество ориентировано на реализацию проектов по строительству мусоросжигательных заводов в Москве, однако возможно расширение этой практики на крупные города Западной Сибири — Новосибирск, Омск и др.

Возможно привлечение китайских инвестиций для переноса в Россию (на условиях создания совместных предприятий) ряда энергоёмких производств, в первую очередь в цветной металлургии. Как отмечалось, есть великолепные возможности использовать сибирские территории и дешёвую электроэнергию для предоставления крайне энергоёмких услуг по хранению и переработке данных для китайских, американских, японских и корейских информационных компаний. Интерес к этой тематике имеется, но упирается пока в сложности получения соответствующих государственных гарантий безопасности хранимой информации.

Перечисленные сферы сотрудничества формируют впечатляющий список. Несколько десятков крупных и средних проектов, осуществлённых в указанных областях на территории Сибири и Дальнего Востока вкупе с развитием ориентированной на экспорт транспортной инфраструктуры не только тесно интегрируют регион в хозяйственные связи в рамках АТР, но и дадут толчок его развитию, сравнимый лишь с тем, который дали крупные железнодорожные проекты конца XIX в.

Интересы зарубежных партнёров в отношении освоения российской Арктики

В 2013 г. сразу пять азиатских стран — Китай, Япония, Индия, Южная Корея и Сингапур — получили статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете. На первый взгляд это кажется удивительным — ни одна из этих стран даже не имеет выхода к Северному Ледовитому океану, а такие государства, как Индия и Сингапур, расположены намного ближе к экватору, чем к полярному кругу. Тем не менее устремление азиатских игроков в Арктику имеет вполне определённые экономико-политические обоснования, которые необходимо понимать для выстраивания с ними полноценного и взаимовыгодного сотрудничества. В России это понимание пока в основном отсутствует, и неудивительно, что наша страна весьма прохладно отнеслась к появлению этих новых постоянных наблюдателей в Арктическом совете, хотя и не стала открыто ему противодействовать. Между тем, только сотрудничество со странами АТР может позволить России в полной мере использовать преимущества своего арктического положения.

КИТАЙ

Китай рассматривает Арктику в первую очередь как зону коммерческого интереса, особенно в сфере добычи полезных ископаемых. Китайская СНРС участвует в проекте «Ямал СПГ». Параллельно китайские компании проводят интенсивную работу по освоению шельфа Гренландии.

Китай безусловно заинтересован в развитии Северного морского пути. По некоторым оценкам, к 2020–2025 гг. по этому маршруту может быть отгружено до 15% китайского экспорта. Скорее всего, данные оценки значительно завышены, однако серьёзность намерений Китая в отношении развития транзитных возможностей региона не подлежит сомнению. Основными мотивами служит и возможная экономия, и стремление решить проблему Малаккского пролива, зависимость Китая от которого (как в части импортных поставок топлива, так и в части экспорта промышленной продукции) слишком велика, особенно с учётом рисков перегруженности и проблем пиратства. В долгосрочном плане одним из ключевых направлений деятельности Китая по развитию транзита является сотрудничество с Исландией — при условии развития полярной навигации из Рейкьявика может получиться порт мирового уровня.

С особой силой об усилении позиций Китая в Арктике заговорили в связи с получением им статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете. Оно далось Китаю нелегко — серьёзным препятствием выступила Норвегия, в отношениях с которой у Китая случился настоящий дипломатический кризис в связи с тем, что в 2010 г. Норвежский нобелевский комитет присудил Нобелевскую премию мира китайскому диссиденту Лю Сяобо.

Значимость изменения роли Китая в Арктическом совете, однако, не следует преувеличивать. Статус наблюдателя не даёт Китаю никаких особых полномочий. Более того, он заставляет страну уважать суверенные права арктических государств и, таким образом, в определённом смысле наступить на горло собственной песне: в течение долгого времени Китай последовательно выступал за максимальную интернационализацию

региона и уравнивание в правах арктических и неарктических государств. Теперь официальной задачей Китая внутри Арктического совета является попытка доводить до арктических государств собственную позицию по основным вопросам, а также содействовать тому, чтобы этот орган «стал более открытым, престижным и заслуживающим доверия».

Энергетическое, транзитное и дипломатическое направления китайского присутствия в Арктике являются значимыми для Китая лишь в долгосрочной перспективе. На настоящий момент Арктика не входит в число приоритетов внешней политики Китая. Единственная деятельность, которую это государство осуществляет в Арктике на систематической основе, — исследовательская. Китайская программа научных исследований — едва ли не самая развитая в мире. Она включает в себя и исследовательскую станцию на Шпицбергене, и исследовательский ледокол, и регулярные (раз в два года) комплексные арктические экспедиции. Программа нацелена не только на геологические исследования, связанные, в том числе, с оценкой потенциала добычи ресурсов, но и на климатические. Китай постоянно подчёркивает необходимость изучения изменений климата в Арктике для оценки соответствующих тенденций в Китае, важных с точки зрения развития сельского хозяйства, обеспечения продовольственной безопасности, мониторинга и прогнозирования стихийных бедствий.

ЯПОНИЯ

Япония раньше других азиатских стран — ещё с 1980-х гг. — стала проявлять заинтересованность в участии в международных процессах в Арктике. Причём с тех пор и вплоть до настоящего времени основным объектом интереса неизменно выступает Северный морской путь. Именно Япония как наиболее близкая к нему азиатская страна в наибольшей степени заинтересована в его освоении. Маршрут из Иокогамы в Роттердам по Северному морскому пути почти на 3400 миль (или на 43%) короче, чем маршрут через Суэцкий канал.

Тем не менее, в настоящее время в Японии нет единой позиции в отношении Арктики. Политика японских властей в этом направлении достаточно пассивна. Их критики отмечают, что Япония слишком долго включалась в политические процессы в Арктике, вступив в Арктический совет в качестве постоянного наблюдателя одновременно с другими странами Азии, хотя могла бы сделать это намного раньше и получить стратегическое преимущество над соседями-конкурентами. Но и после смены статуса Япония не активизировала собственную политику в арктическом направлении. В частности, в принятой в декабре 2013 г. Национальной стратегии безопасности Японии Арктика не упоминается. Скорее всего, Япония сосредоточится на вопросах климатических исследований (климатические условия в Арктике влияют на систему океанических течений, проходящих у берегов Японии, а потому являются важным объектом интереса) и защиты прав малых коренных народов Севера.

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ

Заинтересованность Южной Кореи в освоении Арктики тесно связана с Северным морским путём. Он рассматривается, во-первых, как возможный маршрут для энергетических поставок в страну и экспортных поставок из Кореи в Европу, а во-вторых, как область прямого интереса корейских судостроительных компаний.

В сентябре 2013 г. корейская судоходная компания Hyundai Glovis провела через Северный морской путь танкер с грузом нефти на борту из порта Усть-Луга. Экономия времени при проводке по сравнению с альтернативными маршрутами составила 13 дней, экономия на операционных издержках — 100 тыс. долл. Компания Hyundai Heavy Industries в 2011 г. начала тестирование нового судна ледового класса — крупнейшего в мире, разработанного специально для осуществления работ в Арктике.

Южная Корея активно ведёт исследования в Северном Ледовитом океане. Они включают в себя исследовательскую станцию на Шпицбергене, исследовательский ледокол «Араон», масштабные высокотехнологичные исследования, проводимые Корейским институтом полярных исследований, Корейским морским институтом, Корейским институтом науки и технологий океана. В связи с тем, что одним из приоритетов долгосрочного развития страны является «зелёный экономический рост», Корея крайне заинтересована в экологически устойчивом освоении арктических территорий. Особым объектом её интереса является изменение климата. Лучше всего этот интерес выразил посол Кореи в Норвегии, назвавший Арктику «барометром климатических изменений на планете».

Позиция Кореи в отношении управления арктическими территориями гораздо более умеренная, чем у Китая. Корея не настаивает на равенстве прав арктических и неарктических государств, но желает быть уверенной, что режим, выстроенный арктическими государствами, позволит ей реализовывать свои интересы в атмосфере сотрудничества. Именно с этой целью Корея вступила в Арктический совет в качестве постоянного наблюдателя.

В целом корейские интересы в Арктике достаточно чётко изложены в Арктической стратегии страны. Исследовательские задачи стоят на первом месте наравне с гуманитарными (обеспечение мира в регионе, экологическая устойчивость и защита прав малых коренных народов), в то время как экономические цели пока декларируются с осторожностью. Корея с удовольствием присоединится к освоению Северного морского пути, однако вряд ли будет инициатором этого процесса. Не позволяют сделать это как неопределённость в отношении будущего грузопотока, так и барьеры для иностранных инвестиций, существующие в России.

ИНДИЯ

Индия — возможно, наиболее неожиданный участник движения азиатских стран в Арктику. Многие эксперты утверждают, что это единственный среди всех рассмотренных стран пример того, что геополитические интересы преобладают над экономическими. **Индия вступила в гонку с Китаем за контроль над энергетическими ресурсами в разных регионах мира, и движение в Арктику расценивается индийскими властями в том числе как способ сдерживания конкурента.**

Этим объясняется и получение Индией статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете, и возможное приобретение доли проекта «Ямал СПГ» консорциумом индийских компаний (см. выше), и даже строительство ледокола стоимостью \$ 166 млн. Нередко политическими мотивами объясняют и открытие индийской исследовательской станции на Шпицбергене, и максимальную среди всех стран исследовательскую активность в Арктике (с 2011 г. экспедиции организуются как минимум дважды в год).

В то же время нельзя отрицать, что Индия действительно остро нуждается в диверсификации энергетических поставок, а также крайне заин-

тересована в исследованиях в области изменения климата — в его отношении Индия является одним из наиболее уязвимых государств мира.

Ярко выраженного плана проникновения в Арктику в Индии нет. Политический дискурс в отношении этого вопроса крайне разнороден. С одной стороны, раздаются голоса о необходимости интернационализации Арктики и даже об установлении международного режима, аналогичного антарктическому. С другой стороны, предлагается более активно участвовать в делах Арктического совета, пытаясь продвинуть свою позицию (в первую очередь по экологическим вопросам) в рамках действующего институционального режима. На настоящий момент можно утверждать, что действия Индии в Арктике имеют преимущественно реактивный характер и страна ещё окончательно не определилась со своими арктическими амбициями.

СИНГАПУР

Сингапур в отличие от Китая, Кореи и Японии не получит очевидных выгод от переориентации части торговых потоков на Северный морской путь. Более того, теоретически новый маршрут мог бы ослабить позиции Сингапура, единственно контролирующего главный торговый маршрут современности — Малаккский пролив.

Но в руководящих кругах Сингапура считают, что такие опасения необоснованны. Северный морской путь даже при самом оптимистичном сценарии не способен пропустить количество судов, которое было бы сколь-либо чувствительно для Малаккского пролива. Более того, СМП в ближайшем будущем сможет специализироваться исключительно на балкерных перевозках, в то время как Сингапур обслуживает преимущественно контейнеровозы. Развитие северного маршрута не только не представляет какой-либо опасности позициям Сингапура, но и при определённых обстоятельствах может быть полезным для него, так как позволит, хотя и незначительно, разгрузить Малаккский пролив. Имея в наиболее узком месте лишь 1,7 км в ширину, он уже перестаёт справляться с растущим потоком судов, и решения этой проблемы пока не видно.

Потенциально Арктика может стать для Сингапура и одним из источников поставок нефти как для внутреннего потребления, так и — главное — для нефтепереработки, составляющей одну из основ экономики страны. Наконец, в случае начала интенсивного освоения Северного морского пути Сингапур имеет твёрдые намерения участвовать в развитии его инфраструктуры. Опыт планирования и создания портовой и навигационной инфраструктуры и управления морскими процессами позволяет Сингапуру выступать одним из потенциально ключевых участников обустройства маршрута. Он вполне способен поставлять и суда, пригодные для работы в Арктике.

Среди других конкурентных преимуществ Сингапура можно обозначить опыт самого эффективного в мире управления людскими ресурсами (включая иммиграционные потоки) при осуществлении инфраструктурных проектов, а также способность выступать в качестве арбитра при решении любых споров — Сингапур является едва ли не единственным (не считая Россию) государством в АТР, имеющим равные отношения со всеми другими странами региона. Подобную роль Сингапур потенциально может выполнять и в Арктическом совете, выступая своего рода буфером между другими азиатскими государствами.

Как и другие азиатские страны, Сингапур уделяет пристальное внимание климатическим исследованиям в Арктике. Сингапур в силу остров-

ного и тропического положения особенно уязвим перед лицом подъёма уровня Мирового океана. И если для большинства других стран изменение климата — это вопрос экономического ущерба, то для Сингапура — вопрос сохранения самой страны в её настоящем виде. Именно **озабоченность климатическими изменениями стала основным доводом Сингапура, обосновывающим необходимость его участия в Арктическом совете**. В ближайшие годы следует ожидать интенсификации арктических исследовательских программ Сингапура.

НОРВЕГИЯ

В отличие от большинства азиатских стран Норвегия уже давно имеет в Арктике вполне очевидные интересы, связанные с добычей полезных ископаемых, с рыбным промыслом, с ведением исследований и осуществлением транзита. Однако реальный интерес к российскому сектору возник лишь в последние годы.

Компания Statoil является мировым лидером по развитию технологий добычи нефти в Арктике. Россия может предоставить ей обширные возможности приложения этого конкурентного преимущества. Statoil входила в консорциум компаний-партнёров «Газпрома» по освоению Штокмановского месторождения, но в результате, как и другие зарубежные участники, выбыла из проекта. Успешнее для норвежской компании может стать сотрудничество с «Роснефтью». В 2012 г. с ней подписано соглашение о создании совместного предприятия для освоения четырёх арктических месторождений: одного в Баренцевом и трёх в Охотском морях. Доля норвежцев в этом предприятии должна составить 33,33%.

Норвегия является одной из сторон, наиболее заинтересованных в освоении Северного морского пути. Первым иностранным коммерческим партнёром, допущенным на СМП, стала именно норвежская компания, осуществившая поставку железной руды в Китай на датском судне Nordic Barents.

Интерес Норвегии логичен. Маршрут может преобразить её геополитическое положение, фактически закрепив за страной контроль над выходом в Азию из Северной Европы. Кроме того, для компании Statoil СМП открывает новые возможности для работы на шельфе и экспорта продукции в Азию. **В Северной стратегии Норвегии одна из ключевых идей — усиление норвежского присутствия на азиатских рынках посредством использования преимуществ СМП**. Важным мотивом для норвежской стороны является стремление «протолкнуть» новые виды российских энергоносителей (в первую очередь, СПГ) на восток или другими способами ограничить конкуренцию своим энергетическим поставкам в Европу.

БАРЬЕРЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО РАЗВИТИЮ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Для того чтобы сделать Сибирь и Дальний Восток регионом, открытым для иностранных инвестиций, и добиться его процветания за счёт интеграции в АТР, есть несколько препятствий.

Во-первых, **идея превратить регион в поле международного сотрудничества по-прежнему остаётся непонятной и непопулярной для российского общества и части элиты**. Главное в их глазах — предохранить восток России от китайской угрозы, а рецептом для этого видится закрытость. Открытие границ представляется как прямой путь к наводнению вос-

точных регионов России китайцами, а затем и к выходу региона из-под контроля Москвы де-факто, а возможно, и де-юре.

Синофобию в российском обществе не могут смягчить многочисленные факты, свидетельствующие о том, что китайская угроза преувеличена. Ликвидировать синофобию сложно. Возможно, проще объяснить, что открытие региона для международного сотрудничества направлено как раз на ослабление «китайской угрозы», даже если бы она была. Конкуренция между инвесторами различных стран повысит открытость региона, исключит доминирование одной внешней силы.

Во-вторых, крайне слабо ориентировано на страны АТР не только население, но и российский бизнес, в том числе сибирский и дальневосточный. Будучи, как правило, неспособным использовать преимущества азиатского роста самостоятельно, он зачастую воспринимает весьма болезненно и приход иностранных инвесторов, видя в нём едва ли не иностранную экспансию. Часть местного бизнеса (да и госструктур), привыкла к диким условиям его ведения, а иногда и паразитирует на них. Необходимо встраивание местного бизнеса в создаваемые иностранцами производственные цепочки, налаживание координации с целью реализации совместных проектов, а также обеспечение честной конкуренции. Решением этих задач должны заниматься специальные государственные институты.

В-третьих, препятствием для развития Сибири и особенно Дальнего Востока является нехватка рабочей силы. В первую очередь это касается проектов по развитию инфраструктуры и в сельском хозяйстве. На Дальнем Востоке проживают 6,3 млн человек: с учётом разбросанности населения для интенсивного развития региона этого не хватит даже при достаточно высоком уровне безработицы. Относительно многочисленное и высококвалифицированное население Западной Сибири расположено далеко от мест реализации большинства предлагаемых проектов. Придётся привлекать рабочую силу из-за рубежа.

Оценки потребности в импорте рабочей силы разнятся, оцениваемый минимум составляет около 1 млн человек. Летом в первые годы реализации больших проектов, когда требуются большие трудозатраты на строительство инфраструктуры, потребность в рабочих из-за рубежа может быть и в несколько раз выше.

Потенциальные источники импорта рабочей силы разнообразны. Наиболее простой вариант — наём рабочих из Китая — едва ли подходит, так как приведёт к реальной, а не мнимой китаизации Сибири и Дальнего Востока, а до того — к сопротивлению значительной части российского общества. Очевидной альтернативой является завоз рабочих из Средней Азии. Этот вариант более привлекателен, но, по-видимому, не оптимален. Во-первых, среднеазиатские рабочие в среднем отличаются более низкой квалификацией, чем даже китайские. Во-вторых, такое решение проблемы нехватки кадров также будет негативно воспринято российской общественностью, даже несмотря на то, что частично позволит переориентировать проблемные миграционные потоки из центра России. В-третьих, среднеазиатские рабочие в массе своей будут оставаться в России, а не возвращаться на родину, что приведёт к множеству проблем, связанных с их ассимиляцией.

На первый взгляд экзотичной, но на деле реалистичной является возможность привлекать в Россию рабочую силу из стран Южной Азии, в первую очередь, из Индии и Бангладеш. Эти перенаселённые страны испытывают огромный интерес к организации потока рабочей миграции в Россию. Индийские граждане уже работают в российском сельском хозяйстве в нескольких регионах европейской части России. В отношении работы в её азиатской

части сильным отпугивающим фактором пока является холодный климат. Однако этот миф может быть развенчан: климат юга Сибири и Дальнего Востока ненамного суровее климата Центральной России. Кроме того, холодный климат совершенно не препятствует индийской сельскохозяйственной эмиграции в Канаду, где условия ведения хозяйственной деятельности (в том числе сельского хозяйства) в целом сравнимы с сибирскими и дальневосточными. Примерно аналогичны возможности привлечения эмигрантов из Юго-Восточной Азии, например Вьетнама и Филиппин.

Наконец, ещё одним и, возможно, самым перспективным источником рабочей силы для Тихоокеанской России может стать КНДР. Страна с численностью населения 24,5 млн человек имеет крайне мало эффективных рабочих мест. Открытие Северной Кореи внешнему миру повлечёт за собой массовую эмиграцию рабочей силы. Значительная часть может быть направлена в Россию, что является выгодным для всех прочих стран АТР (и прежде всего Южной Кореи), не имеющих лишних рабочих мест для размещения у себя северокорейских мигрантов. Для России же относительно высококвалифицированная, очень дисциплинированная и способная относительно качественно работать в строительном секторе и сельском хозяйстве рабочая сила из Северной Кореи вполне способна решить проблему дефицита рабочих рук без существенных побочных эффектов, сопровождающих массовую иммиграцию из Китая или даже Средней Азии.

Главным препятствием для привлечения рабочей силы из КНДР является закрытость этой страны. Ключевое значение в этой связи имеет дальнейший ход разрешения корейской проблемы. Учитывая глубину гуманитарного бедствия в Северной Корее, большинство специалистов склоняются к выводу, что развязка корейского конфликта (даже начало движения к объединению двух Корей) может произойти уже в ближайшее десятилетие. Объединение Корей или, по крайней мере, частичное открытие миру КНДР существенным образом перекроит систему международных отношений в регионе. Однако все страны АТР окажутся в выигрыше от такого развития событий лишь в одном случае — если потенциал населения Северной Кореи будет направлен в конструктивное русло развития Сибири и Дальнего Востока.

Однозначный выбор в пользу того или иного источника миграционных потоков заранее сделать невозможно. Рабочую силу надо привлекать под конкретные проекты, от этого зависят и условия привлечения. Тем не менее возможности надо продумывать уже сейчас. При этом может и должен быть использован опыт стран Персидского залива и особенно Сингапура, эффективно организующих приём большого количества временных мигрантов без каких-либо существенных побочных эффектов.

В-четвёртых, **значимым препятствием освоению Сибири и Дальнего Востока является недостаток транспортной инфраструктуры.** Его можно преодолеть посредством государственных инвестиций в ключевые транспортные проекты. Инфраструктуру на местах можно развивать силами региональных или федеральных властей совместно с иностранным и российским частным инвестором под конкретный проект.

В-пятых, важнейшую группу составляют институциональные барьеры. Они крайне разнообразны: это и недружественная для иностранных инвесторов законодательная база (содержащая среди прочего прямой запрет на владение контрольным пакетом акций иностранцами во многих отраслях сырьевого сектора), и чрезмерный уровень государственного регулирования (особенно в инфраструктурной сфере, куда частный сектор почти не допускается), и бюрократизация (к примеру, чтобы полу-

чить от администрации Северного морского пути разрешение на проход по маршруту, необходимо подать заявку как минимум за пятнадцать дней до захода судна в акваторию. Для сравнения, для прохода по Суэцкому каналу заявку необходимо подать не менее чем за 48 часов).

Наиболее серьёзный из институциональных барьеров — недостаточная защищённость инвесторов. Особенно болезненно воспринимают эту проблему японцы, помнящие пример проекта «Сахалин-2». Проблема защиты частной собственности выходит за границы Сибири и Дальнего Востока и актуальна для всей страны. Кардинальным образом решить её на территории отдельно взятого региона невозможно. В некоторых случаях целесообразно подписание специальных соглашений на межправительственном уровне, дающих иностранным инвесторам дополнительные государственные гарантии. Тем не менее основной стратегией должно стать создание таких условий для инвестирования, выгодность которых будет компенсировать инвесторам относительно высокий риск. Для этого необходимо, во-первых, общее улучшение инвестиционного климата и институциональной среды, а во-вторых — применение механизма особых экономических зон.

К новой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока

ФИЛОСОФИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

России необходима новая стратегия развития Сибири и Дальнего Востока. Она не должна повторять ошибок предыдущей: искусственного дробления исторически, культурно и даже экономически консолидированного региона на отдельные части; ориентации на политически обусловленные, но экономически неоправданные инфраструктурные мегапроекты; опоры на патернализм как основу отношений региона и федерального центра; оторванности от потребностей внешнего мира. Новая стратегия должна учитывать особенности политико-экономических процессов, протекающих в АТР, опираться на понимание реальных угроз и возможностей развития региона, быть нацеленной на использование международного сотрудничества и устранение барьеров, препятствующих ему. **Но главное — в основе новой стратегии должна лежать новая философия. Философия развития региона, а не его дотационной поддержки.** Философия его интеграции в тихоокеанский регион, а не удержания под контрпродуктивным контролем. Тем более что только такая интеграция и может обеспечить реальный российский суверенитет и развитие.

Экономический рост в России критически замедлился — по итогам 2013 г. он составил лишь 1,4%. Прежняя модель развития, основанная на использовании нефтяной ренты и ускоренном развитии столицы, со всей страны всасывающей в себя интеллектуальные, финансовые и трудовые ресурсы, исчерпана. Российской экономике требуется новый импульс. Придать его может лишь присоединение к азиатскому локомотиву роста. Сибирь и Дальний Восток должны стать российским окном в растущую Азию и источником роста всей России и перестать восприниматься как колония, обслуживающая интересы или требующая дотаций метрополии. Больше того, следует чётко осознать, что стратегия российского поворота на Восток возможна только через интеграцию регионов Сибири и Дальнего Востока в мировую экономику.

Необходимо уходить и от взгляда на эти регионы с преимущественно оборонных позиций. **Восток России — это не тыл в противостоянии с Западом и не «подушка безопасности» от азиатской или американской угрозы.** Надо отбросить и ложные угрозы, связанные с возможностью сибирского сепаратизма. В отдалённой перспективе он, если и возможен, то только при сохранении «колониального» отношения к Сибири со стороны центра.

Целью новой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока должно быть использование возможностей региона стать центром экономического роста и драйвером развития страны. Это не периферия. Это регион возможностей, а не обуза. Сибирь и Дальний Восток — исконная и неотъемлемая часть России, воспринимающая и себя таковой. В настоящий момент от будущего этой части ключевым образом зависит и будущее всей страны.

Сибирь и Дальний Восток должны стать новым российским «большим проектом». Можно по-разному относиться к такой риторике, но нельзя не признавать, что любовь к размаху, к масштабным свершениям — в нашем национальном характере.

Именно подобные проекты формировали основные этапы развития российской территории ещё с доимперских времён: в XVII в.

был осуществлён государственный проект по освоению Урала, в XVIII в. построена новая столица и создан российский флот, в XIX в. под лозунгом «К Великому океану» построен Транссиб, а в начале XX в. организованы столыпинские переселения в Сибирь. Последние два свершения дали мощнейший толчок к развитию территорий к востоку от Урала. А уже начиная с советского времени страна непрерывно развивалась от одного подвига к другому — от суперстроек времён индустриализации, через поднятие целины и покорение космоса, до восстановления храма Христа Спасителя. Не следует забывать идейный порыв первооткрывателей Сибири или строителей Транссиба. Надо возрождать его и использовать сильные стороны российской идентичности.

Олимпиада и чемпионат мира по футболу — не лучшие кандидаты на эту роль. Это всего лишь шоу, ни о каком подвиге речи не идёт. Различные инфраструктурные проекты (железная дорога Москва—Казань, мост на Сахалин и др.) слишком локальны и, как правило, экономически необоснованны.

Развитие Сибири и Дальнего Востока — принципиально более масштабная задача. Новое освоение бескрайних территорий, лежащих к востоку от Урала, — это даже не мега-, а метапроект. С символическо-философских позиций развитие восточных территорий — ключевой шаг к выполнению Россией миссии моста между Европой и Азией, с которой Россия себя давно ассоциирует, но которую на практике не выполняет.

Приверженность к большим проектам со стороны населения подтверждается социологическими опросами. По данным ВЦИОМ за 2012 г., жители европейской части России не видят в Сибири и Дальнем Востоке какого-либо потенциала, в списке регионов России ставя их на последнее место. Однако в случае, если в регионе начнётся масштабный проект типа БАМа, треть готова будет перебраться на восток (и лишь 20% из них — при специальных условиях: повышении зарплаты, получении возможности покупки жилья и т.д.).

В то же время развитие Сибири и Дальнего Востока — это не просто демонстрация российского размаха, призванная заполнить идейный вакуум, образовавшийся в стране. Это насущная необходимость, едва ли не единственная для России возможность полноценного участия в глобальных экономических процессах в качестве ведущего игрока. С этой точки зрения развитие Сибири и Дальнего Востока — это задача не только романтическая, но и прагматическая.

России нужна мода на Сибирь и Дальний Восток. Это понятие должно включать в себя и создание бренда региона, и символизацию его важнейших достопримечательностей (в первую очередь, природных — Байкала, Алтая, гейзеров Камчатки, Ленских столбов и т.д.), и моду на туризм, но главное — моду на подъём региона и на людей, его осуществляющих. Новое освоение Сибири и Дальнего Востока должно стать российским национальным спортом. В основе которого, с одной стороны, азарт, с другой — гордость за страну. Должно добавиться и третье ощущение — понимание того, что каждый конкретный человек может участвовать в строительстве будущего своей страны, и не утопического (коммунизм уже строили), а вполне реального. В этом смысле участие в развитии Сибири и Дальнего Востока — это нечто гораздо более вдохновляющее, чем волонтерство в Сочи.

Необходимым условием успеха является смена приоритетов развития восточных территорий. Идеология ресурсного освоения, граничащего с колониальной эксплуатацией, должна быть замещена идеологией развития человеческого капитала. При создании соответствующих условий

главными двигателями развития региона должны стать сами жители Сибири и Дальнего Востока, а не государство. Безусловно, государство должно сделать первый шаг, но этот шаг должен быть направлен на поощрение инициативы и развитие в регионе частного бизнеса. После этого доминирующая роль государства в развитии территорий перестанет быть необходимой.

К НОВОЙ СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРЬЮ И ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ

Сочетание природно-ресурсных богатств и относительно качественного человеческого капитала в совокупности с благоприятной внешней конъюнктурой (азиатским ростом, создающим условия для использования конкурентных преимуществ Сибири и Дальнего Востока) открывает перед регионом возможности, которых у него никогда не было. Задача состоит в том, чтобы грамотно и вовремя их использовать. Но управлять регионом для этого надо по-другому.

Новая структура управления должна базироваться на чётком понимании его дифференциации. Сибирь и Дальний Восток, несмотря на историческую общность, крайне разнородны. Одни регионы концентрируют качественный человеческий капитал (например, юг Западной Сибири); другие обладают условиями, благоприятными для сельского хозяйства (например, Алтайский край или Амурская область); третьи содержат огромные запасы неосвоенных пока энергетических и минеральных ресурсов (Восточная Сибирь); четвёртые обладают стратегически значимым географическим положением (регионы на побережье Тихого океана и вдоль Северного морского пути); наконец, пятые лишены каких-либо очевидных преимуществ.

Сибирь и Дальний Восток не являются единым геополитическим пространством. Западная Сибирь в значительной степени ориентирована на европейскую часть России, юг Восточной Сибири и Забайкалья — на Китай, приморские регионы — на Японию, северные территории вообще освоены отдельными очагами. Единый подход к управлению различными территориями бесперспективен.

Также бесперспективна идея социально-экономического развития всей территории востока России. Она утопична, ведёт к распылению сил и средств и экономически нецелесообразна. Следует сделать выбор в пользу принципиально новой пространственно-географической модели развития Сибири и Дальнего Востока, основанной на выделении нескольких поясов (зон), нацеленных на решение стратегических задач. В зависимости от типа этих задач такие зоны следует разделить на два типа: зоны экономического роста и зоны геополитической стабильности. Границы зон должны совпадать с границами административных районов или субъектов федерации для того, чтобы использовать при управлении зонами сложившиеся государственные структуры, а не возводить новые.

Экономический пояс должен охватывать регионы, обладающие наибольшим потенциалом экономического развития. Приморский и Хабаровский края должны стать площадкой для переработки природных ресурсов и создания на этой основе мощных промышленных и сервисных кластеров в основных логистических узлах. В междуречье Амура и Зеи в Амурской области, а также в Даурских степях юга Бурятии и Читинской области целесообразно создание сельскохозяйственного пояса, ориентированного на использование агроклиматических ресурсов региона. Ещё одна особая сельскохозяйственная зона должна быть создана в Алтайском крае, где уже развиты и растениеводство, и животноводство, но мощным сдерживающим фактором

выступает отсутствие доступа к рынкам сбыта. В Сибири вдоль Транссиба должна появиться серия промышленных зон вокруг крупных городов: Красноярска, Томска, Омска, Новосибирска. Целью является создание ориентированных на удовлетворение потребностей сырьевых отраслей наукоемких производств — от современного оборудования для нефтедобычи до биотехнологий для сельского хозяйства. Научную базу для развития таких производств должны предоставить наукограды Сибири — как действующие (Бийск, Кольцово), так и новые — а также ведущие университеты. Их развитие в регионе должно быть ключевой задачей, приоритетной даже по сравнению с развитием московских и петербургских вузов.

В особых экономических поясах необходимо установление льготного налогового режима (например, освобождение от части налога на прибыль — с дальнейшим возмещением регионам недополученных налоговых доходов из федерального бюджета), а также сверхльготного режима для компаний, представляющих профильные для этой зоны отрасли (например, освобождение от всех налогов на определённый срок (5 лет для промышленных предприятий, 10 — для инновационных, 2 года — для сельскохозяйственных производителей). Кроме того, в экономических зонах последовательно должны устраняться все барьеры, связанные с подключением к энергетической и транспортной инфраструктуре. В какой-то степени эта схема копирует опыт особых экономических зон Китая, ставших одним из двигателей экономического развития страны в последние десятилетия.

Особые геополитические зоны должны находиться в районах, не имеющих потенциала значительного экономического развития, однако важных с точки зрения реализации геостратегических целей страны. Это опорные пункты на побережье Тихого океана (Магадан, Анадырь, Находка, Петропавловск-Камчатский), вдоль Северного морского пути (Провидения, Певек, Тикси, Диксон, Дудинка) и вдоль судоходных рек (Игарка, Жиганск). Цель создания таких зон состоит в том, чтобы прекратить отток населения из стратегически важных населённых пунктов, а также привлечь высококлассных специалистов (в первую очередь, инженеров и техников) для выполнения задач по поддержанию инфраструктуры. Как следствие, в геополитическом поясе главной задачей государства должно выступать развитие социальной инфраструктуры и создание специальных условий для людей необходимых профессий и квалификации.

Необходимо обеспечение в регионе максимально конкурентной среды в отношении доступа к природным ресурсам. К освоению энергетических богатств должны быть допущены малые компании, а также иностранные корпорации — на базе концессий. Задача государства — лишь распределять лицензии на основе анализа эффективности, а также осуществлять экологический контроль, не превращая его в инструмент давления, применяемый в зависимости от частных интересов.

В решении демографической проблемы следует прекратить настоячивые, безуспешные и растратные попытки организовать массовое переселение «соотечественников» на Восток. Не стоит этого делать и в отношении особых зон. Единственным исключением может стать содействие переселению в сельскохозяйственный пояс посредством бесплатного предоставления земель при условии их обработки и застройки (без права продажи или аренды), дополненного льготным кредитованием на строительство жилья и приобретение основного капитала. Стоимость этих мер относительно невысока (земли все равно не используются), а результат может быть существенен. Однако он будет касаться жителей не столько европейской части России, сколько северных районов Сибири и Дальнего

Востока, для которых будет создана возможность перебраться в места с большей концентрацией населения.

Для развития Сибири и Дальнего Востока нужны не миллионы русскоговорящих новопоселенцев, а создание условий для достойной жизни тех граждан России, для которых эта земля является малой родиной. Главной задачей должно стать удержание местного населения и создание социальных условий для привлечения креативных и высокопроизводительных трудовых ресурсов, а также ещё только ищущей своё место в жизни молодёжи, причём не только российской. Для этого необходимо создать условия для роста продолжительности жизни в регионе и повышения её качества, содействовать выработке у жителей региона жизненных стратегий, связанных с Дальним Востоком, сформировать стабильную группу населения со средним достатком (в соответствии с установившимися нормами, стандартами и ценностями), гармонизировать общественные отношения, обеспечить ощущение пребывания людей в едином социально-культурном пространстве России. Бурное развитие особых экономических зон и поддержание геополитических автоматически решат большинство из этих задач.

Безусловно, для налаживания системы особых зон необходима какая-то организационная структура. Министерство, даже при условии расширения его сферы ответственности (с Дальнего Востока на Сибирь и Дальний Восток) с этой задачей справиться, видимо, не сможет. Вызывает вопросы и концепция создания Государственной корпорации по развитию Сибири и Дальнего Востока. Госкомпания, как правило, не очень эффективны. Так было и в царские времена, так остаётся и сейчас. Сибирь осваивалась преимущественно частными усилиями. Возможно, есть смысл в создании специального независимого от правительства и подчинённого напрямую Президенту государственного агентства развития Сибири и Дальнего Востока, организующего работу зон, а также распределяющего лицензии и концессии на добычу природных ресурсов. При этом именно слова «государственное агентство», а не «государственная корпорация» отражают смысл данной структуры. Её задачи — посреднические, базирующиеся на выработанной стратегии, но не на собственном интересе (корпорация по определению имеет собственный экономический интерес).

Со временем после запуска механизма особых зон функции государственного агентства можно будет постепенно передавать регионам. Однако для этого необходимо обеспечение их необходимым объёмом финансовых ресурсов. В рамках существующей налоговой системы осуществить такой манёвр невозможно. Единственное доступное сейчас средство налоговой децентрализации — передача регионам всех поступлений от налога на прибыль (сейчас 18 % из 20 % налога на прибыль зачисляются в региональные бюджеты, а оставшиеся 2 % идут в федеральный бюджет), однако эта мера, хотя и является необходимой, будет иметь лишь незначительный эффект. В долгосрочной перспективе необходимо построение устойчивой системы перераспределения налоговых доходов (в первую очередь, от НДС) таким образом, чтобы обеспечить заинтересованность в сборе налогов в регионах-лидерах и одновременно избежать чрезмерной дивергенции регионов с точки зрения бюджетной обеспеченности. В западноевропейских странах (Великобритания, Германия) опыт построения подобных систем имеется, однако это весьма сложная работа, которая может растянуться на десятилетия, особенно с учётом того, что многие расходы бюджета сейчас проавансированы на много лет вперёд. В краткосрочной же перспективе целью может стать создание стимулов

(переходящих со временем в обязанность) для регистрации компаний по месту расположения основных мощностей. Это позволит вернуть в Сибирь часть налоговых поступлений, генерируемых за счёт её ресурсов, но поступающих в московский бюджет.

Другой необходимой мерой является перенос части столичных функций в города Сибири и Дальнего Востока. Министерство природных ресурсов, как и центральные офисы крупнейших компаний ресурсного сектора, должно базироваться в Сибири (например, в Красноярске), Министерство транспорта — на Дальнем Востоке. Необходимо также завершение работы по переносу Министерства по развитию Дальнего Востока, если оно сохранится, в его профильный регион. Ещё более радикальный, но очень привлекательный вариант — создание на Тихом океане третьей столицы — с расположением нескольких министерств именно там. Повторим нашу идею из предыдущего доклада: если бы Пётр I жил бы в современной России, он построил бы новую столицу не в устье Невы, а в районе Владивостока. Место Петра, Меншикова и их соратников в современной российской истории все ещё пусто.

Распределение государственных ведомств по разным городам не совсем практично. Но этот шаг имеет важнейшее символическое значение, выходящее далеко за рамки привлечения дополнительного внимания к городу или региону. Министерство, работающее в Красноярске, Владивостоке или Хабаровске, — это знак жителям соответствующих регионов и особенно молодёжи, что не все решения принимаются в Москве. Это возвращение им чувства сопричастности к стране, которое в условиях инфраструктурной оторванности и низкой мобильности населения является лучшим средством против отчуждения и фатализма.

Что касается переноса в Сибирь офисов крупных компаний ресурсного сектора, то это несёт не только функцию налогового перераспределения, но и демонстрирует, что, даже оставаясь на малой родине, теперь можно делать успешную карьеру. За министерствами и офисами компаний в регион может потянуться и амбициозная молодёжь из центра страны и из-за рубежа.

ТРАНСПОРТНЫЙ КАРКАС СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Кроме поддержания и развития институциональной и социальной инфраструктуры в регионе, в первую очередь в рамках особых зон, важнейшей задачей государства является поддержание и развитие транспортной инфраструктуры в той её части, которая не может быть обеспечена частным бизнесом. Государство за счёт средств федерального бюджета или в рамках государственно-частного партнёрства должно резко нарастить транспортный каркас региона. Это позволит сжать экономическое расстояние и решить проблему изолированности восточных территорий, в первую очередь тех, где проживает большая часть населения.

Такой каркас формируют Транссибирская магистраль, необходимые уже в ближайшем будущем скоростные железные дороги юга Западной Сибири и Приморья, порты Тихоокеанского побережья, сеть авиационного сообщения, Северный морской путь и судоходные реки меридионального направления. **Транссиб остаётся главной региональной осью, вдоль которой сосредоточена вся основная экономическая активность Сибири и Дальнего Востока.** Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» пред-

полагает уже в ближайшие годы начало реконструкции Транссиба, нацеленной на развязывание узких мест и расширение пропускной способности. Часто в связи с этим обсуждаются возможности увеличения транзита. По расчётам РЖД, в частности, его планируется нарастить втрое, что декларируется как возможность получения существенных экономических выгод. Такое целеполагание, видимо, ошибочно и уводит в сторону от действительно значимых целей.

В настоящее время Транссиб отвечает менее чем за 1% евроазиатской торговли. Существенно увеличить эту долю едва ли реально с учётом того, что Китай в настоящее время прокладывает альтернативный маршрут в Европу («Новый Великий шёлковый путь») в обход России, а сама Россия стремится развивать Северный морской путь.

Модернизация Транссиба необходима не столько для роста транзита, сколько для преодоления главного сибирского проклятья — самой сильной в мире континентальности. Юг Сибири, который благодаря наличию природных ресурсов и созданию грамотной институциональной инфраструктуры в виде экономических зон имеет все возможности превратиться в мощный индустриально-аграрный регион, лишён выхода на мировые рынки. Самые большие проблемы для развития сельского хозяйства на Алтае — это также трудности с экспортом. В связи с этим главная цель Транссиба — не транзитная, а экспортная. И именно на эту цель и должна быть ориентирована его модернизация. Нет острой необходимости соединять Транссиб с железнодорожными артериями Китая и Кореи (стыковка с КВЖД, строительство транскорейской железной дороги — всё это возможно и целесообразно, но лишь при соответствующем интересе и инициативе частных инвесторов), зато есть острая необходимость обеспечения возможностей вывода российских грузов в разные порты на побережье Тихого океана. А вместе с этим необходима модернизация и самих портов, инфраструктура которых в настоящее время не готова к росту экспорта.

Модернизация Транссиба может и должна быть дополнена сетью скоростных железных дорог между крупнейшими городами Западной Сибири. Предлагаемая сегодня РЖД схема развития скоростного железнодорожного транспорта удивительным образом обрывается на Челябинске. По неизвестной причине считается, что объединить скоростной железной дорогой Саранск с Ульяновском важнее, чем Томск и Барнаул с Новосибирском. Между тем создание сети скоростных железных дорог на юге Западной Сибири (с возможным выходом на Красноярск) даст мощный толчок развитию региона и использованию возможностей его человеческого и производственного капитала.

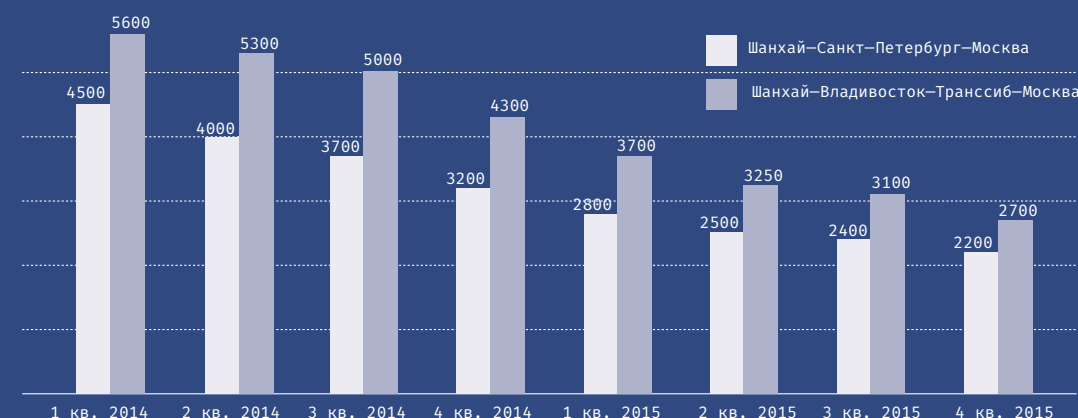
Другая задача в этой сфере — это строительство высокоскоростных железных дорог между Хабаровском и Владивостоком. Готовность к инвестициям в этот проект демонстрируют южнокорейские компании, однако всё тормозится и здесь, отчасти из-за советской зашоренности во всем видеть образ врага («лучше не развивать стратегический приграничный регион вообще, чем пускать туда иностранцев»), отчасти — из-за ставших привычными «откатных» схем и попыток их экстраполировать на взаимодействие с международным бизнесом.

Другой возможный проект — создание единой транспортной инфраструктуры для крупных месторождений редкоземельных металлов юго-востока Забайкальского края (Чинейское, Нойон-Тологойское, Удоканское) и северо-запада Якутии (Томторское), а также Попигайского месторождения импактных алмазов. Объединение этих месторождений с городами

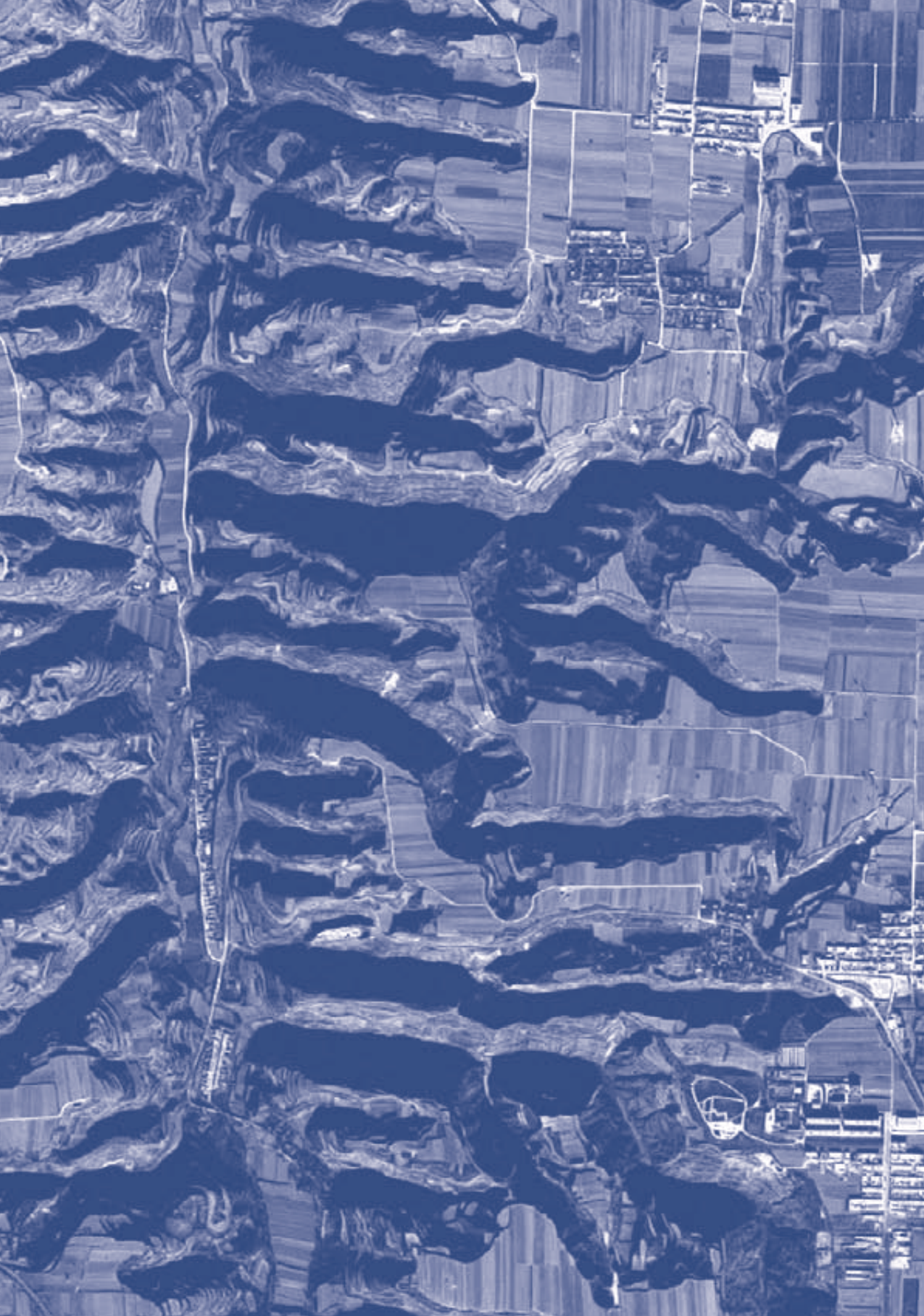
Северный морской путь (СМП)

Средние ставки на доставку контейнера по маршрутам

Источник: Infranews

юга Сибири позволит стимулировать развитие в них центров высокотехнологичной переработки соответствующего сырья.

Транссиб с прилегающими к нему скоростными железными дорогами формирует южную широтную транспортную ось региона. Основные функции этой оси — стянуть сибирские пространства и преодолеть чувство оторванности жителей региона от остальной страны; предоставить дополнительные возможности для развития человеческого капитала региона, повысить конкурентоспособность ведущейся здесь хозяйственной деятельности и обеспечить выход на экспортные рынки через порты Тихоокеанского побережья.

В значимых населённых пунктах (в том числе вахтовых), не охваченных каркасом железных дорог, необходимо развивать авиационное сообщение. Сейчас по всей России аэропортов в два раза меньше, чем в одной Аляске. Государство не стремится развивать данную сферу, но не допускает в неё и частный бизнес. Между тем строительство малых аэропортов и обслуживание авиационных маршрутов внутри, межрегиональное сообщение могут быть коммерчески привлекательны, но для этого государство должно снять регуляторные барьеры, стоящие перед частным (в том числе и иностранным) бизнесом, ограничив своё вмешательство в рыночные механизмы лишь контролем безопасности. Сибирь и Дальний Восток не могут быть покрыты густой сетью железных дорог, а в условиях относительно малых пассажиропотоков на большие расстояния у развития авиации нет достойных альтернатив.

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ КАК СЕРДЦЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Вторая, северная, широтная ось должна быть направлена на обеспечение гибкости выхода на внешние рынки посредством предоставления возможностей и европейской, и азиатской ориентации экспортных потоков; на выполнение Россией роли моста между Европой и Азией, на построение мощного транзитного коридора, способного стать драйвером развития прилегающих территорий и всей страны. Центральным компонентом второй широтной оси должен стать Северный морской путь.

В отличие от Транссиба, где скорость модернизации имеет огромное значение (она уже недопустимо запаздывает), развивать СМП следует постепенно. На настоящий момент слишком значительные неопределённости связаны как с изменениями климатических условий, так и особенно с предполагаемым грузопотоком. В то же время, по мере роста внимания государства к СМП и развития инфраструктуры привлекательность трассы будет расти, а вместе с ней будет повышаться и интерес со стороны инвесторов. Постепенно будет появляться всё больше возможностей для развития СМП силами государственно-частного партнёрства и иностранных инвестиций без критической нагрузки на государственный бюджет.

СМП окажет значительное положительное влияние на развитие прилегающих к маршруту регионов. И наоборот, перспективы СМП во многом зависят от темпов освоения арктической зоны. На первом этапе отдача от вложений в развитие СМП будет во многом определяться ходом разработки энергоресурсов Ямала и развития его экспортной инфраструктуры (в первую очередь в рамках порта Сабетта).

Развитие транспортной системы северных территорий должно носить комплексный характер. Необходима модернизация внутренней

системы водного транспорта, и в ней должны участвовать как отдельные регионы (Якутия, например, это уже делает) так и власти федерального уровня. Создание развитой водотранспортной системы — ещё один шаг к преодолению континентальности внутренних районов Сибири. В узловых точках комплексной водотранспортной системы необходимо создание мульти-модальных комплексов.

Теоретически инфраструктура Северного морского пути может быть гармонично дополнена сетью железных дорог, в первую очередь Северным широтным ходом (СШХ), объединяющим станцию Чум (Коми), станцию Обская (поселок Лабытнанги, ЯНАО), Салехард (расположен на противоположном от Лабытнанги берегу р. Обь), Надым, Пангоды, Коротчаево (Новый Уренгой), Игарку (Красноярский край) в единую трансполярную магистраль. Она должна стать частью подъездной инфраструктуры к порту Сабетта на Ямале и значительно увеличить направляемый через него грузопоток. Кроме того, соединение с Новым Уренгоем даст выход на Ямбург на Тазовском полуострове и на Сургут; Сургут, в свою очередь, является пунктом на магистрали Тобольск — Сургут — Нижневартовск.

Тем не менее, реализация подобных масштабных проектов силами государства, по-видимому, пока не может быть оправдана, точно так же, как и строительство меридиональных железных дорог, соединяющих СШХ и СМП с Транссибом. Использование концессий, а также разрешение строительства частных железных дорог с выработкой механизма их стыковки с государственным Транссибом со временем позволит создать необходимую железнодорожную сеть силами частного бизнеса.

Скорость доставки — это ключевой фактор конкурентоспособности СМП; следовательно, развитие инфраструктуры необходимо сфокусировать на обеспечении предсказуемости времени прохождения маршрута. Ключевой в этой связи является не только развитие портовой и навигационной инфраструктуры, но и развитие ледокольного флота. Строительство ледоколов требует и времени, и дополнительных средств. Так что текущий избыток мощностей (в настоящее время в России функционируют 6 атомных и 9 дизель-электрических ледоколов) без реализации программ модернизации флота может смениться их дефицитом, что значительно подорвёт конкурентоспособность трассы. Между тем обеспечение услуг ледокольной проводки для России — один из главных экономических плюсов от использования СМП в транзитных целях.

Одно из часто высказываемых опасений, касающихся использования СМП, касается вопросов окружающей среды. Тем не менее, вопреки распространённому мнению, едва ли ужесточение требований к её охране значительно ухудшит потенциал СМП. При сравнении СМП с другими путями значительная экономия приходится не только на сокращение затрат на топливо, запасы в пути и страхование рисков, но и на сокращение абсолютных объёмов выбросов. Северный морской путь является наиболее экологически чистым из всех трасс, соединяющих Европу и Азию.

В плане социальной психологии важно и то, что СМП соединяет два региона России — европейский север и Сибирь, которые очень схожи по своей истории и идентичности. И там, и там не было крепостного права. И там, и там ключевым мерилом экономического успеха была частная инициатива. Русские поморы освоили территорию от Шпицбергена до Аляски. Их знания северной навигации, их кораблестроительные навыки, их опыт плаваний и зимовок в Арктике уникален. Общность истории Сибири и Севера может стать важным символическим стимулом к развитию СМП, дополняющим экономико-политическую целесообразность.

России стоит максимально использовать возможности осуществления совместных с зарубежными партнёрами проектов, связанных с освоением СМП. Норвежские технологии навигации в Арктике, корейские возможности судостроения, сингапурский опыт развития инфраструктуры — всё это может быть использовано в рамках международного партнёрства. Вместе с тем во взаимоотношениях с другими странами России важно отстаивать свои принципиальные интересы: безусловный суверенный контроль за СМП, своё доминирование в предоставлении услуг ледокольной проводки, увязка развития СМП с развитием прилегающих к нему территорий.

Для привлечения зарубежных партнёров к освоению СМП требуются серьёзные усилия со стороны государства. Устранение имеющихся институциональных барьеров необходимо, но недостаточно. В связи с тем, что вложения в инфраструктуру маршрута в любом случае связаны с высокой неопределённостью, необходимы специальные механизмы государственных гарантий, подразумевающие строгое разделение ответственности между инвесторами и государством. С учётом относительно небольшого числа потенциальных зарубежных партнёров (крупнейшие судоходные, судостроительные, логистические и инженеринговые компании, имеющие опыт работы в арктических водах) необходимо, в том числе, привлечение инвесторов «в ручном режиме». Ключевую роль в этом процессе должна играть администрация Северного морского пути, которая, однако, в настоящее время выполняет роль скорее бюрократического заслона, чем агентства по привлечению инвестиций. Привлечение к обустройству маршрута даже нескольких игроков мирового уровня позволит сразу же резко нарастить грузопоток — крупный бизнес в морском судоходстве имеет широкую систему устойчивых связей, действующую на основе долгосрочных контрактов, и приход на Северный морской путь крупной судоходной компании автоматически привлечёт капитал её партнёров из смежных отраслей.

Для стимулирования международного сотрудничества в Арктике России пора перестать игнорировать проблемы, крайне важные для иностранных партнёров. В первую очередь это касается проблемы изменения климата. В то время как в азиатских странах (как и в мире в целом) однозначно признаны антропогенный характер потепления и ключевое значение Арктики для этого процесса, в России до сих пор широко распространён климатический скептицизм, разделяемый как рядом научных учреждений (в том числе в значительной степени Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом), так и политическими элитами. В отношении к Арктике популярна теория климатических циклов, согласно которой в регионе в скором времени начнётся похолодание. Эта теория идёт вразрез с выводами Межправительственной группы экспертов по изменению климата — наиболее авторитетной организации, действующей под эгидой ООН, которая утверждает, что, если циклы и существуют, они накладываются на долгосрочный тренд повышения температуры, но не отменяют его.

Скептицизм в отношении антропогенного характера изменений климата, наблюдаемый в России, отодвигает проблемы климатических исследований в Арктике в разряд третьестепенных. В то же время он формирует у российских элит ощущение того, что климатические аргументы используются азиатскими странами лишь как повод для полноценного участия в региональных процессах. Рождается атмосфера недоверия, ещё усиливающаяся в связи с традиционной привычкой видеть в действиях иностранных держав попытки покушения на российский суверенитет,

а также достаточно прочно укоренившимися в сознании элит опасениями по поводу «китайской угрозы».

В этой связи огромное значение имеет интеграция российской климатической науки в мировую. Это не только повысит её качество, но и, как показано выше, снимет ряд противоречий политического характера. Расхождение во взглядах на природу климатических изменений должно служить не препятствием для научной кооперации, а, наоборот, стимулом к ней. Для российской науки такая кооперация будет несомненным благом ещё и потому, что позволит привлечь финансовые ресурсы из-за рубежа. Совместно финансируемая модернизация российских метеорологических станций, спутникового оборудования, системы мониторинга климатической информации позволит создать научную базу принципиально нового уровня. Это, в свою очередь, поможет снять многие научные противоречия, а главное — превратить Арктику в огромную исследовательскую лабораторию, роль которой она, с учётом важности и сложности собственных экосистем, и обязана исполнять. Интенсификация арктических исследований будет служить не только фундаментальным научным целям, но и прикладным — в частности, развитию информационного сопровождения Северного морского пути.

Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы

Фэн Шаолэй

директор Центра по изучению России
Восточно-китайского педагогического университета

Цуй Хэн

докторант Центра по изучению России
Восточно-китайского педагогического университета

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Развитие российского Дальнего Востока и Сибири стало важным шагом государственного строительства для России. Хотя ведутся дебаты о надлежащей идеологии и политике, развитие огромного приграничного региона и углубление отношений со странами Азии стало твёрдым и неизменным приоритетом в российской внешней политике. Китайско-российское сотрудничество в приграничье на ранних этапах развития Дальневосточного региона во времена Российской империи имеет большую важность современного двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке. Практика сотрудничества Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока в 2009–2018 гг. свидетельствует о большом потенциале двустороннего взаимодействия на Дальнем Востоке и будет иметь последствия для дальнейшей кооперации. В рамках «сопряжения» Китай и Россия пытаются выработать более действенную и устойчивую модель сотрудничества. Вместе с тем важно также преодолевать такие проблемы, как низкий уровень взаимного доверия в деловом сообществе, недостаточная открытость рынков и некоторые другие.

Россия целое столетие мечтает о развитии огромных по площади целинных земель на Дальнем Востоке и в Сибири. Исследовав Дальний Восток, российский мыслитель эпохи Просвещения Михаил Ломоносов пришёл к выводу, что сила государства российского — в развитии Сибири и Дальнего Востока. Идеи Ломоносова были восприняты российскими стратегами разных эпох, и постепенно в их отношении сформировался консенсус среди россиян. С началом третьего президентского срока Владимира Путина в 2012 г. для достижения стратегических целей объединения территорий, сбалансированного развития восточных и западных регионов страны и интеграции в быстрорастущий Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) российское правительство создало специализированные агентства, приняв новые законы и положения, чтобы ускорить процесс развития Дальнего Востока.

В ходе эксперимента, продлившегося несколько лет, были выполнены поставленные задачи, и регион вышел на траекторию стабильного развития. Такая стратегия развития в перспективе не только окажет долгосрочное влияние на внутривластную и экономическую ситу-

ацию в России, но и будет играть активную роль в двусторонних российско-китайских отношениях и переформатировании регионального порядка. Мы предлагаем взглянуть на этот ключевой исторический процесс под другим углом, представляя мнения и дебаты в Китае относительно развития на Дальнем Востоке.

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: БОЛЕЕ ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ РОССИИ

После распада Советского Союза российский Дальний Восток не смог реализовать свою геополитическую значимость и экономическую ценность, несмотря на огромные территории и обильные природные ресурсы. Напротив, крах советской производственной системы привёл к серьёзным социально-экономическим проблемам, включая деградацию региона до уровня ресурсной экономики и внутреннюю эмиграцию населения с Дальнего Востока в европейскую часть России. На какое-то время Дальний Восток стал тяжким бременем для России, не позволяя ей реализовать свои «великодержавные» амбиции и затрудняя процесс государственного строительства в постсоветский период. Это имело конкретные последствия.

Во-первых, отсутствие у дальневосточной экономики возможностей самовосстановления увеличивает давление на федеральный бюджет. Советский Союз построил Дальний Восток в советскую государственную экономическую модель индустриализации. В течение короткого времени централизованное советское правительство сумело завершить переход от сельскохозяйственной к индустриальной экономике, благодаря централизованному планированию. Однако после распада Советского Союза Дальневосточный регион утратил способность к саморазвитию и самовосстановлению как раз потому, что в советском хозяйстве ресурсы и капитал выделялись в рамках системы централизованного планирования.

В этом контексте Дальний Восток испытывает серьёзные экономические затруднения и нехватку необходимых товаров. Американские исследователи придумали для этого явления особый термин: «сибирское проклятие». Для сохранения функциональной социально-экономической жизни на Дальнем Востоке из российского бюджета ежегодно выделяется свыше 300 млрд руб. В то же время Дальний Восток давно страдает от монолитной рыночной структуры, большой зависимости от сырьевых товаров, низких доходов регионального бюджета, слабого притока иностранных инвестиций и ограниченного влияния на российскую экономику. В 2011 г. Дальний Восток привлёк всего 2 % всех российских инвестиций. В целом вклад Дальнего Востока в российскую экономику значительно ниже вклада федерального правительства в Дальний Восток¹.

Во-вторых, большой разрыв в качестве жизни между Дальним Востоком и европейской частью России негативно влияет на демографию и социально-психологическую устойчивость жителей Дальнего Востока и Сибири. Российские федеральные элиты давно считают Дальний Восток «внутренним сибирским фронтом» или «приграничным районом». Жители этих регионов исторически были недовольны отсутствием поддержки

¹ Мереминская Е. Как государство привлекает деньги на Дальний Восток и почему это не всегда удаётся? // Ведомости. 2017. 4 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/09/04/732285-gosudarstvo-privlekaet-dengi#/partner/articles/2017/09/04/732285-gosudarstvo-privlekaet-dengi#%23%2Fboxes%2F140737493523646>

со стороны федерального центра. Общее мнение о «китайской угрозе» в этом регионе во многом подстёгивается экономическими и психологическими реалиями². В результате жители Дальнего Востока предпочитают голосовать ногами, переезжая в европейскую часть России, куда государство инвестирует больше средств. Подобная утечка мозгов мешает в полной мере раскрыть экономический потенциал Дальнего Востока.

В-третьих, экономический упадок на Дальнем Востоке препятствует формированию целостного пространства российской экономики. Российский Дальний Восток, переживающий сильный экономический спад после распада Советского Союза, граничит с Восточной Азией — регионом с бурно развивающейся экономикой. В отсутствии эффективных мер государственного экономического регулирования дальневосточная экономика всё больше зависит от восточноазиатских стран. Тем временем европейская Россия развивала глубокое и масштабное экономическое сотрудничество с ЕС. Таким образом, в постсоветской России одновременно и в противоположных направлениях развивались два региональных интеграционных процесса. Подобная разнонаправленная интеграция разрушительна для формирования целостного российского экономического пространства.

Российские элиты осознают, какое негативное влияние оказывает медленное социально-экономическое развитие Дальнего Востока на государственное строительство и безопасность восточной части России. Поэтому с 2011 г. возрождение и активное развитие Дальнего Востока и Сибири стало горячей темой, привлёкшей внимание российской элиты. После того, как Путин занял президентский пост в 2012 г., он поставил задачу развития Дальнего Востока одним из главных приоритетов. С тех пор, хотя дебаты представителей элиты на эту тему не прекращаются, Россия подняла значимость развития Дальнего Востока и Сибири до уровня национальной стратегии вследствие кризиса на Украине. Теперь Дальний Восток и Сибирь больше не рассматриваются как стратегический внутренний фронт борьбы с Западом. Вместо этого российская элита считает развитие Дальнего Востока необходимым условием сохранения внутренней стабильности и повышения конкурентоспособности России на мировой арене. Лишь когда оба фланга евразийского пространства будут по-настоящему сбалансированы, Россия сможет претендовать на статус современной мировой державы.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И СИБИРЬ В БЫСТРО МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Значимость освоения Дальнего Востока выходит далеко за рамки внутреннего развития какой-то одной страны. Скорее, оно тесно связано с общей тенденцией мирового развития. Глобализация стала действительно всеобщим явлением после глобального финансового кризиса 2008 г. Эта новая стадия развития характеризуется рядом ключевых тенденций. Прежде всего, АТР становится всё более значимым в мировой политической экономике — его многообразие постепенно будет становиться сопоставимым с многообразием Евроатлантического региона. Кроме того, после кризиса 2008 г. во многих странах усилилось государственное вмешательство в национальную экономику. Среди них страны Азии, включая Китай, которые добились сравнительно хороших результатов, благодаря регулированию экономики и государственному управлению. Подобное государ-

² Мина基尔: «Россия与中国在远东:臆造的恐惧与现实威胁»

ственное вмешательство осуществлялось отнюдь не из идеологических соображений. Эта политика была продиктована логикой развития. Опыт стран Азии, включая Китай, весьма актуален для России в контексте развития Дальнего Востока и Сибири. Главный приоритет для России — воспользоваться возможностями бурно развивающейся Азии и предложить эффективную модель развития Дальнего Востока, которая будет опираться на поддержку со стороны федерального центра (сверху вниз), а также общества и элит (снизу вверх).

Развитие Дальнего Востока включает нечто гораздо большее, чем использование ресурсов и пространства, и даже больше принципа взаимодополняемости тенденции роста в Восточной Азии и изобилия природных ресурсов на Дальнем Востоке и в Сибири. На развитие Дальнего Востока также влияет неопределённое будущее глобализации и поддержка изоляционизма в некоторых странах. На этом фоне Китай и Россия неизбежно поддерживают друг друга в государственном строительстве и обеспечении большей открытости в отношении соседних стран и регионов, исследуя возможные направления новых видов глобализации и их последствия. Все эти усилия со стороны Китая и России направлены на решение глобальных и фундаментальных проблем.

Наиболее вероятное направление будущей глобализации будет иметь следующие особенности. Она будет исходить из местных условий в каждом регионе и расстановки сил крупных держав. Она будет отличаться многообразием путей, моделей и направлений развития. Для будущей глобализации будут характерны сбалансированные отношения между рынком, окружающей средой и природными ресурсами, при этом будет учитываться как масштаб, так и эффективность. Это будет модель, ориентированная на устойчивое развитие — в частности на потенциально более активную роль развивающихся стран. С 2000 г. им удаётся поддерживать высокие темпы роста на фоне замедляющихся темпов развития мировой экономики. В 2015 и 2016 гг. темпы роста ВВП развивающихся экономик достигли 4,3%, а в 2017 г. их рост ускорился до 5,2%. По мере того, как доля развивающихся стран в мировой экономике растёт, увеличивается и их способность обеспечивать общественные блага в глобальном масштабе. В результате многие страны принимают предложения регионального сотрудничества, выдвигаемые быстроразвивающимися государствами, и присоединяются к их инициативам.

Такая модель нового рода глобализации, то есть процесс налаживания открытых коммуникаций и взаимосвязей при усилении государственного строительства, будет во многом зависеть от создания и поддержания механизмов регионального сотрудничества и развития. В частности, в условиях фундаментальной перестройки имеющихся региональных структур развивающимися экономиками у них формируется совершенно иной исторический опыт и новые представления о том, как создавать новые структуры взамен старых.

В этой связи возникает ряд вопросов. Во-первых, можно ли добиться качественного перехода от старых устоявшихся структур к новым. Очевидно, что сегодня нет условий для революционного подхода к осуществлению такого перехода. Во-вторых, должен ли такой переход регулироваться посредством конфликтов и особенно гегемонистского соперничества между крупными державами. Реальность такова, что в истории не было настоящих примеров для реализации концепции «ловушки Фукидида». Мир настолько велик, что пересмотр баланса сил и интересов может происходить и бесконфликтными методами.

В-третьих, возможно ли возвращение к «ялтинской модели», то есть реализовать переход в опоре на традиционные инструменты геополитики и посредством раздела сфер влияния. Усиление быстрорастущих экономик и, в частности, возрождение интереса к вестфальскому принципу уважения суверенитета в современном мире, в том числе и в традиционных демократиях, означает, что простой «возврат к Ялте» невозможен.

В-четвёртых, возможно ли ответить на вызов в виде усиления растущих «молодых» держав за пределами Европы и западного мира так же, как Европейские сообщества и Европейский союз решили проблему «усиливающейся Германии». Хотя из этого исторического опыта можно определённо вынести ценные уроки, надгосударственная интеграция и отказ от национального суверенитета в пользу надгосударственных коллективных структур уже столкнулись с резкой критикой, приведя к соответствующим политическим последствиям. Кроме того, поскольку нынешние быстрорастущие экономики по-прежнему в значительной мере опираются на суверенитет и делают акцент на государственном строительстве, не вполне уместно решать сложные проблемы региональной и глобальной перестройки посредством простого применения данного подхода.

В этих обстоятельствах «дух Шанхая», которым руководствуется Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и который подразумевает такие принципы, как взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение к культурному многообразию и стремление к общему развитию, — это новый опыт интеграции. Ключевая задача ШОС — сопряжение китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) с российской инициативой формирования партнёрства Большой Евразии. Более того, развитие Дальнего Востока и Сибири в таком международном контексте становится важным аспектом этого значимого исторического эксперимента.

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРОДВИЖЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ

Для России развитие Сибири и Дальнего Востока означает придание новых импульсов как национальной экономике, так и выстраиванию отношений с АТР. С точки зрения российских элит, России давно пора начать деятельное участие в азиатской политике, поскольку появление новых возможностей и новых принципов взаимодействия в АТР делает участие России в этом регионе возможным и необходимым.

Во-первых, АТР и особенно Северо-Восточная Азия (СВА) переживает фундаментальные перемены. С одной стороны, движение в сторону многополярного мира и многообразия означает сильную встряску для традиционной гегемонии и устаревших форм военно-идеологических союзов. Разработанная наряду с недавно появившимися возможностями в разрешении корейской ядерной проблемы дорожная карта «трёх шагов», отстаиваемая Китаем и Россией, постепенно реализуется. Независимо от перспектив урегулирования нового витка ядерного кризиса на Корейском полуострове, эта дорожная карта свидетельствует о твёрдой приверженности принципу сотрудничества со стороны развивающихся стран и других участников этого процесса. Она также подразумевает, что только открытость, а не закрытость, только мир, а не конфронтация и конфликты могут принести региону согласие и гармонию. Это важная перемена, имеющая непосредственное отношение к Дальнему Востоку и Сибири.

Во-вторых, будущие экономические перспективы АТР, включая Россию, всё больше зависят от того, смогут ли российский Дальний Восток и Сибирь успешно дополнять экономику всего региона в долгосрочной перспективе. Растущее многообразие путей развития в АТР означает увеличение возможностей для перенимания передового опыта. Следует отметить, что новаторские усилия по развитию Дальнего Востока и Сибири также привлекли всеобщее внимание. Возможности, которые открывает новая технологическая революция, особенно спрос на чистую экологию, освоение новых территорий, природные ресурсы и т.д., отражают большие надежды, которые страны региона возлагают на развитие российского Дальнего Востока и Сибири.

В-третьих, меняющиеся условия в соседних с Россией регионах подталкивают Россию к повороту на Восток в своей внешней политике. Подобный поворот происходит прежде всего потому, что России нужна «подушка безопасности» и в то же время прорыв в отношениях с Востоком и АТР, чтобы уравновесить её региональные конфликты на Западе. Более того, поскольку у России сохраняются стратегические интересы в АТР, у неё всё ещё имеется поле для дальнейшего внешнеполитического маневрирования путём укрепления связей с Восточной и Юго-Восточной Азией. Аналогичным образом трёхстороннее взаимодействие Китая, России и США также сохраняет значимость для политического развития Восточной Азии. Таким образом у России имеется обширное пространство для дипломатических и политических манёвров.

В этих условиях Россия скорректировала свой подход к региональному развитию, содействуя открытости Дальнего Востока и Сибири, а также облегчая взаимодействие между странами Восточной Азии в развитии Дальнего Востока.

Во-первых, Россия осознала отсутствие необходимости дублировать производящие мощности, в которых страны Восточной Азии конкурентоспособны. Продолжая индустриализацию в азиатской части, Россия должна стремиться разрабатывать такую высокотехнологичную продукцию, в которой у Дальнего Востока и Сибири может быть конкурентное преимущество. Эта продукция должна соответствовать уровню развития России: речь идёт о высоких технологиях, передовом земледелии, деревообрабатывающей промышленности, электроэнергетике и т.д. России также нужно наращивать эффективность использования природных ресурсов и выводить её на новый уровень. В этом случае Россия сможет осуществить экономическую перестройку и оптимизировать структуру национальной промышленности, тогда как страны Восточной Азии могут также получать из России продукцию и природные ресурсы, необходимые им для внутреннего развития.

Во-вторых, на новом этапе регионально ориентированной глобализации отдалённые приграничные районы России больше не являются барьером для государственного строительства, а скорее представляют потенциал для национального политического и экономического перерождения. России следует максимально увеличить степень открытости Дальнего Востока и Сибири, отказаться от устаревшей концепции в восприятии этого региона как «стратегических задворков» в конкурентной борьбе с Западом или «стратегического рубежа» в конфронтации с Китаем. В конкретном политическом взаимодействии мы стали свидетелями растущей открытости России в её отношении к китайской инициативе ОПОП. Помимо соглашения о стратегической координации, подписанного лидерами двух стран в 2015 г., предложенная в 2017 г. концепция «Ледяного Шёлкового пути» ещё больше интегрирует береговую линию Дальнего Востока и Сибири в стратегическую платформу координации развития. В 2018 г. в совместном коммюнике ШОС

снова была выражена поддержка китайской инициативе ОПОП со стороны организации. Все эти меры говорят о том, что Россия шаг за шагом принимает предложенный Китаем проект.

В-третьих, развитие Дальнего Востока не только обеспечивает возможности для работы и достойных жилищных условий для местной молодёжи, стимулируя её оставаться в родных местах вместо эмиграции на Восток или в европейскую часть России, но и способствует появлению предпринимателей нового типа, таких как Михаил Прохоров, когда для этого появляются подходящие условия. Наряду с расширением экономических возможностей Дальнего Востока, развитие этих территорий также сделает данный регион более привлекательным для трудовых мигрантов из соседних регионов, в том числе из Северной Кореи. Согласно статистике, большая часть из 30 тыс. северокорейских рабочих, эмигрировавших в Россию, трудится на Дальнем Востоке. Россия всё больше осознаёт необходимость более активного вовлечения Южной и Северной Кореи в развитие своего Дальнего Востока. В этом смысле освоение данного региона может обеспечить определённую свободу манёвра и тем самым ускорить мирный процесс на Корейском полуострове с целью разрешения корейской ядерной проблемы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЕМ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Восприятие Китаем перспектив развития Дальнего Востока значительно эволюционировало на протяжении истории с учётом различных факторов. Во-первых, речь идёт о восприятии различных исторических вопросов. После того, как Российская империя приобрела территорию Дальнего Востока, она начала осваивать целинные земли и провела предварительное исследование и разведку на Дальнем Востоке. Эти усилия предпринимались наряду с установлением и корректировкой экономических отношений с Китаем (императорской династией Цин). Айгунский договор между Китаем и Россией и Пекинская конвенция 1860 г. содействовали китайско-российской приграничной торговле. Эти два договора ознаменовали открытие сухопутного маршрута свободной торговли вдоль китайско-российской границы на Дальнем Востоке. Согласно этим договорам, жители двух стран имели сравнительно равные права на торговлю. Для расширения экономических связей с соседними странами, а также обеспечения поставок продовольствия и вооружений для первого поколения эмигрантов на Дальнем Востоке царская Россия утвердила «Правила сухопутной торговли между Китаем и Россией» в 1862 г., установила зоны свободной торговли в восточном приграничном регионе на границе с Китаем, а также превратила все порты на тихоокеанской береговой линии в свободные порты. После длительного периода развития, примерно в конце XIX в., китайско-российская граница и свободные порты стали самыми густонаселёнными и быстроразвивающимися регионами и городами на этой территории.

На протяжении всей истории развития Дальнего Востока нехватка трудовых ресурсов всегда была серьёзной проблемой, особенно на раннем этапе, когда инфраструктурные проекты крайне нуждались в рабочих руках. Эта проблема долгое время ограничивала возможности развития Дальнего Востока. Россия исторически проводила политику внутренней трудовой миграции и открытости для привлечения рабочих мигрантов. Российские власти стимулировали миграцию трудовых ресурсов из европейской части России и из-за границы на Дальний Восток. Внутренних тру-

довых ресурсов всегда оказывалось недостаточно для освоения и исследования целинных земель. Поэтому иностранная рабочая сила, особенно китайская, была локомотивом на заре истории развития Дальнего Востока.

Поскольку китайцы были трудолюбивыми, дисциплинированными, недорогими работниками, немало китайских трудовых мигрантов использовались российскими государственными ведомствами, отвечавшими за создание инфраструктуры (строительство дорог, Транссибирской железнодорожной магистрали, портов) и добычу золота в качестве некавалифицированной рабочей силы. Китайцев также привлекали к работе структуры военно-морского флота, сухопутных войск, министерство внутренних дел и др. Что касается сельского хозяйства, то китайцы и корейцы были главными поставщиками продовольствия. Они импортировали необрушенный рис, просо, кукурузу, овощи, а также внедрили пивоварение на Дальнем Востоке. Таким образом, они не только помогали решить проблему нехватки продовольствия для гражданских лиц и военных, но и знакомили местное население с технологиями земледелия и освоения земель³.

В ретроспективе нетрудно увидеть, какую важную роль играли китайцы на первых этапах освоения Дальнего Востока во времена Российской империи. Китайские иммигранты поначалу обеспечивали первые промыслы на Дальнем Востоке рабочими руками, восполняя нехватку мигрантов из европейской России. По сравнению с «гипотетическими» мигрантами из российских европейских районов китайские мигранты отличались большим энтузиазмом и рвением в работе. Кроме того, Китай также оказывался главным рынком экспорта из европейской России — текстиля, металлических и скобяных изделий, керосина, спичек — и дальневосточных товаров, таких как меха, оленин рог и морепродукты.

Ни одна дискуссия об истории Дальнего Востока не может обойти вопрос территориальных споров. Китай и Россия подписали в 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а в 2004 г. — Дополнительное соглашение о российско-китайской межгосударственной границе на её восточной части. В этих двух документах отражена демаркация всех участков границы между двумя странами. Не вызывает сомнений, что в таких деликатных вопросах, как территориальные споры, Китай и Россия уважают статус-кво, в недавнем прошлом урегулировав территориальные споры, которые однажды поставили две страны на грань войны. Они были разрешены прагматически на основе принципов равноправия и взаимного уважения. Подобная практика заложила прочный фундамент для будущего развития всеобъемлющего двустороннего стратегического партнёрства.

Во-вторых, речь идёт о понимании нынешнего этапа развития российского Дальнего Востока. Китайское правительство и интеллектуалы признают и хорошо понимают, что развитие Дальнего Востока — это проект века, имеющий долгосрочное стратегическое значение для России и большую ценность для реализации концепции «великой России» президента Путина. И официальные, и научные круги в Китае убеждены, что Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. — это масштабная программа развития Дальнего Востока. Она была принята российскими властями в 2013 г. Ключевые политические постулаты этого документа можно обобщить следующим образом: мыслить глобально, в полной мере использовать географические преимущества и богатые природные ресурсы региона, ускорить интеграцию Рос-

сии в АТР посредством развития новой экономики и реализации принципа открытости, обеспечить диверсификацию российского экспортного рынка, не допускать снижения экономического и политического влияния государства на Дальнем Востоке, предотвратить дальнейшее сокращение численности населения в этом регионе и, наконец, продвигать геополитические и экономические интересы России.

Китайские СМИ постоянно и широко освещают практическую реализацию стратегии развития Дальнего Востока. Они пишут о достижении прорыва в использовании политических инструментов, некоторые из которых, такие как институциональные новшества, следует перенять соседним странам. Эта политика и инновационные новшества включают в себя следующие моменты. Для преодоления существующих бюрократических барьеров, а также горизонтальной и вертикальной разрозненности при принятии решений российское правительство готово предпринять дополнительные усилия с целью перестройки нынешних институтов управления экономической региона.

В частности, было создано министерство по развитию российского Дальнего Востока, которому поручено координировать реализацию государственных планов и федеральных целей в этом регионе. Российские власти также создали АО «Корпорация развития Дальнего Востока» (КРДВ), которая будет нести ответственность за строительство портов, дорог, телекоммуникаций, аэропортов, создание местных авиалиний и использование природных ресурсов. Помимо этого российское государство использует комплексный инструмент территорий опережающего социально-экономического развития (ТОРов) и Свободного порта Владивосток (СПВ) для улучшения инвестиционного климата на Дальнем Востоке и трансформации его экономической модели развития.

Подобные инновационные механизмы отражают повышенное внимание принципу взаимного дополнения в строительстве инфраструктуры и разведке природных ресурсов. При этом одновременная модернизация Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиба), строительство транспортной сети и морских портов в Приморье свидетельствует о том, что Дальний Восток призван выполнять две основные функции: содействие внутреннему развитию приграничных областей и выполнение функции морского транспортного узла.

Китайские СМИ также в полной мере сознают, что освоение Дальнего Востока создаёт новую платформу для реализации китайско-российских стратегических целей в торгово-экономическом сотрудничестве. Стратегия развития Дальнего Востока перекликается с китайской стратегией обновления Северо-Восточного Китая и инициативой по созданию Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП). Строительство Евразийского транспортного коридора, прокладывание Северного пути и Евразийская телекоммуникационная сеть одновременно являются сердцевиной плана обеспечения взаимосвязанности в рамках ОПОП и приоритетом в развитии Дальнего Востока.

В результате переговоров в 2015 г. Китай и Россия выпустили совместное заявление о сопряжении ЭПШП и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), объявив об усилении региональной экономической интеграции. В этом отношении развитие Дальнего Востока может служить плацдармом для реализации стратегического сопряжения развития двух стран. Посредством активного участия в освоении Дальнего Востока Китай может углубить двустороннее торгово-экономическое сотрудничество с Россией и получить дополнительные выгоды при реализации своей инициативы ЭПШП.

³ 南慧英: "19世纪末20世纪初俄国远东经济发展中的亚洲移民——以中国人和朝鲜人为例", 《北方论丛》, 2015年第5期。

В-третьих, что касается отношений России со странами Азии, то китайские официальные и научные круги спокойно воспринимают сотрудничество России с Японией и Южной Кореей. Россия — ближайший стратегический партнёр Китая, а Япония является его близким с географической точки зрения соседом. В целом Китай приветствует улучшение российско-японских отношений, полагая, что оно благотворно скажется в целом на ситуации в Восточной Азии. Китай также приобретёт больше возможностей от такой положительной динамики, в том числе сможет углубить многостороннее экономическое сотрудничество на Дальнем Востоке. Это не означает, что Россия или Япония дистанцируются от других стран Восточной Азии. Напротив, эта позитивная динамика содействует развитию отношений между крупными региональными державами, включая Китай и Россию.

В-четвёртых, речь идёт о практике китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке. После распада СССР китайско-российское взаимодействие на Дальнем Востоке прошло через стадию «спонтанного» взаимодействия, затем вышло на траекторию активного двустороннего сотрудничества приграничных регионов, а в последнее время достигло уровня стратегического сопряжения.

ПЕРВЫЙ ЭТАП: «СПОНТАННОЕ» ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ОСНОВЕ ПРИГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

После распада Советского Союза экономика Дальнего Востока деградировала до такой степени, что местные жители вынуждены были ориентироваться на торгово-экономическое сотрудничество с соседними странами. В этих условиях на российском Дальнем Востоке появилось большое число торговцев из Китая.

С 1992 по 1993 гг. торговый оборот между Дальним Востоком и провинцией Хэйлунцзян в Китае составил \$ 2,1 млрд. В 1993 г. торговля с Китаем формировала 90 % всего внешнеторгового оборота Дальнего Востока. С 1992 по 1994 гг. эта доля достигала 50 % внешней торговли Хабаровского и Приморского краёв. В этот период Дальний Восток пережил краткосрочную «китайскую сенсацию»⁴. Появление китайцев отвечало первостепенным жизненным потребностям жителей Дальнего Востока, сыграв важную роль в стабилизации дальневосточного общества. С 1990-х гг. ежегодный приток трудовых ресурсов из Китая вырос с 10 до 20 тыс. человек. С начала нового столетия число китайских трудовых мигрантов на Дальнем Востоке установилось на уровне 30–40 тыс. человек.

Поскольку российский Дальний Восток по-прежнему борется с тяжёлой демографической ситуацией и нехваткой кадров, трудовая миграция из Китая также помогла восполнить дефицит рабочих рук на современном Дальнем Востоке. В частности, труд китайских мигрантов занимает важное место в таких отраслях, как сельское хозяйство, строительство, эксплуатация энергоресурсов и т.д. Приток китайских мигрантов также позволяет обеспечить поставки китайских продуктов для удовлетворения потребностей местных жителей. В этот период приграничная торговля стала основной формой экономического взаимодействия между Китаем и Россией на Дальнем Востоке. Большое количество торговцев начинало с приграничной тор-

говли товарами ежедневного использования, иногда в виде бартера ввиду нехватки валюты. В целом китайско-российская приграничная торговля сыграла позитивную роль в ранний постсоветский период, когда большие поставки товаров повседневного спроса китайскими торговцами облегчали тяжёлые условия жизни людей на Дальнем Востоке.

Однако экономическое взаимодействие Китая и России на Дальнем Востоке осуществлялось преимущественно снизу вверх, тогда как правительства двух стран не имели каких-либо механизмов регулирования и контроля в развитии «спонтанной» трансграничной торговли, что приводило к некоторым негативным последствиям для её участников. Средства массовой информации раздували некоторые случаи неприглядного поведения торговцев из обеих стран, формируя их негативный имидж. Этот негативный имидж ещё больше углубил стереотипы в отношении «торгашей» у широкой общественности двух стран, тем самым повлияв на первом этапе на восприятие русскими китайцев, а китайцами русских. Это пагубное влияние даёт о себе знать до сих пор и в определённой степени является причиной низкого уровня взаимного доверия между китайскими и российскими бизнесменами.

ВТОРОЙ ЭТАП: СОТРУДНИЧЕСТВО СОСЕДНИХ РЕГИОНОВ

Для координации стратегических планов регионального развития двух стран («Программы по возрождению районов Северо-Востока Китая» и государственной программы России «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2013 года») Китай и Россия с 2009 г. начали реализацию «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)» («Программа сотрудничества»). Правительства двух стран начали содействовать развитию Дальнего Востока через сотрудничество между приграничными областями, тем самым начав второй этап двустороннего сотрудничества.

Для этого этапа характерно прямое участие двух правительств и инвестирование в крупномасштабные проекты в качестве главной формы вовлечённости Китая в развитие Дальнего Востока. Изначальное намерение организаторов этого двустороннего регионального сотрудничества состояло в том, чтобы в полной мере воспользоваться географической близостью и тесными экономическими связями между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком для ускорения регионального социально-экономического развития, дальнейшего укрепления экономических связей между двумя странами и развития фундамента двусторонних отношений.

В 2009 г., когда началась реализация «Программы сотрудничества», все федеральные ведомства российского Дальнего Востока и Забайкальского края, трёх провинций Северо-Востока и автономного района Внутренней Монголии в Китае представили свои ключевые проекты для реализации в рамках этой программы. Изначально административные единицы обеих стран областного уровня подали заявки на 208 основных проектов, из которых 97 находятся в России и требуют инвестиций объёмом \$ 44,03 млрд, а 111 расположены в Китае и требуют приблизительно \$ 9,87 млрд. В списке предложенных проектов 70 связано со строительством трансграничной инфраструктуры и парка двустороннего китайско-российского сотрудничества. Из них 20 — это крупные международные проекты с участием Китая и России, в том числе проект моста Тунцзян через реку Амур. Другие

⁴ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX — XXI веков. Владивосток: Дальнаука. 2011. С. 32.

19 проектов находятся на российской стороне и требуют общих инвестиций порядка \$ 40 млрд. Остальные 31 располагаются на китайской стороне — преимущественно в провинции Хэйлунцзян и районе Внутренняя Монголия.

Несмотря на то, что лидеры и правительства двух стран прилагают колоссальные усилия для продвижения проектов сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком, их реализация пока не оправдывает в полной мере всех ожиданий. Предполагалось, что 104 крупных проекта с суммарными инвестициями в размере \$ 47,9 млрд должны были быть завершены к концу 2016 г. Однако в действительности было реализовано лишь 25 проектов с суммарными инвестициями \$ 11,77 млрд. Иными словами, процент успешных проектов составляет 28%. В то же время из изначально запланированных для реализации на китайской стороне 111 проектов с суммарными инвестициями в размере \$ 9,87 млрд к концу 2016 г. только 42 из них общей стоимостью \$ 6,1 млрд были введены в эксплуатацию: таким образом, успешно реализовано 62% проектов.

Беспокойство вызывает тот факт, что из всех проектов, запланированных на российской стороне, лишь восемь привлекли китайские инвестиции в размере \$ 1,77 млрд и только один из запланированных проектов на китайской стороне привлёк российские инвестиции в сумме \$ 0,63 млрд⁵. В действительности проекты, запланированные в рамках «Программы сотрудничества», преимущественно являются внутренними для каждой из сторон, тогда как проекты двустороннего сотрудничества на самом деле немногочисленны. Таким образом, реальность пока расходится с первоначальным намерением укреплять двусторонние экономические связи и основы для развития отношений через содействие подлинному двустороннему сотрудничеству.

Главная причина такого отклонения от плана заключается в расхождении между сторонами относительно реализации сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком. Китайские проекты, предложенные в 2009 г., делают упор на строительство инфраструктуры с прицелом на повышение возможностей импорта российского сырья, тогда как Россия больше внимания уделяет проектам, связанным с обрабатывающими отраслями промышленности. После того как проекты начали реализовываться, правительства двух стран осознали различия в менталитетах и подходах китайцев и россиян.

В 2011 г. государственный комитет по развитию и реформам Китая и Министерство экономического развития России задумались о внесении коррективов в проекты сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком. Однако стороны не пришли к консенсусу ввиду значительных расхождений в запросах и потребностях двух стран. Кроме того, внутренние рынки обоих государств параллельно переживали трансформации, а с учётом недостаточной открытости России и Китая углубление сотрудничества между ними было затруднено, что ещё больше ограничивало их участие в крупных проектах друг друга⁶.

⁵ Муратшина К. Г. Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417, с. 110–120.

⁶ Гемуева К. Реалии экономического сотрудничества России и Китая — основания для оптимизма? // Российский совет по международным делам. 2017. 28 декабря. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realii-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya-osnovaniya-dlya-optimizma>

ТРЕТИЙ ЭТАП: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОПРЯЖЕНИЕ

8 мая 2015 г. Китай и Россия опубликовали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП, достигнув широкого консенсуса о содействии региональному сотрудничеству. Стороны договорились о следующих приоритетах в сотрудничестве: расширение инвестиций и торговли, взаимное облегчение инвестиционного режима и возможностей для сотрудничества, реализация крупномасштабных инвестиционных проектов, создание совместных промышленных парков и зон трансграничного экономического сотрудничества, улучшение материально-технического снабжения и транспортной инфраструктуры, а также комбинированного мультимодального транспорта и т. д. для реализации совместных инфраструктурных проектов.

28 октября 2015 г. российское правительство приняло Концепцию развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. В этом документе подробно изложены цели, задачи и меры, которые необходимо предпринять на Дальнем Востоке и в Забайкалье для осуществления межрегионального сотрудничества с Северо-Восточным Китаем. В нём также оговорено, что один из главных приоритетов России — содействие созданию международного транспортного коридора, его интеграция в транспортную сеть Северо-Восточной Азии, создание благоприятного делового и инвестиционного климата для стимулирования спроса на расширение трансграничного транспортного сообщения и развитие соответствующей транспортной инфраструктуры. В январе 2017 г. две страны договорились о создании межправительственной комиссии по сотрудничеству в рамках регулярных встреч премьер-министров Китая и России для координации и наращивания межрегионального сотрудничества двух стран.

Данный этап стратегического сопряжения отличается от «Программы сотрудничества» 2009 г. в том, что нынешнее двустороннее экономическое взаимодействие на российском Дальнем Востоке в большей степени соответствует безотлагательным потребностям двух стран. С 2015 г. Китай начал перестройку национальной промышленности в условиях уменьшения спроса на сырьё. Соответственно, Китай вступил в важную стадию экспорта производственных мощностей. По той же причине в стране появилась острая необходимость переноса производственных мощностей в соседние регионы.

В отличие от Китая Россия после экономического кризиса 2014–2016 гг. начала корректировать структуру внутренней промышленности. Опираясь на стратегию импортозамещения, Российское государство сделало главным приоритетом развитие производства на Дальнем Востоке и в Сибири, чтобы снизить зависимость экономики от сырьевых отраслей. Таким образом, в эпоху стратегического сопряжения потребности двух стран совпадают, что создаёт предпосылки для передового промышленного сотрудничества между Россией и Китаем на Дальнем Востоке.

На нынешнем этапе развития Дальнего Востока и более широкомасштабного сотрудничества в рамках инициативы ОПОП на первый план выходит развитие инфраструктуры и налаживание взаимосвязанности. Это сознательный выбор обеих стран. В процессе выстраивания стратегической сопряжённости Китай и Россия отвергли модель рыночной интеграции, взятую за основу Евросоюзом, ввиду ограниченного объёма и структуры двусторонней торговли. Китайско-российская торговля стремительно растёт: в 2017 г. торговый оборот между двумя странами превысил \$ 80 млрд. Однако он значительно отстаёт от масштабов торговли Китая с США и ЕС. В структурном отношении торговля между Китаем и Россией преимущественно состоит

из сырьевых товаров. Прямые двусторонние инвестиции и сотрудничество между малым и средним бизнесом двух стран также очень ограничены. При нынешнем масштабе и уровне торгово-экономического сотрудничества рыночная интеграция Китая и России невозможна в условиях нехватки необходимого персонала, капитала, масштабы рынка и объёма услуг.

Помимо этого, рыночная интеграция требует решения деликатных вопросов, связанных с частичной передачей суверенитета на национальный уровень, а это потребует долгих переговоров. По сравнению с таким подходом, развитие многоканальных связей — более прагматичная стратегия, позволяющая быстро продемонстрировать достижения сотрудничества, и к тому же она больше благоприятствует увеличению масштабов и уровня двусторонней торговли. Стоит также отметить, что на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) в сентябре 2017 г. президент Путин отдельно подчеркнул, что в предыдущие два года китайские инвестиции на Дальнем Востоке составили \$ 9 млрд или 80% всех иностранных инвестиций в данный регион.

Несмотря на то, что нашей задачей является изучение потенциала китайско-российского сотрудничества в развитии Дальнего Востока, следует также понимать, что это длительный процесс, и предстоит ещё преодолеть множество сохраняющихся барьеров для более активного участия в нём Китая. Во-первых, это отсутствие взаимопонимания между деловым сообществом Китая и России, а также низкий уровень взаимного доверия между китайскими и российскими предпринимателями, что может парализовать дальнейшее расширение сотрудничества между ними. Согласно статистическим данным, предоставленным компанией SPARK, острый экономический кризис в России с 2014 по 2016 гг. практически не оказал влияния на рост числа китайских предприятий на российской территории. В 2013 г. в России действовало 378 зарегистрированных китайских предприятий, в 2015 г. их было уже 693, а в 2017 г. — 702. Следовательно, макроэкономическая ситуация не является главным фактором, сдерживающим вхождение китайских предприятий на российский рынок. Гораздо более важным барьером, препятствующим развитию двустороннего сотрудничества, является низкий уровень взаимного доверия на микроэкономическом уровне.

Центр российских исследований при Педагогическом университете Восточного Китая провёл в марте 2016 г. и в ноябре 2017 г. два крупномасштабных практических исследования предприятий экономического пояса вдоль реки Янцзы, ведущих торговлю с Россией и инвестирующих в российскую экономику. Итоги этих исследований также подтвердили факт низкого уровня доверия китайских предпринимателей российским партнёрам. Правительства двух стран признали наличие этих проблем и предприняли активные меры для решения сложившейся ситуации. В ноябре 2018 г. Министерство по развитию Дальнего Востока России провело День китайских инвесторов с целью содействия прямому диалогу и обмену между предпринимателями обеих стран.

Во-вторых, это необходимость большей открытости китайского и российского рынков в отношении друг друга. Реализация «Программы сотрудничества» отражает проблему закрытости двух рынков по отношению друг к другу. С учётом насыщенности инвестиционного и торгово-экономического рынков правительствам Китая и России необходимо удвоить усилия по наращиванию открытости. Хотя число зарегистрированных в России китайских предприятий растёт в последние годы, число китайских предприятий, зарегистрированных на Дальнем Востоке, демонстрирует отрицательную динамику. В 2014 г. на Дальнем Востоке в общей сложности было зарегистрировано 90 китайских физических и юридических лиц, в 2015 г. — 162,

в 2016 г. — 124, в 2017 г. — 125. Безусловно, Дальний Восток представляет собой малонаселённый регион с ограниченной ёмкостью рынка, однако низкий уровень его открытости остаётся главным сдерживающим фактором.

Ещё более существенной проблемой является то, что не все виды сельскохозяйственных и мясных товаров, а также продукции водоёмких отраслей, имеющие сравнительные конкурентные преимущества на Дальнем Востоке, могут выйти на китайский рынок, а китайские компании не могут получить доступ в сектор перерабатывающей промышленности (например, продажа готовых изделий в российской энергетике). Китайское и российское правительства используют различные институциональные нововведения для увеличения открытости рынков. Например, в феврале 2018 г. заместитель премьер-министра России и полномочный представитель Президента в Дальневосточном федеральном округе Юрий Трутнев в ходе встречи с китайским вице-премьером Ван Яном выдвинул идею новой трансграничной зоны опережающего развития. Создание предложенной зоны предполагается между посёлком Пограничный в Приморском крае (Россия) и городским уездом Суйфыньхэ провинции Хэйлунцзян (Китай). В этой зоне китайские и российские компании будут иметь право реализовывать свою продукцию без всяких ограничений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие российского Дальнего Востока и Сибири — важный и чрезвычайно актуальный шаг для государственного строительства России. Хотя это долгосрочное стратегическое сотрудничество, и трудно ожидать крупномасштабного прорыва в короткие сроки, развитие масштабной территории на восточных границах и интенсификация отношений со странами Азии — это решительная, осознанная цель России. В рамках стратегического сопряжения у Китая и России есть перспективное будущее в контексте сотрудничества на Дальнем Востоке, и Китай также пытается выработать более действенный подход к участию в этом процессе. В будущем двум странам необходимо прилагать больше усилий в следующих областях.

Необходимо лучше оценивать перспективы существующих проектов сотрудничества, придавая больше значения их практической реализации. Правительства и научные круги двух стран должны совместно изучать глубинные причины возникновения трудностей в установлении связей между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком, чтобы затем искать приемлемые решения. В феврале 2018 г. Юрий Трутнев встретился с китайским вице-премьером Ван Яном в Харбине и предложил создать совместную китайско-российскую рабочую группу на Дальнем Востоке для разработки нового плана сотрудничества Китая и России на Дальнем Востоке. Этот план разъяснит цели в торговом и инвестиционном сотрудничестве, акцентируя внимание на чётко определённых сферах ответственности и сроках реализации каждого проекта. Это говорит о том, что китайское и российское правительства осознают проблему и совместно трудятся над повышением качества и эффективности китайско-российского взаимодействия на Дальнем Востоке.

Финансовое сотрудничество, вероятно, является самым важным фактором в совместном освоении Китаем и Россией Дальнего Востока. Предприятия обеих стран сталкиваются с трудностями финансирования. В частности, инфраструктурные проекты требуют огромных инвестиций, которые долго не приносят отдачу: это означает более строгие требования к финансированию. В отсутствие надёжных источников инвестирования было бы крайне трудно углублять сотрудничество в таких проектах. В июне

2018 г. лидеры двух стран подписали совместную китайско-российскую декларацию, предложив укреплять двустороннее финансовое сотрудничество и повышать долю национальных валют в торговле и инвестициях. Предполагается, что эти меры помогут амортизировать колебания валютного курса, представляющие угрозу стабильности двустороннего сотрудничества.

Помимо экономического и торгового сотрудничества Китаю и России следует уделять больше внимания повышению качества культурного взаимодействия. До настоящего времени связь между Китаем и Россией в сфере образования, культуры и гуманитарных контактов играла важную роль, содействуя взаимопониманию двух народов. В будущем следует уделять больше внимания культурному сотрудничеству, которое играет важную роль в улучшении имиджа двух стран и их взаимного восприятия друг друга, а также в укреплении взаимного доверия между двумя народами. В частности, следует предпринимать меры для более глубокого взаимодействия между предпринимателями и исследовательскими центрами двух стран, чтобы в ходе их непрерывного диалога повышалось взаимное доверие между деловыми сообществами, а также поднимались вопросы, вызывающие взаимную озабоченность, которые затем следует разрешать совместными усилиями официальных и научных кругов России и Китая.

С марта 2017 г. российские власти ввели электронные визы в СПВ, что значительно облегчило китайским бизнесменам въезд в Россию и выезд из неё. Согласно данным, предоставленным правительством Приморского края, до 29 декабря 2017 г. электронные визы были выданы 6134 иностранцам. Китайцы проявили огромный интерес к электронным визам, подав 2388 заявок. В будущем, когда политика электронных виз во Владивостоке заработает в полную силу, России следует распространить эту практику на всю территорию Дальнего Востока и Сибири.

Для России развитие Дальнего Востока — это беспрецедентный процесс укрепления государственного строительства. Поборники либеральных взглядов выступают за снижение государственного регулирования экономики, чрезмерно подчёркивая важность независимости рынка. Подобное мышление и подход не пригодны для развития Дальневосточного региона России ввиду неразвитой инфраструктуры, нехватки капитала и низкой плотности населения. Аналогичную точку зрения разделяют видные американские эксперты Клиффорд Гэдди и Фиона Хилл в своей книге «Сибирское проклятие» (Siberian Curse).

Единственно возможный путь развития Дальнего Востока — это усиление ведущей роли государства (федерального правительства) и повышение привлекательности Дальнего Востока для людей и капитала посредством разработки и внедрения новаторских подходов, используемых государственными учреждениями, и их качественного вклада в процесс развития. По ходу этого процесса следует также создавать возможности для малых и средних предприятий. Когда эти предприятия успешно пройдут начальную стадию развития, они смогут придать новую динамику экономическому росту региона. Другими словами, России необходимо найти баланс между усилением роли государства и сохранением жизнеспособности рынка. В этой связи совместные усилия Китая и России позволят достичь нового исторического прорыва на этом «последнем рубеже» — последней целине на планете, которая ожидает освоения.

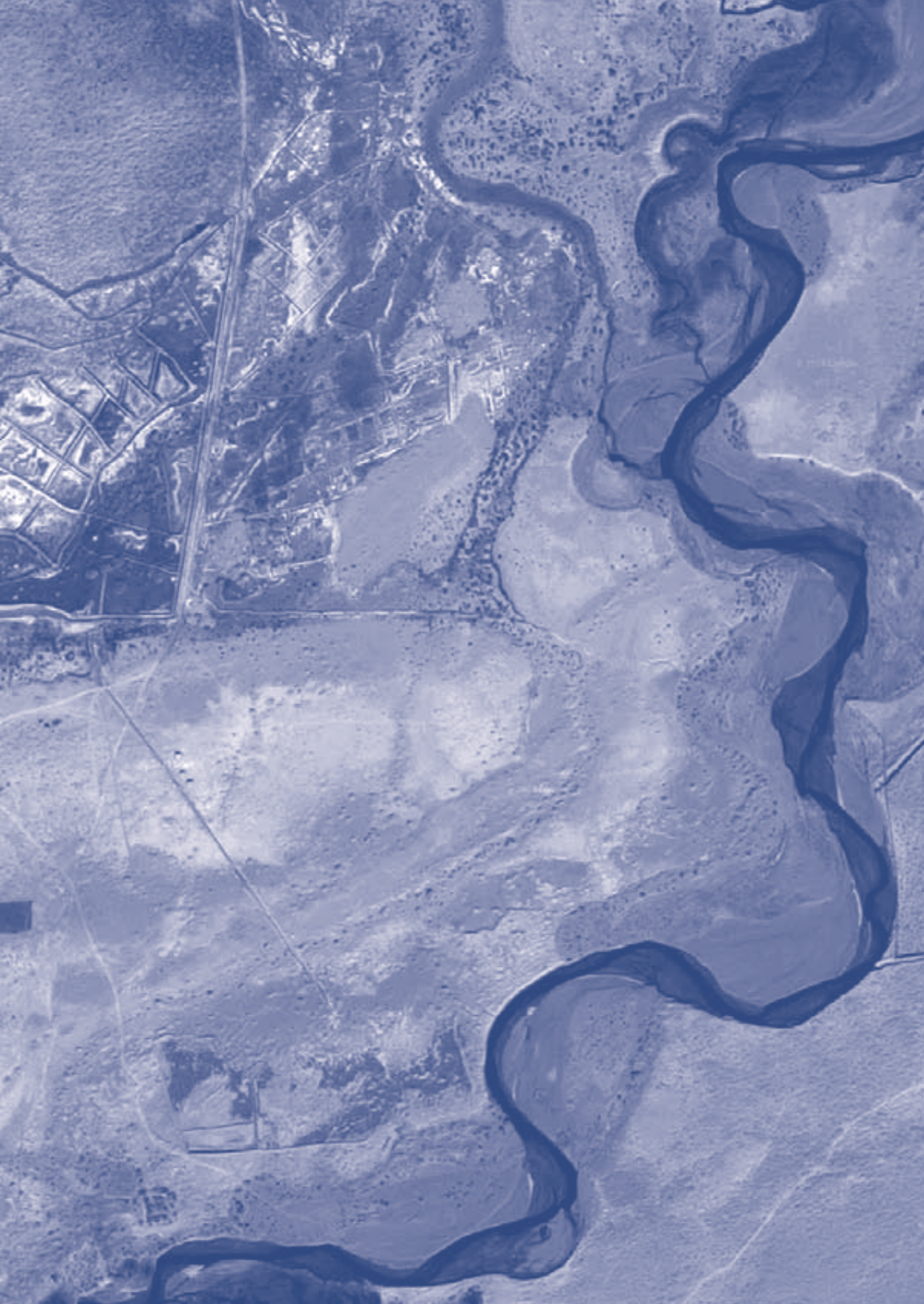
Т. В. Бордачёв

научный руководитель
Центра комплексных
европейских
и международных
исследований НИУ ВШЭ

Фрагмент подготовлен
на основе доклада
«К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС
ШЁЛКОВОГО ПУТИ
И ПРИОРИТЕТЫ СОВМЕСТНОГО
РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ
ГОСУДАРСТВ»

Часть третья

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ, ИЛИ МОМЕНТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

Момент Центральной Евразии

Евразия — колыбель многих народов и цивилизаций, место зарождения и триумфа великих империй — китайской, персидской, монгольской, империй Тамерлана и Александра, османской и российской. Однако в XXI в. Евразия не является целостным политико-экономическим образованием, «разрывается» между Европой и Азией, не имеет собственной идентичности и воспринимается извне как пространство конкуренции великих держав.

При этом ни одно из известных разногласий между ведущими государствами Центральной Евразии не является глубоким и тем более антагонистическим. **Россия, Китай, Казахстан, страны бывшей светской Центральной Азии, Иран, Монголия и другие государства сталкиваются с общими внешними и, в ряде случаев, внутренними вызовами** — религиозный экстремизм, экологические угрозы, дефицит воды, наркотрафик, негативное воздействие политики отдельных внерегиональных центров силы, нуждаются в дальнейшем повышении социально-экономической устойчивости и поддержании достигнутых темпов роста. Им всем нужен плацдарм для более эшелонированной политики по недопущению дестабилизации Афганистана. Необходимо консолидировать повестку развития стран региона и усиливать их сотрудничество в сфере международной безопасности.

«Возвышение» Китая повлекло за собой переосмысление его роли в мире и пересмотр им самим внутривнутриполитических и внешнеполитических приоритетов. С 2008 г. становится всё более заметным наступательный характер китайской внешней политики и всё большее желание КНР отстаивать собственные интересы в различных вопросах, хотя китайские лидеры постоянно подчёркивают свою приверженность «мирному развитию» и справедливо указывают на отсутствие каких-либо экспансионистских намерений. При этом зачастую Китай оказывается не готов к системному взаимодействию в многосторонних форматах и с группировками в целом, ищет пути для налаживания двустороннего сотрудничества. Необходимо избежать того, чтобы такие тенденции переросли в неспособность учитывать объективные интересы партнёров КНР и существующие международно-правовые реальности.

Западный Китай, Казахстан и страны Центральной Азии становятся привлекательными для инвестиций. Это обусловлено в первую очередь большими запасами природных ресурсов и многочисленным трудоспособным населением. В последние годы региону удалось обогнать по уровню прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на душу населения (\$ 2582 в 2013 г.) даже Восточную (\$ 1788) и Юго-Восточную Азию (\$ 2510). Безоговорочным региональным лидером является Казахстан с показателем \$ 7880 на человека, и этот уровень, очевидно, не является пределом. Высокие темпы роста этого показателя развития наблюдаются и у Туркменистана — \$ 4393 на человека с приростом более чем в 4 раза за 2008–2013 гг. Кроме того, Казахстан, как и российская Сибирь, обладает высоким сельскохозяйственным потенциалом, включающим масштабные площади заброшенных после распада СССР пахотных земель и пастбищ.

Через Казахстан и Центральную Азию могут проходить рентабельные и безопасные транспортные маршруты, соединяющие колоссов современной мировой экономики — Европу, Восточную и Южную Азию. Значителен потенциал развития в регионе авиационных хабов для гражданских грузовых перевозок. Обладая большим потенциалом, Центральная Азия долгое время была отдалена от основных центров мировой экономики и политики, однако, **сегодня можно говорить о возникновении «момента**

Центральной Евразии» — уникального стечения международных политических и экономических обстоятельств, позволяющих реализовать потенциал сотрудничества и совместного развития государств этого региона. Главными движущими силами превращения Центральной Евразии в зону совместного развития станут проект «Экономического пояса Шёлкового пути» и Евразийская экономическая интеграция, лидерами которой выступают Россия и Казахстан, а также Белоруссия.

Для самой России повышение внимания к восточному и южному направлению внешней и внешнеэкономической политики стало за последние годы одним из важнейших признаков возвращения к качеству глобальной державы. Экономический поворот на Восток, выстраивание новой модели внешнеэкономических связей не означают ухода от Европы или замены односторонней зависимости России от европейских рынков не менее односторонней зависимостью от Китая. Поэтому важной частью будущей программы совместного развития вокруг Экономического пояса Шёлкового пути должно стать включение в проект высокоразвитых регионов Сибири с его открытостью на рынки Европы.

Три десятилетия быстрого роста и структурных изменений сделали Китай страной с доходом среднего уровня и локомотивом мировой экономики. В последующие десятилетия КНР продолжит трансформацию, направленную на постепенную переориентацию с высоких темпов роста на повышение качества социально-экономического развития. Снижение темпов роста ВВП с 10,5% (среднее в 1991–2011 гг.) до 7,4% по итогам 2014 г. — лишь одно из отражений этих процессов (здесь, разумеется, сказывается и эффект низкой базы в предыдущие десятилетия).

Рост с опорой на инвестиции, прежде всего в объекты инфраструктуры, привёл к созданию в стране мощного строительного сектора, а после насыщения рынка — к возникновению проблемы избыточных производственных мощностей в данной отрасли. Для сохранения занятости китайское руководство ориентирует компании на выход за рубеж.

Экспортные отрасли КНР, основным конкурентным преимуществом которых долгое время была дешёвая рабочая сила, сталкиваются с новыми вызовами. Это связано с постоянным ростом зарплат, а также с ужесточением трудового законодательства в сторону защиты работников, через которое Пекин пытается предупредить социальные противоречия. Компании, раньше использовавшие приморские провинции (в особенности Гуандун и Фуцзянь) как производственную базу, отвечают на этот вызов переносом производств. Часть переезжает в страны Юго-Восточной Азии (особенно в секторах с низкой квалификацией рабочих вроде текстильной промышленности). Часть — в Центральный и постепенно в Западный Китай, где уровень зарплат по-прежнему существенно меньше. Последнее соответствует задачам руководства КНР, которое пытается решить проблему нестабильности в западных провинциях, создав там предпосылки для развития индустриальных зон. Таким образом, в ближайшем десятилетии самые высокие темпы роста продемонстрируют центральные провинции, а к середине 2020-х гг. лидерами станут западные регионы страны.

Поэтому крупнейший внешнеэкономический проект КНР «Экономический пояс Шёлкового пути» (сейчас «Один пояс, один путь») направлен на решение в первую очередь внутренних задач. Помимо этого его реализация позволит укрепить экономические связи Китая со странами Центральной Азии и только в последнюю очередь — увеличить объёмы торговли с Европой.

Впервые термин «Экономический пояс Шёлкового пути» (далее ЭПШП) был озвучен председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре

2013 г. во время публичного выступления в «Назарбаев-Университете» (Астана, Казахстан). В ноябре 2014 г. было объявлено о создании инвестиционного фонда в размере \$ 40 млрд, средства которого должны быть инвестированы в проекты развития наземного и морского «шёлковых путей». По мнению экспертов, ЭПШП наряду с объявленной Председателем КНР инициативой «китайская мечта» является основой экономической и политической программы работы пятого поколения китайских руководителей. Анализ проекта показывает, что **существуют как минимум три вектора его реализации: экономико-инфраструктурный, геополитический и вектор безопасности.**

ЭПШП — не просто транзитно-транспортный проект, это комплексный план экономического развития целого ряда государств, включающий в себя многочисленные проекты развития инфраструктуры, промышленности, торговли и сферы услуг, который позволит обеспечить стабильную и безопасную среду для развития не только западных районов Китая, но и всего центра Евразии, в полной мере раскрыв его потенциал.

Флагманским проектом евразийской стратегии России и её партнёров, среди которых важнейшее место занимает Казахстан, на ближайшие годы, если не десятилетия, является евразийская интеграция. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), начавший действовать с 1 января 2015 г., закладывает основу рамочных правовых условий для совместного прорыва, создаёт эффективный инструмент предупреждения и разрешения межгосударственных споров. ЕАЭС был создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов. Для этого в ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также ведётся работа по координации и синхронизации экономической политики в различных отраслях. Благодаря ЕАЭС между Китаем и Европейским союзом уже только одна таможенная граница. Единое таможенное и тарифное пространство дают евразийскому проекту соразвития неоспоримые преимущества.

ЕАЭС представляет собой во многом уникальное объединение, так как помимо исключительно экономической составляющей включает в себя и сотрудничество в оборонной сфере — ОДКБ. В неё входят все стороны ЕАЭС, а также Таджикистан. **ОДКБ обеспечивает военную безопасность участников евразийской интеграции от внешних угроз** и, в свою очередь, усиливает кооперацию между ними по широкому спектру противодействия внутренним вызовам безопасности, преодоления внутренних противоречий и защиты от внешних угроз и вызовов.

Нормативно-правовая база ЕАЭС в вопросах перемещения товаров, услуг и капитала в ближайшие годы продолжит усиливаться и приводить национальные законодательства к единому знаменателю. К концу 2015 г. планируется подписание Таможенного кодекса, который кодифицирует более ста нормативных актов Таможенного союза. В ближайшие годы будет осуществляться работа по дальнейшему устранению взаимных нетарифных барьеров в рамках союза, которые сегодня, несмотря на подписанные соглашения, оцениваются в 15–20%, а также формированию эффективных механизмов защиты внутреннего рынка стран ЕАЭС от внешних экономических вызовов, резко усиливая переговорную позицию стран-участниц по тем или иным вопросам. Эта база может стать первоначальной основой движения к созданию Большой Евразии. Тем более что она в значительной мере близка с правом ЕС (особенно в части технического регулирования).

Это создаст реальные условия для взаимопроникновения и интеграции проектов ЕАЭС и «Экономического пояса Шёлкового пути».

транзитных коридоров доставки грузов из Китая в Европу. Условно все данные маршруты можно разделить на три группы.

В первую группу (Северный путь) входят маршруты, проходящие по территории Китая, Казахстана и России: Урумчи — Достык — Омск — Москва — ЕС. Расстояние от Урумчи до западной границы России составляет 7500 км по железным дорогам и 6900 км — по автомобильным дорогам. Стоимость доставки грузов по данному маршруту сильно зависит от вида транспорта: порядка \$ 1300 за TEU по железной дороге и не менее \$ 3000 за TEU по автомобильной дороге. Расчётная мощность данного маршрута — одна из наибольших среди всех представленных путей и составляет 300 тыс. TEU. Пока маршрут использован максимум лишь на 20% его мощности.

Наиболее разработанным вариантом маршрута является транспортный коридор Западный Китай — Западная Европа, проходящий через города: Ляньюнган, Чжэнчжоу, Ланьчжоу, Урумчи, Хоргос, Алма-Ата, Кызылорда, Актобе, Оренбург, Казань, Нижний Новгород, Москва и Санкт-Петербург с выходом на порты Балтийского моря. Этот маршрут — единственный из всех — уже действует, и большая часть существующего транзитного потока идёт именно через него. Важным преимуществом пути является также прохождение лишь одной таможенной границы — между Китаем и Казахстаном. Проблема маршрута — его ограниченная пропускная способность. Идея реконструкции маршрута не нова. Ещё в 2007 г. подписан Меморандум о развитии дорог по маршруту Санкт-Петербург — Казань — Оренбург — Алма-Ата. Однако данный проект не реализовали из-за нехватки финансирования для реконструкции дорог по международным стандартам. Сейчас интерес к идее вновь возрос. В июле 2014 г. в Пекине руководитель Администрации Президента С.Б. Иванов заявил, что соединение Шёлкового пути с Транссибом крайне перспективно.

Ко второй группе (Морской путь) можно отнести маршруты, проходящие через территорию Казахстана и использующие порты Каспийского моря для транзита. Данных маршрутов условно два. Первый: Урумчи — Актау — Махачкала — Новороссийск — Констанца. Стоимость перевозки с перегрузкой на контейнеровозы составляет на сегодняшний день около \$ 4000 за TEU при доставке в ЕС и \$ 3200 за TEU при доставке на юг России. Второй маршрут данной группы незначительно отличается от первого: из Махачкалы груз идёт автотранспортом в Тбилиси. Стоимость доставки груза из Китая в Грузию данным способом составляет \$ 3700 за TEU. Маршруты второй группы менее мощные, чем первой: теоретическая мощность маршрута Урумчи — Актау — Махачкала — Новороссийск — Констанца (с учётом мощностей портов и наличного флота) составляет 100 тыс. TEU, а Урумчи — Актау — Махачкала — Тбилиси (также с учётом мощностей портов и наличного флота — 50 тыс. TEU).

Первая проблема, встающая в связи с возможностью развития маршрутов второй группы, состоит в том, что ни один из портов на Каспии не готов к их обслуживанию. Требуется серьёзная модернизация портовых мощностей. Порт Оля в Астраханской области, строительство которого началось сразу после распада СССР с целью создать базу для российского торгового и военного флотов на Каспии, на настоящий момент не справляется с перевалкой даже 1 млн тонн грузов в год. Ещё меньше грузооборот порта Махачкалы. Завершение строительства порта Оля, ожидающееся в ближайшие годы, позволит вывести грузооборот на уровень 8 млн тонн в год. Гораздо больше успехи Казахстана: порт Актау уже переваливает за 11 млн тонн грузов в год. Но ни один из каспийских портов (ни Актау, ни Махачкала, ни Баку, ни Астрахань) не работал с контейнерами и вообще какими-либо товарами народного потребления. Они приспособлены лишь для балкерных грузов. Вторая проблема — необходимость использования дополнительно

водного транспорта. Причём для перевозки контейнерных грузов здесь понадобятся специальные плоскодонные контейнеровозы, которые примерно на 20% дороже обычных. Перегрузка контейнеров с железной дороги на водный транспорт и обратно потребует дополнительного времени, а главное — кадров необходимой квалификации, которых пока недостаёт.

К третьей группе (южные) относятся маршруты, идущие к югу от территории России. Маршрут Урумчи — Актау — Баку — Потти — Констанца (второй вариант: Урумчи — Достык — Алма-Ата — Шымкент — Ташкент — Ашхабад — Тегеран — Стамбул) является самым дорогим и при этом одним из наименее мощных среди всех перечисленных и практически неопробованным. Стоимость доставки 1 TEU доходит до \$ 5000 при использовании железной дороги и до \$ 4000 при доставке автотранспортом и паромом. Теоретическая мощность маршрута (с учётом мощностей портов и наличного флота) составляет всего 50 тыс. TEU. Данный маршрут также потребует и больших капиталовложений, включающих в себя достройку контейнерных мощностей в Баку и порта в Потти, реконструкцию дорог, строительство туннелей и контейнерно-логистических центров. Для проведения всех запланированных работ потребуются инвестиции в объёме не менее \$ 8 млрд. Это позволило бы удешевить перевозки до \$ 1500 за TEU.

Запускающийся в настоящее время маршрут Урумчи — Казахстан — Иран значительно дешевле и мощнее, а иранский рынок весьма перспективен, особенно в свете реализации высокого потенциала Ирана после отмены санкций. Стоимость доставки железнодорожным транспортом составляет \$ 1700 и порядка \$ 2700 при доставке автотранспортом за TEU. Потенциальная мощность у данного маршрута — одна из наибольших среди всех вышеперечисленных и равна 300 тыс. TEU, а ожидаемый объём инвестиций — \$ 2 млрд, что приведёт к снижению стоимости доставки 1 TEU железнодорожным транспортом до \$ 800. Перспективным является и вывод транспортных маршрутов на Индию и Пакистан.

С высокой степенью вероятности можно ожидать, что все описанные «ветки» транспортно-логистической составляющей ЭПШП будут развиваться и загружаться, поскольку связаны с реализацией объективного экономического потенциала стран региона. Эти планы должны быть в обязательном порядке дополнены меридиональными транспортными артериями и газопроводами, соединяющими Сибирь с центральными и западными регионами Китая, странами Центральной и Южной Азии, идущими через Монголию и Казахстан.

Потенциал углублённого межгосударственного и межрегионального сотрудничества в Центральной Евразии — это не только и не столько транспортный проект, сколько проект соразвития стран региона. Этот макрорегион обладает огромным потенциалом, связанным и с экономической динамикой, и с богатой ресурсной базой, и с обеспечиваемыми Китаем инвестиционными возможностями, и с общими институционально-правовыми проектами — ЕАЭС, ШОС, ОДКБ. Всё это создаёт предпосылки к возрождению Шёлкового пути в его исходном значении — как континентального пояса торгово-экономического и культурного взаимодействия прилегающих к нему государств, позволяющего им добиваться богатства и процветания.

Общие проекты могут быть реализованы через уже созданные институциональные рамки, например ЕАЭС. Самое главное достижение ЕАЭС на данный момент — единая таможенная — дополняется целым рядом преимуществ действующего и развивающегося интеграционного проекта (общие фитосанитарные нормы и т.д.). Эти инструменты могут создать колоссальные возможности для приграничной торговли внутри Союза и на его границах. Но для этого необходима оперативная выработка единой повестки ЕАЭС

в отношениях с Китаем, создание постоянной площадки диалога КНР — ЕАЭС. В Договоре о ЕАЭС прописана дорожная карта движения к общему рынку. В 2016 г. предполагается гармонизировать регулирование фармацевтики, в 2019 г. создать общий электроэнергетический рынок, в 2022 г. — общие финансовые мегарегуляторы, в 2024–2025 гг. — общий рынок нефти, газа и нефтепродуктов. Это само по себе будет облегчать развитие профильных кластеров в Евразии.

Особенно перспективна тема общего рынка электроэнергетики. Большая зона покрытия, число генерирующих мощностей и их сопряжённость обеспечивают более эффективный рынок. Если к этому прибавить решение проблемы зимнего и летнего энергоснабжения в Центральной Азии за счёт поддержки гидроэнергетики атомной энергией, то перспектива выглядит крайне оптимистичной. Возможно, уже на нынешнем этапе необходимо проработать возможность подключения к этому общему рынку запада Китая с 22 млн населения. **В перспективе можно ставить вопрос о создании кольцевой энергосистемы Центральной Евразии, включающей Южную Сибирь, Казахстан, страны Центральной Азии и западные районы Китая.**

Следующая по степени важности сфера сотрудничества связана с общими трансграничными и внерегиональными угрозами. Это — волатильность на рынках углеводородов, санкции как феномен новой политико-экономической реальности, наркотрафик, экологическая миграция и общие угрозы в связи с ухудшением обстановки в Афганистане, фактором ИГИЛ, общей угрозой радикального исламизма, которая для Китая ещё и сопряжена с сепаратистскими настроениями в СУАР. Здесь Россия, Китай, страны-участницы ЭПШП могли бы более активно подключать уже существующие механизмы ОДКБ и ШОС, а также создавать трансграничные проекты, чётко направленные на снижение остроты той или иной конкретной проблемы.

Однако потенциал соразвития лежит и вне институциональных форматов и связан с экономическим потенциалом региона и его логистической составляющей: уже развитые сами по себе области часто не имеют каналов для внешней торговли. Преодолеть это можно только реализацией масштабных транспортно-логистических и экономических проектов, которые «сошьют» макрорегион воедино, обеспечив связь между ресурсами, производствами и рынками сбыта. Благодаря этому оптимальная карта экономического развития Центральной Евразии может стать уже через 10–15 лет.

В Центральной Евразии расположены колоссальные природные ресурсы, включая такие важные, как нефть, газ, редкоземельные, цветные металлы. Через неё могут проходить наиболее рентабельные и безопасные транспортные маршруты, соединяющие два колосса мировой экономики — Европу и Восточную/Юго-Восточную Азию. В представлении участвующих в региональном взаимодействии государств, главными из которых являются Россия, Китай и Казахстан, Центральная Евразия — это регион взаимодополнения и сотрудничества, а не соперничества. Стратегическая задача — превратить Центральную Евразию в зону совместного развития не менее интенсивно, чем существующий сегодня между странами — членами ЕС. Субъектность Евразии в мировых делах может быть основана в первую очередь на реализации масштабных экономических проектов, которые свяжут регион воедино.

Совместно реализуя проекты соразвития в Евразии, Россия, Китай, государства Центральной Азии, Монголия и, в перспективе, Индия, Турция, Иран и Южная Корея смогут решить целый ряд стоящих перед ними внутренних и международных вызовов, заложить основу для устойчивого развития региона и исключить возможность для того, чтобы он «взорвалось изнутри». **Центральная Евразия должна стать общим безопасным и крепким домом для населяющих её народов, стабильно развивающимся общим тылом России и Китая.**

Подход Австралии к сотрудничеству с Россией

Александр Королёв

доцент факультета социальных наук

Университета Нового Южного Уэльса, Австралия

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Российский Дальний Восток во многом похож на Австралию с точки зрения геополитики, геоэкономики и даже по своим социально-политическим особенностям. Однако экономическое сотрудничество между Россией и Австралией в последнее десятилетие шло на спад. Двум странам не удалось реализовать потенциал сотрудничества, появившийся к концу холодной войны. Основные барьеры для развития двусторонних отношений обусловлены внешними факторами. Со стороны Австралии существенный системный барьер для сотрудничества с Россией на Дальнем Востоке и за его пределами — её глубокая вовлечённость в американские структуры безопасности, проведение политики в соответствии с интересами Вашингтона и отсутствие независимости в принятии внешнеполитических решений. В результате российско-австралийские отношения во многом определяются отношениями между США и Россией, а также ЕС и Россией, то есть характером взаимодействия Москвы и Вашингтона или Москвы и Брюсселя. Со стороны России всё более напористая и подчас агрессивная внешняя политика, а также политическая активность в островных государствах южной части Тихого океана способствовали ухудшению её отношений с Канберрой. Хотя на российском Дальнем Востоке имеются возможности для сотрудничества, главным образом в горнодобывающей промышленности, нынешний режим санкций в отношении России, в котором участвует Австралия, серьёзно подрывает перспективы сотрудничества как напрямую, создавая барьеры для австралийских инвесторов, так и косвенно, осложняя политический климат российско-австралийских отношений.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ АВСТРАЛИИ

Хотя восточные территории России, включая Дальний Восток и Сибирь, находятся на большом расстоянии от Австралии на карте мира, они не так уж далеки в геополитическом, геоэкономическом и даже социально-политическом смысле. Эти особенности, влиявшие на развитие двух стран на протяжении нескольких столетий, пусть и с разной интенсивностью, имеют много общего. Географическая удалённость административных центров и традиционный отказ держать в страхе далёкую администрацию, низкая плотность населения, огромная территория, экономические модели, преимущественно основанные на извлечении полезных ископаемых, а также использование обеих территорий в качестве каторжных поселений¹ — всё это было отличительными особенностями как Австралии, так и российского Дальнего Востока и Сибири.

¹ Более подробно о культурных сходствах развития этих территорий см.: Andrews H. *Siberia's Surprisingly Australian past* // *Quadrant*. 2015. No. 59.6. P. 30–33.

Однако схожесть природных условий и траекторий исторического развития не претворилась в плодотворное сотрудничество или, по крайней мере, не помогла извлечь уроки из опыта развития друг друга². Динамика взаимодействия и сотрудничества Австралии и России в лучшем случае была прерывистой. Вслед за позитивным началом после «первого знакомства» в начале XIX в. наступил период антагонизма во второй половине столетия. Союзнические контакты в годы Первой мировой войны сменились разрывом дипломатических отношений после большевистской революции в России. Вторая мировая война снова сделала СССР и Австралию де-факто союзниками на короткое время, однако в годы холодной войны две страны оказались в противоположных соперничавших военно-политических блоках, вследствие чего в начале 1950-х гг. дипломатические связи между ними были полностью разорваны. Несмотря на некоторое «потепление» в отношениях между СССР и Австралией в 1970-х гг. в период лейбористского правительства Гофа Уитлэма в Австралии, общая атмосфера недоверия и подозрительности по-прежнему омрачала отношения, препятствуя экономическому сотрудничеству и развитию торговли между двумя странами: торговый оборот оставался на крайне низком уровне.

Распад СССР и последовавшие фундаментальные политические и экономические перемены в России открыли новые возможности для сотрудничества. Восприятие друг друга резко улучшилось. В 1997 г. в контексте политического сближения после окончания холодной войны отношение Канберры к России было сравнительно позитивным, при этом со стороны Австралии акцентировалось внимание на азиатско-тихоокеанском будущем России. Так, согласно официальному документу австралийского правительства по внешней и торговой политике, в краткосрочной перспективе внимание России, вероятно, будет преимущественно сосредоточено на западных государствах, поэтому вряд ли можно ожидать, что она превратится в Азиатско-Тихоокеанскую державу с существенным влиянием в данном регионе. Однако в среднесрочной и долгосрочной перспективе «Россия должна рассматриваться в качестве серьёзного игрока в Азиатско-Тихоокеанском бассейне»³. Более того, «когда российская экономика стабилизируется, интересы Москвы в Тихом океане будут расширяться, что может принести потенциальные выгоды для австралийской внешней торговли и инвестиций»⁴. Правительство Австралии также пообещало «побуждать Россию играть конструктивную роль в азиатско-тихоокеанской политике, осознавая, что Россия останется глобальным игроком, а развитие восточноазиатского вектора поможет ей вывести свою экономику из переходного периода. Развитие Россией долгосрочных отношений не только с США, но и с Китаем, Японией и Индией, будет иметь большое значение для безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона»⁵.

Эта позитивная оценка была закреплена в программном документе правительства Австралии по внешней политике и торговле 2003 г. Там также утверждалось, что «Россия могла бы стать более важным партнёром

² Данный вопрос неизменно представляется важным с научной точки зрения: почему в условиях сравнительно схожих исходных данных Австралия и российский Дальний Восток/Сибирь пошли совершенно разными путями социально-экономического развития и пришли к столь разным результатам?

³ In the National Interest — Australia's Foreign and Trade Policy White Paper. Commonwealth of Australia: Department of Foreign Affairs and Trade. 1997. P. 31.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

[для Австралии]. Переход от плановой экономики к рыночной, а также интеграции в мировую экономическую систему, будет сложным и постепенным процессом. Однако зависимость от внешних рынков, капитала и технологий, а также стремление вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО) будет стимулировать более активную вовлечённость России в мировую экономику. Австралия может стать для России ценным экономическим партнёром ввиду существующего в ней запроса на содействие в разработке своих огромных природных ресурсов»⁶.

В ответ Россия высоко отзывалась о российско-австралийских отношениях, пытаясь укреплять контакты с политическими элитами Австралии. Визит президента Владимира Путина в Австралию в сентябре 2007 г. и последующие встречи президента Дмитрия Медведева с премьер-министром Австралии Кевином Раддом в ноябре 2008 г. и апреле 2009 г. помогли интенсифицировать двусторонний политический диалог. Бывший посол России в Австралии Александр Блохин заявил в 2009 г., что «уровень отношений между двумя странами, достигнутый за последние три года, никогда ещё не был столь высоким»⁷.

В статье, опубликованной в *Australian Journal of International Affairs* (крупном австралийском журнале по проблемам международных отношений) в 2012 г. в честь 70-й годовщины установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Австралией, министр иностранных дел России Сергей Лавров высоко отзывался о многочисленных международных форматах и механизмах взаимодействия России и Австралии. К ним относится Смешанная Российско-Австралийская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, состоящая из рабочих групп по сотрудничеству в сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности, торговле и инвестициях, мирному атому, а также организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), форум «Азия — Европа» (*Asia — Europe Meeting, ASEM*), Региональный форум АСЕАН (АРФ) и Совещание министров обороны стран-членов АСЕАН и диалоговых партнёров («СМОА плюс»). Лавров также подчеркнул значимость развития сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), «неотъемлемой частью» которого является Россия. Таким образом, особое внимание следует уделить «органичной интеграции [...] в систему региональных экономических связей и использованию уникальных источников роста в АТР для инновационного развития национальной экономики, в основном в отношениях с Сибирью и Дальним Востоком»⁸. В контексте переориентации России на Восток утверждалось, что прогресс, которого удалось добиться в отношениях между двумя странами, «открывает вдохновляющие перспективы для достижения более высокого уровня развития российско-австралийских отношений» и создаёт «необходимые условия для дальнейшего наращивания сотрудничества между двумя странами»⁹.

Однако экономическое сотрудничество, несмотря на некоторые признаки улучшения, так по-настоящему и не началось. Оборот двусторонней

⁶ Advancing the National Interest: Australia's Foreign and Trade Policy White Paper. Commonwealth of Australia: Department of Foreign Affairs and Trade. 2003. P. 31.

⁷ Празднование Дня России в Брисбене // Единение. 2009. 6 июля. URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/203/>

⁸ Lavrov S. V. Comprehensive Strengthening of Cooperation: For the 70th Anniversary of Diplomatic Relations between the Russian Federation and Australia // *Australian Journal of International Affairs*. 2012. No. 66.5. P. 623, 624.

⁹ Ibid, p. 625.

торговли оставался очень скромным по сравнению с торговлей России и Австралии с большинством других стран АТР. Более того, достигнув исторического максимума в 2011 г. (чуть менее \$ 1,1 млрд, торговый оборот начал стремительно снижаться, упав ниже уровней последних лет холодной войны. Аналогичным образом, в сфере прямых иностранных инвестиций нестабильный повышательный тренд сменился негативной динамикой. Так, прямые российские иностранные инвестиции в Австралии, превысив \$ 1,2 млрд в 2013 г., упали до \$ 431 млн в 2014 г., а затем — до менее \$ 200 млн в 2016 г. То же можно сказать и об австралийских инвестициях в Россию, которые с 2010 до 2013 гг. выросли с \$ 50 до \$ 65 млн а затем упали до \$ 62 млн в 2014 г.¹⁰

Несмотря на довольно скромный объём инвестиций, осуществлялись некоторые значительные проекты для российского Дальнего Востока и Сибири. Основными австралийскими инвесторами в России были горнодобывающие компании, такие как BHP Billiton и Rio Tinto, тогда как главными российскими инвесторами в Австралии были компании «РУСАЛ», «Норильский никель», «Магнитогорский металлургический комбинат» (ММК), «Сбербанк» и «Внешторгбанк» (ВТБ). В 2006 г. «Норильский никель» заключил сделки с австралийскими компаниями BHP Billiton и Rio Tinto на разведку и разработку месторождений полезных ископаемых в России. Годом ранее «РУСАЛ» активно инвестировал в австралийскую горнодобывающую промышленность и приобрёл долю в компании Queensland Alumina.

Особенно примечательным событием было подписание Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях между Канберрой и Москвой 7 сентября 2007 г. Согласно данному соглашению, Россия должна была обогащать австралийский уран для использования в гражданской атомной энергетике. Эта сделка оценивалась в \$ 1 млрд, и обе стороны были в ней заинтересованы. После существенного промедления, вызванного негодованием Канберры по поводу войны между Россией и Грузией и признанием независимости Абхазии и Южной Осетии, а также внутривнутриполитическим противодействием — со стороны австралийских «зелёных» и объединённого комитета по международным соглашениям, — документ был в конце концов ратифицирован и вступил в силу в ноябре 2010 г. Однако после украинского кризиса, ввода санкций против России и запрета на въезд некоторых лиц премьер-министр Тони Эббот объявил 3 сентября 2014 г. о приостановке продаж австралийского урана России «до получения дальнейших указаний»¹¹.

В итоге зарождавшееся сотрудничество между постсоветской Россией и Австралией не выдержало испытания политикой. Австралия и Россия не воспользовались возможностями, появившимися после распада СССР, для развития прочных экономических связей, которые могли бы пережить политический кризис. Прогресс, которого двум странам удалось достигнуть с конца 1990-х до начала 2000-х гг., по сути, был све-

¹⁰ Центральный банк Российской Федерации. URL: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/dir-inv_in_country.htm; International Investments Australia 2016. The Australian Government: Department of Foreign Affairs and Trade. 2017. URL: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/international-investment-australia.pdf>

¹¹ Australia–Russia Nuclear Cooperation Agreement Frequently Asked Questions (FAQ). Australian Government: Department of Foreign Affairs and Trade. 2014. November 14. URL: <http://dfat.gov.au/geo/russia/Pages/australia-russia-nuclear-cooperation-agreement-frequently-asked-questions-faq.aspx#16>

дён на нет. Смешанная Российско-Австралийская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству приостановила свою деятельность. Тем же путём пошли и крупные российские компании, такие как «Норильский никель», которые также постепенно свернули свой бизнес в Австралии. По словам посла России в Австралии Владимира Морозова, условия ведения бизнеса в Австралии для российских компаний стали «не всегда комфортными»: «напряжённые политические отношения и санкции, безусловно, оказали негативное влияние»¹².

Хотя по-прежнему имеется заинтересованность в возможностях для сотрудничества с Россией, особенно с учётом переориентации российской внешней политики на АТР, можно утверждать, что отношения между Россией и Австралией не самодостаточны ввиду сильного влияния внешних факторов. В нынешних политических реалиях в российских усилиях по наращиванию присутствия в Азии Канберра видит скорее «угрозу», нежели «открывающиеся возможности» для Австралии¹³.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АВСТРАЛИИ

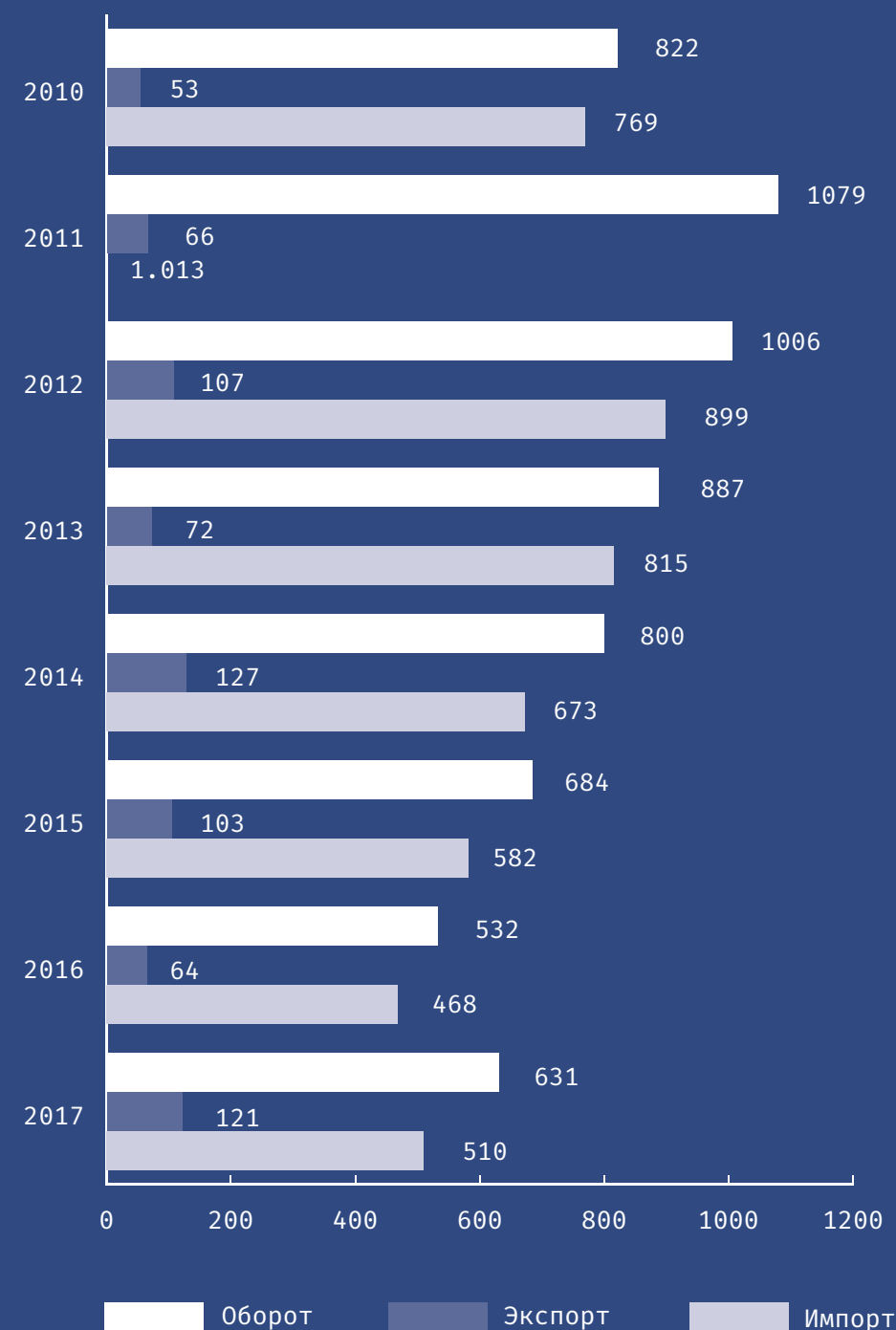
В целом сотрудничество России и Австралии переживает упадок с 2012 г. Этому есть несколько объяснений. Самый фундаментальный фактор сводится к тому, что уровень и характер сотрудничества между Россией и Австралией зависит от отношений России со странами Запада — прежде всего с США и Великобританией. Так, в XIX в. напряжённость в отношениях между Австралией и Россией возросла из-за ухудшения российско-британских отношений. Впоследствии российско-австралийские отношения улучшились вследствие сближения Москвы и Лондона. В современном мире качество взаимодействия России и Австралии в значительной степени зависит от отношений между Москвой и Вашингтоном. Другими словами, у Австралии ограниченная свобода выбора внешнеполитического курса, и её позиция по большинству вопросов международной повестки дня отражает предпочтения более влиятельных её союзников. Зависимость от США и Великобритании как основных союзников Канберры во внешней политике формирует среду, в которой развиваются отношения Австралии с Россией.

В этой связи череда событий вокруг войны России и Грузии 2008 г. и кризис на Украине 2014 г., а также всё более активная российская внешняя политика сильно подорвали перспективы российско-австралийского сотрудничества на Дальнем Востоке и в других регионах. Краеугольным камнем во внешней политике Канберры остаётся верность своим союзникам и их поддержка. Одобрение вышеупомянутой сделки по урану в австралийском парламенте затормозилось из-за реакции на войну между Россией и Грузией. Канберра выступила против признания Москвой Абхазии и Южной Осетии. В интервью Sky News тогдашний министр иностранных дел Австралии Стивен Смит подчеркнул, что, хотя Россия «крайне заинтересована в скорейшей реализации соглашения», мы также будем «учитывать состояние наших двусторонних отношений и недавние действия России

¹² Посол РФ в Австралии: мы готовы обсуждать возобновление сотрудничества // РИА Новости. 2015. 5 февраля. URL: <https://ria.ru/interview/20150205/1046028585.html>

¹³ См., например, Fortescue S. Russia's Activities and Strategies in the Asia-Pacific, and the Implications for Australia. Parliament of Australia: Department of Parliamentary Services. 2017. March 23.

Динамика внешней торговли России с Австралией, 2010–2017 гг., \$млн

Источник: ФТС РФ

в Грузии, а также Абхазии и Южной Осетии»¹⁴. Спустя два года, в марте 2010 г., австралийские официальные лица выделили 1 млн австралийских долларов на цели восстановления Грузии после «российской интервенции», тем самым усилив восприятие России как внешней угрозы.

Это мнение ещё больше укоренилось после того, как битва за более широкое международное признание Абхазии и Южной Осетии перекинулась на южную акваторию Тихого океана — регион, с которым Австралия давно поддерживает тесные экономические и политические связи. Признание независимости отколовшихся от Грузии республик такими странами, как Науру, Вануату и Тувалу вследствие «дипломатии чековой книжки», проводимой Москвой в Океании, усилило обеспокоенность Канберры по поводу угрозы, исходящей от России. Австралия обвинила Москву в том, что она оказала давление на островные страны Тихоокеанского бассейна, требуя от них признания независимости спорных территорий Южной Осетии и Абхазии в обмен на обещания десятков миллионов долларов в виде помощи. По мнению секретаря австралийского парламента по делам островных государств в федеральном парламенте Ричарда Марлса, «на самом деле мы являемся свидетелями эксплуатации самых маленьких стран мира». По словам политика, хотя Австралия не считает Тихоокеанский бассейн своей вотчиной, другие страны не должны утаивать факт оказания помощи малым странам этого региона¹⁵.

Среди других факторов, способствовавших негативному отношению австралийских политических элит к России до кризиса на Украине, стала политика Москвы в Сирии и обвинения в поддержке Башара Асада, арест российскими пограничниками австралийского активиста Колина Рассела, протестовавшего против бурения прибрежного шельфа в рамках нефтеразведки в Печорском море вместе с другими активистами «Гринпис» в сентябре 2012 г., российский закон о запрете пропаганды гомосексуализма, яро раскритикованный австралийскими «зелёными», а также растущее убеждение Канберры, что Россия становится одним из фактических соперников США. Последний фактор имеет ключевое значение, и он в полной мере проявился во время очередного конфликта на постсоветском пространстве — украинского кризиса 2014 г.

Вскоре после выхода Крыма из состава Украины министр иностранных дел Австралии Джулия Бишоп объявила о введении точечных экономических санкций, а также запрета на въезд отдельных российских лиц, которые, по мнению Канберры, виновны в посягательстве на суверенитет Украины. Выступая в палате представителей 19 марта 2014 г., Бишоп подчеркнула: «Реакция Австралии на действия России согласуется с политикой ЕС, США и Канады, которые также ввели ряд точечных санкций и запретов на въезд некоторых официальных лиц России. Эти меры были предприняты после консультаций с нашими друзьями и союзниками, в том числе США, Великобританией, Канадой и Японией»¹⁶.

¹⁴ Interview with Kieran Gilbert, Sky News AM Agenda. The Hon Stephen Smith MP: Australian Minister of Foreign Affairs and Trade. 2008. November 25. URL: https://foreignminister.gov.au/transcripts/2008/081125_sky.html

¹⁵ Flitton D. Australia Lashes Russia over Aid // The Sydney Morning Herald. 2011. October 17. URL: <https://www.smh.com.au/national/australia-lashes-russia-over-aid-20111016-1lrjv.html>

¹⁶ Commonwealth of Australia Parliamentary Debates, House of Representatives, Official Hansard No. 4. 2014. March 19. P. 2447. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Hansard

В последующие несколько месяцев Австралия существенно расширила антироссийские экономические санкции и запреты на въезд. Двусторонние отношения ещё сильнее ухудшились после того, как 17 июля 2014 г. над территорией восточной Украины был сбит малазийский «Боинг», совершавший рейс MH17 с 38 гражданами Австралии на борту. Тогдашний премьер-министр Австралии Тони Эббот, выступая в парламенте, подчеркнул, что «следовавший рейсом MH17 самолёт был сбит над территорией восточной Украины повстанцами, которых поддерживает Россия. Это была не просто трагедия, а настоящее зверство»¹⁷.

Важным фактором в позиции Австралии по отношению к России является её солидарность с Западом. Выступая перед парламентом 1 сентября 2014 г., премьер-министр Эббот заявил: «Я уведомляю палату представителей, что Австралия расширяет свои санкции против России до уровня, принятого Евросоюзом. Не будет нового экспорта вооружений, российские государственные банки не будут иметь доступа к австралийскому рынку капитала, не будет больше экспортироваться оборудование и технологии для нефтегазового сектора. Не будет больше торговли и инвестиций в Крыму, и будут введены новые точечные финансовые санкции и запрет на въезд против конкретных лиц»¹⁸.

14 ноября 2014 г. посол Австралии в России Пол Майлер подчёркивал в интервью агентству «Интерфакс»: что касается антироссийских санкций, то «мы придерживались той же логики и масштабов, что и ЕС»¹⁹. В этом же интервью Майлер, отвечая на вопрос о заинтересованности австралийских бизнесменов в сотрудничестве с российскими компаниями, отметил, что множество австралийских компаний сегодня «предпочитают инвестировать свои капиталы на других рынках, потому что чувствуют свою незащищённость с учётом всех рисков, связанных с Россией в настоящий момент. Россия действительно была хорошим рынком с большим потенциалом. Здесь огромные месторождения полезных ископаемых, огромные запасы всего необходимого, и между нами намечалось хорошее сотрудничество. Но сегодня, как мне кажется, риски, связанные с бизнесом в России, начинают накладывать ограничения на чисто коммерческое решение об инвестициях средств наших компаний»²⁰. В сентябре 2017 г. австралийское правительство расширило ранее введённые санкции, включив в санкционный список 153 физических лица и 48 компаний. Среди российских компаний, подпавших под действие санкций, «Сбербанк», «ВТБ», «Внешэкономбанк», «Газпромбанк», «Газпром нефть», «Роснефть», «Транснефть», «Оборонпром», Объединённая авиастроительная корпорация и другие.

Таким образом, глубокая вовлечённость Австралии в оборонные альянсы США, её безусловная солидарность с американскими и европейскими интересами, а также активная внешняя политика России на постсоветском пространстве и в других регионах мира, включая южную акваторию Тихого океана, являются серьёзными препятствиями для сотрудничества России и Австралии, в том числе на российском Дальнем Востоке.

¹⁷ Commonwealth of Australia Parliamentary Debates, House of Representatives, Official Hansard No. 13. 2014. August 26. P. 8549. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Hansard

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Paul Myler: We are going to see some changes in Russia's food policy by February–March // Interfax. 2014. November 14. URL: <http://www.interfax.com/interview.asp?id=550848>

²⁰ Ibid.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ АВСТРАЛИИ С РОССИЙСКИМ ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ

Сотрудничество Австралии с российским Дальним Востоком и Россией в целом сильно пострадало от внешнеполитических факторов, а также от ухудшения отношений России с США и ЕС. В контексте переориентации России на АТР у Австралии есть потенциал стать её ценным партнёром, но это будет нелёгкой задачей. Ввиду неблагоприятного политического климата между Австралией и Россией не сформировалось существенной взаимозависимости в экономике или политике. Хотя от России не исходит непосредственной угрозы (политической или военной) для Австралии, Канберра рассматривает растущее присутствие России в АТР и модернизацию российского тихоокеанского флота скорее в негативном, чем в позитивном свете.

В то же время с учётом того, что как Австралия, так и Россия являются экспортёрами энергетических ресурсов (что немаловажно, Австралия объявила о том, что планирует стать крупнейшим экспортёром сжиженного природного газа в мире), есть все основания ожидать роста конкуренции между ними за энергетические рынки Китая, Индии и других стран Азии. Это усугубляется растущей озабоченностью Австралии по поводу внешнеполитических намерений Китая, с которым у России тесные экономические, политические и стратегические связи. В этом контексте тесное сотрудничество Москвы с Пекином, вероятно, будет рассматриваться Канберрой как фактор, способствующий дальнейшему ухудшению отношений между Австралией и Россией.

Хотя экономическое сотрудничество между двумя странами на российском Дальнем Востоке вполне возможно, оно едва ли сможет стать исключением из общего правила — по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе: Австралия склонна следовать в кильватере США и Евросоюза при выстраивании отношений с Россией. Вот почему возможное улучшение отношений России с США или ЕС вполне может способствовать укреплению российско-австралийских связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УГЛУБЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕЙ ТОРГОВЛИ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Особый интерес для австралийских инвесторов представляет горнодобывающая промышленность российского Дальнего Востока и Сибири. Австралия осознаёт, что Россия является крупнейшим производителем минерального сырья в мире. Это прежде всего бокситы, уголь, медь, алмазы, золото, железная руда, а также свинец, никель, калий, серебро, уран и другие полезные ископаемые. Ввиду низкого обменного курса рубля добыча угля в России может значительно вырасти, если российские горнодобывающие компании начнут разрабатывать новые месторождения. Основными горнодобывающими регионами России являются Дальний Восток, Восточная Сибирь и Кольский полуостров. Многие из этих месторождений не разрабатываются, поскольку требуют современных технологий и инвестиций. Эта отрасль открывает возможности для сотрудничества России и Австралии.

В силу огромных территорий и других географических особенностей России, российские компании заинтересованы в оптимизации операционных издержек и повышении эффективности проектов разработки месторождений. Поскольку горнодобывающая отрасль России стремится к сотрудничеству с иностранными компаниями для получения доступа к новым технологиям и продуктам, у австралийских экспортёров появляются новые возможности.

Согласно данным Австралийской комиссии по торговле и инвестициям, главные возможности для австралийских горнодобывающих компаний на российском Дальнем Востоке могут лежать в тех областях, где у австралийских поставщиков имеется конкурентное преимущество. К ним относится картография, воздушная съёмка, разведка залежей, услуги поисково-разведочного бурения, услуги управления проектированием, материально-техническим снабжением и строительством для горнодобывающих проектов с уровнем добычи от одного до пяти миллионов тонн руды в год. Стоит также упомянуть консалтинговые услуги по оптимизации горнорудных работ, услуги обучения горнорудному делу; оборудование и технологии для обогащения руды; услуги по технологическому обслуживанию и ремонту горнодобывающего оборудования. У Австралии также имеются продвинутые возможности по анализу геологических данных и моделированию данных, развитые информационные технологии. Она может предложить консалтинговые услуги в области инженерно-технических работ, управления проектами, услуги обеспечения безопасности шахт, аудита шахт и экологическое сопровождение, услуги переработки и просеивания руды, геотехнические и строительные услуги²¹. Австралийские компании, поставляющие горнодобывающее оборудование, технологии и услуги, хорошо зарекомендовали себя в российской горнорудной промышленности, что открывает многочисленные возможности для сотрудничества.

На конференции «МАЙНЕКС Дальний Восток 2017», которая прошла в российском Магадане 5–6 июля 2017 г., почётный консул и торговый представитель Австралии на Дальнем Востоке России Владимир Горохов подчеркнул, что Австралийская комиссия по торговле и инвестициям видит большой потенциал в развитии сотрудничества между российскими и австралийскими компаниями на российском Дальнем Востоке²². Одним из последних примеров успешного сотрудничества в регионе является совместная разработка австралийской угольной компанией Tigers Realm Coal и её российским партнёром в лице «Северо-Тихоокеанской угольной компании» месторождения коксового угля «Амаам» в Чукотском автономном округе. Компания Tigers Realm Coal — резидент территории опережающего социально-экономического развития «Беринговский». Добываемый уголь экспортируется в Китай, Японию и Южную Корею²³.

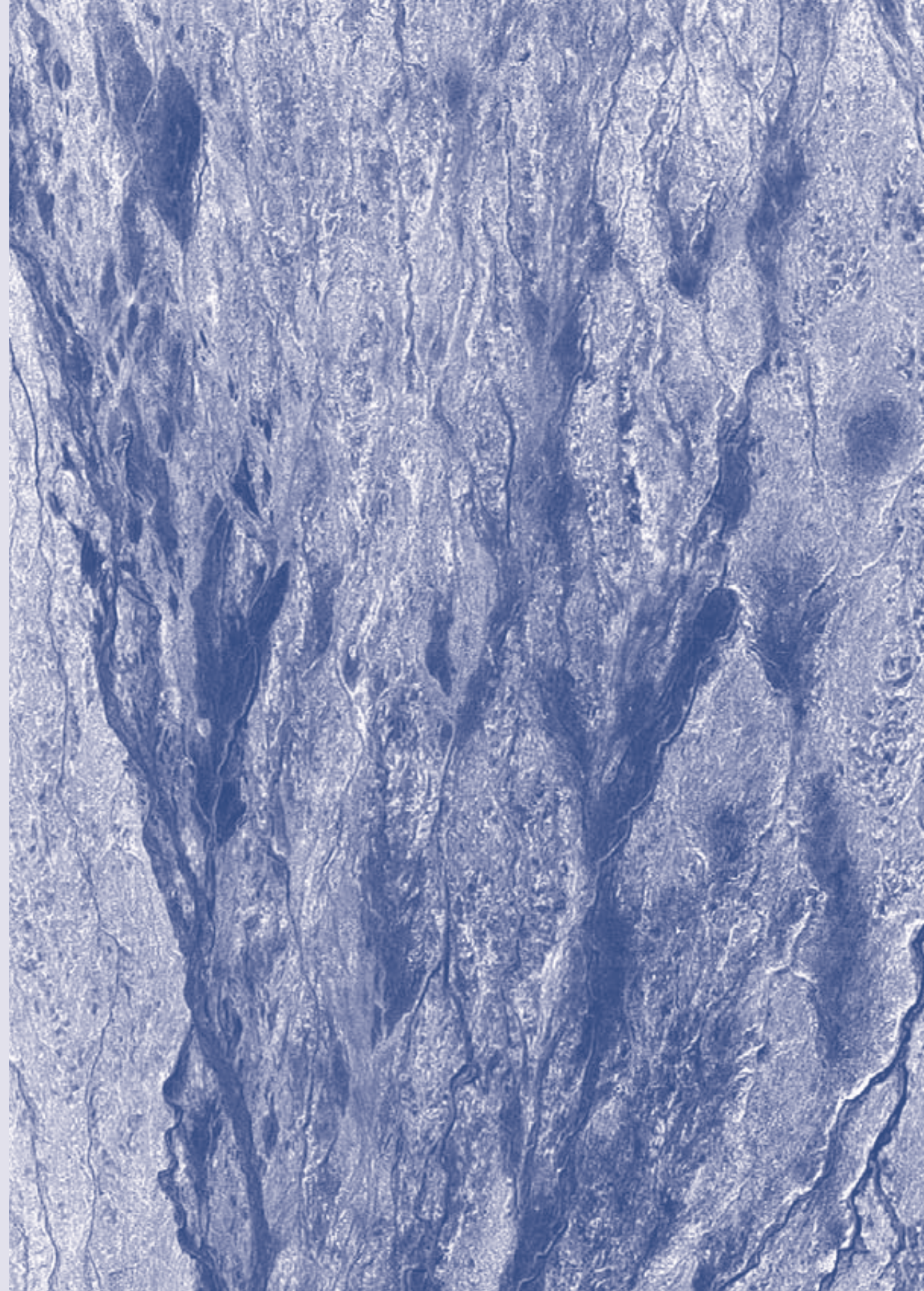
В то же время действующий санкционный режим предписывает австралийским компаниям, ведущим бизнес в России, регистрироваться в онлайн-системе управления санкциями министерства иностранных дел и торговли и подавать официальный запрос на получение санкционного разрешения²⁴. Другими словами, нынешнее состояние российско-австралийских политических отношений является препятствием для прогрессивного развития экономических связей.

²¹ Mining to Russia: Trends and Opportunities. Australian Government: Australian Trade and Investment Commission. URL: <https://www.austrade.gov.au/australian/export/export-markets/countries/russia/industries/Mining>

²² Австралийские бизнесмены изучат инвестиционные возможности Магаданской области // Колыма.Ru. 2017. 5 июля. URL: <http://www.kolyma.ru/index.php?newsid=68463>

²³ Bering Coal Basin: Amaam and Amaam North, Chukotka, Far East Russia. Tigers Realm Coal. URL: <http://www.tigersrealmcoal.com/projects/>

²⁴ Market profile — Russia. Australian Government: Australian Trade and Investment Commission. URL: <https://www.austrade.gov.au/Australian/Export/Export-markets/Countries/Russia/Market-profile>

Руководитель авторского
коллектива и ответственный
редактор:

С.А. Караганов
почётный председатель
Президиума Совета по внешней
и оборонной политике

Т.В. Бордачёв
научный руководитель
Центра комплексных
европейских и международных
исследований НИУ ВШЭ

Члены авторского
коллектива:

О.Н. Барабанов
профессор МГИМО МИД России
(автор названия серии
«К Великому океану»)

А.А. Безбородов
директор исследовательского
агентства InfraNews

Т.В. Бордачёв
директор Центра комплексных
европейских и международных
исследований НИУ ВШЭ

А.В. Казакова
стажёр-исследователь
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

А.Б. Лихачёва
научный сотрудник
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

А.В. Лукин
директор Центра исследований
Восточной Азии и Шанхайской
организации сотрудничества
МГИМО МИД России, руководитель
департамента международных
отношений НИУ ВШЭ

И.А. Макаров
старший научный сотрудник
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

А.С. Пятачкова
научный сотрудник
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

А.С. Скриба
научный сотрудник
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

А.К. Соколова
стажёр-исследователь
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

Д.В. Суслов
заместитель директора
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ

И.Н. Тимофеев
программный директор
Международного
дискуссионного
клуба «Валдай», директор
программ Российского совета
по международным делам

Часть четвёртая

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ: ПОВОРОТ НА ВОСТОК. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Обращение Председателя Совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Андрей Быстрицкий

ТЕЧЕНИЕ БУДУЩЕГО

Как многие полагают, русская душа есть, прежде всего, душа мятущаяся, разрывающаяся между Западом и Востоком. А Россия, соответственно, некий такой мост из какой-то «настоящей» Европы в «настоящую» Азию. И получается, при таком взгляде на действительность, что вся история России — в её географии, что при всей громадности её территорий — это всё равно какое-то пространство «между».

Дискуссии на эту тему ведутся давно, хотя трудно отметить какую-то точную дату их начала: с момента появления Рюриковичей? С Крещения Руси? Или всё же после Мамаева побоища? Так или иначе, но уже в позапрошлом, XIX веке тема определения «европейскости» или «азиатскости» России была одной из ключевых в российском политическом и философском дискурсе. Строго говоря, целое умственное течение, хотя и крайне противоречивое, родилось из указанной полемики — евразийство. Причём, что интересно, оно существует до сих пор и даже развивается. А в последнее время обрело даже совершенно практическое измерение: а всё же как будет в самом деле развиваться Евразия, частью которой является Россия?

Впрочем, говоря о развитии Евразии, стоит остановиться на понимании структуры её субъектов развития. Дело в том, что громадный евразийский материк, самый большой из всех материков — 36% всей суши и примерно 75% всего населения планеты, конечно же не един. Есть Западная Европа, есть Индостан, есть Китай, есть взволнованный Ближний Восток, повторю: материк велик, но в середине этого материка находится громадная территория, протянувшаяся с запада на восток и с севера на юг на тысячи и тысячи километров. Эту территорию можно назвать Центральной Евразией. Точных границ у неё нет, но многие страны или целиком лежат внутри Центральной Евразии, или в значительной степени принадлежат ей. Россия — одна из ключевых стран региона, можно сказать, образующая его, хотя и выходящая далеко за его пределы.

До самого недавнего времени евразийский материк развивался, если можно так выразиться, через окраинные, прибрежные субъекты: то это был Ближний Восток, а затем бассейн Средиземного моря, то это был Китай, то локомотивом становилась Западная Европа. Но при всём этом в известное время процветания Средней Азии то, что можно назвать Центральной Евразией, никогда не было источником развития, создающей цивилизацией.

Конечно, было бы обидным упрощением сводить историю региона к роли моста, но все же, как ни крути, Великий шёлковый путь — лишь путь, дорога от одной территории к другой. Путь, по которому везут товары, сделанные где-то в ином месте. Причём, что характерно: когда

торговля между Китаем и Западной Европой, к примеру, хирела, то и дорога между ними покрывалась колдобинами.

Но вернёмся к России. Как минимум около 400 лет она стремилась превратить «путь» в «территорию», в оседлую созидующую цивилизацию. Частично это делалось сознательно, частично бессознательно, но, так или иначе, в период расцвета Российской империи она, собственно, и строила эту пресловутую Центральную Евразию или её значительную часть — в зависимости от того, как понимать географию этого региона.

И евразийские споры, и разговоры о «мятущейся душе» в значительной степени с этим связаны. Существенная часть классической русской литературы посвящена дискуссии о том, есть ли какая-то особенная евразийская идентичность? Может или не может Россия породить не просто национальную культуру, а особую евразийскую цивилизацию? Может ли вообще такая цивилизация существовать? Кто, помимо России, может участвовать в её образовании? Станет ли упомянутая Евразия вкупе с Россией новым центром мира? Каковы должны быть отношения крупнейших стран — России и Китая? И так далее и тому подобное. В общем, вопросов много, а ответов — ещё больше.

Но, что важнее, все они весьма актуальны и сегодня. Новые технологии, сравнительно длительный мирный период, отсутствие серьёзных конфликтов внутри Центральноевразийского региона привели к тому, что появился серьёзный шанс на развитие. Питательный бульон закипает, впору помещать в него необходимые ингредиенты.

И потому для стран региона, прежде всего для России и Китая, наступает момент истины, момент не просто принятия решений — основные принципиально уже приняты, решено регион развивать, — а принятия конкретных решений. Как известно, дьявол кроется в деталях.

Деталей этих немало. Они касаются очень многих аспектов практического сотрудничества ключевых игроков центральноевразийского проекта и, прежде всего, — соотношения политических и сугубо экономических вопросов. Дело в том, что в каком-то смысле евразийская история совпадает по интенциям с транстихоокеанским и трансатлантическим проектами, столь обсуждаемыми сегодня. Все они решают вопрос развития в условиях множественности национальных юрисдикций и международной, вселенской природы современного бизнеса. Как будет выглядеть регулирование в больших, многогосударственных регионах, кто станет его осуществлять и на каких условиях, какова роль национальных правительств?

Споры об этом имеют сегодня совершенно практический характер. И Россия, хочет она того или нет, должна отвечать и на приведённые выше, и на множество иных вопросов.

Но развитие Евразии, особенно её центральной части, для России играет ключевую роль. Освоение пространств между Уралом и Тихим океаном, их экономический рост — залог успеха России в целом. Поэтому упомянутые «метания» сегодня имеют совершенно практический смысл — как сверстать стратегию развития и самой России, и Евразии в целом. Течение будущего навстречу нам неотвратимо, и отвечать на вызовы необходимо.

Осмысление этих вызовов, понимание природы происходящего и являются интеллектуальной задачей, стоящей перед Международным дискуссионным клубом «Валдай».

Взгляд из 2019 года

Сергей Караганов

По самому названию доклад подводил и описывал итоги уже «почти состоявшегося» (формулировка из доклада, выпущенного в середине 2016 года) поворота России на Восток. Теперь, через три года, уже можно констатировать, что он мощно идёт и приобрёл необходимую позитивную энергию. Быстро расширяется уже сформировавшийся, как отмечается в докладе, «круг единомышленников», активно продвигающих поворот. Сопротивление ему в российском правящем классе тает на глазах. Ослабевают и позиции тех в мире, кто его не хотел, был скептически настроен к нему, постоянно преуменьшал его значение. В докладе перечисляются первые Территории опережающего развития (ТОРы). Теперь их вдвое больше и почти все они заработали.

Но в докладе ставится много нерешённых вопросов, некоторые из которых остаются до сих пор. Вновь и вновь мы утверждаем, что искусственное разделение в государственной политике Центральной Сибири и Дальнего Востока невыгодно, если не вредно. Оно отделяет Дальний Восток от гораздо более населённого и развитого в промышленном отношении региона, при этом исторически и экономически развивавшегося в едином комплексе Сибири. Мы возвращаемся к нашим краеугольным концепциям «проекта Сибирь».

Немало внимания уделяется и геополитике, и геоэкономике. В Азии нарастает разрыв между высоким уровнем экономического взаимодействия и вакуумом в области многостороннего регулирования и экономических связей и безопасности. И это при том, что противоречия существуют и порой нарастают. И их пытаются раздуть общеизвестные силы, не заинтересованные в политической и экономической консолидации Евразии. Последний пример — Индотихоокеанская концепция, нацеленная на создание именно таких трений. Во время написания доклада таким проектом было Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), целью которого была попытка изолировать Китай. ТТП успешно провалилось. На смену ему пришёл вялый интеграционный режим тех же стран без США. Но буксует и запущенный АСЕАН и подхваченный Китаем проект Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства (РВЭП). На смену ему Пекин стал продвигать Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП). Концепция, безусловно, потенциально мощная и позитивная, но в институциональном плане (кроме финансового, что естественно важно) пока не очевидная.

В докладе выдвигается идея движения к созданию сообщества развития сотрудничества и безопасности в Евразии, включая, естественно, Европу — в том числе и для того, чтобы конструктивно «покрыть» и компенсировать провал идеи общеевропейской безопасности. В качестве первого шага предлагается запуск экспортно-политического взаимодействия, позже политической конференции с возможным созданием общеевразийских институтов. Это проект, если он осуществится, на 10–15 лет.

В докладе мы с удовольствием констатировали успех сопряжения Евразийского союза с китайской инициативой «Один пояс, один путь». Мы обосновывали такую необходимость, но сам, весьма удачный, термин был предложен нашим МИД. Оглядываясь назад, видим, что сопряжение оказалось крайне удачной идеей: получилось избежать казавшейся вероятной возможности соперничества России и КНР в Центральной Азии. Но мы только

в начале пути. Дальше — «сопряжение» «Одного пояса, одного пути», ШОС, ЕАЭС и ЕС. Уже сейчас начинает прорисовываться возможность создания — опять же лет через десять — общеевразийской зоны свободной торговли.

Страх и по поводу заполнения всех стран китайскими товарами будет уходить в прошлое. Китайская рабочая сила дорожает. А выгоды от трансконтинентального рынка — всё более очевидны, особенно в условиях запущенной, в первую очередь США, фрагментации мировой торговой системы. Евразия или большая её часть может стать суперостровом регулируемого либерального торгового порядка.

В докладе ещё не делается вывода о движении мира к двум, будем надеяться, мировым полюсам: Большой Евразии и Америки-плюс, включающей в себя обновлённую Североамериканскую зону свободной торговли, часть Латинской Америки и Европы. Этот прогноз появится через полтора года после публикации доклада. Но прогноз делает многие его положения ещё более актуальными.

В докладе вновь и вновь мы обращаемся к необходимости институционального и функционального развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), призванной и потенциально способной стать институциональным хребтом нарождающегося Большого евразийского сообщества (теперь в официальных документах и заявлениях оно называется партнёрством). Но приходится констатировать, что после расширения на Индию и Пакистан ШОС во многом «застыла». И не столько из-за привнесения в организацию индо-пакистанских противоречий, сколько из-за отсутствия политической воли её ведущих стран — Китая и России. Принципиально преодолено изначальное несогласие, заложенное в организации, когда Китай стремился сделать её преимущественно экономической, а Россия упирала на проблемы безопасности. Каждая сторона стремилась использовать свои конкурентные преимущества. Сейчас это несогласие преодолено. ШОС признана как организация, призванная координировать сотрудничество по самому широкому кругу проблем. Но дальше дело не идёт. Развитие ШОС — одна из насущных задач на будущее. У неё значительный пока нереализованный потенциал, в том числе и в рамках «сопряжения» двух концепций развития Евразии — китайского «Пояса и пути» и российского Большого евразийского партнёрства. Это «сопряжение» произошло в 2019 г., когда лидеры России и Китая согласились в ряде заявлений, что это две совпадающие и взаимодополняющие друг друга концепции.

Введение

Сегодня поворот России к Азии уже почти состоялся. Вопрос в том, насколько он будет глубоким и успешным и каковы его конкретные направления и наполнение, выгоды и издержки. Этот поворот включает в себя три важнейшие составляющие, речь о которых последовательно шла в трёх докладах Клуба «Валдай», опубликованных в 2012–2015 годах. Отдельные положения и идеи, высказанные авторами этих докладов, стали частью российской государственной политики, привели к принятию вполне конкретных политических решений. Первый из этих докладов, «К Великому океану, или Новая глобализация России», указывал на новые возможности, которые открываются перед Россией и, что наиболее важно, российским Зауральем в связи с ускоренным развитием стран Азии, и призывал воспользоваться этими возможностями. Второй доклад, «К Великому океану, или Российский рынок к Азии», изучал конкретные возможности такого сотрудничества, предлагал новые организационные формы для его успешной реализации. Третий доклад, «К Великому океану–3. Экономический пояс Шёлкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств» был нацелен на построение новой системы международного взаимодействия в большом евразийском регионе, изучал возможности практического сотрудничества, сопряжения между евразийской интеграцией и китайской инициативой Экономического пояса Шёлкового пути.

Во всех трёх случаях усилия авторских коллективов, а в работе над докладами приняли участие десятки специалистов, направлены на выработку рекомендаций, имеющих двойное назначение: формировать благоприятные внешние условия для развития России, её присутствия в Азии и Евразии, а также содействовать региональным торгово-экономическим связям регионов Сибири и Дальнего Востока. При этом вторая цель всегда была для нас не менее важной, чем первая. Если не самой важной. Совершенно очевидно, что развитие Сибири и Дальнего Востока возможно через массированное привлечение иностранных инвестиций из ведущих стран Азии и Европы. И, конечно, — через предоставление максимальной свободы местной деловой инициативе.

Из-за изменений на глобальных рынках у Сибири и Дальнего Востока появились сильные конкурентные преимущества. В первую очередь, речь идёт о производстве водоёмких товаров — продовольствия, целлюлозы, химволокна для азиатских рынков, почти повсеместно испытывающих дефицит водных ресурсов для промышленных, сельскохозяйственных целей и личного потребления. Ещё одно конкурентное преимущество — возможность производить энергоёмкие товары. Даже использование холода при творческом подходе может оказаться преимуществом, например для хранения информации.

Эти и другие отрасли опираются на высокие технологии и тянут за собой их развитие. Многие эксперты, писавшие о подъёме Сибири и Дальнего Востока, указывали на необходимость развития в регионе инноваций и призывали к «новой индустриализации». Но нужно понимать, что в Азии уже произошёл индустриальный подъём. Поэтому главным вопросом становится не само по себе создание научно-промышленных кластеров вокруг Новосибирска, Томска, Красноярска, Комсомольска-на-Амуре, а их таргетирование — определение целевых рынков и опора на специфику.

Для продвижения этого вопроса были проведены исследования, десятки ситуационных анализов, написаны статьи и доклады. Приходилось преодолевать серьёзные трудности и ставить вопросы ребром — и для

себя, и для общества. Увеличивавшаяся с каждым годом рабочая группа занялась изучением основных экономических явлений в Азии. И был сформулирован крайне важный вывод: поднявшиеся на глобальном экспорте Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия быстро переориентируют товарные, инвестиционные и финансовые потоки на внутриазиатские рынки. Происходит переход от модели «Азия для мира» к модели «Азия для Азии». Этот сдвиг имеет важные экономические и геополитические последствия, которые ещё предстоит оценить. Но одно было очевидно уже несколько лет назад: вероятный сдвиг Китая на запад, в сторону Центральной Азии, Европы, а значит и России. Сейчас этот сдвиг принял форму концепции и плана Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП).

Исследование логистической составляющей российского поворота к Азии показало, что традиционные транспортные артерии не отвечают потребностям развития российского Зауралья в новых условиях. Они не позволяли преодолеть «континентальное проклятие» — удалённость от рынков Центральной Сибири, одного из самых развитых и в промышленном отношении, и с точки зрения качества человеческого капитала регионов страны. Планы по наращиванию потенциала переброски товаров от Тихого океана в Европу и обратно также были во многом устаревшими и не соответствующими потребностям рынка. Выявлено также, что основной слабостью инфраструктурной сети зауральской России стало почти полное отсутствие вертикальной, меридиональной составляющей: железных, шоссейных дорог, связывающих Сибирь и Дальний Восток с огромными рынками Китая, а потенциально — Ирана, Индии, Пакистана.

Формирование логистической стратегии, нового транспортного каркаса Сибири и Дальнего Востока на основе анализа других факторов геоэкономики и геополитики Азии позволили сделать вывод о вероятности и желательности создания нового региона развития — Центральной Евразии. Его основой должно было бы стать взаимодействие Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и планов, заложенных в китайской концепции ЭПШП. А оттуда — один шаг до обоснования в совместной работе с китайскими и казахскими коллегами, экспертами из других стран возможности и необходимости сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Помимо экономической повестки, от России требуется проведение активной тихоокеанской политики, направленной на содействие в урегулировании кризисов. И при нарастании в регионе конкурентной борьбы, и при активизации там духа сотрудничества России необходимо принимать активное участие в определении повестки дня и в работе нового центра мира, куда будут смещаться экономические, политические и военно-стратегические процессы из Атлантики, которая была таким центром на протяжении нескольких последних столетий.

Российский экономический поворот на Восток был ускорен обострившимся с 2013–2014 годов противостоянием с Западом. Теперь это уже не просто прагматичный шаг экономической политики. Он приобретает геополитические и даже цивилизационные черты. При этом с самого начала в наших работах мы пытались подчеркнуть, что для России выбор или Европы, или Азии не просто невыгоден, но потенциально опасен. Россия, оставаясь страной европейской цивилизации, движется к естественному для неё в новом мире состоянию великой евразийской атлантотихоокеанской державы.

Целесообразно и дальше прикладывать усилия по активному формированию сообщества Большой Евразии — нового экономического и политического пространства, открытого для сотрудничества

со всеми. Оно должно также включать и западноевропейскую часть континента. Тем более что такое включение в итоге крайне выгодно и Европе, вошедшей в период кризиса и приспособления к новым реалиям. Сама идея создания Сообщества Большой Евразии зиждется на оценках долгосрочных тенденций мирового развития, среди которых: частичное ослабление и ответное контрнаступление Запада; усиление Китая, Индии, Ирана; возможность развития стран, находящихся между ними; привлечение к новому центру развития Южной Кореи, Японии, стран Европы. Она предлагает Китаю — самой сильной стране макрорегиона — удобное место экономического лидера, но не политического гегемона, против которого неизбежно организовывались бы другие державы.

С точки зрения долгосрочных отношений России и Китая нам нужна большая определённости. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, усиление роли ШОС в региональных делах, взаимовыгодное экономическое сотрудничество и политическое партнёрство — всё это становится реальностью на наших глазах. Теперь важно закрепить успех и задать новый темп его устойчивому развитию.

Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион в XXI веке

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»

Поворот на Восток — давно назревшая необходимость в российской внешней и внутренней политике. Отдельные шаги по активизации этого направления наблюдались уже в 1990-х годах. Тогда начали осуществляться первые попытки не только установить двусторонние отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), но и закрепить их в многосторонних форматах — АТЭС и асеаноцентричных структурах. Однако несистемность подобных шагов и экономическая ситуация в России в тот период не позволили эффективно выстраивать стратегию взаимодействия на пространстве АТР. Страна была тесно связана с Европой, провозглашала свою однозначно европейскую ориентацию, и её элита мало интересовалась Азией. В последние годы важную роль в активизации поворота на Восток сыграла ползучая деградация отношений со странами Запада, очевидная бесперспективность и бессмысленность попыток втиснуть Россию в Европу.

Азиатским странам сотрудничество с Россией виделось во многом лишь как торговля природными ресурсами. В международно-политическом плане регион был стабилен, и большинство стран динамично развивались. Со временем эти представления менялись, и страны АТР стали ожидать от России большей роли, в частности в вопросах безопасности. Важным шагом стали шестисторонние переговоры по северокорейской ядерной проблеме, присоединение к Восточноазиатскому саммиту (ВАС) и активизация работы в рамках АТЭС. Однако вплоть до конца прошлого десятилетия политика России в Азии носила фрагментарный характер и не имела за собой целостной стратегии. Появление такой стратегии на рубеже 2010-х годов, пусть даже на уровне общей философии и устремлений, принципиально отличает нынешнюю политику России в Азии от предшествовавших периодов. Эта политика несовершенна, о чём речь пойдёт ниже, но она существует как целостность; в российской элите сформировался круг единомышленников, активно продвигающих «поворот».

Важную роль играет «запрос на Россию» со стороны стран Азии. Он формировался в последние 5–7 лет на фоне ухудшения международно-политической ситуации в АТР. Особенно важную роль здесь играют американо-китайские противоречия и стремление малых и средних государств Азии к преодолению односторонней ориентации либо на Китай, либо на США, их попытки сбалансировать нарастающее китайское могущество. Россия в этом отношении уникальна: она дружелюбна Китаю, и сотрудничество с Москвой не воспринимается как угроза китайским интересам. В числе экономических запросов можно назвать транзитный потенциал России, возможности её участия в борьбе с глобальными и региональными вызовами: поставки энергоресурсов и вклад в продовольственную безопасность в Азии, инвестиционный потенциал «последнего фронта Евразии» — Сибири и Дальнего Востока.

Благоприятно для расширения российского присутствия и сохранения так называемого азиатского парадокса: наращивание экономических обменов, рост экономик (в 2000–2013 годах темпы роста ВВП стран АСЕАН+3 и Индии, составляющих основу АТР, были на уровне 6,7%, а стран Евросоюза и США — 0,9% и 1,9%) и заключение дополнительных

соглашений о сотрудничестве в экономической сфере не приводят к улучшению ситуации в сфере безопасности. Велико взаимное недоверие, продолжается гонка вооружений. Четыре ведущие азиатские державы — Китай, Индия, Япония и Республика Корея — в 2014 году обеспечили в совокупности около 20% мировых военных расходов. Более половины из них приходилось на Китай, военные расходы которого достигли \$216 млрд в текущих ценах. Усиление военной составляющей объясняется периодической эскалацией напряжённости по поводу территориальных споров, северокорейской ядерной проблемой, ростом нетрадиционных угроз безопасности.

Несбалансированность региональной архитектуры безопасности в АТР всё больше противоречит экономической регионализации и усилению хозяйственных связей между странами. Существующие в АТР военные союзы настроены на конфронтацию и сдерживание и не включают в себя новые центры силы. При этом новые центры силы, в первую очередь Китай, всё более активно настаивают на реформе системы безопасности и международного экономического управления. Встаёт вопрос о создании в регионе универсальной организации международной безопасности для Азии и АТР, формировании открытой для Европы мягкой системы сотрудничества и безопасности в Евразии, которая позволит уменьшить опасения соседей в отношении Китая и пригасить их сопротивление мирной китайской экономической экспансии.

Потенциал углубления интеграции, в первую очередь в рамках АСЕАН, и наращивания между её участниками политического сотрудничества во многом исчерпан. В Азии нет универсальных институтов международной безопасности, аналогичных объединяющей большинство европейских стран ОБСЕ. При этом работа таких институтов именно в Азии может стать более эффективной, чем в Европе. Связано это с тем, что в АТР нет таких военных и экономических блоков, как НАТО и Евросоюз. Именно единая позиция участников этих блоков, их стремление и способность в силу численного преобладания подавить остальных ведут к параличу работы ОБСЕ или Совета Европы по принципиальным вопросам. Возможно, стоит вернуться к инициативе Хельсинкского процесса для Азии или Евразии, уже обсуждавшейся на экспертном уровне. Например, Форума по развитию, сотрудничеству и безопасности в Евразии. Такой формат, возможно, мог бы помочь решить — в более широких рамках — проваленную проблему европейской безопасности.

Отдельную роль в политическом и экономическом развитии региона сыграет и созданное в 2015 году Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), включающее США и ряд крупных региональных экономик. Данная инициатива направлена на создание, по сути, новых правил игры в сфере международной торговли и инвестиций, которые должны будут постепенно вытеснять ВТО. Эта инициатива является вызовом для России (в меньшей степени) и таких ведущих держав региона, как Китай (в наибольшей степени), Индия и Республика Корея. Отдельные страны АСЕАН (Вьетнам, Сингапур, Малайзия, Индонезия) сделали выбор в пользу вступления в ТТП, а другие (Лаос, Камбоджа) остались за его пределами. Китай стоит перед трудным выбором. Он должен либо присоединяться к ТТП на основе уже созданных без его участия правил (пусть и несколько доработанных, но без отказа от принципиальных условий, например запрета на требование локализации технологий), либо строить альтернативные институты экономического управления. Эта разделённость, как и нарастание напряжённости, во многом искусственно подкачиваемое, также объективно повышает у региональ-

ных игроков среднего размера заинтересованность в вовлечении России, приобретении ею роли «позитивного балансира».

За последние два-три года удалось серьёзно увеличить присутствие Азии в российской внешнеполитической повестке. Визиты в Азию представителей российского руководства и азиатских лидеров в Россию заметно участились. При этом системное политическое взаимодействие с восточными партнёрами все ещё развивается неравномерно. Если проанализировать статистику по российским инициативам в АТЭС, то становится очевидно, что за несколько лет до саммита во Владивостоке наблюдался их устойчивый рост, а после проведения саммита их количество резко пошло на убыль. Внезапно отменялись встречи руководства страны с видными азиатскими предпринимателями — потенциальными инвесторами. Пропуск саммитов рассматривается азиатскими странами в силу специфики политической культуры как сигнал того, что Россия не рассматривает эти площадки в качестве приоритетного направления сотрудничества.

Посещение саммитов АТЭС, ВАС, азиатских стран на высоком уровне также носит нерегулярный характер. Так, на саммите АТЭС в 2015 году не присутствовал Президент России — вместо него выступал председатель правительства. Россия несколько лет добивалась вступления в Восточно-азиатское экономическое сотрудничество, но уровень присутствия на встречах ВАС был повышен до уровня главы правительства только в 2014 году. Отчасти это связано с тем, что восточное направление не несёт в себе угроз, сопоставимых с западным. Да и вообще не несёт угроз. И поэтому оно требует меньшего внимания на самом высоком уровне. Но если на Западе Россия отражает угрозы, то на Востоке должна использовать возможности. А для этого нужно не меньше усилий. Необходимо сделать участие высоких российских представителей во встречах международных форматов в Азии системой.

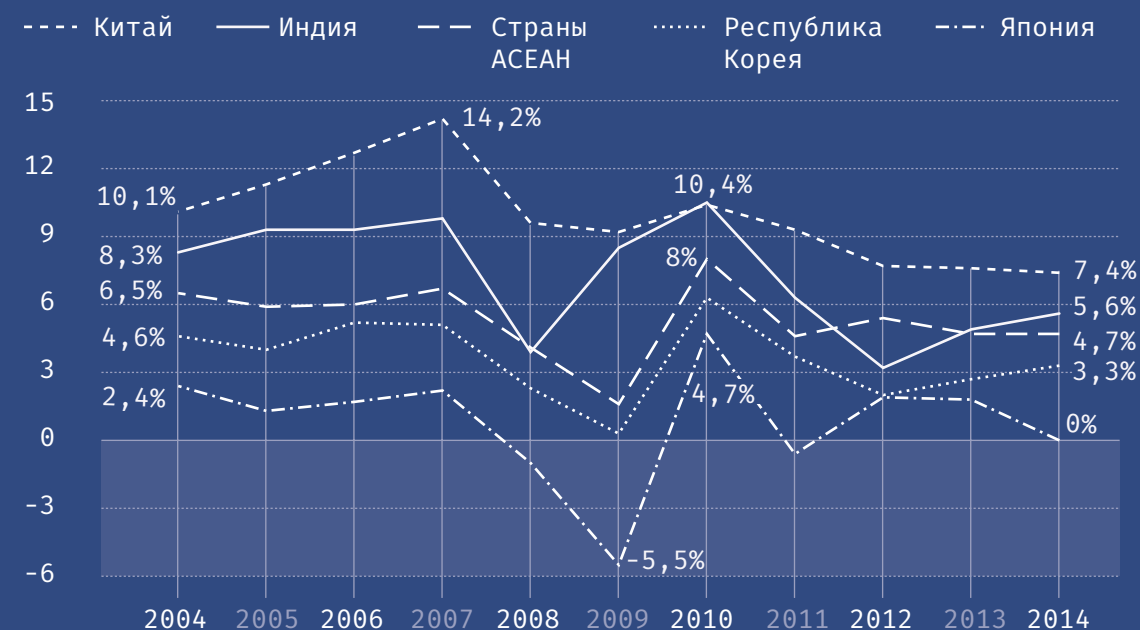
РОССИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕЛАХ

Важнейшим фактором, формирующим будущее Азии и АТР, является американо-китайская геостратегическая конкуренция. Она приняла в последние годы глубокий характер, и эффективность российской политики будет зависеть от того, как будут складываться её отношения с этими партнёрами. На примере Японии, многих европейских стран можно наблюдать, что американские союзники часто не могут проявлять самостоятельность при выстраивании внешнеполитического курса.

Осложнение российско-американских отношений может негативно сказаться на сотрудничестве со странами-союзниками США в АТР. У малых и средних государств АТР есть опасения, что российско-американская напряжённость будет экстраполирована на отношения в Азии. Кроме того, учитывая тесные экономические связи между КНР и США, российско-китайское взаимодействие также может столкнуться с определёнными сложностями (даже сейчас поступает информация о том, что многие китайские банки, испытывая давление со стороны США, не включаются во взаимодействие с Россией).

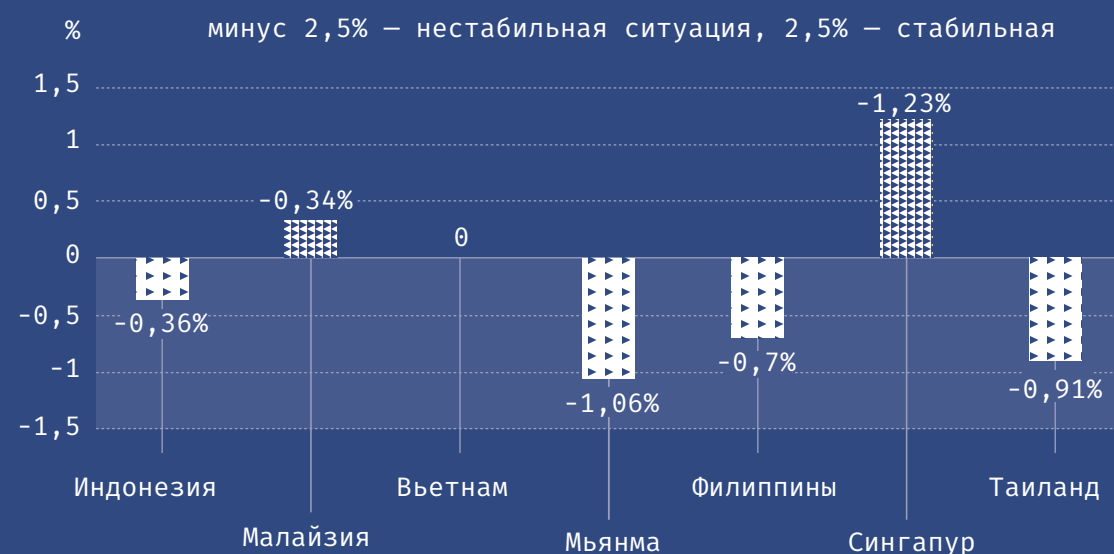
Результаты работы над выстраиванием отношений нового типа между КНР и США пока сложно характеризовать однозначно. С одной стороны, сохраняется конструктивная риторика, нацеленная на развитие сотрудничества. С другой стороны — наблюдается столкновение интересов, хотя пока не в прямом, а в опосредованном формате. США

Темпы прироста ВВП в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

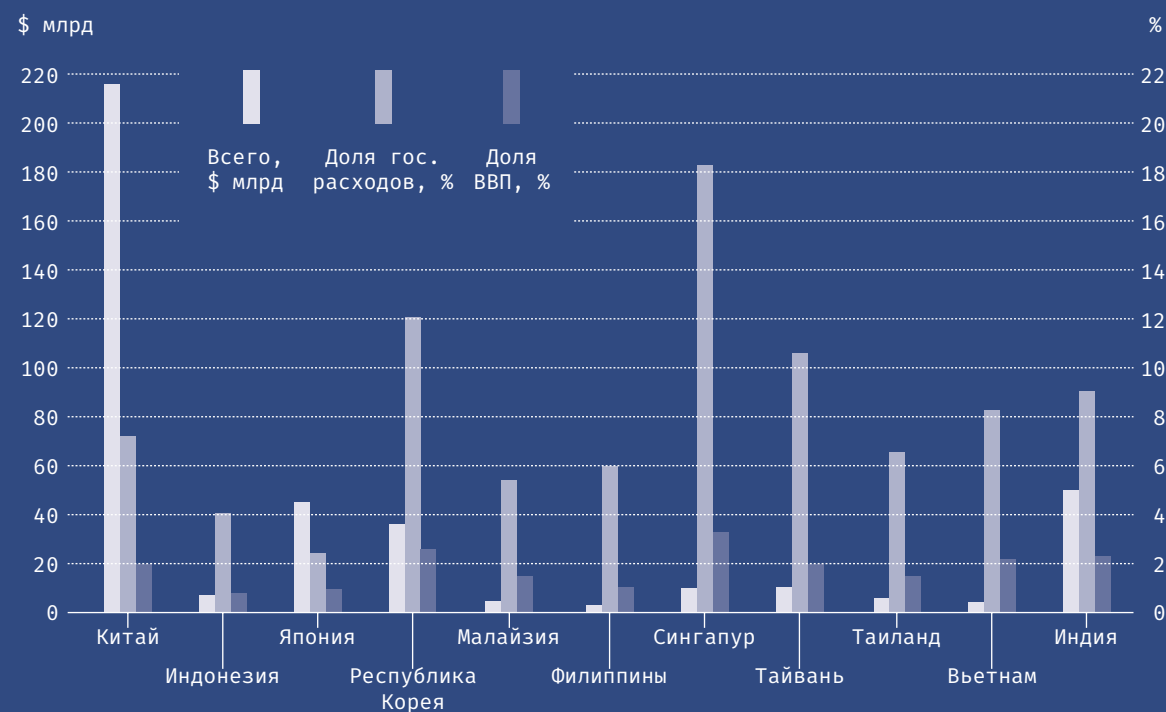
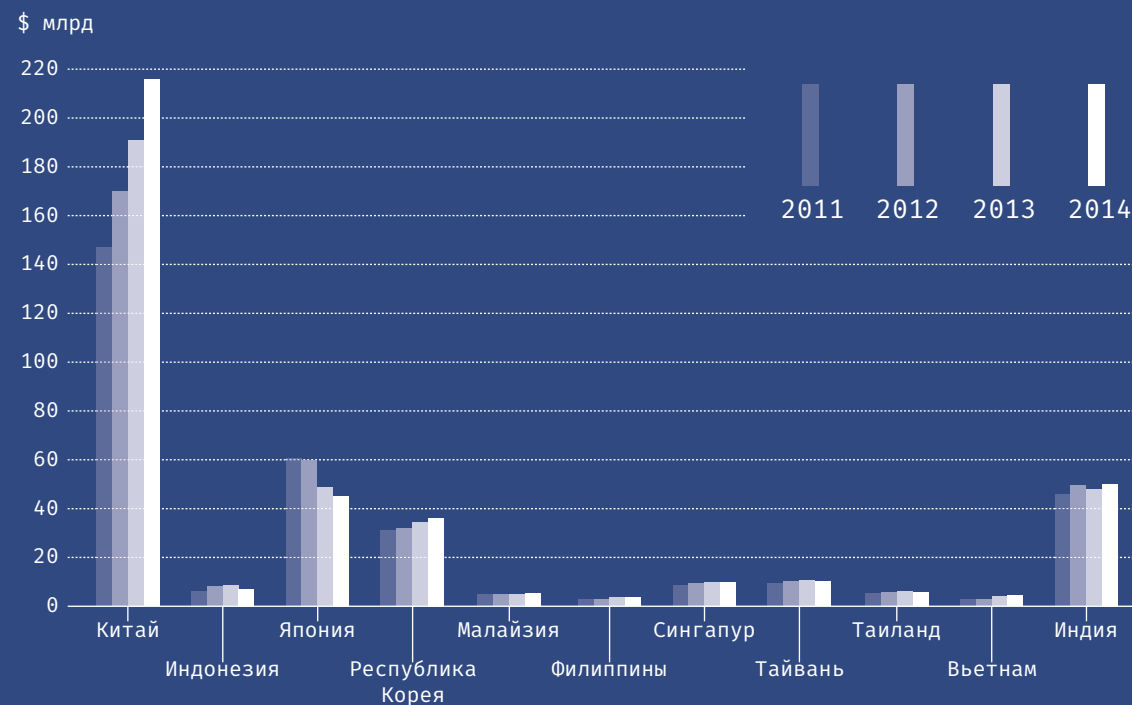
* В 2004-2014 гг. (в текущих ценах)

Индекс политической стабильности стран Юго-Восточной Азии, 2014 г.

Источник: Всемирный банк

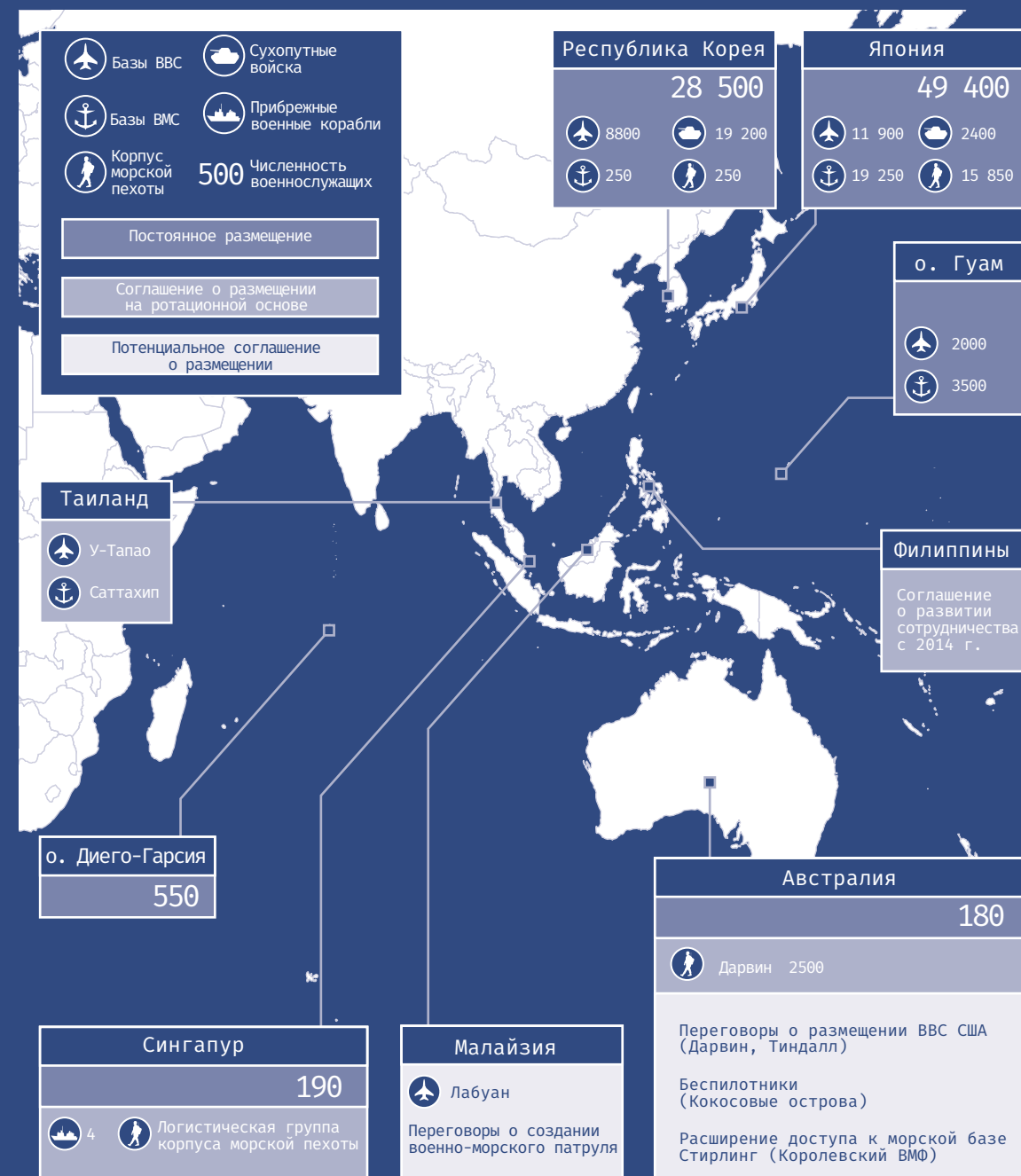
Военные расходы стран Азии

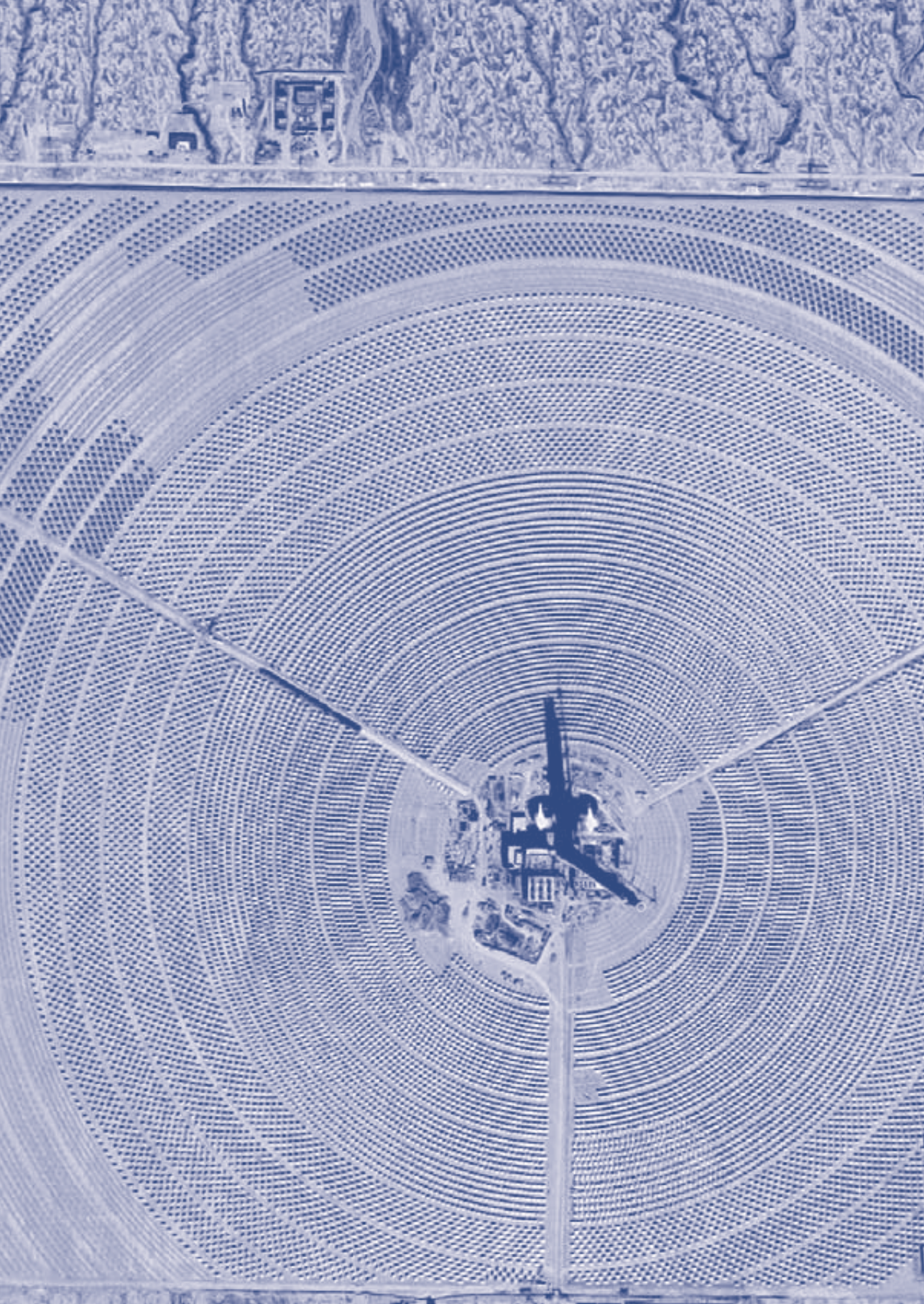
Источник: Международный институт стратегических исследований (IISS)

Размещение войск США в западной части Тихого океана*

* По данным на декабрь 2014 г.

Источник: Military Balance 2015, International Institute for Strategic Studies (IISS)

активно возражают против китайской политики в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, укрепляют свои системы союзов. Япония в сентябре 2015 года приняла поправку в конституции (пакет из 11 законов), согласно которой она сможет оказывать США логистическую и тыловую поддержку по всему миру.

Россия не участвует ни в ТТП, ни в поддерживаемом Китаем Региональном всестороннем экономическом партнёрстве (РВЭП). Она напрямую не вовлечена в конкуренцию между КНР и США. В то же время Россия оказывается ограничена в своих возможностях влиять на региональные процессы и принимать участие в формировании повестки, правил и норм сотрудничества, выработке технических стандартов.

Москва активно подключилась к выстраиванию новой финансовой архитектуры в регионе. Стала одной из стран-учредительниц Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), соглашение об учреждении которого было подписано 29 июня 2015 года. Россия также участвует в Новом банке развития БРИКС, одной из задач которого является финансирование инфраструктурных проектов (соглашение ратифицировано 20 февраля 2015 г.). Однако пока Россия не очень активно предлагает собственные проекты для финансирования со стороны АБИИ или Фонда Шёлкового пути. Отчасти это связано с тем, что она не видит себя в качестве преимущественно транзитной державы или моста между Европой и Азией. Нашим основным интересом является внутреннее развитие и инвестиции в производство на нашей же территории.

Среди направлений, где Россия сумела успешно себя реализовать как поставщик для азиатского рынка, можно назвать помощь при чрезвычайных ситуациях и развитие сектора услуг (доля России составляет 5% от общего объёма торговли услугами в АТР). При этом наибольший удельный вес занимают деловые услуги, транспорт, компьютерные и информационные услуги и ряд других.

Одно из важнейших достижений председательства России в ШОС в 2014–2015 годах — это начало вступления в организацию Индии и Пакистана. Расширение состава ШОС открывает перед странами-членами новые возможности для сотрудничества, в том числе и в большом евразийском формате. Это может способствовать борьбе с угрозой терроризма и выработке более эффективной политики в отношении Афганистана. Принятие Индии и Пакистана порождает и ряд проблем. Есть опасения, что индо-пакистанские противоречия могут снизить эффективность организации. Видимо, России и Китаю как лидерам ШОС придётся совместно работать над сглаживанием этих противоречий, растворением их в позитивной повестке всей организации.

Развитие евразийского и азиатского векторов, а также стремление России диверсифицировать сотрудничество с азиатскими партнёрами нашли отражение в запуске проекта ЕАЭС–Вьетнам. Соглашение затрагивает широкий круг проблем двустороннего сотрудничества: начиная от тарифных пошлин, механизмов разрешения споров и заканчивая вопросами защиты интеллектуальной собственности. На долю Вьетнама приходится около 1% всего импорта ЕАЭС из дальнего зарубежья, что не позволяет говорить о сильном экономическом эффекте от развития сотрудничества, а многие товары попали в список так называемых чувствительных. Однако данное соглашение является политическим прорывом для ЕАЭС и повышает степень его международной правосубъектности, позволяет укрепить основу экономического сотрудничества между Россией (в составе ЕАЭС) и АСЕАН, проложив путь к формированию зоны свободной торговли ЕАЭС–АСЕАН.

ОТНОШЕНИЯ С ОСНОВНЫМИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ПАРТНЁРАМИ

Медовый месяц в российско-китайских отношениях продолжается. Схожесть взглядов на текущий миропорядок демонстрируется на самом высоком уровне, что, например, чётко прослеживалось во время празднования Парадов Победы 9 мая в Москве и 3 сентября 2015 года в Пекине. Однако экономическое сотрудничество по-прежнему носит ограниченный характер. В структуре торгового оборота преобладают поставки российского сырья в Китай и готовой китайской потребительской продукции в Россию. Чтобы за медовым месяцем последовали годы счастливой жизни, нужно создать общую повестку, определить планы.

Кризисы 2009-го и 2014–2015 годов продемонстрировали подверженность взаимной торговли резким колебаниям. Спад цен на сырьевые товары, особенно на нефть, привёл к резкой девальвации рубля и двойному удару по торговле: от удешевления сырья и от снижения платёжеспособного спроса на китайскую продукцию. Торговый оборот между Россией и Китаем по итогам 2015 года составил \$ 63,6 млрд, в то время как в 2014 году — \$ 88,35 млрд. Хотя его реальные физические объёмы не сократились, а даже немного выросли. Но главное — в своём нынешнем формате российско-китайские торгово-экономические связи не обеспечивают ключевой задачи формирования такого взаимодействия как основы будущих стабильных отношений независимо от изменений во внутренней политике, идеологии или внешнеполитической ориентации.

Российско-японские отношения с момента начала украинского кризиса претерпели существенные изменения. Во многом это связано с тем, что Токио поддерживает политику западных стран в отношении санкций против Москвы. Кроме того, в ряде случаев сближение России и Китая расценивается Страной восходящего солнца как попытка объединения на антияпонской основе (именно так воспринималось участие России в параде Победы в Пекине 3 сентября 2015 г.). При этом экономическое сотрудничество продолжает развиваться, хотя по итогам 2015 года внешнеторговый оборот между Россией и Японией составил 69% к предыдущему году — около \$ 21,3 млрд (в 2014 г. — \$ 30,8 млрд).

Одно из перспективных направлений — взаимодействие в сфере энергетики. Физический объём закупок российских углеводородов, если говорить о сжиженном природном газе с месторождений Сахалина, и нефти, поступающей по трубопроводу «Восточная Сибирь—Тихий океан» (ВСТО), остаётся неизменным. Япония наращивает импорт российского угля. В 2014 году он вырос на 20% и достиг 9,66 млн тонн. Япония зависит от импорта угля из Австралии (74% японского импорта) и хотела бы диверсифицировать источники поставок. При этом российские поставки угля в Китай в первые месяцы 2015 года сократились более чем на 40%. В Японии заметен рост интереса к развитию отношений с Россией, чтобы уравновесить российско-китайское сближение. Не исключены прорывные договорённости.

Объём двусторонней торговли между Россией и Республикой Корея (РК) составил в 2015 году \$ 18 млрд. Для развития политических отношений большое значение имеет реакция России на активизацию Северной Кореи на внешнеполитическом направлении. Пхеньян 6 января 2016 года провёл четвёртое испытание ядерной бомбы, а 7 февраля состоялся запуск ракеты. На КНДР 2 марта 2016 года были наложены санкции ООН, которые после переговоров с США были поддержаны и КНР. В целом отношения России с РК имеют серьёзный потенциал для развития и в двухстороннем, и в евразийском форматах. Сеул крайне заин-

тересован и в активном содействии России в регулировании северокорейской проблемы.

Россия заинтересована в дальнейшем вовлечении Индии в строительство общего евразийского пространства сотрудничества. Российско-индийский товарооборот в 2015 году составил \$ 7,8 млрд, годом ранее — \$ 9,5 млрд (российский экспорт оценивается в \$ 6,3 млрд, импорт — в \$ 3,2 млрд). Расширяется сотрудничество с другими партнёрами по региону. Индия за последние год-два заметно поднялась в списке российских внешнеполитических приоритетов.

Развивается двустороннее взаимодействие между Россией и Вьетнамом. За 10 прошедших лет товарооборот между двумя странами увеличился почти в 7 раз: с \$ 400 млн до \$ 2,76 млрд. Страны стремятся достичь товарооборота \$ 10 млрд в 2020 году.

Большую роль играет сотрудничество между Россией и странами АТР в военной сфере. Россия и Мьянма 16 февраля 2016 года подписали ряд контрактов на ремонт вертолётов Ми-8. Известно о планах Индонезии подписать контракт с Россией на закупку 10 истребителей Су-35. Военная сфера — одно из важных направлений сотрудничества с Индией, что демонстрирует высокую степень доверия между партнёрами, несмотря на сохранение активного взаимодействия между Индией и США. В целом военнотехническое сотрудничество России со странами Азии может сыграть положительную роль в формировании регионального баланса сил и повышении стабильности.

Помимо военной сферы, традиционно большую роль играет сотрудничество в сфере энергетики. В 2015 году Россия стала важнейшим поставщиком нефти для Китая, опередив Саудовскую Аравию (объём поставок нефти из России составил 16 млн тонн). При этом сотрудничество в сфере энергетики по-прежнему оценивается как одно из самых перспективных с точки зрения продвижения российских интересов в АТР. По имеющимся данным, к 2035 году энергопотребление в регионе вырастет более чем на 60% по сравнению с текущим уровнем. Ожидаемый рост спроса в Китае составит 31%, в странах Юго-Восточной Азии — 11%.

Полноценный выход России на азиатский рынок газа может привести к изменению расстановки сил, усилению конкуренции и снижению цен. В частности, снизится привлекательность поставок на рынок АТР сжиженного природного газа от других поставщиков. Уже происходящие изменения в региональном энергетическом балансе очевидно складываются в пользу России. За последние десять лет экспорт энергоресурсов в страны АТР вырос в 15 раз, а доля стран АТР в суммарном российском энергетическом экспорте достигла 24%. В структуре российского экспорта энергоресурсов в АТР преобладают сырая нефть и нефтепродукты — на них приходится 64% и 21% соответственно.

Главными препятствиями для развития экономических отношений являются слабая осведомлённость бизнеса России и стран Азии о взаимных возможностях, недооценка промышленного потенциала России, а также недостаточное использование существующих финансовых механизмов и инструментов для стимулирования сотрудничества. Создание таких инструментов заблаговременно и их совершенствование позволило бы создать более стабильную основу для взаимодействия в условиях санкций в отношении России со стороны Запада. Появление такой инфраструктуры должно стать одним из приоритетов в отношениях с региональными партнёрами.

В международно-политическом плане поворот России на Восток в значительной степени состоялся, и сейчас необходимо наполнять

его реальным содержанием. Приоритетом здесь является сотрудничество с Китаем, на который Россия может политически опереться в трудные времена, но экономические отношения, с которым пока неудовлетворительны. Пока что мало россиян чувствуют выгоды от сближения с Китаем. Нужно работать над формированием списка общих целей, развивать инвестиционное сотрудничество и промышленную кооперацию. Это придаст отношениям необходимую глубину. Россия и Китай не должны добиваться полной бесконфликтности — это невозможно при отношениях равных. Нужно создавать механизмы прочности, укреплять между нами кооперативную среду.

Также нужно равновесно развивать отношения с другими важными государствами Азии. Это позволит втянуть их в орбиту российско-китайского сотрудничества, снизить уровень опасений внутри России и среди стран региона. Тем более что некоторые из этих стран имеют технологии и инвестиционные ресурсы для развития в России производств, ориентированных на азиатский, в первую очередь, китайский рынок. В сфере международной безопасности **необходимо укреплять понимание того, что российско-китайское сближение не нацелено против какой-либо страны региона**. Россия должна отвечать на возникающий со стороны стран Азии запрос и конвертировать его в свой вклад в региональную стабильность.

ПОВОРОТ НА ВОСТОК: ПОДЪЁМ РОССИЙСКОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Активизация политического и экономического сотрудничества со странами Азии важна и нужна не столько сама по себе, но и как инструмент и ресурс ускоренного социально-экономического развития российского Зауралья — регионов Сибири и Дальнего Востока. При этом объективные возможности для развития, появившиеся у Сибири и Дальнего Востока в связи с быстрым экономическим ростом азиатских стран, невозможно реализовать без выстраивания новой системы управления регионом на федеральном и местном уровне. Нужно создавать и поддерживать в хорошем рабочем состоянии «паруса», в которые Россия ловит ветер азиатского роста.

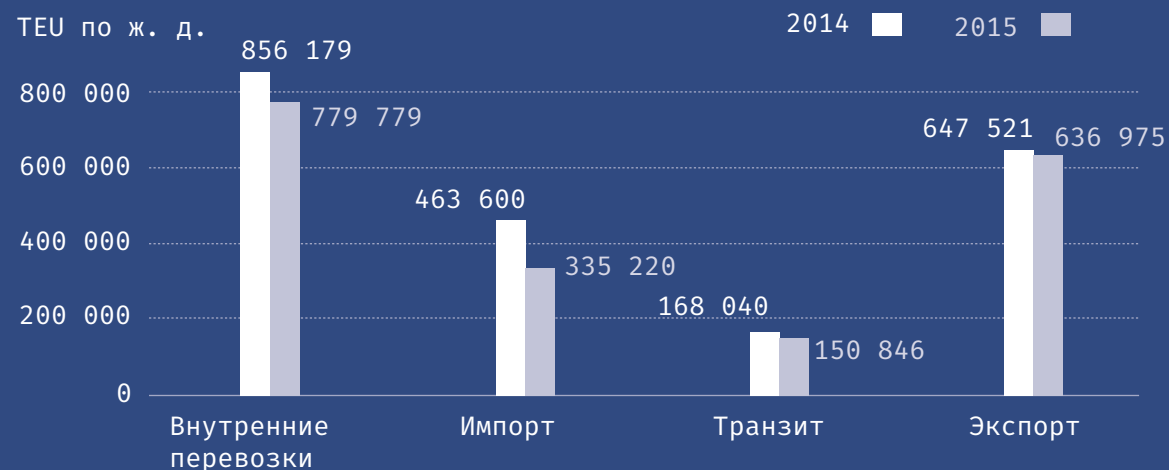
Этот процесс начался в 2012 году, когда было создано Министерство по развитию Дальнего Востока, которое стало играть ключевую роль в осуществлении государственной политики в отношении восточных территорий. С момента создания министерства прошло три года. Сменился министр, пересмотрена модель развития региона, разработано и запущено множество новых инструментов её реализации. Сейчас можно подвести некоторые предварительные итоги и определить то, что будет для развития российского Зауралья и его интеграции в экономику АТР наиболее важным.

За 2015 год сформирована институциональная база поворота на Восток. Отобраны девять первых территорий опережающего развития на территории Дальнего Востока. Три из них — «Комсомольск» (специализация на производстве деталей для авиастроения и деревообработки), «Хабаровск» (металлургический завод, агропромышленный тепличный комплекс, складской транспортно-логистический комплекс и аэропорт) и «Надеждинская» (транспортно-логистический комплекс, кондитерский завод, предприятия пищевого производства по производству полуфабрикатов) — уже запущены.

Определён перечень инвестиционных проектов. По итогам 2015 года он содержал шесть инициатив, в феврале 2016-го дополнен ещё тремя. Созданы и начинают реально функционировать институты развития региона — Фонд и Корпорация развития Дальнего Востока, агентства по развитию человеческого капитала, по привлечению инвестиций и поддержке

Торговля стран ЕАЭС

Объём грузёных контейнеров стран-членов ЕАЭС

Источник: Infranews

Объём внешней торговли КНР и стран-членов ЕАЭС

* С учётом возможных погрешностей, поскольку не все товарные группы измеряются в тоннах

экспорта на Дальнем Востоке. Закреплён статус Владивостока как свободного порта.

Оценивать результаты работы созданных институтов пока рано. Но уже можно признать, что инвестиционный климат в регионе начал улучшаться. Общероссийские проблемы в экономике не обошли Дальний Восток стороной, но на фоне рецессии в стране регион в целом всё же демонстрирует позитивную динамику и по объёмам инвестиций, и по темпам промышленного роста. Сейчас необходимо работать над увязыванием планов и проектов национальных и международных институтов развития.

Наступает ключевой момент внутрироссийского поворота на Восток. Велик соблазн приостановиться: процесс формирования новой структуры управления регионом завершён, теперь можно подождать результатов. Однако такой подход был бы ошибкой. Во-первых, относительно благоприятные социально-экономические показатели Дальнего Востока в целом скрывают значительные региональные диспропорции. При быстром развитии Сахалинской и Магаданской областей крупнейшие субъекты Федерации за Байкалом — Приморский и Хабаровский края — демонстрируют отрицательную динамику, повторяющую или даже уступающую средним значениям по стране. При этом даже в тех регионах, где индекс промышленного производства вырос, объёмы обрабатывающего производства увеличились незначительно или вовсе сократились.

Диспропорции свойственны и динамике инвестиций. Положительная динамика для Дальнего Востока в целом объясняется приростом инвестиций в Амурской и Магаданской областях. В других регионах ситуация менее благоприятная.

Во-вторых, структурные проблемы развития Дальнего Востока никуда не делись: экономика по-прежнему имеет исключительно сырьевой характер, иностранный капитал пока не идёт, а отток населения продолжается. Без решения этих проблем регион едва ли может превратиться в долгосрочный драйвер развития экономики России.

В-третьих, с момента начала активной государственной политики развития Дальнего Востока существенно изменилась внешняя среда. Надежды на массированный приток инвестиций из-за границы пока не оправдываются. В ТОРах, которые задумывались как площадка именно для иностранных инвесторов, зарегистрирован только один зарубежный резидент. По остальным проектам ведутся предварительные переговоры. Коммерческие банки и инвестиционные фонды азиатских стран оценивают риски вложений в Россию как высокие на фоне общеэкономических проблем, политических рисков и санкций.

В марте 2016 года Bank of China предоставил кредит «Газпрому» на сумму €2 млрд, крупнейший из когда-либо полученных компанией от одного банка. Но в целом среди китайских финансовых институтов активность в отношении России проявляют преимущественно не коммерческие банки, а институты развития и Фонд Шёлкового пути. При этом условия предоставления кредитов, как правило, малопривлекательны. Ситуацию усугубляет общее замедление в китайской экономике, нестабильность национального финансового рынка и антикоррупционная кампания, удерживающая китайские элиты от каких-либо рискованных инициатив.

Другая важная тенденция — поворот Китая на Запад (подробнее об этом читайте в следующем разделе доклада). Страна пытается продлить экстенсивный экономический рост за счёт ускоренного развития относительно слабо развитых внутренних районов, вовлечь в свою модель развития страны Центральной Евразии, проложить дорогу для даль-

нейшей экспансии на юго-запад и в направлении Европы, диверсифицировать риски экспортных поставок в условиях обострившейся конкуренции с США на морях.

Текущая модель развития восточных территорий России заключается в создании экспортоориентированных производств и привлечении крупных игроков из-за рубежа. Ключевым инструментом являются территории опережающего развития, основными принципами функционирования которых являются дерегулирование и масштабное налоговое стимулирование, призванные привлечь крупных зарубежных инвесторов. Ключевым критерием отбора был спрос таких инвесторов на размещение инвестиционных проектов на той или иной территории. По каждому из параметров, определяющих инвестиционный и деловой климат, показатели в ТОРах должны быть не хуже, чем в стране-лидере АТР. Например, налоги на прибыль должны быть такими же низкими, как в Гонконге, таможенное оформление грузов — таким же простым, как в Сингапуре, подключение к электросети — таким же быстрым, как в Южной Корее, и т.д.

К сожалению, такая модель развития восточных территорий была разработана в иной международной среде и приспособлена именно к ней. Не будучи теперь скорректирована, она может оказаться неспособной адаптироваться к новым рискам и использовать открывающиеся возможности. Во-первых, эта политика так и не приобрела по-настоящему системного характера, оставаясь совокупностью полезных, но слабо связанных друг с другом мер. Но этого мало. Невозможно несколькими законодательными актами запустить экономическую активность и привлечь инвесторов в регион, в котором это не удалось сделать за последние 25 лет. Недостаточно объявить остров Русский особой территорией и ждать там инвестиционного бума; построить здание для университета и предвкушать быстрое улучшение человеческого капитала; объявить Владивосток свободным портом и предполагать резкое увеличение его загрузки. Не стоит ожидать и того, что десяток ТОРов, даже если они сработают, как изначально задумывались, кардинально преобразят лицо востока России. Должны последовать другие, более кардинальные меры, связанные не с дополнительными субсидиями (средств на которые в любом случае все меньше), а с переосмыслением принципов развития региональной экономики.

Необходимо превращение Сибири и Дальнего Востока в территорию экономической свободы. Требуется снятие формальных и неформальных ограничений для прихода инвесторов в любые проекты (кроме имеющих стратегическое значение для национальной обороны). Нужна жёсткая борьба с коррупцией, особенно в ряде ключевых и наиболее криминальных отраслей, таких как рыболовство и лесное хозяйство. Необходима либерализация ключевых отраслей, в первую очередь связанных с инфраструктурой и доступом к недрам. Нужны меры по привлечению в регион квалифицированных кадров и создание стимулов для миграции населения из изолированных северо-западных территорий к югу.

На Дальний Восток должны быть перенесены офисы госкорпораций. В начале 2014 года премьер-министр России Д.А. Медведев прямо озвучил это предложение, но крупные компании пока так и не удалось склонить к переносу своих штаб-квартир на те территории, где ведётся их основная хозяйственная деятельность. Видимо, пора переходить к прямому государственному вмешательству, и идею надо реализовать в законодательном порядке, по крайней мере в отношении государственных корпораций. А возможно, и отдельных частных, извлекающих сверхдоходы из региона. Параллельно требуется постепенная налоговая децентрализация.

Текущую систему взаимоотношений федерального центра с восточными регионами, построенную на квазиколониальных принципах, следует постепенно видоизменять. Принятие нового формата финансирования Фонда развития Дальнего Востока, средства в который поступают частично из региональных налоговых сборов, — это первый шаг, за которым должны последовать другие.

Необходимо и продвижение дальневосточной повестки на региональных интеграционных площадках, более активное участие в азиатских институтах развития (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шёлкового пути), а также совершенствование работы Восточного экономического форума с целью постепенного превращения его в одно из центральных бизнес-мероприятий в АТР. Следует усиленно поработать над позиционированием Дальнего Востока, брендингом региона, представленностью его в интернет-пространстве. В настоящий момент у ТОРов нет даже сайта на русском языке.

Во-вторых, **в новых условиях не просто желательным, а необходимым становится интегрированный подход к управлению Сибирью и Дальним Востоком.** Он был заложен в изначальную идею поворота на Восток — в частности, когда в 2012 году нынешний министр обороны С.К. Шойгу предлагал амбициозный проект создания Государственной корпорации развития Сибири и Дальнего Востока. В Послании Федеральному Собранию 2013 года Президент России В.В. Путин назвал подъём Сибири и Дальнего Востока «национальным приоритетом на весь XXI век». А далее про Сибирь к западу от Дальневосточного федерального округа забыли: в следующих Посланиях речь шла только о Дальнем Востоке, им же ограничивается сфера ответственности профильного министерства.

Между тем Сибирь и Дальний Восток — неотъемлемые части одного макрорегиона. Они связаны исторически: со времён русских землепроходцев название «Сибирь» относилось ко всей территории от Уральских гор до Тихого океана. Там сложилась особая идентичность, олицетворяемая правой головой двуглавого орла на национальном гербе. Сибирь и Дальний Восток активно взаимодействуют между собой на уровне экономических связей и человеческих контактов — часто более активно, чем с Москвой. Наконец, они взаимосвязаны инфраструктурно — посредством Транссибирской магистрали и Северного морского пути.

Экономический потенциал остальной Сибири в целом выше экономического потенциала Дальнего Востока. Население Сибирского федерального округа — 19,3 млн чел., Дальневосточного — 6,2 млн (при большей площади территории). Сибирский федеральный округ не менее богат природными ресурсами: углеводородным сырьём, углём, ураном, чёрными, цветными, редкоземельными и драгоценными металлами, древесиной, водными и гидроэнергетическими ресурсами. Запасы угля Сибири составляют 80% от общероссийских, меди — 70%, никеля — 68%, свинца — 86%, цинка — 77%, молибдена — 82%, золота — 41%, металлов платиновой группы — 99%, гидроэнергетических ресурсов и запасов древесины — более 50%. Регион богат и обширными пахотными землями при более благоприятном, чем на Дальнем Востоке, климате. Но главное — здесь несопоставимо большие возможности по развитию производств с высокой добавленной стоимостью. Существенно более развит и человеческий потенциал: например, в первой двадцатке рейтинга вузов России пять сибирских университетов и ни одного дальневосточного.

Главное «проклятие» Сибири — её континентальность, удалённость от ключевых рынков сбыта, дополненная слабым развитием транс-

портной инфраструктуры. Запущенный Китаем проект Экономического пояса Шёлкового пути открывает новые возможности. Если региону удастся встроиться в создаваемый в Центральной Евразии транспортно-промышленный кластер, он может обрести новое дыхание, обратив недостатки своего географического положения в достоинства.

Ускоренное развитие Дальнего Востока без учёта его тесной взаимосвязи с Сибирью неизбежно приведёт — через загрузку транспортных мощностей — к усугублению «континентального проклятия» последней. Между тем развитие дальневосточной инфраструктуры, наоборот, должно приблизить Сибирь к внешним рынкам. Однако сложно требовать этого от Министерства по развитию Дальнего Востока, в сферу ответственности которого Сибирь не входит.

Схожие проблемы в Арктике. Деление на Сибирскую и Дальневосточную части не более чем административная условность. Но это препятствует координированному развитию инфраструктуры, ведь значительная её часть — та, которая связана с Северным морским путём, — имеет межрегиональный характер.

Теперь, когда институты развития Дальнего Востока заработали, координация развития этого региона с Сибирью — следующая важная задача в рамках политики ускоренного развития востока России. Решать её лучше всего параллельно с разработкой конкретных механизмов сопряжения евразийского интеграционного проекта с Экономическим поясом Шёлкового пути. Происходящие в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Центральной Евразии процессы разворачиваются очень быстро, и России важно за ними успевать, а лучше — лидировать. Сам поворот на Восток запоздал на десятилетие за бурным экономическим ростом азиатских государств. Сейчас важно не повторять предыдущих упущений.

Большая Евразия: вчера, сегодня, завтра

СОПРЯЖЕНИЕ: ОТ ИДЕИ — К СТРАТЕГИИ

Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути — одна из наиболее устремлённых в будущее концепций сотрудничества большой группы государств. Его задачей является создание синергии двух проектов и формирование вокруг транспортно-логистического евразийского каркаса нового пространства совместного развития. Результатом этой синергии должно стать создание в Центральной Евразии и вокруг неё самого большого в мире региона сотрудничества. На пути к новому сообществу в Большой Евразии необходимо решить целый ряд институциональных задач, определить конкретные отраслевые приоритеты трансграничного сотрудничества и правила игры, понять выгоды и вклады каждого партнёра.

В основе взаимодействия лежит понимание того, что ни одно из обсуждаемых разногласий между ведущими государствами Центральной Евразии не является глубоким и тем более антагонистическим. Россия, Китай, Казахстан, страны бывшей советской Центральной Азии, Иран, Монголия сталкиваются с общими внешними и в ряде случаев — внутренними вызовами. Это религиозный экстремизм, экологические угрозы, дефицит воды, наркотрафик, негативное воздействие политики отдельных внерегиональных центров силы. Они нуждаются в дальнейшем повышении социально-экономической устойчивости и поддержании достигнутых темпов роста. Им всем нужен плацдарм для более эшелонированной политики по недопущению дестабилизации Афганистана, распространению ближневосточной нестабильности. Необходимо консолидировать повестку развития стран региона и усиливать их сотрудничество в сфере международной безопасности.

Флагманским проектом евразийской стратегии России и её партнёров на ближайшие десятилетия является евразийская интеграция. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), начавший действовать с 1 января 2015 года, закладывает основу рамочных правовых условий для совместного прорыва, создаёт инструмент предупреждения и разрешения межгосударственных споров. ЕАЭС был создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, создания условий для стабильного развития, повышения жизненного уровня населения государств-членов. Для этого в ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также ведётся работа по координации и синхронизации экономической политики в различных отраслях. Благодаря ЕАЭС между Китаем и Европейским союзом остаётся уже только одна таможенная граница.

Самое главное достижение ЕАЭС на данный момент, единая таможня, дополняется общими фитосанитарными нормами. Эти правовые и бюрократические инструменты на практике могут создать колоссальные возможности для приграничной торговли внутри Союза и на его границах. Но для этого необходима оперативная выработка единой повестки ЕАЭС в отношениях с Китаем. Сейчас в договоре о ЕАЭС прописана дорожная карта движения к общему рынку и возможные изъятия из него. В 2016 году предполагалось объединить регулирование фармацевтики, в 2019 — создать

общий электроэнергетический рынок, в 2022 — учредить общие финансовые мегарегуляторы, в 2024–2025 — сформировать общий рынок нефти, газа и нефтепродуктов. Это само по себе облегчит развитие профильных кластеров в Евразии.

Инициатива ЭПШП была выдвинута Председателем КНР Си Цзиньпином во время выступления в Назарбаев-Университете (Астана) в сентябре 2013 года. Главной целью инициативы провозглашалось стремление не только решить внутрикитайские экономические задачи, но и обеспечить региональную политическую и экономическую стабильность за счёт развития масштабных инвестиционных и инфраструктурных проектов, вовлечения стран региона в общие производственные цепочки.

ЭПШП — не просто транзитно-транспортный проект. Это предложение для экономического развития целого ряда государств, включающее в себя многочисленные проекты инфраструктуры, производства, торговли и сферы услуг, что позволит обеспечить стабильную и безопасную среду для развития не только западных районов Китая, но и всего центра Евразии, в полной мере раскрыв его потенциал. Но, несмотря на ясность поставленных задач, провозглашённая руководством Китая идея первоначально была лишена конкретного толкования, что вызвало противоречивые оценки проекта со стороны других игроков.

Осознавая, что координация действий предоставляет огромные возможности по строительству Большой Евразии как развитого региона в промышленном, технологическом, логистическом, культурном плане, лидеры России и КНР 8 мая 2015 года подписали заявление о сопряжении Евразийского экономического союза и ЭПШП. К этому заявлению присоединились лидеры Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. Наряду с созданием механизмов для упрощения двусторонней торговли между ЕАЭС и Китаем была объявлена обоюдная готовность развивать сотрудничество с привлечением структур ШОС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шёлкового пути.

Несмотря на первоначальную динамику, в последующее время наметилось торможение сотрудничества. В этой связи в октябре 2015 года на заседании Высшего Евразийского экономического совета было принято решение о подготовке проекта «дорожной карты» взаимодействия стран ЕАЭС и Китая. Ответственной за подобный документ назначалась Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), которая на первом этапе от работы по конкретизации сопряжения, казалось, самоустранилась. Таким образом, после перехода интеллектуальной работы на новый уровень важной задачей становится придание ей необходимого практического темпа — создание институциональных механизмов ежедневной практической работы по линии: ЕАЭС–Китай и страны-члены ЕАЭС–Китай. Это взаимодействие должно включать в себя сотрудничество органов государственной власти, наднациональные институты ЕАЭС, сотрудничество институтов развития (Фонд Шёлкового пути и Евразийский банк развития), диалог бизнеса, экспертов и гражданского общества.

Повторим: потенциал углублённого межгосударственного и межрегионального сотрудничества в Центральной Евразии — это не только и не столько транспортный проект, сколько проект соразвития стран региона. Этот макрорегион обладает огромным потенциалом, связанным и с экономической динамикой, и с богатой ресурсной базой, и с обеспечиваемыми Китаем инвестиционными возможностями, и с общими институционально-правовыми проектами: ЕАЭС, ШОС, ОДКБ. Все это создаёт предпосылки к возрождению Шёлкового пути в его исходном значении — как

континентального пояса торгово-экономического и культурного взаимодействия прилегающих к нему государств, позволяющего им добиваться богатства и процветания.

ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ СОПРЯЖЕНИЯ

Сопряжение как не только (и не столько) развитие транспортной инфраструктуры или институциональное взаимодействие ЕАЭС и Китая, а как масштабный проект соразвития всего региона Центральной Евразии, является чрезвычайно актуальной инициативой для всех его нынешних и потенциальных участников. России это позволит с ещё одной стороны обратиться к потенциалу Сибири и Дальнего Востока, чьи конкурентные преимущества на азиатском рынке многократно возрастут благодаря возможности развивать отрасли, связанные с производством водо- и энергоёмкой продукции. Интерес России также объясняется необходимостью развивать вертикальные, меридиональные транспортные пути Север–Юг для связки страны с Ираном, Индией.

Казахстану и странам Центральной Азии, в свою очередь, инвестиционные и инфраструктурные программы сопряжения обещают экономическое развитие, дополнительные финансовые ресурсы, столь необходимые республикам, особенно на фоне кризисных явлений в экономике. Центральные-азиатские государства уже столкнулись с экономическими трудностями после падения цен на нефть и ослабления российской экономики. Практически в каждой республике, как и в России, можно наблюдать резкое обесценение, волатильность национальной валюты, рост инфляции, спад экономик. Соответственно предполагаемые проекты по развитию инфраструктуры и привлечению инвестиций будут способствовать стимулированию производственных мощностей казахстанской и центрально-азиатских экономик и соответственно повышению социальной и политической устойчивости.

Интересы России, Китая и государств Центральной Азии сходятся в стремлении обеспечить стабильность и безопасность в регионе, предотвратить его фрагментацию. Страны региона, в силу внутренних факторов нестабильности (несменяемость политических элит, сужение возможностей проводить щедрую социальную политику из-за экономического кризиса), оказываются в крайне уязвимом положении по отношению и к внешним угрозам — вроде распространения радикальных религиозных идей, терроризма, наркотрафика.

Актуальность сопряжения для самого ЕАЭС связывается с необходимостью укрепить его институциональную составляющую и испытать интеграцию на практике. Отсутствие межгосударственных институтов влечёт за собой отсутствие возможности обсуждать важнейшие вопросы на более низком уровне и приводит к тому, что процесс согласования позиций «пятёрки» в рамках сотрудничества с Китаем происходит преимущественно в двустороннем формате, а это представляет риск для интеграции. Существует запрос на механизм, который позволит максимально полно согласовывать национальные интересы и делегировать полномочия наднациональным институтам.

Дальнейшее сотрудничество с Китаем при одновременном развитии самого Союза приведёт к постепенному сближению технических регламентов и стандартов «пятёрки» стран, выработке единого подхода к осуществлению торгово-экономических отношений с третьей стороной. А это, в свою очередь, означает не только лучшие переговорные позиции,

но и большую степень защищённости отдельных сегментов рынка в условиях высокой конкуренции на азиатских рынках. Дальнейшее упрощение юридических процедур ведения бизнеса на фоне спада экономик может существенно оживить деятельность инвесторов в регионе.

Шанхайской организации сотрудничества сопряжение ЕАЭС и ЭПШП должно придать новый импульс для развития как важной площадки регионального сотрудничества и обеспечения международной безопасности. После вступления Индии и Пакистана, расширения сотрудничества с Ираном, Монголией, Афганистаном, потенциально — с Республикой Корея ШОС может претендовать на становление в качестве наиболее эффективного института международного взаимодействия на макрорегиональном (общеевразийском) уровне. В центре этого сотрудничества могут и должны быть Россия (как наиболее сильная военная держава региона) и Китай (как экономический лидер, хотя и не гегемон). В перспективе позитивный опыт сотрудничества и разрешения сложных вопросов, накопленный в ШОС, вполне способен лечь в основу формирующегося Сообщества Большой Евразии.

ОТ ЕВРАЗИЙСКОГО МОСТА — К ПРОСТРАНСТВУ СОВМЕСТНОГО РАЗВИТИЯ

Евразия располагает уникальными возможностями для развития транспортно-логистических коридоров и хабов (в том числе авиаперевозок), соединяющих производственные и потребительские потенциалы Европы и Азии. Поэтому ключевой предпосылкой и направлением развития Центральной Евразии является расширение его транспортно-логистической инфраструктуры. Реализация ЭПШП позволит сократить расстояние транспортировки грузов из западного Китая по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал. Длина трассы составляет 8400 км, из которых 3400 км уже проложено по территории Китая, а 2800 и 2200 км строятся или модернизируются в Казахстане и России, соответственно.

В настоящий момент существуют несколько транзитных коридоров доставки грузов из Китая в Европу. По итогам 2015 года грузооборот по морскому пути из Китая в Европу составил 11,2 млн TEU, в обратном направлении — 4,5 млн TEU.

- 42 тыс. TEU приходятся на транзитный маршрут через Казахстан, Оренбургскую и Саратовскую области.
- 200 TEU составляет грузопоток через Урумчи — Алма-Ата — Саксаульская — Актау — Махачкала — Новороссийск — Констанца.
- 3 тыс. TEU приходятся на маршрут Урумчи — Алма-Ата — Саксаульская — Актау — Тегеран.

Потенциальные возможности перевозок по маршруту из Китая через Казахстан оцениваются в 200 TEU, а из Китая в Иран через пункты Саксаульская и Актау — в 150 тыс. TEU, что пока не соотносится с реальным положением дел. Так же, как и в случае с российским инфраструктурным потенциалом. Несмотря на то что пропускная мощность Транссибирской магистрали в целом равняется 1,2 млн TEU в год, в 2015 году общий объём контейнерных перевозок составил чуть более 700 тыс. TEU, из которых только 450 тыс. TEU пришлись полностью на весь маршрут от Владивостока до конечного пункта назначения Транссиба.

Транссибирская магистраль обладает потенциалом для увеличения пропускной способности. В отличие от Байкало-Амурской магистрали Транссиб — двухпутный и полностью электрифицирован, в связи с чем

значительных затрат на его модернизацию в ближайшее время можно избежать. Тем не менее на трассе присутствует ряд «узких мест» (перегонов, узлов, станций и т.д.), замедляющих движение грузов. При реализации всех необходимых мероприятий (строительство дополнительного пути на ряде перегонов, разъездов, сортировочных станций, улучшение технического обеспечения) пропускная способность Транссиба возрастет на 10–15%.

Узким местом сотрудничества в сфере транспорта является то, что многие пункты транспортировки на территории ЕАЭС не обладают достаточно развитой инфраструктурой. К примеру, грузовой порт Алма-Аты (Казахстан) по сравнению с «сухим» портом Урумчи (Китай) не может похвастаться технической оснащённостью, что, безусловно, влияет на качество и время выполняемых услуг.

Объяснение сложившейся ситуации может быть следующим. Сухопутные маршруты между Европой и Азией действительно являются более быстрым способом поставок, чем маршруты на море: 14 против 30–35 дней соответственно. Однако транзит по суше оказывается значительно дороже, в результате чего может обслуживать лишь некоторые сегменты рынка, для которых скорость доставки имеет принципиальное значение (это товары с высокой добавочной стоимостью на килограмм веса, некоторые продовольственные товары и текстиль премиум-класса). Но в последнее время происходит сближение ставок на перевозку по маршруту по морю Шанхай — Санкт-Петербург — Москва и по маршруту по суше Шанхай — Дальний Восток — Москва. Это даёт надежду на то, что в перспективе сухопутный транзит может стать конкурентоспособным.

В целом, трансконтинентальные транспортные коридоры оказываются важными для России не столько как возможность получения прибыли от транзита, сколько как возможность развивать внутреннее сообщение между регионами, предполагающее ещё и индустриальное развитие соединяемых пунктов назначения. В этой связи нужно стремиться к развитию меридиональных связей, созданию трансграничных кластеров развития и инвестиций.

Но Большая Евразия не может быть выстроена исключительно как транспортно-логистический проект. Стоит задача добиться роста торговли и экономических связей между странами региона, в том числе между Россией и Китаем. Пока ситуация в этом отношении складывается неоднозначная. С одной стороны, в распоряжении имеются огромные ресурсы и потенциал, а с другой — приходится признавать некоторые существующие диспропорции. Хотя при этом у России структура внешней торговли с КНР является наиболее диверсифицированной так же, как и у ЕАЭС в целом. Помимо углеводородов и угля, государства-члены Союза поставляют КНР оборудование, уран, древесину, нефтехимию и практически все коды ТН ВЭД, за исключением шёлка и хлопка.

Сейчас торговые отношения ЕАЭС и Китая неоднозначны. С одной стороны, в 2014–2015 годах произошло существенное сокращение торговли между государствами-членами евразийской интеграции и Китаем в долларовом выражении, хотя её физические объёмы даже несколько выросли. Значительную негативную роль сыграло падение курса валют основных стран ЕАЭС — России и Казахстана.

С другой стороны, следует учитывать, что спад показателей связан вовсе не с уменьшением физических объёмов самих поставок, а со снижением цен на товары, на комплектующие и продукты первичной переработки. Если же обратиться к тоннажу внешней торговли, то можно наблюдать позитивные тенденции: некоторым странам-членам ЕАЭС (Армении

и Белоруссии) в 2014–2015 годах удалось несколько увеличить товарооборот с Китаем. Россия продолжает лидировать по объёму товарооборота среди других членов союза. Меньше всего торгуют с КНР Армения и Киргизия.

Помимо развития торговли странам Центральной Евразии целесообразно отстраивать систему трансграничного экономического сотрудничества. Особенно перспективна тема электроэнергетики в рамках общего рынка электроэнергетики, который должен быть создан в ЕАЭС в 2019 году. Большая зона покрытия, большее число генерирующих мощностей и их сопряжённость обеспечивают более эффективный рынок. Если к этому прибавить урегулирование проблемы зимнего и летнего энергообеспечения в Центральной Азии за счёт поддержки гидроэнергетики атомной энергией, то перспектива выглядит крайне оптимистичной. Возможно, уже на нынешнем этапе необходимо проработать возможность подключения к этому общему рынку западного Китая с его 22 млн населения.

Главное, что определит реальный масштаб соразвития в регионе — это соотношение меридиональных путей Север — Юг с преобладающим широтным маршрутом восток — запад. Так или иначе, Шёлковый путь как шёл по широтному направлению, обходя сибирскую Россию с юга и выходя на маршрут в Оренбурге или под Саратовом, так и будет идти. Поэтому развитие транспортных связей необходимо России не только (и, может быть, не столько) для транзита в Европу, сколько, прежде всего, для укрепления экономических и социальных связей российской Сибири с трансграничными регионами центра Евразии, органичного включения сибирских инновационно-производственных и аграрных кластеров в большую международную евразийскую экономику. В этом контексте ключевым условием является дополнение действующей транспортной инфраструктуры, имеющей преимущественно широтную направленность, меридиональными ветками, которые на настоящий момент практически отсутствуют.

Крайне важным представляется не только развитие транспортных связей Российской Сибири с другими регионами центра Евразии, но и предложение российских промышленных, сельскохозяйственных и интеллектуальных товаров и услуг, взаимодополняющих структуру рынков и товарооборота в регионе. В этой связи вполне очевидным вкладом Москвы в проект соразвития Центральной Евразии является предложение использовать для нужд трансграничной региональной экономики потенциал вышеупомянутых сибирских кластеров. Это позволит, помимо прочего, сделать российский экспорт в страны региона менее ресурсоориентированным и предлагать региону не только нефть, газ, электроэнергию, уголь и лес, но и широкий спектр сельскохозяйственных и промышленных товаров и услуг.

Кроме того, естественные конкурентные преимущества сибирских кластеров (достаточное количество электроэнергии, минеральных, топливных, водных и пахотных ресурсов) делают вполне выгодными инвестиции в создание на их базе новых энергоёмких и водоёмких производств. А это позволит создать более гармоничную и оптимизированную структуру регионального разделения труда в общих рамках Центральной Евразии между российской Сибирью, с одной стороны, и регионами Китая, Казахстаном, Ираном и Индией — с другой. Такой подход сделает сибирские кластеры более привлекательными для внешних инвестиций и из региона АТР — Республики Корея, Японии, Сингапура, и из Европы, да и для внутри-российских инвесторов.

Крайне важным является укрепление кооперации в рамках цепочек добавленной стоимости между Россией и Казахстаном. Ключевую роль здесь может сыграть металлургический комплекс Южного Урала,

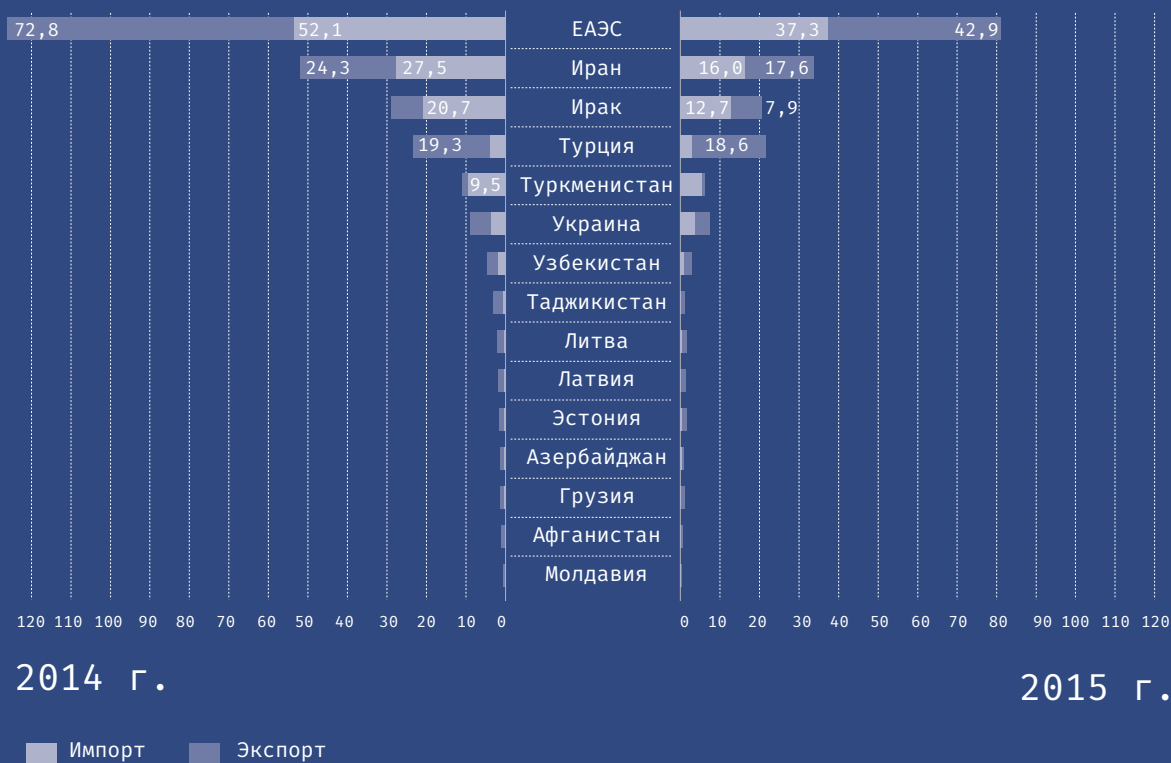
Пропускная способность и реальные перевозки железнодорожных, морских и автомобильных маршрутов

Объём торговли с Китаем в объединениях

Оборот внешней торговли стран ЭШП с Китаем, \$млрд

2014 г.

2015 г.

■ Импорт ■ Экспорт

Источник: Национальное бюро статистики Китая

давно и успешно работающий в тесном сотрудничестве с казахстанскими производителями сырья. Металлургическая продукция также могла бы отправляться на расширяющиеся рынки южных стран региона.

ПОВЕСТКА ДНЯ

Однако одним из препятствий реализации инициативы сопряжения может стать разница в институциональном оформлении ЕАЭС и ЭШП, в связи с чем необходимо создать общую платформу для выработки единой позиции. В силу ограниченной компетенции Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) в переговорах с Китаем занимает достаточно пассивную позицию, поскольку прерогативы Комиссии сводятся лишь к подготовке неприменимого торгового соглашения с КНР. Есть смысл задуматься о расширении полномочий ЕЭК в сфере инвестиций и транспорта, чтобы тем самым создать условия для выработки единого подхода стран-участниц ко всему комплексу вопросов сопряжения и предотвратить риск возникновения нескоординированных национальных треков взаимодействия с Китаем. Усиление роли ЕЭК в области транспорта продиктовано также необходимостью заложить основу для более глубокой транспортно-логистической кооперации стран ЕАЭС с другими государствами (согласно ст. 114 п. 1 и 2 договора), а также стимулировать сам процесс евразийской интеграции в данном секторе. А в развитии инвестиционного сотрудничества активная роль комиссии необходима для урегулирования вопросов защиты прав инвесторов и обеспечения гарантий вложенных средств.

Наряду с делегированием полномочий Евразийской экономической комиссии необходимо создать отдельный, постоянно действующий межправительственный комитет внутри самого ЕАЭС как переговорную площадку и орган по решению всех технических вопросов сотрудничества с Китаем. Подобная структура может также принять формат вице-премьеров, курирующих евразийскую интеграцию. Можно задуматься и о создании института постоянных координаторов по важным вопросам интеграции в ранге послов.

Общий институт важен и потому, что сопряжение ЕАЭС и ЭШП предполагает не только торговое взаимодействие сторон, но и реализацию различных инфраструктурных, инвестиционных программ. В идеале инициатива должна привести к постепенной гармонизации законодательства в части технических регламентов и взаимному признанию технических норм. Это требует решения вопроса регулирования и защиты инвестиций в области трудовой миграции и социальной защиты для обеспечения условий передвижения людей, а в перспективе — создание нового арбитража. Столь многоплановая повестка требует серьезной подготовки и технической базы, тщательного согласования возможностей каждой стороны. Институциональное оформление сопряжения ЕАЭС и ЭШП как раз призвано урегулировать все эти вопросы.

Наиболее успешным международно-правовым решением представляется формат «большого» договора ЕАЭС — страны-члены ЕАЭС — КНР, что позволило бы максимально учесть приоритеты каждого государства «пятерки» и одновременно расширить сферы сотрудничества Союза и Китая по тем направлениям, которые пока ещё не входят в область регулирования наднациональных органов. В институциональном плане также стоит поставить вопрос о создании совместного консультационного органа ЕАЭС — Китай, который мог бы обсуждать важнейшие текущие вопросы сопряжения и выработать рекомендации для органов государственной власти.

Необходимость решительных действий уже сейчас объясняется также возросшим интересом Индии, Ирана, Пакистана и других стран региона к ЭПШП. Поэтому развитие институционализации сопряжения упрочит позиции членов ЕАЭС, позволит им занять выгодное место в реализации китайских проектов, привлекая в то же время инвестиции и других региональных игроков. В этих целях в начале февраля 2016 года состоялось первое заседание рабочей группы по выработке предложений по совместным проектам в сфере транспорта и инфраструктуры в рамках сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Основным результатом встречи стало решение к началу марта 2016 года сформировать перечень приоритетных инфраструктурных проектов с учётом заинтересованности стран Союза. На основании этого документа будет выработана «дорожная карта» взаимодействия ЕАЭС и КНР. Важнейшим направлением сотрудничества должно быть взаимодействие институтов развития ЕАЭС и Китая при реализации масштабных инфраструктурных проектов.

Вслед за преодолением институциональной слабости ЕАЭС и политики сопряжения необходимо чётко определить содержание сотрудничества Союза и Китая. Реализация совместных проектов станет максимально успешной при существенном снижении или ликвидации барьеров в движении капиталов, услуг, товаров и рабочей силы. Дополнительный выигрыш принесёт разработка совместно с партнёрами в Китае, Казахстане, странах Центральной Азии, Монголии и Иране международной программы развития «Евразийские вертикали», направленной на укрепление меридиональных торгово-экономических связей Север — Юг. Отдельным вопросом может стать создание единой зоны свободной торговли ЕАЭС и ШОС в рамках сопряжения с ЭПШП с подключением к нему других азиатских форматов, в первую очередь АСЕАН.

Все эти организационные и институциональные решения должны быть подчинены одной общей цели — формированию в евразийском регионе целостного и открытого окружающему миру пространства совместного развития. Евразия — колыбель многих народов и цивилизаций, место зарождения и триумфа великих империй: китайской, персидской, монгольской, империй Тамерлана и Александра, Османской и Российской. Однако вплоть до XXI века Евразия не была целостным политико-экономическим образованием. Разрываясь между Европой и Азией, она была оттеснена в сторону от глобальной «морской» экономической системы, не имела собственной идентичности и воспринималась извне как пространство конкуренции великих держав. Сейчас такое положение дел начинает меняться. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад, создание ими и другими государствами региона пространства совместного развития должны привести к формированию здесь самостоятельного и устойчивого центра роста и политической стабильности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОВОРОТ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Настоящий поворот России на Восток только начинается. Его основные направления и измерения — это создание новых внутренних (организационных и правовых) условий для ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока, качественное усиление российского присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе и постепенное наращивание торгово-экономических и политических связей со странами Азии, формирование в Евразии нового пространства совместного развития. Поворот — это триединый процесс, каждое из измерений которого необходимо для поступательного

развития двух других. Поворот — это не «разворот» от Европы, а прагматичная ориентация на новые возможности, стремление быть адекватными современному миру.

Для поворота на Восток существуют объективные условия и предпосылки, он выгоден всем региональным игрокам. Успех России и её региональных партнёров может принести в Азию и Евразию больше мира и процветания. Ни одно из противоречий, про которые принято говорить в контексте поворота, не является объективным. Крупнейшие евразийские державы — Россия и Китай — двигаются на встречающих курсах, стремятся к согласованию своих региональных проектов и, по сути, ведут дело к формированию в Евразии нового сообщества.

Одновременно поворот на Восток сталкивается с противодействием извне и изнутри. Внерегionalные игроки рассматривают Азию и Евразию как арену борьбы — территорию, где они могут пытаться стравливать Россию и Китай, эксплуатировать якобы существующие между ними противоречия. Стремятся поддерживать раскол в Азии через систему двусторонних военных союзов и препятствуют созданию в АТР инклюзивного сообщества безопасности. Подлинным шоком на Западе стали достижения политических отношений Москвы и Пекина в 2014–2015 годах. Хотя сейчас наши западные партнёры и обращают внимание на то, что в период санкционной войны Китай публично не был готов чётко заявить о готовности экономически поддержать Россию.

Военно-политические кризисы в Европе и на Ближнем Востоке отвлекают внимание Москвы от стратегически более важного восточного направления. Как сказано в первой части доклада, Россия пока ещё недостаточно последовательна во взаимодействии с международно-политическими форматами в Азии. Она часто не приходит туда, где её ждут. Нужно пользоваться любой возможностью, постоянно общаться с региональными лидерами в политике и бизнесе, понимать, в чём содержание «запроса на Россию» и какие выгоды мы можем из него извлечь.

Россия не делает пока достаточно для того, чтобы Сибирь и Дальний Восток стали территорией, где иностранные инвесторы чувствуют себя комфортнее, чем в других краях. Хотя здесь уже сделаны серьёзные шаги и задана позитивная динамика. Важно не останавливаться и настойчиво рассказывать нашим азиатским партнёрам об открывающихся возможностях. Важнейшая внутривосточная задача — распространить успешные дальневосточные практики на Сибирь. Особенно это важно в контексте вовлечения сибирских регионов России в проекты развития Центральной Евразии. Региональные власти в таких центрах, как Тюмень, Красноярск или Новосибирск, должны выдвигать свои проекты трансграничного взаимодействия с вовлечением ведущих институтов развития.

В поведении ключевых партнёров России в регионе — Китая, Японии, Республики Корея — также присутствуют инерция и стремление к краткосрочным выгодам. Сохраняются страхи и неуверенность. В России опасаются, что Китай повернёт к США. В самом Китае многие боятся того, что Россия не выдержит груза взятых геостратегических обязательств и вернётся к квазиколониальному положению в отношениях с Западом. Несмотря на невиданные в истории масштабы политического доверия, точка невозврата пока не пройдена.

Нашей целью является придание стратегическому сближению и беспрецедентному по масштабам доверию между Россией и Китаем необратимого характера. Мы должны укрепить транспарентность и кооперативистскую философию наших отношений, придать им долгосрочный

стратегический характер, а также сформировать для них крепкую институциональную базу. Необходимо также исключить возможность для внешних сил разжигать недоверие между Россией и Китаем: надо последовательно расширять контакты между гражданами обеих стран и стремиться к установлению безвизового режима. Это позволит уже в среднесрочной перспективе вплотную приблизиться к формированию на евразийском пространстве новой международно-политической целостности, основанной на общих интересах и многих общих ценностях. Возникновение такого объединения сплотит Евразию и сделает её самостоятельным центром силы и влияния в глобальном масштабе.

Взаимная заинтересованность России и КНР в том, чтобы Казахстан и Центральная Азия не стали поставщиками нестабильности на их территории уже привела к выбору модели сотрудничества, а не конкуренции. Для России и Китая потенциальная нестабильность в Центральной Евразии представляет собой своего рода идеальный общий вызов, ответ на который возможен только через рациональную игру с позитивной суммой. Усилия по стабилизации этого региона могут стать для Москвы и Пекина спланирующим фактором в общем глобальном контексте. Процесс реконфигурации международного управления в экономической области необратим. Происходит становление крупных трансконтинентальных объединений, и две важнейшие евразийские державы не имеют, по-видимому, других разумных альтернатив, кроме как дальнейшее сближение.

Сейчас наша задача — определить, какие институциональные формы были бы оптимальными для того, чтобы придать процессу формирования сообщества интересов и ценностей в Центральной Евразии обратимый характер. Эти институциональные формы должны иметь всеобъемлющий и инклюзивный характер, сочетать политику и экономику, «мягкую» и «жесткую» силу, быть комфортными для великих, средних и малых держав. В наших руках потенциально превосходные институты международного сотрудничества и развития — Евразийская интеграция, финансовые институты Шёлкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Шанхайская организация сотрудничества, многосторонние форматы с участием ASEAN и многое другое. Нужно добиваться их совершенствования и взаимодополняемости. И, может быть, самое важное — развитие и институционализация ШОС может создать зонтичную организацию для Большого Евразийского сообщества развития, сотрудничества и безопасности, открытого, разумеется, для западной части континента — Европы.

Дальний Восток в зеркале Азии: взгляд из Индии

Санджая Бару

почётный профессор Объединённого института услуг (USI), Индия

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Индия и Россия традиционно имеют общие взгляды на геополитический баланс сил в Евразии. В первые годы после окончания холодной войны устремления обеих стран были связаны с Западом. Однако в последнее десятилетие Индия проводила политику ориентации на Восток (Look East Policy), стремясь восстановить своё политическое и экономическое влияние в Юго-Восточной Азии (ЮВА) и выстроить новые стратегические партнёрства с такими восточноазиатскими державами, как Япония и Южная Корея. Поворот России на Восток и переход Индии от политики «Смотри на Восток» к концепции «Действуй на Востоке» (Act East Policy) создали новые возможности для более тесных геополитических и геоэкономических отношений между Индией и Россией.

Россия — это экономика с избыточными сырьевыми ресурсами, тогда как индийская экономика характеризуется дефицитом этих ресурсов. Эта разница стала основой для нового партнёрства, опирающегося на общность геоэкономических интересов. Как экономика с избытком трудовых ресурсов и дефицитом энергоресурсов, Индия может выиграть от доступа к земельным (земледелие и продовольствие) и энергетическим ресурсам на Дальнем Востоке России. Как экономика, испытывающая дефицит трудовых ресурсов, Россия может выиграть от притока индийских трудовых мигрантов, который не представляет таких долгосрочных стратегических вызовов, как приток мигрантов из соседних регионов. Индия также является растущим рынком для российского экспорта.

Новое мышление, формирующее отношения между Россией и Индией, — это ответ на взаимные экономические потребности, особенно в контексте западных экономических санкций против России и вызовов, связанных с геополитическим и геоэкономическим усилением Китая на Дальнем Востоке. Чтобы в полной мере воспользоваться этими возможностями, Индия должна наращивать свою связанность с данным регионом. Растущее взаимодействие Индии с Восточной Азией и формирование Индо-Тихоокеанского региона в качестве моста между Индией и восточной Тихоокеанской дугой открывают новые возможности для российско-индийского партнёрства.

Индия рассматривает новую политику России на Дальнем Востоке как геополитическую и геоэкономическую возможность. Для реализации всего имеющегося потенциала России необходимо упростить визовый режим, процедуру оформления вида на жительство, а также проводить понятную и прозрачную политику в отношении иностранных инвестиций. Что касается индийского бизнеса, то ему необходимо исследовать новые возможности, помимо нефтегазового сектора, в сфере земледелия, разведки полезных ископаемых, создания производственных мощностей и грузоперевозок. Дальний Восток России может также стать производственной базой для индийских экспортёров, стремящихся получить доступ к рынкам Северо-Восточной Азии.

ИНДИЯ И РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

До конца 1980-х гг. Советский Союз был в числе крупнейших торговых партнёров Индии наряду с Европой. Распад СССР нарушил эти важные экономические связи: доля России во внешней торговле Индии упала с 16% в 1988 г. до 2% в 1992 г. Но даже когда Индия и Россия решали такие проблемы, как переход от торговли в рупиях и рублях к расчётам в долларах и обеспечение непрерывного доступа к стратегическому импорту, включая ядерные материалы и продукцию оборонной промышленности, идея поиска новых путей поддержания двусторонних отношений уже витала в политических коридорах Нью-Дели. Я вспоминаю разговор с покойным К. Субраманьямом, который долгое время был директором Индийского института оборонных исследований и анализа, в середине 1990-х гг. Ещё тогда он говорил о том, что Индии нужно использовать ресурсный потенциал российского Дальнего Востока¹. Субраманьям был проницательным человеком. Он сравнивал Дальний Восток России с теми регионами Канады, где давно поселились фермеры из индийского штата Пенджаб, добившись там больших успехов в своём деле². Несмотря на такое раннее признание экономического значения российского Дальнего Востока для Индии, правительства двух стран до сих пор не вышли за рамки энергетического сектора для реализации имеющегося потенциала. Инвестиции Индии в нефтегазовую отрасль России до сих пор остаются единственным направлением, по которому происходит сколько-либо значимое экономическое взаимодействие между двумя странами.

Декларация о стратегическом партнёрстве России и Индии, подписанная в 2000 г., стала основой для долгосрочного сотрудничества между ними в сфере энергетики. В 2001 г. международное отделение индийской Oil and Natural Gas Corporation (ONGC), Oil Videsh Limited, инвестировало в нефтяное месторождение «Сахалин-1», выкупив 20% акций. Это стало крупнейшим инвестиционным проектом Индии в нефтяной сфере за рубежом. В 2004 г. Россия и Индия договорились о совместной разведке газовых месторождений в Каспийском море. С тех пор заинтересованность Индии в инвестировании средств в нефтегазовые месторождения Дальнего Востока, включая шельфовые месторождения, постоянно росла. Однако эта деятельность в энергетической отрасли до последнего времени не подкреплялась сопоставимым прогрессом в сельскохозяйственной и промышленной сферах.

Отсутствие должного уровня взаимодействия с российским Дальним Востоком было лишь одним из аспектов общего ослабления связей между Индией и Россией в 1990-е гг. Основная причина заключается в том, что обе страны были сконцентрированы на задаче улучшения отношений с Западом. В то время как Россия была больше занята выстраиванием отношений с Европой, Индия развивала новое партнёрство с США. Этот более широкий контекст снижения двусторонних контактов обусловил отсутствие какого-либо активного взаимодействия на российском Дальнем Востоке. Даже индийская политика «Смотреть на Восток», провозглашённая в начале 1990-х гг. с целью обновления связей со странами ЮВА, в лучшем случае была нацелена на развитие более тесного экономического взаимодействия с Японией и Южной Кореей и до последнего времени не выходила за эти рамки.

¹ Замечание сделано в ходе личной беседы автора с К. Субраманьямом в 1993–1994 гг.

² См., например, Punjabi Farmers in Canada Contribute Immensely // Hindustan Times. 2016. March 19. URL: <https://www.hindustantimes.com/punjab/kisan-mela-punjabi-farmers-in-canada-contribute-immensely/story-qoV4wqT8oqmZYL7ucbmQgJ.html>

И хотя Индия только недавно начала проявлять заметную заинтересованность в российском Дальнем Востоке, подобное взаимодействие представляется естественным выбором двух стран ввиду структуры их экономик. Индия — экономика с дефицитом ресурсов и избытком рабочей силы, тогда как Россия — экономика, имеющая избыток природных ресурсов, но страдающая от нехватки рабочей силы. Поэтому более активное участие Индии в экономическом развитии российского Дальнего Востока более чем оправданно.

СОБЫТИЯ ПОСЛЕ 2012 ГОДА

Интересно, что и Индия, и Россия наращивали взаимодействие с ЮВА в 1990-х гг., став партнёрами по Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), членами Регионального форума АСЕАН (АРФ), а затем и членами Восточноазиатского саммита (ВАС). Большинство аналитиков отмечает, что председательство России в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 2012 г. ознаменовало начало взаимодействия с Восточной Азией на новом, более высоком уровне. Этот процесс был обусловлен несколькими факторами: разочарованностью России безуспешными попытками сближения с Европой, озабоченностью по поводу усиления Китая, который становился доминирующей геоэкономической и геополитической державой в Азии и, самое главное, превращением Азии, особенно Восточной и Юго-Восточной, в новый локомотив мирового экономического роста.

После финансового кризиса 2008–2009 гг., бушевавшего по обе стороны Атлантики, США и Евросоюз переживали экономический спад, а китайская экономика, наоборот, укрепилась. Этот кризис лишь ускорил основополагающую тенденцию смещения центра тяжести в мировой экономике с Запада на Восток. В совокупности все эти факторы побудили Россию уделять больше внимания своему Дальнему Востоку. Проведение саммита АТЭС 2012 г. во Владивостоке лишний раз просигнализировало о происходящем сдвиге. В том же году президент Владимир Путин, выступая на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ), сказал: «Мы готовы дать инвесторам больше, чем просто новое качество финансовой, транспортной и энергетической инфраструктуры. Новый евразийский рынок, предлагающий новую конфигурацию и колоссальные потенциальные возможности, находится в процессе формирования. Россия развивает интеграционные проекты в евразийском регионе в неданных прежде масштабах и с беспрецедентной скоростью». Освоение евразийских рынков — часть российского аналога индийской политики «Смотри на Восток»³.

Индия долгое время не обращала должного внимания на новый поворот России на Восток. Однако к 2017 г. она также начала участвовать в этом процессе. На ПМЭФ 2017 г. Индия была почётным гостем. Выступая на форуме, премьер-министр Нарендра Моди подчеркнул, что индийско-российские отношения основаны на доверии и будут стремительно развиваться в быстроменяющемся мире. В сентябре 2017 г. министр иностранных дел Индии Сушма Сварадж возглавила делегацию крупных бизнесменов на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) во Владивостоке

³ Lo B., Hill F. Putin's Pivot: Why Russia is Looking East // Brookings Institution, 2013. July. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/putins-pivot-why-russia-is-looking-east/>

и заявила о приверженности Индии более тесному экономическому сотрудничеству с российским Дальним Востоком⁴.

ГЕОЭКОНОМИКА ИНДИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Как уже упоминалось, интерес Индии к российскому Дальнему Востоку в основном был продиктован её потребностью в природных ресурсах этого региона, в том числе в его пахотных землях. В недавно опубликованном индийском исследовании говорится, что нефть и природный газ, железная руда, медь, алмазы и золото, питьевая вода, лес и рыбные запасы — это те ресурсы региона, которые будут востребованы на индийском рынке⁵. В этот список нужно также внести пахотные земли. Ключ к получению Индией доступа к этим ресурсам — это наращивание взаимосвязанности с этим регионом. Индия подчёркивает необходимость инвестиций в грузоперевозки и порты, развитие «синей экономики» («экологичной» экономики. — Прим. пер.) в Индийском океане и Индо-Тихоокеанском регионе. Растущие экономические связи Индии с Японией, Южной Кореей, Тайванем и Китаем сделали Северо-Восточную Азию важным геоэкономическим регионом для развития Индии. Российский Дальний Восток — это следующий шаг, сулящий большие экономические выгоды для Индии.

Следовательно, необходимой предпосылкой для увеличения объёмов торговли и инвестиций между Индией и Дальним Востоком России было бы развитие инфраструктуры, нацеленной на наращивание взаимосвязанности между двумя регионами. Чтобы стимулировать инвестиции в развитие транспортных коридоров и соответствующей инфраструктуры, необходимой для сельскохозяйственного и промышленного освоения российского Дальнего Востока, а также вызвать интерес к этому региону у индийских инвесторов, Индии и России следует подписать соглашение о свободной торговле, облегчить визовый режим и улучшить транспортное сообщение.

Взаимосвязанность — это ключ к развитию в современном мире. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) является очередным подтверждением важности инвестиций в этой сфере для общего экономического развития. Индии и России также необходимо инвестировать в наращивание взаимосвязанности между двумя странами, а также повышение эффективности развиваемых связей. Поскольку сообщение по суше осложняется геополитическими препятствиями и соображениями безопасности, можно развивать морские транспортные пути. Отсюда важность развития судоходства и «синей экономики».

Именно в этом контексте было предложено развитие морского пути Ченнаи — Владивосток⁶. Это сообщение облегчит товарный обмен между двумя восточными портами двух стран, сократив время перевозок до 24 дней в сравнении с 40 днями, за которые корабли прибывают в Индию

⁴ India wants to extend its ties with Russia's Far East: Swaraj // The Hindu Business Line. 2017. September 7. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/economy/india-wants-to-extend-its-ties-with-russias-far-east-swaraj/article9847330.ece>

⁵ Rekha C. Relevance of Russian Far East in India's Geo-Economic Interests // Centre for Air Power Studies, 2017. December. URL: http://capsindia.org/files/documents/CAPS_ExpertView_CR_04.pdf

⁶ Silk Road Briefing. Chennai to Vladivostok. 2017. September 14. URL: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2017/09/14/chennai-vladivostok-india-russia-maritime-overland-routes-develop/>

через Европу. Судоходный маршрут Ченнаи — Владивосток мог бы стать стержнем Индо-Тихоокеанского морского пути между Индией и Дальним Востоком, а также Северо-Восточной Азией в целом. Однако экономика этого маршрута будет зависеть от общего уровня экономического взаимодействия Индии с государствами Северо-Восточной Азии в общем и российским Дальним Востоком — в частности. Активное наращивание морских транспортных путей потребует развития двусторонней торговли, чтобы корабли с товарами шли в оба конца.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Хотя долгосрочные экономические интересы образуют фундамент значимых двусторонних связей между Индией и российским Дальним Востоком, непосредственные геополитические и оборонные соображения также влияют на принятие экономических решений. Усиление Китая в качестве крупной экономической державы в Азии, источника инвестиций, рынка экспортных товаров и, главным образом, источника массовой трудовой миграции изменило геоэкономику и геополитику российского Дальнего Востока. Хотя Китай будет оставаться важным игроком в экономике и политике и гарантом безопасности региона, что лишний раз подчёркивается инициативой ОПОП, России следует избегать риска излишней зависимости от Китая⁷. С точки зрения России, имеются веские основания для того, чтобы развивать связи с другими крупными экономическими игроками в Азии, включая Японию, Корею и Индию. Индия одновременно является хорошим рынком для российского экспорта и российских инвестиций. Помимо исключительно экономических соображений, российско-индийские отношения всегда строились на общности геополитических интересов, взаимном доверии и сотрудничестве в сфере обороны и безопасности.

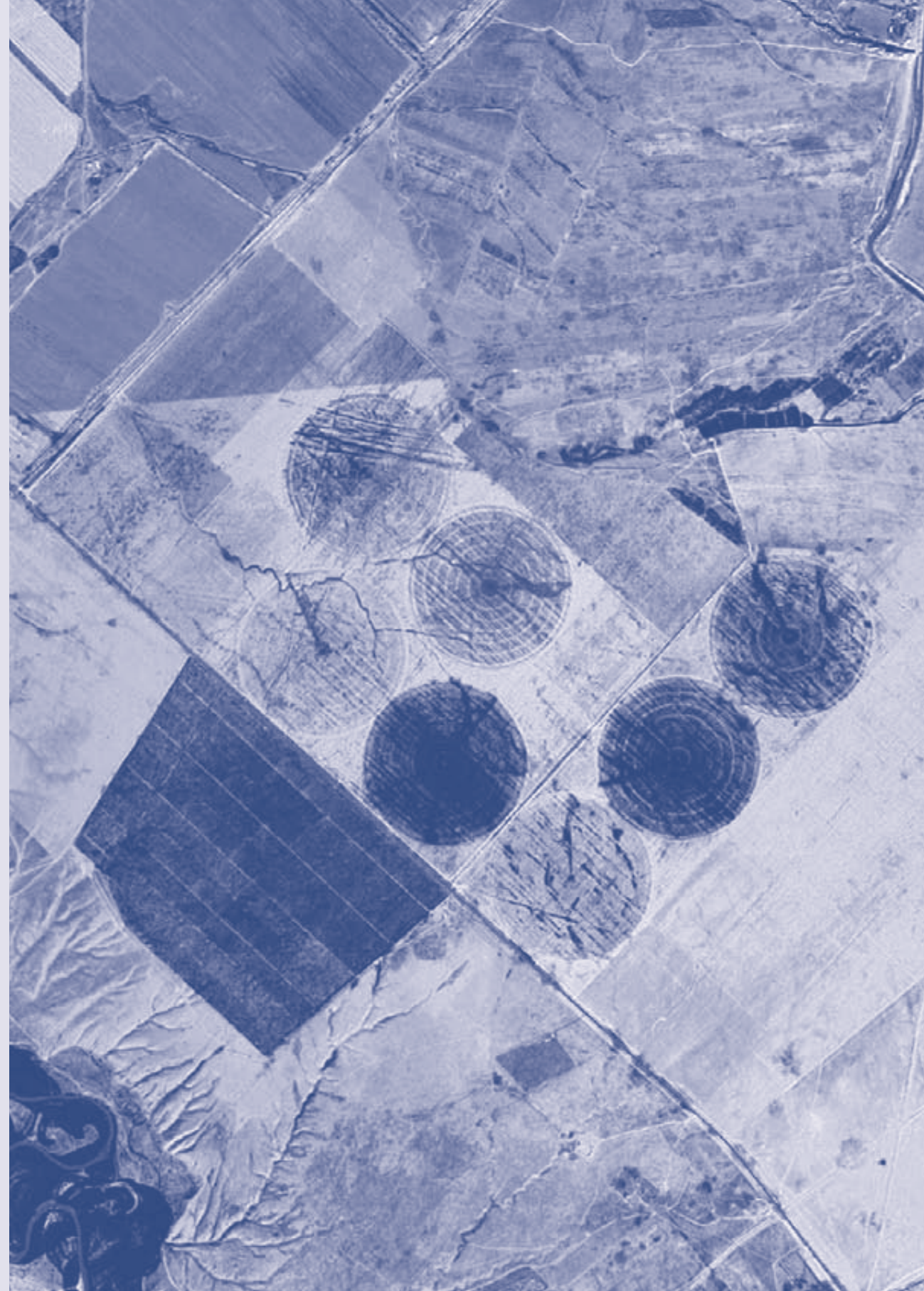
Поскольку Китай в последнее время стал доминирующей силой в этом регионе, очевидно, что геополитические факторы будут уравновешивать любой экономический дисбаланс⁸, который может возникать по причине низкого уровня такого взаимодействия. Другими словами, даже если деловые связи России и Китая будут интенсивнее, чем у России с Индией, Москва и Нью-Дели могут сделать ставку на перекрёстное субсидирование своего экономического взаимодействия по геополитическим соображениям. Например, даже если судоходный маршрут Ченнаи — Владивосток не представляется на данном этапе перспективным экономическим проектом с учётом низкого уровня двусторонней торговли, правительства двух стран могут, тем не менее, выступить за его реализацию ввиду общих геополитических интересов, а также приоритетов в сфере безопасности.

⁷ Sanghi A., et al. A Rebalancing China and Resurging India: How will the pendulum swing for Russia? The World Bank Group, Russia. 2017.

⁸ Chaudhury D.R. In Balancing Act, Russia Opens Far Eastern Region to India // The Economic Times. 2018. July 12. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/in-balancing-act-russia-opens-far-eastern-region-to-india/articleshow/60283658.cms>; Sharma R. India and Russia Are Getting Together to Counter-Balance China — This Time in Russian Far East // CNN News. 2017. September 11. URL: <https://www.news18.com/news/india/opinion-india-and-russia-are-getting-together-to-counterbalance-china-this-time-in-russian-far-east-1514833.html>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

Стремительность наращивания экономического взаимодействия между Индией и Дальним Востоком России в последние два года — после участия премьер-министра Нарендры Моди в ПМЭФ и министра иностранных дел Сушмы Сварадж в ВЭФ 2017 г. — говорит о том, что правительства обеих стран серьёзно относятся к обновлению индийско-российских отношений. Особенно в контексте развития российского Дальнего Востока и политики поворота на Восток, провозглашённой в Москве, и индийской политики «Действуй на Востоке». Это служит хорошим предзнаменованием. Но чтобы сохранить динамику такого взаимодействия, правительства обеих стран должны стимулировать компании частного сектора активнее использовать новые экономические возможности не только в нефтегазовой отрасли, но также в промышленности и сельском хозяйстве. Миграция индийских граждан, особенно фермеров, на Дальний Восток, а также устойчивые инвестиции в энергетические и промышленные проекты необходимы для того, чтобы хотя бы частично уравновесить превалирование Китая в этом регионе.

Руководитель авторского
коллектива и ответственный
редактор:

С. А. Караганов

почётный председатель
Президиума Совета
по внешней и оборонной
политике

Т. В. Бордачёв

директор Центра комплексных
европейских и международных
исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ

Члены авторского
коллектива:

А. А. Безбородов

генеральный директор
агентства Infranews

В. Б. Кашин

старший научный сотрудник
Цentra комплексных
европейских и международных
исследований НИУ ВШЭ,
ведущий научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН

А. С. Королёв

стажёр-исследователь
Цentra комплексных
европейских
и международных
исследований НИУ ВШЭ

А. Б. Лихачёва

заместитель директора
по прикладным исследованиям
Цentra комплексных
европейских
и международных
исследований НИУ ВШЭ

И. А. Макаров

руководитель образовательной
программы «мировая экономика»
факультета мировой
экономики и мировой
политики НИУ ВШЭ, старший
научный сотрудник Цentra
комплексных европейских
и международных
исследований НИУ ВШЭ

И. А. Степанов

стажёр-исследователь
Цentra комплексных
европейских
и международных
исследований НИУ ВШЭ

А. К. Соколова

стажёр-исследователь
Цentra комплексных
европейских
и международных
исследований НИУ ВШЭ

В. А. Шумкова

стажёр-исследователь
Цentra комплексных
европейских
и международных
исследований НИУ ВШЭ

Часть пятая

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ: ОТ ПОВОРОТА НА ВОСТОК К БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Взгляд из 2019 года

Сергей Караганов

В докладе звучат и традиционные для наших размышлений и предложений пока нераскрытые темы — необходимость объединить Дальний Восток и Сибирь в единый макрорегион развития, нацеленный на поднимающуюся Азию, необходимость развивать транспортные магистрали не только восток — запад, но и север — юг. Они должны связать Россию с западными регионами Китая, и с Ираном с выходом на Индию, Пакистан. Новым элементом в нашем исследовании стал анализ и предложение по соединению Евразийского экономического союза с поворотом на Восток — по развитию ЕАЭС, пока не отвечающего задачам, стоящим перед большой евразийской интеграцией.

Естественно, даётся актуальный на тот период анализ экономических связей с ведущими странами Азии, которые начали стагнировать после российского замедления из-за санкций и кризиса 2014–2016 годов. Сейчас замедление не преодолено, но торговля, особенно с Китаем, начала динамично расти. Но в этой работе, как и в ряде других записок и статей, мы подчёркиваем необходимость диверсификации российско-азиатской торговли на АСЕАН, Японию, Республику Корея. И особенно на Индию, торгово-экономические отношения с которой до смешного (или грустного) невелики.

Из других исследований в этот доклад был перенесён вывод о неизбежной делиберализации мировой экономики, в том числе в технологической отрасли, о том, что санкции — новая норма. В этой связи выдвигаются идеи создания «технологических альянсов» по группам технологий с Китаем и другими странами БРИКС, чтобы обеспечить достаточный рынок для незападных производителей технологических инноваций.

Но главное в этом докладе — сформулированные в достаточно развёрнутой форме концепции партнёрства (сообщества) Большой Евразии. Эта концепция была рождена как термин, понятие, на рубеже 2013–2014 гг., а к 2016–2017 гг. мы с коллегами из других институтов, ведомств её сформулировали и представили в ряде публикаций, записок и, главное, в этом докладе как вероятное и желательное направление мирового развития и последующее насущное геэкономическое, геополитическое и геоидеологическое позиционирование России как севера и центра Большой Евразии.

Заодно мы выявили различия между старым российским-советским евразийством, преимущественно антизападным и по большей части нацеленным в прошлое, и новым «большим» евразийством, весьма, как мы считаем, модернистским и нацеленным в будущее. Впрочем, хотя и не в этом докладе, мы с благодарностью признаем заслуги старых российских евразийцев, изучали их работы. А одно из любимых и цитируемых, хотя иногда и с юмором, стихотворений руководителя авторского коллектива, то есть меня, — «Скифы» великого русского поэта Александра Блока:

Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Концепция Большой Евразии прописана в докладе достаточно подробно, содержит десятки конкретных предложений для будущей политики России и других евразийских держав, включая, разумеется, и западное окончание

суперконтинента — Европу. Не буду их повторять в этом предисловии. В политико-интеллектуальном плане этот доклад как бы венчал наши разработки предыдущих 8 лет, касавшиеся обоснования выгоды и целесообразности российского поворота к Востоку, к Азии.

Но к концу 2017 года у нас начало складываться ощущение, что поворот может начать замедляться и пробуксовывать из-за его чрезмерного технологизма и экономизма, недостаточной социальной и культурной включённости в него, в концепции строительства партнёрства Большой Евразии, потенциально главных носителей поворота — жителей и элит Сибири и Дальнего Востока. Об этом — следующий и последний из включённых в эту книгу докладов.

Вступление. Поворот состоялся

Нынешний тур российского поворота на Восток был задуман во второй половине 2000-х гг. как во многом запоздалый экономический ответ на подъём Азии, открывавший для России, в первую очередь для её восточной части, многие новые возможности для развития. Этот потенциальный подъём позволял превратить Зауралье, Дальний Восток из преимущественно имперского бремени или тыла в противостоянии с Западом, иногда фронта в соперничестве с Японией или Китаем, в потенциальную территорию развития и роста для всей страны. Целесообразность поворота обосновывалась и прогнозом представлявшегося неизбежным замедления экономики главного традиционного партнёра — Европы, и усложнением взаимоотношений с ней и с Западом в целом. Становилась ещё более очевидной необходимость диверсификации экономических связей, внешних источников развития.

Эти оценки были подкреплены рядом мощных тенденций, выявившихся за последнее десятилетие. Во-первых, это небывало быстрое в истории перераспределение мировых сил. Во-вторых, развал и кризис «мирового порядка», навязывавшегося миру Западом с начала 1990-х гг., показавшийся ему окончательной «победой». В-третьих, это вышедший на поверхность процесс относительной деглобализации и регионализации мировой экономики и политики. В-четвёртых, это политизация экономических отношений, убыстрившаяся, связанная с предыдущими тенденциями и делающая взаимозависимость и зависимость от одного рынка относительно менее выгодной, если не просто опасной.

Наконец, вышла на поверхность тенденция «Азия для Азии» вместо «Азия для мира». Развитие в Азии, в Китае стало всё больше ориентироваться на внутренние и региональные рынки. Параллельно стал нарастать процесс духовно-идейной эмансипации в прошлом великих цивилизаций Азии, оказавшихся в последние два века в колониальной или полуколониальной зависимости от Запада. Азиатские страны впитали многие западные достижения, воспользовались созданным им либеральным мировым экономическим порядком, усилились и стали требовать себе адекватного места и на идеостратегической карте мира.

Стала очевидной и неизбежной хотя бы временного отхода США, уставших от затратной роли мирового гегемона. Уже Б. Обама пришёл с курсом на внутреннее возрождение. Но старые элиты и инерция не позволили ему уйти от дорогостоящего и неэффективного интервенционизма. Трамп усилил тенденцию «ухода в себя». США превратились в опасную амальгаму остаточного интервенционизма и полуизоляции. Всё более очевидно США стремятся к созданию своего собственного центра, частично сбрасывая невыгодные глобальные обязательства. Начала складываться тенденция к формированию через многополярный мир с его неизбежным хаосом условно двухполярного мира. С одним полюсом вокруг США, другим — в Евразии. Экономическим ядром последнего выглядит Китай. Но евроазиатский центр состоится, только если Пекин не будет претендовать на роль гегемона. Но, как бы то ни было, оказалось, что, наконец повернув на Восток, Россия открыла для себя многие изначально не очевидные для многих возможности.

Поворот России на Восток, многократно провозглашавшийся, но реально начавшийся политически и экономически только в 2011–2012-х гг., во многом произошёл. Несмотря на спад российской внешней торговли и девальвацию рубля, торговля с Азией снова растёт — быстро увеличивается её доля в общем внешнеторговом обороте страны. Уходит

в прошлое невыгодная и нездоровая структура торговли, сложившаяся в годы развала советского хозяйственного комплекса и хаотического восстановления, когда страна в обмен на энергоносители получала относительно дорогие и менее экономически эффективные товары с Запада, прежде всего из Европы. Диверсификация внешнеторговых потоков создаёт для России более выгодные позиции и в экономическом, и в политическом торге, смещает его баланс в её пользу.

На Восток идут не только энергоносители, но и в растущей степени сельскохозяйственная продукция, другие водоёмкие товары, вооружения. Начался быстрый рост инвестиций, пока в значительной мере из Китая. По разным оценкам, их накопленный объём уже составляет от \$ 16 до \$ 30 млрд, если уже не \$ 40 млрд. Дальнейший рост торговли и инвестиций заложен серией макропроектов в энергетической области, запуском проекта Свободный порт Владивосток, в который входят большинство портов российского тихоокеанского побережья. Начали функционировать 18 TOP. Хотя есть и очевидные проблемы, недоработки как на уровне Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и подчинённых ему агентств, так и на уровне региональных властей. Сильна инерция ныне явно устаревшего европоцентризма.

Отношения России и Китая носят де-факто, но не де-юре союзнический характер. Они всё больше дополняются и балансируются укреплением отношений с Японией, Вьетнамом, другими странами АСЕАН, Индией, Южной Кореей, Ираном. Вместо предсказывавшегося соперничества между Москвой и Пекином в Центральной Азии налаживается, хоть и медленно, сопряжение между ЕАЭС и китайским Шёлковым путём. По сути, создаётся стратегическое партнёрство по стабилизации этого региона, где Россия отвечает больше за безопасность, а Китай — за благосостояние. Хотя сейчас Россия для большинства стран, например, Центральной Азии является главным гарантом социальной стабильности, предоставляя рабочие места сотням тысяч выходцев из этого региона. Российская политика в Азии становится всеобъемлющей, стратегической. Но впереди ещё долгий путь.

Замедлился отток населения с Дальнего Востока. Можно ждать его прекращения, а дальше и поворота вспять уже в ближайшее десятилетие. Разумеется, экономический поворот идёт крайне медленно и из-за накопленной инерции, в том числе экономического мышления, и из-за медлительности российского госаппарата, коррумпированности элит и, главное, из-за экономической стагнации, слабости инвестиционного климата, в первую очередь для российского МСП. Сибирь пока не стала землёй экономической свободы. А только так она и развивалась, когда развивалась, в царские времена. Показательно, что до сих пор не реализовано решение правительства по переносу головных офисов ряда корпораций и федеральных ведомств на Дальний Восток. А мы вообще считаем целесообразным создание третьей, восточной, сибирской, тихоокеанской, столицы России.

Повторим, впереди ещё долгий путь. Но главное произошло — изменилась геостратегическая и геоидеологическая ориентация российской правящей элиты. На протяжении последних более чем 300 лет, несмотря на продолжавшуюся территориальную экспансию на Восток, наша элита по большей части полагала свою страну периферией Европы, стремящейся к ней или отталкивающейся от неё. В Европе такое стремление благосклонно подпитывали, пытались получить и часто получая от стремящегося в клуб кандидата экономические и политические уступки. Последний пример — провалившаяся попытка поздней советской и ранней российской элит «стать своими», играть по предложенным правилам роль ученика.

Подстегнули охлаждение стремления России к Европе новейшие европейские, часто уже постевропейские ценности, и брюссельский (и берлинский) демократический мессианизм, начавший усиливаться с конца 2000-х гг. параллельно с нараставшими проблемами внутри ЕС. На социальном уровне большая часть российского общества получила то, что в России считалось «Европой» — полные прилавки магазинов, более комфортную и гуманную среду обитания, возвращение к христианству, элементам демократии, большинство необходимых технологий. А современный европейский политический строй и новейшие постевропейские ценности у большей части российского общества пока (или вообще) не востребованы.

И, понятно, ключевую роль в ослаблении стремления большей части российских элит к Европе сыграла жадная и безрассудная новейшая политика экспансии западных союзов на территории, которые в России считали жизненно важными с точки зрения обеспечения её безопасности, за которые народы Российской империи и СССР положили многие миллионы жизней. Эта политика привела к провалу проекта создания устойчивой системы европейской безопасности, общеевропейского дома, союза Европы. Напряжение и взаимное отстранение нарастали постепенно. Наконец, в 2013–2014 гг. произошло резкое обострение политических отношений. Введение санкций как для оказания давления на Россию, так и, ещё больше в попытке создать «внешнего врага», остановить внутреннее расползание ЕС, показало опасность чрезмерной экономической зависимости от европейского рынка, подстегнуло поворот к новым рынкам.

Отстранение от Европы пошло и на идеологическом уровне: старообразные антизападные и антиевропейские евразийцы были частично оттеснены бывшими относительными западниками. Часть из них стала заявлять, что «Россия — не Европа». Другая часть элиты стала утверждать, что Россия и есть настоящая Европа, а ЕС — больше нет. Третья часть, не идя столько далеко, стала считать разумным курс на возможно временную культурную и политическую отстранённость.

Вопрос о культурном самоопределении России визави Европы окончательно не определён. Хотя направление движения очевидно. Но главное произошло всё-таки в политике и геостратегическом самоопределении и всё больше — в экономике. Из провинциальной европейской Россия стала самоопределяться как центральная евразийская или, возможно, как северная евразийская держава. Евразия в российском современном геополитическом мышлении включает и Запад континента и не является антиевропейской концепцией, как это было в построениях старых российских, советских и снова российских евразийцев.

Новая российская геополитическая и геоэкономическая самоидентификация означает эмансипацию от моральной и политической зависимости от Запада, качественное усиление позиций в диалоге и взаимодействии с ним. При этом Россия не собирается отказываться от сотрудничества с европейскими странами там, где оно приносит пользу. Такой отказ не только не выгоден экономически, да и невозможен, но и идеологически опасен, угрожает идентичности большинства россиян, считающих себя европейцами, даже если им и не нравится многое в современной Европе, которая всё больше становится пост-Европой, отказываясь от значительной части ценностей, которые её определяли и которые в России считали своими.

На основе оценки и прогноза геоэкономических и геополитических тенденций, а также опираясь на первые результаты своего экономического, политического и ментального поворота на Восток, в России была высказана идея формирования новой общности — партнёрства Боль-

шой Евразии. Эта идея была официально поддержана руководством и России, и Китая, стала двусторонней инициативой, разумеется, открытой для других стран.

Новая российская азиатская политика будет тесно интегрироваться с её вторым, европейским направлением, и с третьим — южным. И с четвёртым — северным, арктическим. И, конечно, с американским. По возможности. На новом витке и с новых позиций, и на новых основах весьма полезной стала бы новая активизация сотрудничества страны с другими европейскими странами, россиян — с другими европейцами. Европа — привычный партнёр и удобный поставщик многих технологий и товаров.

Новое сближение со старыми партнёрами облегчается и российскими внешнеполитическими успехами. На Украине, пусть и с запозданием и большой ценой, была остановлена смертельно опасная экспансия западных союзов. В Сирии — безумная политика смены режимов. Из полувековой, отбивающейся, Россия вернулась к своей привычной роли державы-победительницы, к новой уверенности в себе. Сегодня Россия выступает одним из главных идейных вдохновителей формирования нового мирового геоэкономического и геостратегического полюса — Большой Евразии. За последние два года российской дипломатии удалось достичь значительного прогресса на данном направлении, укрепив сотрудничество с ключевыми региональными партнёрами.

Но Большая Евразия — это общий проект, открытый для всех, и не только на самом Евразийском континенте.

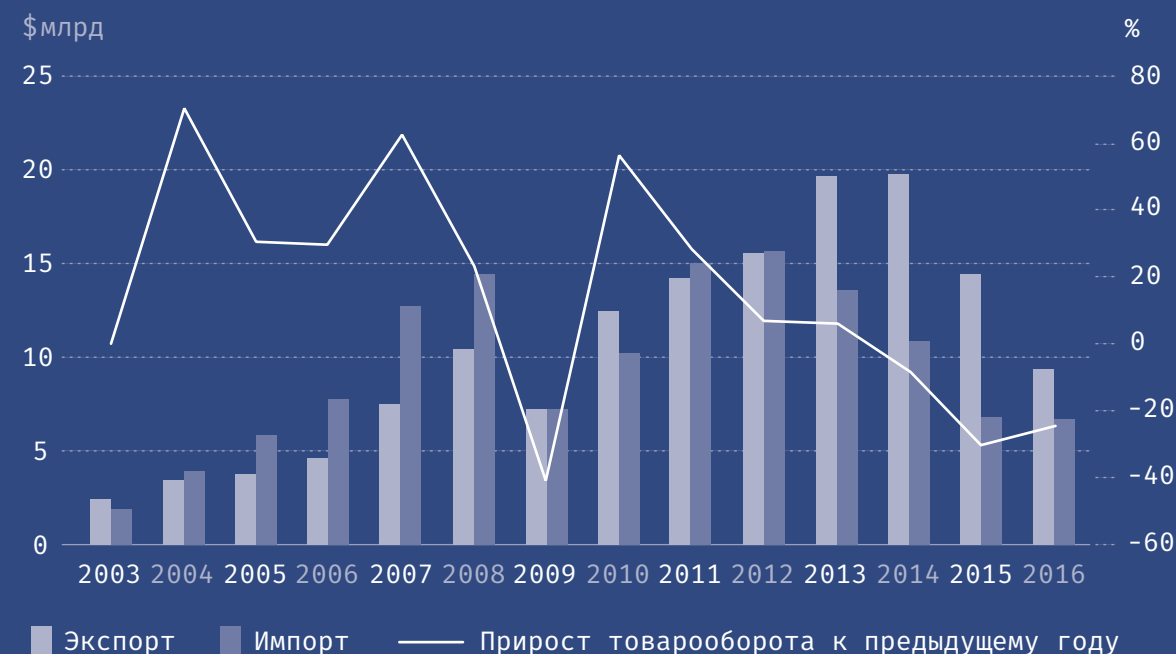
РОССИЯ И ЕЁ ПАРТНЁРЫ В АЗИИ И ЕВРАЗИИ

Важнейшей особенностью политики поворота на Восток за последние годы стала диверсификация экономических и отчасти политических связей с ключевыми региональными игроками. Сейчас, как результат в том числе и этой политики, отношения каждого из значимых региональных партнёров с Россией гораздо лучше, нежели чем друг с другом. Благодаря тому, что поворот имеет ярко выраженный экономический характер и его первостепенной задачей является внутреннее развитие самой России через привлечение инвесторов и открытие рынка азиатских государств, удаётся эффективно избежать втягивания в обсуждение свойственных региону морских, территориальных и других споров. Достаточную степень отстранённости Россия демонстрирует и в отношении северокорейской ядерной проблемы, хотя и поддерживает меры ООН по принуждению Пхеньяна к отказу от развития программы оружия массового поражения.

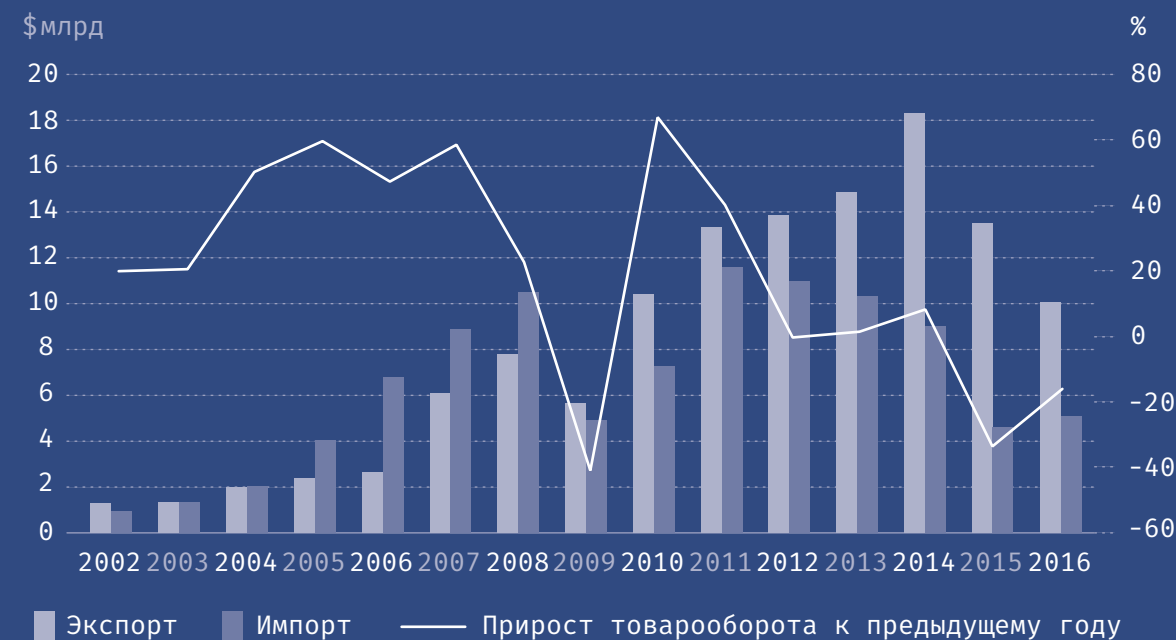
Однако **региональные партнёры ещё не до конца понимают цели России и принципы её политики в Азии и Евразии. Это непонимание пока является препятствием к дальнейшему укоренению России, её товаров и услуг на региональных рынках.** Мифы и плохой опыт 20-летней давности рассматриваются как препятствия для инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке. При этом, повторим, цель политики поворота — это развитие России и её регионов, движение в сторону того, чтобы оставаться полноценной великой державой современного мира. А это в российском случае — тихоокеанско-атлантической, северной и центральной евроазиатской. Необходимым условием приобретения такого качества является субъектность страны в мировой политике и экономике и способность выступать источником важных региональных инициатив и проектов. Что не исключает активного подключения к проектам, как подтверждает опыт взаимодействия с китайской инициативой «Один пояс, один путь». Такое

Торговля России

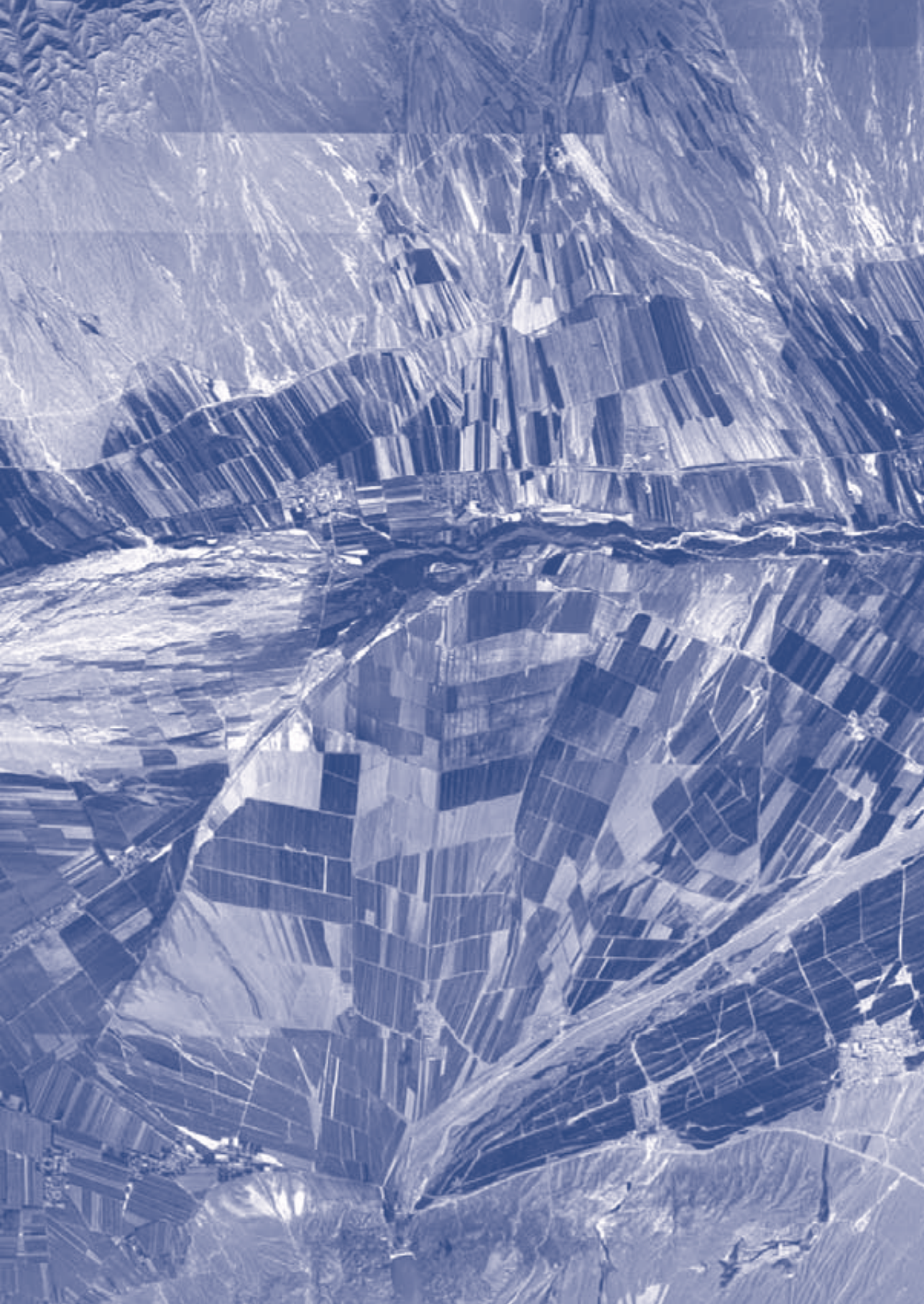
С Японией

С Республикой Корея

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org

сотрудничество может принимать форму торговых договоров разной степени глубины, присутствия на политических, дипломатических и экспертных площадках. Всё это должно вести к большей интегрированности России в региональные связи и диверсификации её торгово-экономических и политических отношений.

Китай и китайское руководство сыграли исключительно важную роль в том, что России было легче отстаивать свои интересы в непростые 2014–2016 гг. И при продолжении существующей парадигмы Россия не пойдёт на решения, ущемляющие в чём-либо жизненно важные китайские интересы.

Одновременно, развитие экономического сотрудничества, например, с Японией или Республикой Корея является почти не менее важным, чем развитие и укрепление уже сформировавшегося партнёрства, если не де-факто союза, с Китаем. В силу своего достаточно уникального места в мировой экономике и технологиях Япония изначально рассматривалась как один из ключевых партнёров, в первую очередь потому, что в технологическом и управленческом плане это наиболее развитая страна Азии, в наибольшей степени способная стать донором новых технологий и современных практик управления для российских компаний. Однако украинский кризис и перешедшая в открытую фазу конфронтация России с Западом скорректировали эти планы. Япония под давлением США присоединилась к санкциям против России, и переговоры по большинству новых проектов были заморожены.

Пока основным барьером для российско-японских отношений остаётся неразрешённый территориальный вопрос, касающийся четырёх островов на юге Курильской гряды. Серьёзной проблемой служит слабое развитие двусторонней торговли, значительно просевшей за последние годы. В 2015 г. двусторонний товарооборот составил \$ 21,2 млрд, что на 30,9% меньше показателя предыдущего года. В 2016 г. товарооборот вновь сократился, составив \$ 16 млрд.

Несмотря на негативную динамику двусторонней торговли, данную тенденцию нельзя рассматривать как свидетельство кризиса в отношениях двух стран. Сравнительно худшая динамика японского экспорта в Россию связана с тем, что в период кризиса российское население перестаёт закупать товары длительного пользования, составляющие основу японского экспорта в Россию.

Более того, в обозримом будущем стоит ожидать активизации усилий Токио по наращиванию экономического взаимодействия с Москвой, что обусловлено тремя основными факторами. Во-первых, японские компании заинтересованы в расширении своего присутствия в энергетическом секторе России. Так, доля японской стороны в проекте «Сахалин-1» составляет 30%, в проекте «Сахалин-2» — 22,5%. В 2014 г. доля российского газа на японском рынке достигла 9,5% (11,5 млрд кубометров).

Во-вторых, с учётом стагнации в японской экономике компании ищут возможности выхода на внешние рынки, и Россия в данном случае является естественным выбором. Особенно это касается любых ресурсоёмких отраслей (кроме энергетики, хорошим примером является сельское хозяйство), но отчасти и промышленных отраслей. В результате быстрого роста доходов в странах Восточной Азии и девальвации рубля (снизившей трудовые издержки в долларовом выражении) и с учётом географической близости Россия уже в ближайшее время может быть способна конкурировать с азиатскими соседями в некоторых отраслях, например, в автомобильной сборке.

Наконец, выстраивание более тесного экономического диалога рассматривается в японских политических кругах как инструмент

нормализации дипломатического диалога с Москвой для последующего решения территориального вопроса, активная фаза которого началась в 2016 г. Так, 6 мая 2016 г. состоялся визит премьер-министра Японии С. Абэ в Сочи, где главы обеих стран обсудили перспективы будущего сотрудничества. Встреча двух лидеров стала первой с момента вхождения республики Крым в состав Российской Федерации в 2014 г. Ключевым итогом встречи стало провозглашение японским лидером «нового подхода» в отношении России, решение о возобновлении переговоров между странами в формате «2+2» (министры обороны и министры иностранных дел), а также представление плана развития двустороннего экономического сотрудничества из 8 пунктов.

Следующей важной вехой в рамках двустороннего сотрудничества стало первое посещение С. Абэ в сентябре 2016 г. Восточного экономического форума, в ходе которого были представлены десятки проектных предложений японских компаний. Апогея российско-японское сближение достигло в декабре 2016 г., когда В.В. Путин впервые за 11 лет прилетел в Японию. Во время визита российского президента было объявлено промежуточное решение о начале консультаций о совместном хозяйственном освоении Южных Курил, прежде всего в сфере рыболовства, выращивания рыбы и морепродуктов, а также туризма. Также в ходе визита было согласовано предоставление японскими банками кредитов компаниям «НОВАТЭК» и «Газпром», а также достигнуто соглашение между «Роснефть» и Marubeni Corporation о совместной разведке и добыче энергоносителей и строительстве газо-химического комплекса на Дальнем Востоке. С учётом того, что жёсткой реакции от США не было, **этот случай показал ограниченность возможностей США по контролю над своими союзниками в вопросах, затрагивающих их коренные внешнеполитические интересы.** Токио удалось согласовать или навязать свою позицию.

В среднесрочной перспективе не исключено укрепление сотрудничества с Японией в сфере безопасности. В частности, Токио рассматривает Россию в качестве одного из ключевых игроков в разрешении ядерной проблемы КНДР. В более широком контексте, с учётом увеличения американской активности в регионе с одной стороны, и обострения территориальных споров — с другой, в области безопасности Россия могла бы выступить в АТР баланси́ром интересов разных участников. Как отмечалось, отношения всех восточноазиатских стран с Россией гораздо лучше, чем их отношения между собой, и Япония эту сильную сторону России хорошо понимает.

Хотя достигнутые на текущий момент договорённости создают основу для развития сотрудничества двух стран, пока они определяют лишь возможные направления дальнейшего движения, но не гарантируют, что это движение будет успешным. Проблем в экономическом сотрудничестве России с Японией по-прежнему гораздо больше, чем, например, во взаимодействии с Китаем, и преодоление этих проблем потребует серьёзной работы в течение ближайших нескольких лет. Тем не менее готовность Японии наращивать сотрудничество не только в энергетике, но и ряде других областей, безусловно, служит позитивным сигналом и в среднесрочной перспективе может положительно сказаться и на политическом аспекте двусторонних отношений.

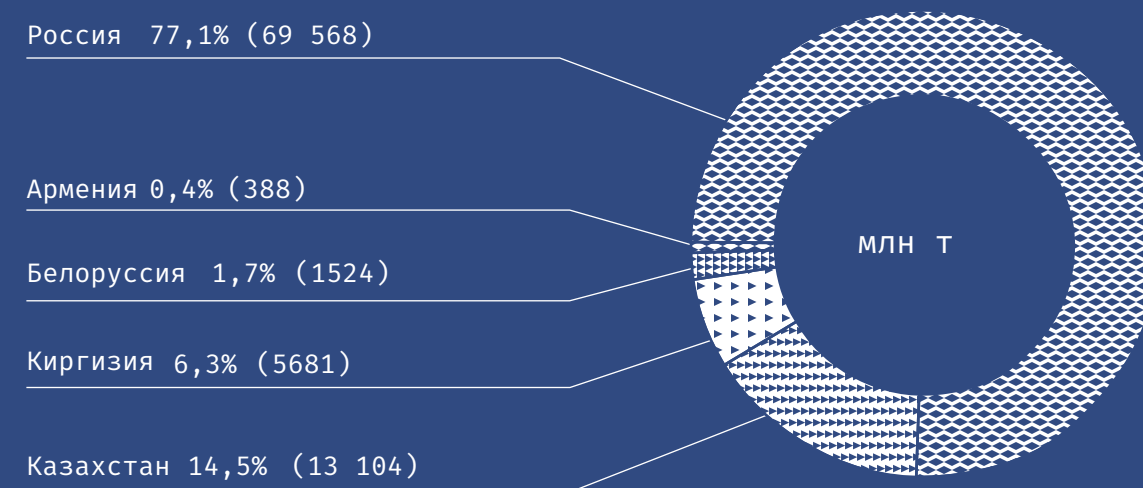
Стратегические приоритеты России в отношении Республики Корея во многом схожи с интересами в отношении Японии. Во-первых, это стремление снизить деструктивность влияния США в АТР, хотя бы частично укрепив экономические и политические связи. На руку здесь и корейские опасения перед Китаем — укрепляющимся в качестве главного партнёра

Торговля с Китаем

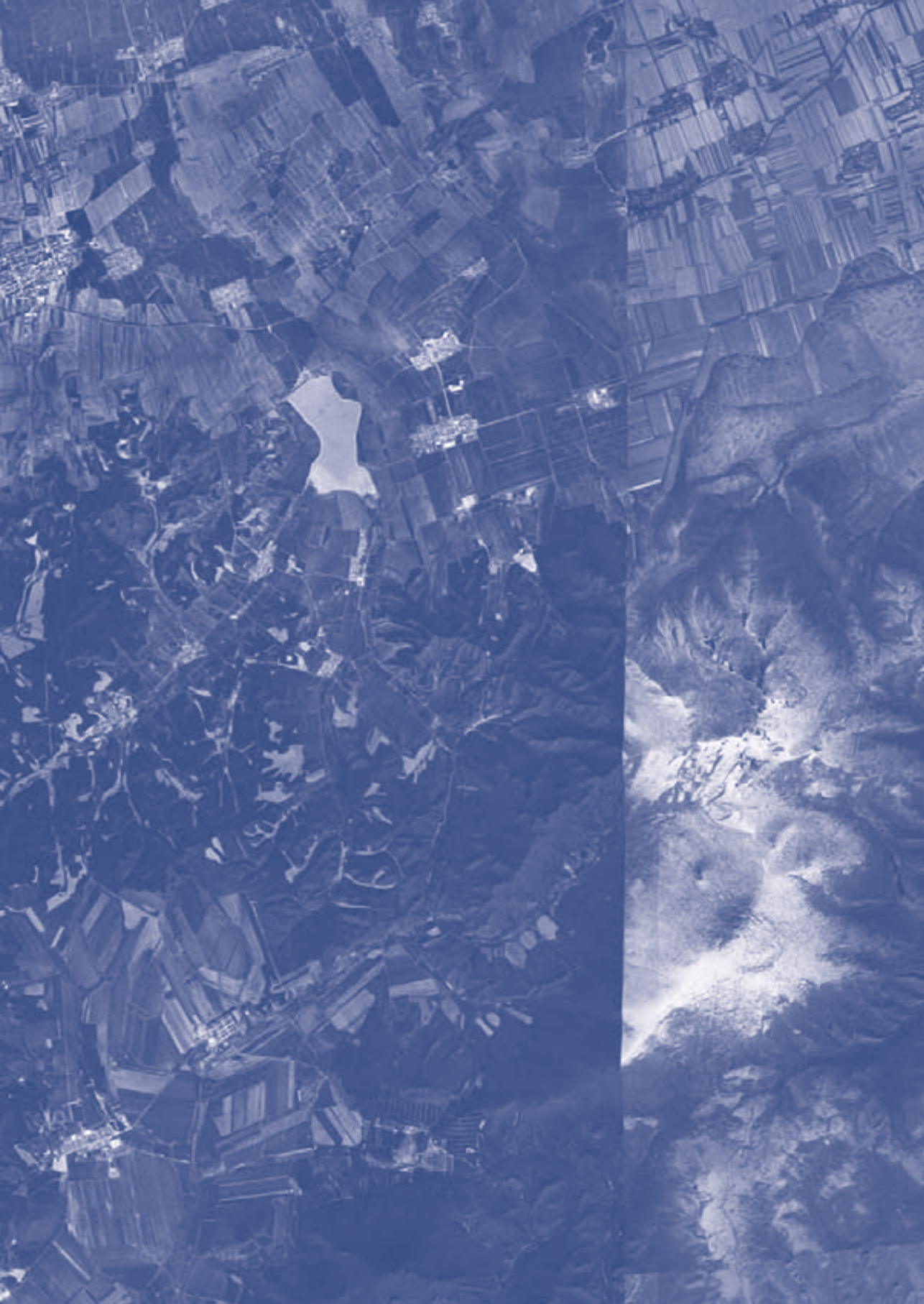
Структура российского экспорта в Китай, 2016 г.

Товарооборот между странами ЕАЭС и КНР, 2016 г.

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org

России в АТР и потенциального гегемона в Азии. Корея не может позволить себе не реагировать на активизацию российско-китайского сотрудничества, являющегося следствием взаимонаправленной политики стран в Евразии.

Во-вторых, как и Япония, Корея — один из крупнейших импортёров природного газа. Несмотря на относительно диверсифицированную систему поставок газа в страну, на Катар (35,5 %), Оман (12,1 %) и Индонезию (13,0 %) в сумме приходится около 2/3 импорта. Российские углеводороды воспринимаются как необходимый в будущем компонент энергетического портфеля, имеющий к тому же ряд преимуществ над другими (географическая близость, безопасность поставок, относительно низкие политические риски и т.д.).

В-третьих, всё более привлекательными для страны становятся инвестиции в российский Дальний Восток. Сельское хозяйство, пищевая промышленность, добыча нефти и газа, нефтехимия, городское планирование, гидроэнергетика, аквакультура, водная инфраструктура, медицинская техника — вот лишь некоторые из возможных отраслей для привлечения инвестиционных ресурсов Кореи. Кроме того, занимая лидирующие позиции на судостроительном рынке, Корея с вниманием следит за развитием арктической зоны Российской Федерации, и в среднесрочной перспективе можно ожидать рост участия корейских компаний в транспортно-логистическом обеспечении Арктики.

Торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Республикой Корея пока не соответствует своему потенциалу. Товарооборот между странами за последние два года сократился на 45 %, опустившись до значения в \$ 15,1 млрд. Причинами падения стало резкое снижение цен на энергоресурсы в конце 2014 г., а также последующее падение курса рубля, сказавшееся на конкурентоспособности корейского импорта в РФ.

Осложняют взаимоотношения и противоречия по вопросам системы ПРО (комплексы THAAD), которую Корея под давлением США согласилась разместить в прошлом году. Россия, как и Китай, воспринимает размещение систем США в Азии в качестве источника нарушения сложившегося в регионе баланса сил. Ещё одним камнем преткновения является недостаточная жёсткость Москвы, по мнению Сеула, в отношении сдерживания северокорейской ядерной программы. Корея рассчитывает на большую инициативность России в рамках антисеверокорейских санкций (ограничение доступа северокорейских рабочих на российский рынок), одобренных Совбезом ООН в 2016 г., в то время как последняя не готова к подобным действиям в ущерб своим экономическим интересам.

Тем не менее встреча лидеров стран на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2016 г. выглядела многообещающей по части активизации экономического сотрудничества. Кроме того, стороны подписали в общей сложности 24 меморандума о возможном сотрудничестве в самых разных областях: торговле, судостроении, сельском и морском хозяйстве, здравоохранении, космосе и т.д. Внутривосточный кризис в Республике Корея, следствием которого стал импичмент президенту Пак Кын Хе и избрание главой государства либерального кандидата Мун Чжэ Ина, видимо, позитивно скажется на российско-южнокорейских политических и экономических отношениях.

Возможно, более реалистичной и независимой станет и политика в отношении Северной Кореи — с большим упором на диалог, нежели доказавшие свою неэффективность, если не контрпродуктивность, санкции. Хотя пока политика Пхеньяна остаётся авантюристической, что мешает новому лидеру Республики Корея в реализации его планов.

Активизация экономического сотрудничества с Республикой Корея может быть особенно выгодна российским аграриям. Республика Корея с населением более 50 млн человек критически зависит от импорта всех базовых видов сельскохозяйственной продукции, за исключением риса и картофеля. Россия, несмотря на географическую близость, на этом рынке пока отсутствует. В настоящее время поставки продовольствия в Корею контролируют преимущественно западные ТНК. Однако, во-первых, правительство Кореи намерено диверсифицировать продовольственный импорт. Во-вторых, сельскохозяйственная продукция на Дальнем Востоке России производится без ГМО, что увеличивает её ценность. В-третьих, важную позитивную роль для возможного экспорта из России играет девальвация рубля.

Теперь препятствием выступает лишь неразвитая транспортная инфраструктура Дальнего Востока России. Если (и когда) в порту Зарубино будет построен зерновой терминал, и он будет способен работать на экспорт, то корейские сельскохозяйственные компании будут крайне заинтересованы в инвестировании в агропромышленный комплекс России, а корейский рынок готов будет принять российскую сельскохозяйственную продукцию в больших объёмах. Как следствие, возникает возможность сотрудничества по схеме облегчения инвестиционного режима для корейских сельскохозяйственных компаний взамен на преференции по доступу на корейский рынок российских сельскохозяйственных производителей. В целом отношения России с Кореей имеют самый серьёзный потенциал развития как в двустороннем, так и в евразийском форматах.

Укрепление сотрудничества и почти союзнических отношений с Китаем служит наиболее ярким примером реализации российской политики поворота на Восток. В 2016 г. это стратегическое взаимодействие получило новый импульс. При этом характерно укрепление сотрудничества и в чувствительных для Пекина сферах — морские территориальные споры и информационная безопасность. В первом случае речь идёт об официальной поддержке Китая по проблеме Южно-Китайского моря, а также последовавшее за этим проведение совместных учений на спорных территориях в сентябре 2016 г. Подобная позиция со стороны Москвы является символом российско-китайского сближения, подчёркивая статус стратегического партнёрства. «В ответ» летом 2017 года две стороны провели военно-морские учения на Балтике.

Значительным преимуществом является отсутствие системных противоречий, которые могли бы подорвать общий позитивный фон российско-китайских отношений. Более того, налицо и схожесть взглядов на ключевые проблемы современного мира, которую стороны демонстрируют на самом высоком уровне. Наряду с принятыми в мае 2015 г. решениями, Россия и Китай сумели добиться очередного прорыва в ходе визита президента России в Китай в июне 2016 г., ставшего одним из наиболее результативных в рамках двусторонних отношений с точки зрения практического наполнения. Встреча двух лидеров ознаменовалась принятием совместного заявления об укреплении глобальной стратегической стабильности, в котором прослеживается нацеленность на сдерживание США. Единство внешнеполитических взглядов также отражено и в подходах государств к проблеме обеспечения информационной безопасности. Ключевым итогом визита в данном направлении стало подписание соглашения о создании постоянного механизма консультаций в сфере информационной безопасности. Наконец, текст итогового соглашения содержит намерение сторон двигаться в направлении создания нового геоэкономического и геостратегического пространства — Евразийского всеобъемлющего партнёрства,

Торговля России с АСЕАН

Структура российской торговли с АСЕАН, 2016 г.

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org

в котором Россия наряду с Китаем, Индией, Ираном и странами АСЕАН должна сыграть ведущую роль.

Нацеленность обеих стран стать адептами незападной модели глобального развития обусловлена их стремлением защитить национальный суверенитет и повысить своё влияние на международной арене, и, как следствие, выработать единый «кодекс поведения» на пространстве Большой Евразии, исключая ассиметричную зависимость, гегемонизм, санкции и любые другие инструменты «экономической войны» как способ достижения внешнеполитических целей.

Де-факто союзнические отношения двух стран были продемонстрированы и во время двухдневного визита Си Цзиньпина в Москву в июле 2017 г. — непосредственно перед встречей «Группы двадцати». Стороны явно согласовали свои позиции не только на саммите, но и политику в отношении США и ряда других проблем.

Тем не менее двусторонние отношения сопряжены и с рядом проблем. Ключевой из них остаётся ограниченный характер экономического сотрудничества. В структуре российского экспорта в Китай по-прежнему преобладают минеральные продукты (нефть и газ). В 2016 г. этот показатель составил 64% совокупного экспорта России в КНР. Актуальной проблемой является и плохая информированность российских и китайских бизнесменов об условиях ведения бизнеса в стране-партнёре, а также чрезмерная бюрократизация, что в значительной степени тормозит процесс согласования и последующей реализации совместных проектов.

В целях активизации российско-китайского сотрудничества, прежде всего экономического, перспективным направлением стало бы развитие промышленной кооперации. Целесообразным является формирование совместной структуры, ответственной за систематизацию информации о перспективных промышленных и инфраструктурных проектах. Помимо этого одним из возможных способов увеличения китайских инвестиций в российскую экономику может стать совершенствование инвестиционного законодательства России в сторону облегчения доступа иностранного капитала. Наконец, имеет смысл задуматься о создании совместных российско-китайских финансовых институтов с учётом опыта взаимодействия Китая с ключевыми торгово-экономическими партнёрами, а также заключить полноценное соглашение о защите инвестиций и капитала на смену межправительственному Соглашению о поощрении и взаимной защите капиталовложений 2006 года.

Торгово-экономические отношения России и Китая в значительной степени являются частью, хотя и наиболее значительной, системы отношений КНР и ЕАЭС. **Ключевым драйвером сотрудничества в формате ЕАЭС—Китай продолжает оставаться инициатива сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (часть инициативы «Один пояс, один путь»)**, которая справедливо рассматривается не только как транзитно-транспортный проект, но и как комплексный план экономической модернизации ряда государств. Он включает в себя проекты в сфере инфраструктуры, промышленности, торговли и услуг, в продвижении которых заинтересованы все участники.

В настоящее время основное внимание уделено подписанию соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем. К 2017 г. стороны завершили фазу подготовки к переговорам, достигнуты договорённости о рабочем механизме подобных переговоров и в ближайшее время ожидается более детальное обсуждение будущего проекта соглашения. Соглашение будет включать широкий круг направлений, в том числе отраслевое и таможенное сотрудничество, санитарные, ветеринарные

и фитосанитарные меры, технические барьеры. Большое внимание будет уделено защите интеллектуальной собственности, обеспечению доступа к передовым технологиям и опыту Китая, повышению прозрачности в сфере торговой защиты и субсидий.

Но и здесь немало проблем: в первую очередь слабая институциональная основа сопряжения, а также опасения по поводу перехода процесса сопряжения на двусторонний трек взаимодействия с Пекином. Актуальной проблемой остаётся нехватка полноценного диалога между Россией и партнёрами по ЕАЭС, а также ЕАЭС и Китаем по ключевым вопросам сопряжения, в том числе по нетарифному регулированию. Нельзя не отметить также и отсутствие в китайских политических кругах целостного подхода к проблеме сопряжения, что препятствует практическому наполнению многосторонней инициативы.

Наконец, важной проблемой является низкий уровень торгово-экономического взаимодействия между странами-членами ЕАЭС и Китаем. Кроме того, наблюдается сильный дисбаланс в торговле со странами-членами союза. 77,1% всей торговли между ЕАЭС и КНР приходится на Россию, в то время как на Казахстан приходится 14,5%, на Киргизию — 6,3%, на Белоруссию — 1,7%, а на Армению — 0,4%.

В 2016 г. сторонам удалось прийти к согласию по важным проблемам, в частности — по вопросам взаимодействия в сфере конкурентной политики и антимонопольного регулирования. Помимо этого, члены ЕАЭС и Китай сошлись во мнении о необходимости увеличивать взаимные расчёты в национальных валютах, расширять обмены долгосрочными кредитными обязательствами путём заключения валютных свопов, а также наращивать иностранные инвестиции в экономики стран-партнёров за счёт более активного вовлечения Фонда Шёлкового пути и АБИИ.

Взаимодействие России с АСЕАН традиционно не рассматривалось в качестве приоритетного направления. Уровень экономических взаимоотношений двух сторон находится на слабом уровне по сравнению с другими региональными партнёрами. В 2016 г. объём товарооборота между Россией и странами АСЕАН составил всего \$ 13,6 млрд. Таким образом, в настоящее время Россия во внешней торговле АСЕАН занимает лишь восьмое место, уступая Китаю более чем в 25 раз.

Структура российского экспорта в страны АСЕАН в целом подкрепляет общие тенденции: большая его часть приходится на минеральные продукты (55%), где доминируют нефть и нефтепродукты. В отличие от России структура экспорта стран АСЕАН отличается большим товарным разнообразием.

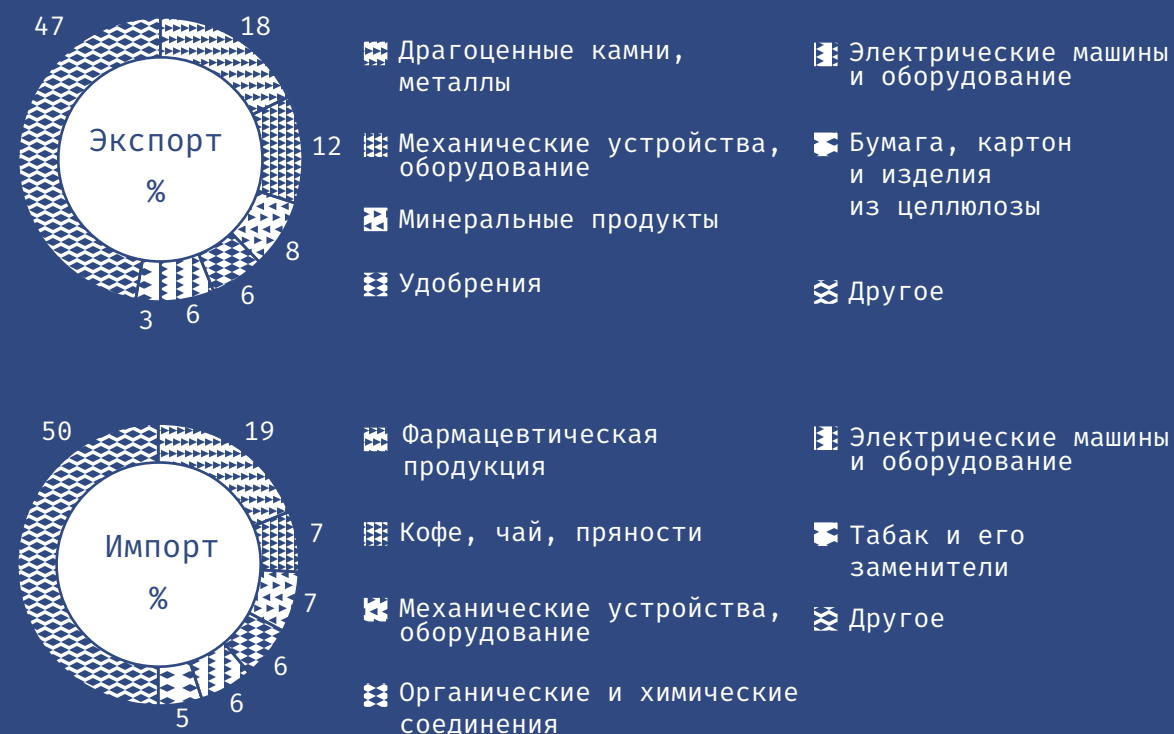
По данным Центрального банка РФ, за период 2014–2015 гг. объём российских ПИИ в экономики стран АСЕАН составил 1,67 млрд долл. Объём инвестиций из стран АСЕАН в Россию также остаётся на относительно низком уровне, составляя менее 1% от совокупных поступлений ПИИ в Россию. В ВТС Россия осуществляет сотрудничество главным образом с Вьетнамом. За период с 2008 по 2015 гг. Вьетнам занял четвертое место в военном экспорте России. В меньшей степени российское оружие импортируют Индонезия и Малайзия. Также планируется расширение российских поставок в Таиланд и Мьянму.

Наиболее обещающими направлениями сотрудничества России и стран АСЕАН, помимо ВТС, являются нефтегазовая отрасль и ядерная энергетика. Основными покупателями российской нефти и газа являются Вьетнам, Малайзия, Сингапур и в меньшей степени Индонезия. Учитывая тенденции к увеличению спроса на нефтяное и газовое топливо в странах

Торговля России с Индией

Структура российской торговли с Индией, 2016 г.

Примечание: военный экспорт не специфицируется в базах данных по международной торговле, поэтому он отнесён к категории «Другое»

Источник: Market Analysis and Research, International Trade Centre (ITC): trademap.org

ЮВА, Россия заинтересована в углублении сотрудничества с АСЕАН в рамках диверсификации экспорта энергоресурсов. В области развития атомной энергетики Россия ведёт переговоры с Мьянмой, Индонезией и Таиландом. Неблагоприятным событием в рамках развития сотрудничества в области мирного атома стал отказ Вьетнама в ноябре 2016 г. от проектируемой Россией АЭС «Ниньтхуан-1» в пользу японского проекта «Ниньтхуан-2». Однако атомная энергетика потенциально имеет большое значение для Вьетнама, Индонезии и Филиппин, что позволяет установить более прочные отношения в данной сфере.

В целом взаимоотношения России и стран АСЕАН на сегодняшний день можно назвать фрагментарными и пока малосущественными по их объёму и глубине. Тем не менее и Россия, и АСЕАН приходят к общему мнению, что необходимо наращивать потенциал сотрудничества. Так, в декабре 2015 г. Россия выдвинула идею о сопряжении ЕАЭС, ШОС и АСЕАН в рамках большого евразийского партнёрства, что стало предметом отдельного обсуждения на саммите Россия – АСЕАН в мае 2016 г. Помимо прочего, в октябре 2016 г. вступило в силу соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом. В том же месяце начались переговоры по созданию ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром. Соглашения создают базу для активизации сотрудничества между Россией и АСЕАН, однако, для того, чтобы их взаимоотношения перешли на качественно новый уровень, потребуется много целенаправленных усилий по повышению уровня заинтересованности сторон друг в друге.

Индия в последние годы заметно поднялась в списке российских внешнеполитических приоритетов. Россия рассматривает Индию в качестве одного из важнейших международных партнёров и активно сотрудничает с ней в рамках институтов, созданных странами БРИКС, и на площадке ШОС, членом которой Индия наряду с Пакистаном стала в 2015 г. Россия и Индия имеют общие взгляды на выстраивание более гармоничного и полицентричного мироустройства, а также сходные позиции по ключевым проблемам международных отношений. Несмотря на это, двусторонние торгово-экономические связи остаются достаточно слабыми. Так, объём внешней торговли России и Индии в два раза меньше, чем у России и Японии — \$ 7,7 млрд в 2016 г. По данным ФТС РФ, в 2015 г. Индия заняла 17-е место среди российских торговых партнёров, в то время как Россия среди индийских внешнеторговых партнёров оказалась на 33-м месте.

В структуре российского импорта из Индии основная доля поставок приходится на продукцию химической промышленности (в том числе фармацевтическую), на продовольственные товары и механическое оборудование. Индия же импортирует главным образом вооружение, драгоценные камни, оборудование для АЭС и минеральные продукты.

Пока уровень инвестиционного сотрудничества между Россией и Индией остается низким. Совокупный объём индийских ПИИ в Россию на конец 2015 г. составил \$ 5,6 млрд, а российских инвестиций в индийскую экономику — \$ 1,27 млрд. Индийские инвестиции направлены главным образом в нефтегазовую и фармацевтическую отрасли, а российские сосредоточены на проектах в области атомной энергетики.

Военная сфера является одной из важнейших и наиболее развитых отраслей сотрудничества между Россией и Индией, что подтверждает стратегический характер российско-индийского партнёрства. За период с 2008 по 2015 гг. Индия заняла первое место среди импортёров российского вооружения, превывсив в 2009 г. долю Китая. На сегодняшний день российское оружие составляет до 80% вооружений индийских ВС. Обе страны также осуществляют совместные разработки вооружений и военной техники.

Тем не менее, несмотря на заинтересованность Индии в российском военном экспорте, в среднесрочной перспективе доля России на индийском рынке вооружений может снизиться из-за стремления Индии диверсифицировать военные поставки и развивать собственный ОПК.

В сфере атомной энергетики наиболее крупным совместным российско-индийским проектом является индийская АЭС «Куданкулам», строительство которой ведётся с 1998 г. В 2016 г. стало известно о начале переговоров по строительству пятого и шестого энергоблоков для данной АЭС. Большие перспективы у России и Индии и во взаимодействии по нефтегазовым проектам. Одной из наиболее перспективных договорённостей является подписание контракта между «Роснефтью» и индийской корпорацией Essar на поставку в Индию 100 млн тонн нефти в течение 10 лет для нефтеперерабатывающего завода в г. Вадиар. Данное соглашение имеет стратегическое значение, так как этот проект позволит значительно увеличить торговый оборот между двумя странами.

Помимо прочего, сотрудничество также реализуется по линии Индия—ЕАЭС. Ожидается, что в 2017 г. стороны начнут переговоры о заключении соглашения о создании ЗСТ между Союзом и Индией. Подключение Индии к сотрудничеству в рамках евразийских инициатив в целом отвечает стратегическим интересам России, так как активное участие ещё одного влиятельного актора может позитивно сказаться на характере интеграционных процессов в регионе.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Подводя итоги, необходимо признать, что российская политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе становится более всеобъемлющей и стратегической. По-прежнему приоритетным направлением остаётся развитие сотрудничества с Китаем. Однако за последние два года России удалось сформировать тесную сеть партнёрских отношений с другими азиатскими государствами и объединениями. В первую очередь — с Японией, Индией, Южной Кореей и странами АСЕАН. Для полноценной интеграции в производственно-сбытовые и технологические цепочки и превращения в самостоятельный полюс роста в АТР России необходимо расширять номенклатуру поставляемой в страны АТР продукции с особым акцентом на производстве ресурсоёмких, энергоёмких и водоёмких товаров. Даже частичное решение этой задачи будет способствовать не только диверсификации национальной экономики и повышению её технологического уровня, но и созданию новых рабочих мест, выстраиванию крупных промышленно-сервисных кластеров, комплексному развитию зауральских территорий.

Развитие Сибири и Дальнего Востока

Поворот на Восток в российской внешней и внешнеэкономической политике начал дополняться аналогичным поворотом во внутренней. Для полноценной интеграции в АТР Россия должна перестать быть его периферией: необходимо ускоренное развитие регионов страны, непосредственно примыкающих к её главным азиатским партнёрам. Такими регионами являются Сибирь и её тихоокеанская часть — Дальний Восток.

Освоение российского Зауралья с конца XVI в., когда оно стало частью России, протекало волнообразно. В истории Российской империи, СССР и постсоветской России было множество попыток осуществления поворота на Восток. Транссибирская и Байкало-Амурская магистрали, гидроэлектростанции на великих сибирских реках, академические и университетские центры юга Западной Сибири, нефтегазовые месторождения её северной части — всё это получено в наследство от предыдущих поколений тех, кто покорял и обустроивал эти обширные пространства. Однако, несмотря на эти и другие значительные успехи, нельзя сказать, что Сибирь и Дальний Восток когда-либо были настоящим экономическим или политическим центром России. Скорее, их освоение, подобно освоению колоний странами Запада, было подчинено задачам развития всей страны, а главное — её европейской части. Хотя верно и то, что колонии нередко становились богаче метрополии.

Азиатский экономический рост открывает новую страницу в истории Сибири и Дальнего Востока. Он позволяет использовать имеющиеся на востоке России возможности, создаваемые азиатскими странами, конкурентные преимущества и превратить регион в один из двигателей российского экономического роста. Особенно с учётом того, что действующая модель экономического развития страны заходит в тупик. Основными факторами, сдерживающими развитие Сибири и Дальнего Востока, являются недостаточная заселённость регионов, нехватка инфраструктуры и исторически сложившаяся экономическая специализация с преобладанием отраслей оборонной промышленности. В дополнение к этому развитие Сибири во многом сдерживается её внутриматериковым положением, «континентальным проклятием», удалённостью от внешних рынков.

Для реализации имеющегося потенциала развития Дальнего Востока, а также для учёта реальных угроз и возможностей региона была разработана новая стратегия его развития. Ввиду малого размера внутреннего рынка и неразвитости инфраструктуры для вывода местной продукции на общероссийский рынок была выбрана экспортоориентированная модель развития региона, нацеленная на проникновение российской продукции на быстрорастущие рынки АТР. Основные инструменты реализации этой задачи — улучшение инвестиционного климата и создание особых экономических зон.

Главное богатство Сибири и Дальнего Востока — природный капитал. Природные ресурсы в России нередко рассматриваются как нечто примитивное и противопоставляются современным отраслям экономики. Это в корне неверно. В настоящее время добыча, первичная переработка и транспортировка сырья не уступают по наукоёмкости современной перерабатывающей промышленности. Технологии добычи ресурсов становятся всё сложнее — частично по мере исчерпания легкодоступных запасов,

отчасти из-за ужесточающихся требований к защите окружающей среды и условиям труда. Более того, технологический прогресс в других отраслях приводит к растущей потребности в сырье принципиально более высокого качества или и вовсе в относительно новых видах природных ресурсов (например, редкоземельных металлах или импактных алмазах).

Рост технологичности затрагивает не только добывающую промышленность, но и сельское хозяйство. Такие технологии, как генная модификация, капельное орошение, роботизированные сельскохозяйственные машины, геоинформационные технологии и др., делают этот вид деятельности всё более высокоточным, требующим высококвалифицированных кадров и значительных капитальных затрат. Построение зоны развития инновационной сырьевой экономики — ключевая цель для Сибири и Дальнего Востока на среднесрочную перспективу. Эта цель должна красной нитью проходить через все стратегии развития региона и формировать основу модели привлечения инвестиций — как государственных, так и частных, включая зарубежные.

Это делает ещё более актуальной задачу координации развития Дальнего Востока и других регионов Сибири. Необходимость перехода к ресурсоёмким производствам с более высокой добавленной стоимостью, развития инновационной ресурсной экономики, сдвиг спроса на природные ресурсы с востока на запад Китая — всё это требует покрытия амбициозными планами ускоренного развития не только Дальнего Востока, но и всей Сибири, включая Центральную и Западную.

Экономический потенциал Сибири существенно выше экономического потенциала Дальнего Востока как с точки зрения богатства природными ресурсами, так и количества и качества человеческого капитала. Сибирь имеет гораздо больше возможностей для сращивания инновационного и ресурсного секторов. Новосибирский, Красноярский, Томский интеллектуальные центры способны стать ядром инновационной ресурсной экономики Сибири будущего. Именно в них и, разумеется, во Владивосток стоило бы перенести офисы государственных компаний, связанных с добычей сибирских ресурсов, а также часть федеральных ведомств. Возможно, даже передать Красноярску, Новосибирску или Владивостоку статус третьей столицы России. Дальневосточный интеллектуальный кластер вокруг ДВФУ и Дальневосточного отделения РАН при условии быстрого развития способен стать в один ряд с сибирскими центрами в будущем, но пока объективно отстаёт.

Кроме того, необходимо учитывать, что Сибирь и Дальний Восток тесным образом взаимосвязаны исторически и инфраструктурно (посредством Транссиба и Северного морского пути). Ускоренное развитие Дальнего Востока без учёта его тесной взаимосвязи с Сибирью неизбежно приведёт к усугублению континентального положения последней. Одной из главных целей развития Дальнего Востока, наоборот, является смягчение главной сибирской проблемы — самой сильной в мире континентальности. Развитие инфраструктуры, в том числе и дальневосточной, должно быть подчинено в первую очередь этой задаче.

Наконец, освоение ресурсного потенциала востока России с упором на ресурсоёмкую продукцию требует совершенно иного уровня промышленной кооперации, чем добыча сырья и продажа его за рубеж. Недостаточный уровень развития такой кооперации является, например, одним из важнейших препятствий для освоения двух потенциально важнейших месторождений востока России — Томторского месторождения редкоземельных металлов и Попигайского месторождения импактных алмазов.

Крупнейшие потребители соответствующего сырья в России расположены в Сибири, однако закупают его на внешних рынках — это проще для них логистически, каналы поставок давно налажены. В свою очередь, инвестиции в разработку месторождений тормозятся тем, что нет гарантий сбыта. Налаживание координации между добычей сырья и переработкой в таких случаях должно обеспечивать государство, однако на настоящий момент нет ни одного ведомства, в чью сферу ответственности входит такая работа. Присоединение Сибири к модели ускоренного развития востока России означало бы возможность передачи этих полномочий в сферу Министерства по развитию Дальнего Востока, возможно, с превращением его или иного ведомства в министерство (корпорацию) развития всей Сибири, как это задумывалось 7–8 лет назад.

Сейчас одна из ключевых задач текущей политики по развитию Дальнего Востока — привлечение отечественных и иностранных инвестиций в проекты региона. На выполнение этой задачи нацелены такие инструменты, как территории опережающего социально-экономического развития (ТОР), Свободный порт Владивосток, государственная поддержка инвестиционных проектов, а также Фонд развития Дальнего Востока. Эти инструменты в целом позволили привлечь более 2 трлн 116 млрд руб., причём большая часть из них — частные инвестиции (96%).

На сегодняшний день уже запущены 18 ТОР. На резидентство в них всего поступило 288 заявок (1384 млрд руб., 45,6 тыс. рабочих мест), заключено 136 соглашений (486 млрд руб., 26,5 тыс. рабочих мест). В настоящий момент на их территории действуют 11 предприятий, на стадии строительно-монтажных работ находятся 34. В целом существующие ТОР привлекают значительный интерес со стороны стран АТР, ключевых партнёров для Дальнего Востока: идут иностранные инвесторы из КНР, Японии, Республики Корея, Австралии, Сингапура.

Режим СПВ — ещё один инструмент привлечения иностранных инвесторов. Всего поступила 21 заявка на резидентство от иностранных инвесторов, причём по количеству и по объёму инвестиций лидирует Китай. Одно из важных мероприятий в рамках СПВ — упрощение визового режима. Предусматривается возможность оформления иностранными гражданами, прибывающими в Свободный порт Владивосток, однократной восьмидневной въездной визы в электронной форме.

Для крупных инфраструктурных проектов на Дальнем Востоке предусмотрены дополнительные механизмы государственной поддержки. К весне 2017 г. было поддержано 14 инвестиционных проектов с объёмом инвестиций — 328 млрд руб. (из них 294 млрд руб. частных, более 12,3 тыс. рабочих мест). Совокупный объём предоставленных субсидий за 2015 и 2016 гг. составил около 12 млрд руб. Заключены соглашения на сумму 32 млрд руб. о предоставлении субсидий 7 инвесторам на:

- создание горнодобывающего и перерабатывающего предприятия на базе Наталкинского золоторудного месторождения (Магаданская обл.);
- горно-обогатительный комбинат «Инаглинский» (Якутия);
- транспортно-перегрузочный комплекс для перевалки угля в бухте Мучка (Хабаровский край);
- горно-металлургический комбинат Озерновского золоторудного месторождения (Камчатский край);
- развитие золотодобычи в Селемджинском районе (Амурская обл.);

- организацию производства строганных и профилированных пиломатериалов в пос. Берёзовый Солнечного района Хабаровского края;
- строительство и эксплуатацию горнообогатительного комбината «Тарын» на месторождении «Дражное».

В 2015 г. был создан ряд новых ведомств, решающих практические вопросы развития региона: Корпорация развития Дальнего Востока, занимающаяся организацией ТОР, Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, а также Агентство по развитию человеческого капитала Дальнего Востока. Ещё одним институтом развития региона стал Фонд развития Дальнего Востока (ФРДВ) — финансирование им совместных проектов является формой предоставления государственных гарантий, которые важны для иностранных партнёров. Институты развития Дальнего Востока принимают непосредственное участие в реализации новой модели развития региона, где приоритетом являются проекты в таких отраслях, как горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, лесная и рыбная промышленность, нефтегазохимия, машиностроение, транспорт и туризм.

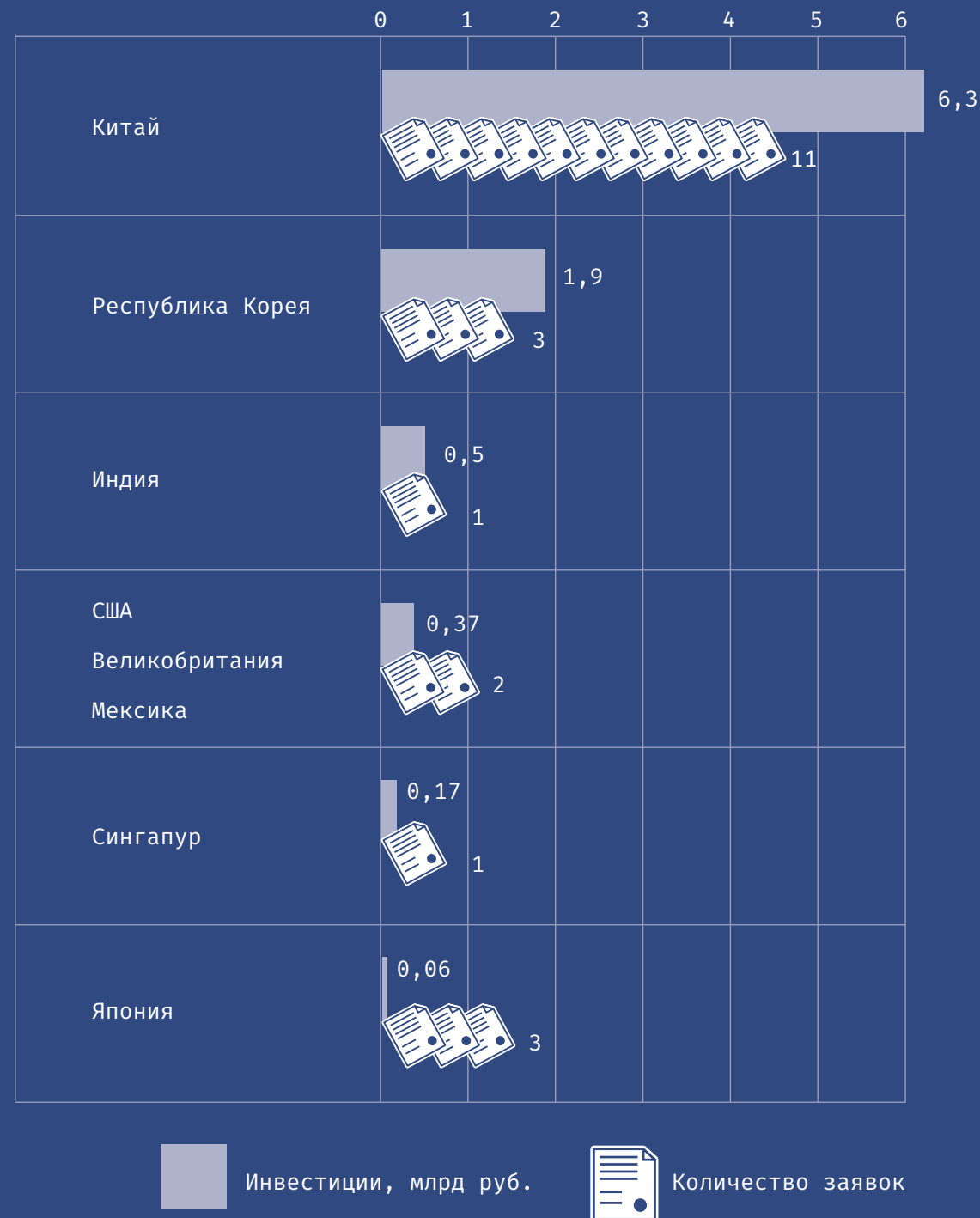
К настоящему моменту Фондом развития Дальнего Востока одобрено к финансированию 14 инвестиционных проектов, три проекта реализуются в ТОР, два — в СПВ. Объём заявленных частных инвестиций в рамках проектов — 205,4 млрд руб., в том числе 32,7 млрд руб. составляют инвестиции фонда. Агентством по развитию человеческого капитала заключено 175 соглашений с компаниями Дальнего Востока, трудоустроено 6100 человек. Корпорацией развития Дальнего Востока оформлены соглашения с 353 компаниями: резидентами ТОР (136) и СПВ (217) на общую сумму 783,8 млрд руб. Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта заключено 43 соглашения (50,2 млрд рублей). Из них о создании предприятий в ТОР — 15 соглашений на сумму 30,3 млрд руб., а в СПВ — 27 соглашений на сумму 18,6 млрд руб.

Для привлечения внимания к дальневосточным проектам во Владивостоке был запущен ежегодный Восточный экономический форум (ВЭФ). Впервые он прошёл 3–5 сентября 2015 г. Второй Восточный экономический форум, который состоялся во Владивостоке в сентябре 2016 г., выявил значительный интерес стран АТР к сотрудничеству на Дальнем Востоке. В рамках деловой программы ВЭФ 2016 г. прошло 44 ключевых сессии, 6 стратегических, 5 бизнес-диалогов. Кроме того, прошли презентации 34 инвестиционных проектов и подписано 216 соглашений на 1,85 трлн руб. (в 2015 г. было подписано 109 соглашений на 1,8 трлн руб.).

С лета 2016 г. реализуется инициатива по бесплатному предоставлению земли на Дальнем Востоке, получившая неформальное название «Дальневосточный гектар». Гектар может получить каждый гражданин России. Земли предоставляются на пять лет, по истечении которых они оформляются в аренду или собственность. По данным ФИС (на 21.06.2017) подано более 94,2 тыс. заявок, отдано в пользование более 21,2 тыс. участков. До конца 2017 г. должны быть приняты поправки в закон о «дальневосточном гектаре», направленные прежде всего на то, чтобы сократить число возможных отказов гражданам в предоставлении земельных участков.

Помимо основных инструментов ускоренного развития Дальнего Востока также принимаются дополнительные меры отраслевого и инфраструктурного развития региона. Для успешной интеграции Дальнего Востока в АТР важно сформировать развитую финансовую и инвестиционную инфраструктуру в регионе. Работа в этом направлении уже ведётся.

Заявки от иностранных инвесторов в Свободный порт Владивосток

Источник: Министерство РФ по развитию Дальнего Востока

В 2016 г. на ВЭФ была запущена инвестиционная система «Восход» с целью привлечения акционерного и долгового капитала в динамично развивающиеся компании дальневосточного региона. До конца 2017 г. планируется привлечь через инвестиционную биржевую систему «Восход» финансирование в объёме не менее 3 млрд руб.

В части поддержки малого и среднего предпринимательства с ноября 2016 г. реализуется программа «Доступный кредит для МСП». Её пилотная фаза завершилась в марте 2017 г. Совместно со Сбербанком на Дальнем Востоке профинансировано 226 проектов на общую сумму 2,7 млрд руб. Соглашение о реализации второго этапа программы принято в июне 2017 г. На рассмотрении Правительства России находится Концепция демографической политики Дальнего Востока до 2025 года, нацеленная к 2020 г. полностью остановить отток населения, а к 2025 г. увеличить численность населения Дальнего Востока с сегодняшних 6,2 до 6,5 млн человек. Программа содержит специальные меры по повышению рождаемости и прицельные меры по снижению смертности на Дальнем Востоке.

В 2016 г. введён новый механизм развития рыбной отрасли и аквакультуры — квоты добычи (вылова) водных биоресурсов на инвестиционные цели. По поручению Президента России ФРДВ разрабатывает новую модель развития аквакультуры в ДФО, основой которой станет онлайн-сервис для инвесторов с интерактивной картой доступных участков аквакультуры в ДФО. Кроме того, министерством разработан механизм отбора инвестиционных проектов в области освоения лесов с целью признания их приоритетными и предоставления инвесторам лесных участков без проведения торгов.

В транспортной отрасли реализуются программы МТК «Приморье-1» и «Приморье-2». МТК соединят китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь с морскими портами Приморского края. Хотя дело идёт медленно. По оценкам международных экспертов, объём потенциального грузопотока по МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» оценивается в 45 млн тонн зерновых и контейнерных грузов к 2030 г. (23 млн тонн зерновых и 22 млн тонн контейнерных грузов, 1,8 млн TEU — контейнеров в 20-футовом эквиваленте). Кроме того, в 2016 г. Аналитическим центром при Правительстве РФ по заказу Министерства по развитию Дальнего Востока подготовлена финансово-экономическая модель по развитию Северного морского пути, которая ляжет в основу развития внутреннего и транзитного потенциала маршрута.

За 2016–2017 гг. в Правительство Российской Федерации был внесён проект распоряжения об утверждении Концепции развития острова Русский и заключены предварительные инвестиционные соглашения объёмом порядка 40 млрд руб. Социально-экономическое развитие острова Русский запланировано в два этапа. Первый (2017–2022 гг.) предполагает обеспечение необходимых условий для привлечения частных инвестиций (создание ТОР, строительство инфраструктуры). На втором этапе (2023–2027 гг.) запланирована реализация инвестиционных проектов и дальнейшего развития инфраструктуры острова: развитие инфраструктуры ДВФУ, создание технико-внедренческого парка и т.д.

За время своей работы Министерством по развитию Дальнего Востока было сделано многое. Тем не менее потенциал увеличения эффективности работы ведомства всё ещё велик. Одна из ключевых проблем тут — низкий уровень информированности об этих институтах и даже о ТОР в восточных странах, непосредственно на которые они ориентированы. Лишь несколько месяцев назад заработала англоязычная версия сайта о ТОР, а версий на корейском, японском и китайском языках нет и не предвидится в ближайшее время. Показательным в этой связи является тот факт,

что пока в рамках ТОР и СПВ удалось привлечь всего 53 заявки от иностранных инвесторов, которые суммарно составляют около 18% от общего объёма средств по заявкам частных инвесторов.

Другим упущением является также и то, что пока вокруг институтов развития не создана социальная среда, в том числе система развития трудовых ресурсов для инвестиционных проектов. Слабы каналы сотрудничества между институтами развития Дальнего Востока и действующими институтами науки и образования в регионе и стране в целом. Цели развития человеческого капитала заложены в рамках Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утверждённой в 2016 г., однако о её результатах судить пока рано. Координационные препятствия заметны и в сфере поддержки экспорта, особенно малых экспортёров. Функционирует Российский экспортный центр, Агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта Дальнего Востока, а также различные региональные агентства. При этом не вполне понятно разделение обязанностей между ними.

Серьёзным административным барьером является отсутствие информации у местных властей о реальном характере деловых приграничных связей регионов с Китаем. Существующие статистические механизмы учёта экономических контактов не отражают действительное положение вещей: большинство китайских предприятий, осуществляющих контакты с российскими партнёрами, зарегистрированы как не китайские на подставных лиц; непрозрачна система регистрации инвестиций российских компаний в Китае. Очевидно, что в условиях отсутствия объективного понимания состояния дел и динамики торгового-инвестиционного сотрудничества между Россией и Китаем затруднительно принятие любых решений как на федеральном, так и на региональном уровне.

В государственной повестке Сибири уделяется меньше внимания по сравнению с Дальним Востоком. Однако разрешение инфраструктурных проблем Сибири и предотвращение усугубления её «континентального проклятия» — залог успеха стратегии поворота на Восток, в том числе ускоренного развития самого Дальнего Востока, тесно связанного с Сибирью в транспортном и экономическом планах. В данной связи особенно важным представляется подключение сибирских регионов к евразийским рынкам. Этому, однако, мешает почти полное отсутствие меридиональных транспортных путей, соединяющих Сибирь с быстро поднимающимися регионами Китая, с Южной Азией.

Однако все эти проблемы, решения и достижения являются зримым подтверждением того, что Дальний Восток уже перестал быть укрепленным и закрытым для мира форпостом России в АТР. **Дальний Восток — это «ворота России в Азию», инструмент интеграции страны в АТР и наращивания там её влияния, развития Зауралья и Сибири.** При этом развитие Дальнего Востока должно стать ключевым звеном и быть погруженным в создание партнёрства или сообщества Большой Евразии. Такое сообщество — не только концептуальная рамка для создания пространства сотрудничества, развития и безопасности в Евразийском макрорегионе, включая Европу, но и способ предотвращения превращения Китая в гегемона макрорегиона, что автоматически вызовет противодействие всех остальных и создание новых зон соперничества.

Что такое Большая Евразия?

Партнёрство или сообщество Большой Евразии — это, во-первых, нацеленная на десятилетия вперёд концептуальная рамка геополитического, геоэкономического и геоидеологического мышления, задающая вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятиков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики. Он будет включать в себя как страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны европейского субконтинента и их организации в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество. Отметим, что во многих элементах похожую философию, изложенную ниже, провозгласил лидер КНР Си Цзиньпин в своей масштабной речи с изложением идеи и плана создания «Одного пояса, одного пути», с которой он выступил 15 мая 2017 г. на форуме в Пекине.

Во-вторых, **Большая Евразия — это создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», экономическим поворотом Китая на Запад, сопряжением китайских инициатив с ЕАЭС, поворотом России на Восток.** Ключевое значение для развития Большой Евразии имеет ускоренное создание трансконтинентальной транспортной инфраструктуры, в том числе пока недоразвитых и замедляющих развитие путей не только по направлению восток—запад, но и в растущей степени — север—юг. В-третьих, Большая Евразия — это воссоздающиеся после многовекового провала пространства цивилизационного сотрудничества, олицетворением которого был культурный аспект Великого шёлкового пути, вовлекавшего и соединявшего великие цивилизации Китая, Индии, Персии, арабского Среднего Востока с Европой через Византию, Венецию, Испанию.

В-четвёртых, Большая Евразия — это движение к новой геостратегической общности, общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванному преодолеть оставшиеся от холодной войны расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнёрства. Важнейшая его потенциальная функция — «погружение» в сеть связей, институтов сотрудничества, балансов, договорённостей Китая, чтобы предотвратить его превращение в потенциального гегемона, против которого будут неизбежно объединяться другие евроазиатские страны, приглашая и внешних балансиров, имеющих меньшую заинтересованность в сохранении стабильности и мира на континенте. В то же время Большая Евразия должна быть принципиально открыта остальному миру, другому важнейшему его центру, который формируется вокруг США, и через АТЭС и схожие форумы, и через атлантические структуры, и через рекомендуемый нами на будущее трёхсторонний переговорный формат по глобальным проблемам и международной стратегической стабильности между Россией, Китаем и США с подключением в перспективе других ведущих и суверенных стран — Индии, Японии.

Большая Евразия должна формироваться на основе традиционных ценностей международного права и международного общения, отрицания любого универсализма, ценностного превосходства, заведомой правоты или гегемонии. К числу принципов, на которых нужно будет строить БЕ (а в идеале и международные отношения в целом), относятся:

- Безусловное уважение суверенитета и территориальной ценности, отказ от политики гегемонии, диктата и угроз, взаимные усилия по поддержанию мира и стабильности под эгидой ООН.
- Безусловное уважение политического плюрализма, свободы политического выбора народов стран континента, отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга.
- Экономическая открытость, снижение барьеров для международной торговли и инвестиций, отказ от политизации экономических связей, подрывающих взаимозависимость, экономическое взаимодействие по принципу «плюс-плюс», выигрыш для всех.
- Отказ от создания военных союзов и расширения существующих, всемерная поддержка принципа нейтралитета и неприсоединения, гарантии безопасности государств, сделавших этот выбор.
- Нацеленность на создание общеконтинентальной системы развития, сотрудничества и безопасности от Джакарты (или Токио) до Лиссабона, которая покрывала бы и компенсировала провалившийся проект общеевропейской безопасности, предоставляла бы новый формат для решения противоречий и в Европе, и по периметру Китая, на Корейском полуострове, на Ближнем Востоке и т.д.
- Нацеленность на поддержание военно-политической стабильности, предотвращение конфликтов как абсолютно необходимого условия общественного развития и увеличения благосостояния, в конечном итоге — обеспечение основных прав человека.
- Нацеленность на поддержание и развитие многообразия культур, создание новых и воссоздание исторических культурных связей. Через диалог евроазиатских цивилизаций — к миру, сотрудничеству и взаимообогащению.
- Защита прав человека в их неразрывной взаимосвязи с правами обществ и государств.

Большая Евразия — это и концептуальная рамка для нацеленной в будущее геостратегической и геоэкономической самоидентификации России как центра и севера поднимающегося континента, служащей одним из его важных связующих транспортных и экономических звеньев, важнейшим поставщиком безопасности. Россия благодаря своему многовековому опыту взаимодействия и с Западом, и с Востоком, мирного взаимодействия многих религий, открытости русской культуры призвана играть центральную роль в налаживании и воссоздании культурного взаимодействия в Евразии. При этом Россия не собирается отказываться от важнейших для неё европейских культурных корней, будет развивать их. Большая Евразия — это совместный проект, вернее много проектов входящих в неё государств, их организаций, готовых идти к общей цели — созданию континента развития, мира и тесного сотрудничества. Первоначально ведущую роль в его создании призван сыграть тандем Россия—Китай, руководители которых уже официально высказали свою поддержку концепции парт-

нёрства Большой Евразии. Но концепция требует конкретизации в многостороннем диалоге.

Концептуальная рамка позволяет, используя тенденции, направлять действия государств, существующих организаций и диалоговых форматов в единое русло, нацеленное на формирование и оформление новой геоэкономической, геополитической и геокультурной общности — партнёрства, а затем сообщества Большой Евразии. **Естественной переговорной платформой для создания такого партнёрства выглядит ШОС** при придании организации большей энергии, открытости и превращения её из сугубо региональной в организацию организаций, форум для обсуждения проблем. Возможно, полезны были бы и диалоги ШОС—ЕС, ЕАЭС—ЕС. Можно начинать и с экспертного, а затем экспертно-политического форума евразийского развития, сотрудничества и безопасности. Но использование (при развитии) существующей организации удобнее создания новой, да ещё без институциональной основы.

Естественно, для создания на основе ШОС (при её развитии и сохранении) новой структуры требуются эффективные совместные усилия её членов, прежде всего России и Китая, чьи действия в ШОС прежде сдерживались стремлением сдерживать влияние друг друга в экономической сфере (доминирования Китая, видимо, опасалась Россия) и в сфере безопасности (лидерства России, по-видимому, не хотел Китай). Сейчас развитие сдерживается противоречиями Индии и Китая, Индии и Пакистана, России и НАТО/ЕС. Повторимся, нужен новый, преодолевающий старые противоречия формат. Это — совместное движение к партнёрству Большой Евразии, которое требует сложения усилий, конкурентных преимуществ к общей выгоде.

Дорожная карта на завтра

ОБЩИЕ КОНТУРЫ СТРАТЕГИИ

Достигнутое в повороте на Восток требует не только развития уже заложенных направлений работы, но и запуска новых проектов. Но прежде всего, нужно снова провести углублённое прогнозирование азиатских и тихоокеанских рынков, чтобы направлять инвестиции, тем более пока, видимо, скромные, в отрасли, продукция которых будет пользоваться долгосрочным спросом. Не исключено, например, что взрыв инфраструктурных инвестиций в США, вероятное массированное инвестиционное участие в нём Китая увеличат спрос на металлы и другие энергоёмкие товары, традиционные для российского экспорта. В то же время крайне вероятное сокращение спроса на уголь в мире и Азии уже сейчас требует реструктуризации отрасли, связанных с ней гигантских транспортных потоков. Политика поворота должна быть увязана с пока отсутствующей стратегией экономического возрождения, стать её составляющей, а может быть, и важнейшей частью развития России.

Интенсификация поворота нужна и потому, что из-за экономической и умственной разрухи 1990-х — начала 2000-х гг. мы во многом запоздали с ним, упустили огромные выгоды. В дополнение к развитию широтной транспортной инфраструктуры первостепенное значение имеет, как указывалось выше, развитие транспортных путей север—юг, включающих не только Дальний Восток, но и центральные и западные регионы Сибири, Приуралья к быстро растущим рынкам западного Китая, Ирана, Индии, Пакистана.

Несмотря на нынешнее замедление — из-за экономического кризиса — интеграционных процессов в ЕАЭС, союзу необходима новая долгосрочная повестка дня. Возможно — это единая транспортная и общая торговая политика, интеграция на оптимальных условиях в единое пространство Большой Евразии, участие в формировании его стандартов и правил. Необходимо создание многосторонних технологических альянсов со странами континента, как на его Западе, так и Востоке. Большинство высокотехнологических отраслей невозможно развивать, ориентируясь преимущественно на собственный или даже союзный рынок. Технологические альянсы необходимы, и чтобы упреждать и предотвращать риски вероятной дальнейшей политизации мировой экономики прежде всего, но не исключительно Западом.

Достигнутое в рамках поворота на Восток требует выработки и новой запросной политики в отношении азиатских партнёров. **Далеко не всё в нарастающем сотрудничестве Россию устраивает: остаются барьеры для многих российских товаров и инвестиций, бюрократические и политические препоны.** Наконец, России необходимо скорее определяться с формами своего участия в интеграционных объединениях в Азии и Тихом океане. ТПП пока провалилось. Но осталось ведомое АСЕАН и Китаем ВРЭП, охватывающее большинство стран региона. Пока Россия и ЕАЭС из-за сложности выработки общей позиции внутри Союза, недостатка экспертного потенциала воздерживаются от участия в переговорах, делают ставку на сеть двусторонних зон свободной торговли. Но неясно, выгодно ли такое «воздержание» в долгосрочной перспективе.

Отдельная группа задач — направление российского внешнего политического и военно-политического участия в делах Азии и Тихоокеан-

ского региона. Выход на поверхность многих застарелых конфликтов в нём, почти неизбежное усиление американской политики сдерживания Китая и стремления играть на противоречиях и опасениях региональных игроков, и, может быть, самое важное — это субъективный, не имеющий отношения к реальной политике и намерениям Пекина рост опасений соседей в связи с его растущей мощью. Он создаёт запрос на конструктивное участие России как опытного, дипломатически мощного и дружественного большинству стран игрока. Усиливает этот запрос и отсутствие в регионе развитой и стабильной системы безопасности. **Россия — объективно потенциально крупнейший поставщик безопасности в регионе и мире, в том числе за счёт стратегического сдерживания и диалога с США** (последнего пока почти нет), а в будущем и через трёхсторонний диалог Россия — Китай — США, если стороны дозреют до осознания его необходимости.

Требует углубления и российско-китайское всеобъемлющее равноправное доверительное партнёрство и стратегическое взаимодействие. Оно носит характер, близкий к союзничеству, но страдает от недостаточной развитости связей на среднем и низшем уровнях, в частности в бизнесе, и не менее важно — от недостатка «стратегической глубины», то есть общей долгосрочной цели соразвития. Такой целью, общей и для всех стран Евразии, и должно, видимо, стать лидерское взаимодействие по созданию партнёрства или сообщества Большой Евразии.

В «дорожную карту» по его формированию могут входить, в частности, следующие элементы:

- создание координируемой транспортной стратегии Большой Евразии;
- создание системы рейтинговых агентств;
- поддержка развития АБИИ, других региональных банков;
- создание системы параллельной SWIFT, которая не только исключала бы использование последней в качестве оружия экономической войны, но и укрепила бы устойчивость мировой финансовой системы;
- расширение практики торговли в национальных валютах, создание независимых платёжных систем;
- экономический информационный центр, параллельный ОЭСР и работающий во взаимодействии с ним;
- создание евразийской сети, возможно даже организации, взаимопомощи на случай учащающихся чрезвычайных ситуаций, климатических и техногенных катастроф, послекризисного восстановления. Возможный пилотный проект для последнего типа деятельности — Сирия;
- создание комплексного независимого информационно-аналитического мега-агентства, сочетающего распространение, сбор информации и аналитику — условное соединение «Аль-Джазир» или «Би-би-си» со «Стратфором». Предварительное название — «Евразия ньюс». Такое агентство позволит странам континента обретать большую интеллектуальную и политическую самостоятельность, противостоять политизации информационных потоков;
- цель создания такого информационно-аналитического агентства, в том числе, — формирование в большей степени ориентированной на новые реалии и будущее

теории международных отношений, отражающей интересы стран Евразии. Это, например, взаимодействие и взаимопроникновение цивилизаций вместо их конфликта, бесконечность и повторяемость развития человечества вместо достижения конечной стадии и т.д.;

- сотрудничество по восстановлению исторического и культурного нарратива, общего для государств Евразии, — от истории империи Чингисхана к экономическому и культурному феномену Великого шёлкового пути, к истории Восточной Римской империи (Византийской), соединившей культурные потоки Азии и Европы, а заодно сохранившей европейскую культуру в годы её упадка. Здесь же роль Венеции в качестве ворот Азии в Европу, новая оценка крестовых походов. Цель — воссоздание и создание единой исторической и культурной идентичности Евразии и мира, дополнение преимущественно ориентированного на Европу нарратива всемирной истории, до сих пор доминирующего в мире.

Параллельно с движением к Большой Евразии, углублением азиатского поворота России в ближайшие годы, видимо, стоит задуматься и о реализации на новой политической, экономической и концептуальной основе взаимодействия со своим традиционным партнёром — Европой. Тем более что продолжение кризиса европейской интеграции объективно толкает многих на старом субконтиненте к пересмотру оказавшейся контрпродуктивной политики на российском направлении. США всё менее надёжны. Стремятся европейские страны и к своему «повороту на Восток». Многие уже делают его, опережая Россию. Пока неочевидно, как перезапустить российскую европейскую политику. Слишком неопределённая ситуация у соседей на западе Евразии. Но объективная необходимость такого «перезапуска» существует.

Расширение торгово-экономического сотрудничества со странами Большой Евразии, включая выход российских производителей на рынки этих стран, а также привлечение инвестиций из них на территорию России — ключевая составляющая внешнеэкономической политики в Евразии. Движение вперёд по данному направлению невозможно без одновременного следования по другим — тем, что рассмотрены в других разделах. Так, расширение торговли и инвестиций затруднено без развития транспортной инфраструктуры, без интеграции России в информационное пространство азиатских стран, а отчасти и без сотрудничества в области безопасности.

Цели России в Азии и Евразии

СОЗДАНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Военно-политическая ситуация в Евразии не является остроопасной, предвоенной. Помимо, разумеется, Ближнего и Среднего Востока, нестабильность и конфликты на котором угрожают всему континенту. Но множатся и «вакуумы безопасности». Один из которых — в Европе. Там, в первую очередь из-за неовеймарской политики Запада после окончания холодной войны, расширения его союзов на жизненно важные для безопасности России территории в прошлом десятилетии, начала образовываться предвоенная ситуация. Своими действиями в Крыму и на Украине Россия упредила её и отодвинула. Но одновременно был нанесён *coup de grace*, добивающий удар, и без того несостоявшейся из-за экспансии НАТО и ряда других причин общеевропейской системе безопасности. Её остатки — возможный военно-политический диалог Россия — НАТО; ОБСЕ — в случае эволюции в субрегиональный кризисный центр, координатора борьбы с терроризмом и киберугрозами, можно и, вероятно, нужно сохранить. Но возвращение к старым схемам и надеждам нереалистично. Победившая инерция холодной войны, накопленное недоверие похоронили эти надежды.

В Азии «размораживается» или даже создаётся и поднабивается извне целый ряд конфликтных зон, идёт активное наращивание военных потенциалов. Множатся «вакуумы безопасности». Самый масштабный — вокруг Китая, который не угрожает соседям, стремится к усилению в основном мирными средствами, но мощи которого почти все соседи в растущей степени опасаются. Исключение — Россия с её военным потенциалом и дружественными отношениями с КНР. Но и в ней существуют опасения относительно долгосрочных перспектив наращивания китайской мощи.

Сейчас многие страны Азии смотрят на Россию как на важного, относительно независимого игрока по отношению к основным конфликтам и спорам, угрожающим региональной стабильности. При этом в Центральной Евразии Россия напрямую предоставляет гарантии защиты от внешних угроз для большинства стран, включая главным образом своих союзников по ОДКБ. В свою очередь, в Восточной и Юго-Восточной Азии Россия рассматривается как необходимый балансир и нейтральный игрок по отношению к центральному региональному конфликту США — Китай и не менее сложным отношениям между КНР и её соседями — Японией, Республикой Корея. Потенциально без внешнего содействия трудноразрешим конфликт КНР — Индия.

При этом, если ещё несколько лет назад возможность прямого военного конфликта между США и Китаем практически исключалась, в настоящее время сценарий локального вооружённого столкновения более реален, становясь предметом широкой экспертной дискуссии. Постепенное, хотя и нелинейное повышение конфликтного потенциала становится «новой нормальностью» китайско-американских отношений. **Малые и средние страны региона одновременно стремятся воспользоваться благами китайской экономической мощи, но опасаются попасть под политическое и военное доминирование Китая.** Они всё чаще стремятся диверсифицировать свои риски, чтобы не оказаться между «молотом и наковальней» американо-китайского конфликта, и здесь Россия рассматривается как важный потенциальный, независимый и стратегически самодостаточный партнёр.

Что касается непосредственно китайско-российских отношений в области безопасности, то здесь сторонами достигнут уровень доверия, близкий к де-факто военно-политическому союзу. Вместе с тем России и Китаю не стоило бы, видимо, пока вести дело к формализации их союзнических отношений. В любом случае представляется важным, насколько это возможно, не увязывать вопрос о китайско-российском сотрудничестве в сфере безопасности с отношениями обеих держав с США. Особенно в связи с тем, что американская политика в отношении как Москвы, так и Пекина будет в ближайшее время, видимо, достаточно хаотичной и противоречивой.

Целью китайско-российского сотрудничества в области безопасности и обороны должно стать обеспечение стабильности в регионе «общей судьбы» — совместного развития стран и народов на пространстве Большой Евразии. Но никак не формальное противостояние одной или более внерегиональной или региональной державе. Вместе с тем, **несмотря на все заявления и действительное нежелание двух стран создавать антиамериканский союз, политика США, с нарастающими в ней элементами конфронтации в отношениях с обеими странами, объективно толкает их к усилению военно-политического сотрудничества** и, дальше, к координации оборонной политики. Дело объективно идёт к тому, чтобы не только политически и экономически (последнее со стороны Китая), но и военно-политически служить друг другу «тылом», «базой» и «опорой». К тому же де-факто мощный ядерно-стратегический потенциал России служит зонтиком менее мощному Китаю, делая развязывание масштабной войны против него, грозящей перерастанием на ядерный уровень, запретительно опасным для США.

На заполнение этих «вакуумов безопасности» и направлена в том числе и концепция движения к партнёрству Большой Евразии. Она предусматривает не только движение к созданию основанного на справедливости и устремлённого в будущее сообщества соразвития, но и создание общеконтинентальной системы безопасности, в которой Россия (как и другие) чувствовали бы себя комфортно и с востока, и с запада, и с юга. При этом Россия в силу своего географического положения, военной мощи, дипломатического опыта может служить ведущим поставщиком безопасности в этой системе.

Превалирующий способ обеспечения безопасности в Большой Евразии — неприсоединение или нейтралитет, гарантированный ведущими игроками международного сообщества (в первую очередь Россией и Китаем и, по возможности, США и НАТО). Движение к преодолению блокового раскола, создание системы безопасности стоит, видимо, начинать с запуска экспертного, а затем экспертно-политического форума по развитию, сотрудничеству и безопасности стран Большой Евразии.

УКРЕПЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНТЕГРАЦИИ

В последние годы достигнуты значительные успехи в сотрудничестве с ведущими странами Азии (в первую очередь Китаем и Японией). Однако вплоть до настоящего момента речь шла скорее о «снятии сливок» — реализации давно напрашивающихся, наиболее легко реализуемых проектов. Для углубления сотрудничества Россия заинтересована в придании ему системного характера. Последовательная, часто рутинная, работа по снятию ключевых барьеров для дальнейшей интеграции России в хозяйственные связи АТР — это основа повестки дня на ближайшие 10 лет.

Важнейший агент интеграционных инициатив России (равно как и других членов ЕАЭС) — Евразийская экономическая комиссия. Усиление её потенциала как главного инструмента реализации интересов стран-членов ЕАЭС стоит осуществлять по двум направлениям. Во-первых, необходимо безоговорочное признание исключительного мандата ЕАЭС на ведение переговоров стран-участниц по вопросам торговли. В перспективе такой же мандат должен быть передан ей в отношении регулирования инвестиций. К сожалению, до сих пор некоторые страны-члены ЕАЭС предпочитают дополнять деятельность ЕЭК ведением диалога с внешними партнёрами в двустороннем формате. Азиатские страны де-факто поддерживают такую практику, так как она позволяет им легче навязывать отдельным странам ЕАЭС свою позицию. Целый ряд действий России в последние годы (включая подписание в двустороннем формате соглашения о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП, а также введение без согласования с партнёрами по ЕАЭС санкций против стран Запада) усилили сомнения других стран-членов в том, что Россия склонна рассматривать их в качестве равноправных партнёров. **ЕАЭС — это ценнейший актив, который Россия должна беречь и требовать того же от других стран объединения.**

Во-вторых, важна координация работы ЕЭК и деятельности российских министерств и ведомств. Комиссия отвечает за торговую политику стран-членов и переговоры о ЗСТ. Соответственно, её работа напрямую нацелена на защиту интересов национальных производителей перед импортёрами и продвижение экспортёров на зарубежные рынки. Пока довлеющая запросная позиция стран-членов и их бизнес-игроков в большей степени направлена на защиту внутреннего рынка, чем на продвижение вовне.

Для российских предприятий и ведомств, ориентирующихся на экспорт (в первую очередь Министерство РФ по развитию Дальнего Востока), это создаёт принципиальную проблему. Без жёсткого продвижения своей запросной позиции самим министерством комиссия не сможет эффективно продвигать интересы дальневосточных экономических субъектов. Не в меньшей степени данная проблема касается диалога комиссии с Министерством экономического развития РФ по вопросам наращивания российского экспортного потенциала в странах АТР.

Перспективные сюжеты для такого диалога — это продвижение запросной позиции российских ведомств и предприятий в отношении партнёров из стран АТР, в том числе:

- продвижение инвестиционных проектов в переговорах с международными партнёрами комиссии по схеме «тарифы в обмен на инвестиции», т.е. снятие тех или иных тарифных барьеров в обмен на инвестиции в конкретные проекты;
- выработка специальных форматов включения Дальнего Востока в преференциальные и непреференциальные торгово-экономические отношения с участием комиссии (о приграничной торговле, о приоритетном сотрудничестве в регионе, об особом отраслевом сотрудничестве);
- отражение интересов Дальнего Востока по международному регулированию услуг со странами Азии, на данном этапе — транспортных и туристических; отражение интересов по визовому регулированию и режиму пребывания для иностранных рабочих и пр.

Необходимо качественное усиление вовлечённости ЕАЭС в региональные интеграционные инициативы. ЕАЭС в своих внешних интеграционных инициативах на международном треке пока находится на «догоняющем этапе» проработки возможностей заключения двусторонних ЗСТ («ЕАЭС + страна-партнёр»). На это есть и фундаментальные причины, и операционные.

Первая причина — это ультраконсервативная торговая политика стран-членов ЕАЭС. Многие годы даже идея о ЗСТ в странах-членах сразу же вызывала поток обвинений в подрыве своего рынка. Во-вторых, вплоть до 2010-х гг. страны-члены ЕАЭС испытывали низкий политический и экономический интерес к странам Азии в сравнении с европейским направлением. Так, практически вплоть до введения антироссийских санкций переговоры о ЗСТ ЕЭК вела только с ЕАСТ и Новой Зеландией.

В-третьих, это происходит в силу юного возраста самого ЕАЭС, который пока в большей степени сконцентрирован на внутренней интеграции. Так, всеми переговорами о ЗСТ от Белоруссии на операционном уровне занимается всего два сотрудника ЕЭК. А принцип консенсуса требует их одобрения по всем ключевым вопросам. В-четвертых, имеются объективные разногласия между странами-участницами ЕАЭС и порождённые этим трудности по формированию консолидированной запросной позиции на торговых переговорах (она, как правило, достаточно линейна: «откройте свои рынки и не требуйте открывать наши»), а также «защитной позиции» (зачастую её просто нет, что тормозит переговоры).

Наконец, есть и чисто организационные причины. Организационные ресурсы комиссии для расширения переговорной повестки крайне ограничены. Сегодня в разработке находятся семь двусторонних ЗСТ, и больше человеческих ресурсов у комиссии для открытия новых аналогичных переговоров или, тем более, ведения переговоров более сложного уровня просто нет. Присоединение к ВРЭП, например, где большинство стран-участниц переговоров уже связаны соглашениями о ЗСТ, и переговоры вокруг ВРЭП затрагивают более глубокие слои регионального сотрудничества, требуют повышения и расширения экспертного потенциала. Вопрос его наращивания на повестке развития комиссии стоит, но его решение требует как минимум нескольких лет и значительных усилий всех стран-членов Союза.

Можно констатировать, что внешний запрос на интеграцию с ЕАЭС пока значительно превышает возможности Союза — сегодня подано более 40 заявок на создание ЗСТ с ЕАЭС, но нынешние семь переговоров на данном этапе — организационный потолок комиссии. Пока заключено только одно соглашение о ЗСТ с Вьетнамом (29 мая 2015 г.). Сейчас в активной работе у ЕАЭС находятся страновые треки со следующими партнёрами:

- с Китаем по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве (непреференциальное торгово-экономическое соглашение, не ведёт к созданию ЗСТ);
- с Ираном о заключении временного соглашения, ведущего к образованию ЗСТ;
- с Сингапуром о соглашении по ЗСТ;
- с Республикой Корея идут рабочие консультации по вопросу заключения соглашения о свободной торговле;
- с Индией готовятся к открытию переговоров о ЗСТ;
- идут и предварительные переговоры с Израилем о ЗСТ и об унификации торгового режима и ЗСТ с Сербией.

Форматы данных переговоров отличаются, но все они в той или иной степени связаны российской политикой поворота на Восток и создания Большой Евразии. Прогресс по данным соглашениям также значительно варьируется: переговоры с Ираном находятся в завершающей фазе; с Китаем согласован формат переговоров и начинается наполнение будущего соглашения; с Кореей только прорабатывается целесообразность начала переговоров по ЗСТ и их возможные рамки; открыта рабочая группа по подготовке ЗСТ с Сингапуром; в перспективе — переговоры о ЗСТ с Индией.

В течение 3–5 лет именно двусторонний трек ЕАЭС — страна-партнёр будет оставаться основным. По мере заключения соглашений о ЗСТ с Сингапуром и, возможно, другими странами ЮВА, в перспективе 5–7 лет возможно начало активных переговоров о ЗСТ ЕАЭС — АСЕАН. О полноценном участии ЕАЭС в мегарегиональных торговых соглашениях и интеграционных проектах можно будет говорить не ранее, чем через 7–10 лет. Тогда ЕАЭС может стать полноценным участником и ВРЭП, и большого евразийского партнёрства как общей рамки регионального сотрудничества.

СНИЖЕНИЕ БАРЬЕРОВ ДЛЯ ТОРГОВЛИ

Ключевая цель в торгово-экономических переговорах с азиатскими странами — снижение тарифных и нетарифных барьеров, препятствующих доступу российской продукции на региональные рынки. **В части тарифных ограничений Россия будет добиваться либерализации тарифных барьеров по наиболее защищённым направлениям из тех, что представляют интерес для российских экспортёров, прежде всего из ДВФО.** Есть случаи, когда, несмотря на запретительные пошлины (более 100%), поставки всё равно открываются (например, по кукурузе в Республику Корея). Но для наращивания экспорта важно последовательное отстаивание снижения таких барьеров.

Высокие заградительные пошлины в основном применяются на продукцию первых пяти разделов товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности:

- живые животные и товары животного происхождения;
- продукты растительного происхождения;
- жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления, готовые пищевые жиры, воски животного или растительного происхождения;
- готовые пищевые продукты, алкогольные и безалкогольные напитки и уксус, табак и его заменители;
- минеральные продукты.

Именно по этим категориям необходимо в первую очередь оказывать поддержку российским экспортёрам. Однако стоит учитывать, что некоторые запретительные пошлины функционируют в соответствии с договором при вступлении в ВТО, поэтому в этих направлениях малоперспективно что-то снизить через механизмы ВТО. Это лишний раз доказывает необходимость заключения преференциальных торговых соглашений.

В рамках переговоров по торговым соглашениям важно понимать, какие рынки необходимо открыть в первую очередь. Это не получится сделать бесплатно. В обмен партнёры потребуют открытия рынков стран ЕАЭС. Этого не надо бояться — по многим товарным позициям, интересным азиатским партнёрам у России есть резерв безболезненного снижения таможенных барьеров.

Что касается нетарифных ограничений, то эти барьеры играют ещё большую роль в ограничении доступа российских производителей на азиатские рынки, чем высокие таможенные пошлины. Типичным примером является рынок сельскохозяйственной продукции, где все ведущие азиатские страны активно применяют санитарные и фитосанитарные барьеры, особые требования к упаковке и маркировке, способу перевозки, сертификации и т.д. Поэтому необходимо как поднимать вопрос о снятии нетарифных барьеров в рамках переговоров по торговым соглашениям, так и налаживать регулярные связи с профильными ведомствами, которые отвечают за внедрение нетарифных мер.

Важна активизация России по торговым спорам в рамках ВТО. Все ключевые российские партнёры в АТР являются членами ВТО, однако лишь Сингапур практически полностью уведомляет остальных членов организации о внедрении новых мер. В ВТО есть смысл рассматривать не только вопрос о мерах как таковых, но и о повышении информированности третьих стран о таких мерах.

Большинство нетарифных барьеров являются техническими барьерами в торговле, санитарными и фитосанитарными мерами, поэтому необходимо в каждом отдельном случае рассматривать такие меры и оценивать, не являются ли они излишними. При наличии подобных опасений необходимо поднятие вопросов в соответствующих комитетах. При безрезультативности данных действий — заводить дело в органе по разрешению споров ВТО.

С точки зрения снижения важности санитарных и фитосанитарных норм как инструментов защиты внутреннего продовольственного рынка и обеспечения продовольственной безопасности, целесообразно поднимать на международных площадках, таких как Восточноазиатский саммит, Форум шёлкового пути, саммиты БРИКС, альтернативную концепцию национальной продовольственной безопасности. Суть её состоит в смещении фокуса контроля с внутреннего рынка продовольствия на каналы поставок. И такую концепцию выгодно реализовывать через стратегические партнёрские связи с Россией.

Российские ведомства, чья работа нацелена на продвижение экспорта, должны в оперативном режиме выстроить эффективные и постоянные каналы обмена информацией и оперативного диалога и с ЕЭК, и с ВТО. Первая сможет отстаивать интересы экспортёров через торговые переговоры, через вторую можно проводить постепенную работу по снятию излишних заградительных мер.

В отличие от тарифных барьеров, которые на настоящий момент логичнее обсуждать с каждой конкретной страной в двустороннем формате (по линии ЕАЭС — страна), вопросы о многих типах нетарифных барьеров могут быть вынесены и на многосторонний уровень. Постепенная ликвидация нетарифных барьеров, облегчение таможенного оформления, упрощение таможенных процедур (в том числе через электронизацию), санитарной инспекции — всё это ключевые шаги на пути к построению партнёрства Большой Евразии.

УКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА

Стратегия долгосрочного торгово-инвестиционного сотрудничества в Большой Евразии должна исходить из того, что на смену экстенсивной модели экономического роста, основанной на дешёвой рабочей силе и растущем потреблении энергоресурсов и других видов сырья, постепенно приходит

иная модель социально-экономического развития. Она характеризуется замедлением темпов роста и постепенным расширением внутреннего спроса в развивающихся экономиках на фоне роста доходов населения. Такая модель обуславливает относительно меньшие темпы роста спроса на ресурсы (энергоресурсы, металлы) и инвестиционные товары (оборудование, строительные услуги). Расширяющийся сегмент — потребительские товары, в том числе товары длительного пользования.

Проблема, однако, в том, что российские производители пока не готовы в массовом порядке работать в этом сегменте. В отличие от рынка сырья и инвестиционных товаров в случае с потребительскими товарами гораздо большее значение имеют вкусы и предпочтения потребителей, зачастую весьма специфические. Поэтому большую роль играет маркетинг, предполагающий необходимость присутствия в информационном пространстве страны-импортёра.

Кроме того, рынки азиатских стран в целом очень закрыты, причём барьерами выступают как высокие таможенные пошлины, так и многочисленные нетарифные ограничения. **Если в случае с сырьевыми товарами поддержка экспортёров заключалась преимущественно в достижении договорённостей на политическом уровне, то в случае с потребительскими товарами на первую роль выходит способность государства добиться открытия рынков** (например, в рамках торговых соглашений), а также обеспечить принципиальное усиление системы мер поддержки экспорта: экспортного кредитования и страхования, предоставления государственных гарантий, оказания услуг консалтинговых центров и активизации торговых представительств.

Действующая система институтов поддержки экспорта, включающая ЭКСАР, Росэксимбанк, Российский экспортный центр, Агентство Дальнего Востока по поддержке экспорта и привлечению инвестиций и др., пока не вполне справляется с этой задачей. Основная проблема — недостаток финансирования. Так, уставный капитал ЭКСАР в десятки раз меньше уставного капитала экспортно-кредитных агентств в ведущих экономиках мира. В то же время в связи с высокой стоимостью кредита в России льготное экспортное кредитование приобретает особую значимость. **А партнёрам нужны именно государственные гарантии, поскольку в текущей международной обстановке Россия часто рассматривается как страна с относительно высокими политическими рисками.** Особенно такие меры поддержки необходимы малому и среднему бизнесу. Последний должен постепенно превращаться в главный драйвер торгово-инвестиционного сотрудничества с азиатскими странами, но при этом в настоящее время он практически выпал из системы государственной поддержки экспортёров.

Отдельное направление поддержки экспорта — информационное. Целесообразна разработка комплексной системы взаимодействия с российскими экспортёрами, через которую будет передаваться актуальная информация по существующим преградам в исследуемых странах. Это может быть дополняющая платформа к мониторингам «Единого портала внешнеэкономической информации». Особая поддержка нужна в части позиционирования российских товаров в информационном пространстве азиатских стран, включая вопросы маркетинга, брендинга, поиска каналов сбыта и т.д. Такие формы поддержки тоже было бы целесообразно развивать, комбинируя их с более тесной интеграцией в информационное пространство АТР.

НАЛАЖИВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АЗИИ И ЕВРАЗИИ

Последний по времени и, наконец, эффективный поворот России на Восток задумывался десятилетие тому назад как преимущественно экономический. С опозданием стала очевидной необходимость подключения к азиатскому росту всей страны. Второй задачей было обеспечение ускоренного роста и развития сибирских и дальневосточных регионов страны. Неафишируемой целью было изменение структуры крайне невыгодных внешнеэкономических связей России, сложившейся в годы развала 1990-х и хаотичного восстановления 2000-х, когда страна за нефть и газ получала дорогие и часто экономически неэффективные потребительские и инвестиционные товары преимущественно из Европы. Существовала и такая цель — поворотом к Востоку сместить баланс сил в отношениях и торговле с последней. Но с середины 2010-х гг. поворот стал играть дополнительную роль — диверсификация чрезмерной зависимости от Запада в первую очередь в технологической области.

Поворот на Восток призван, в том числе, стать инструментом преодоления последствий осложнения отношений со странами Запада для технологической области. Сейчас Россия сталкивается с постепенно усиливающимся режимом технологических санкций со стороны США и Евросоюза, которые носят как формальный, объявленный, так и скрытый характер. Сейчас, по прошествии трёх лет после введения против России санкций в связи с ситуацией на Украине, становится ясно, что даже формальные санкции носят долгосрочный характер.

Что касается неформальных санкций, связанных с дискриминацией российских компаний в доступе к оборудованию и технологиям по сравнению с предприятиями не только развитых западных, но и многих развивающихся стран, то такие санкции имели место даже в благополучные 2000-е гг. и будут усиливаться даже в случае отмены формальных ограничений. Среди наиболее пострадавших российских высокотехнологичных отраслей — космическая, в большой степени зависевшая от широкой международной кооперации, использования иностранных компонентов и осуществления коммерческих космических пусков.

Сталкиваясь с негативными изменениями в соотношении военных сил с Китаем и другими крупными развивающимися странами, США и их союзники будут обращать особое внимание на ограничение распространения технологий двойного назначения, играющих наиболее важную роль в современных военных проектах. Исходя из известных приоритетов американской оборонной инновационной инициативы и развиваемой в её рамках «третьей стратегии компенсации», речь будет во многом идти о технологиях, критически важных и для гражданской экономики, таких как искусственный интеллект, робототехника, аддитивные технологии, беспилотные подводные аппараты и т. п.

Проигрывая в международной конкуренции, США пытаются использовать оставшиеся лакуны лидерства — в технологиях, СМИ, чтобы замедлить или повернуть вспять этот процесс. Понятно, что ограничения на передачу технологий направлены не только против России, но и других поднимающихся незападных стран, прежде всего Китая. При этом, ограничивая передачу технологий, вводя санкции, США и те из их союзников, которые следуют за ними, подрывают тот самый либеральный экономический порядок, который сами и создали. И это проходит под фарисейским обвинением других в его подрыве.

Санкции и другие виды протекционизма становятся «новой нормальностью». В этой ситуации незападные, да и многие западные

государства стоят перед необходимостью не только защитить свои интересы, но и сохранить, насколько возможно, открытую либеральную внешнеэкономическую среду. Эта задача — одна из целей, как отмечалось, формирования пространства развития сотрудничества Большой Евразии.

Создание технологических альянсов по ряду направлений между Россией и Китаем, Россией и Индией, другими странами БРИКС является необходимым в условиях, когда США и другие западные страны всё очевидней делают ставку на максимизацию своего главного сохраняющегося преимущества — технологического. Препятствием для движения в данном направлении является доминирующий в России и особенно в Китае экстремальный «технологический национализм». Китай и в меньшей степени Россия склонны воспринимать практически любой импорт технологий и продукции двойного назначения как угрозу национальной безопасности.

За последние три года Россия и Китай добились существенного роста в военно-техническом сотрудничестве. В частности, объём поставок российских товаров и услуг военного назначения в 2016 году впервые превысил \$ 3 млрд в номинальном выражении, при этом портфель китайских заказов для российского ВПК превышал \$ 8 млрд. Однако такой рост достигнут за счёт небольшого числа крупных контрактов (например, на поставки самолётов Су-35, зенитных ракетных комплексов С-400 и т. п.), и нет уверенности, что достигнутый показатель удастся удержать.

Возможно, для укрепления сотрудничества России имело бы смысл рассмотреть возможности ограниченных закупок китайской техники по тем направлениям, где у китайцев есть явное преимущество, например отдельные категории беспилотных летательных аппаратов. Технологические альянсы, которые имеют место сейчас между двумя странами в оборонной промышленности и ряде смежных секторов, судя по всему, рассматриваются обеими сторонами как временные и в конечном счёте нацелены на то, чтобы после усвоения недостающих технологий полностью замкнуть соответствующие производственные цепочки на своей территории. Такая политика, если она существует, обрекает страны на отставание.

Напротив, США стремятся максимально использовать научно-технический потенциал своих союзников. Проект производства истребителя F-35 развивается с участием девяти стран. Япония и Израиль принимают активное участие в развитии американских программ противоракетной обороны (ПРО). США широко привлекают субподрядчиков из союзных стран к разработке и производству других критически важных систем вооружения и в отдельных случаях импортируют вооружения и военную технику европейского производства.

Россия и Китай в своём технологическом национализме опережают не только США, но и СССР 1950–1980-х годов. СССР активно занимался выстраиванием производственной кооперации со странами Варшавского договора. Производство отдельных видов вооружений и военной техники было целиком доверено союзникам. Например, производство реактивных учебных самолётов для советских ВВС осуществлялось в Чехословакии, десантных кораблей, лёгких транспортных самолётов и вертолёт — в Польше, отдельные типы малых боевых кораблей закупались в ГДР.

Обладая более скромным научно-техническим потенциалом, чем современные США или СССР в период холодной войны, Россия и Китай, ограничивая взаимное сотрудничество, обрекают себя на неизбежное отставание. Этому мешает нехватка информации, высокомерие и нехватка политического доверия. Сторонам придётся преодолеть эти трудности, чтобы двигаться вперёд. Имеющихся проектов в сфере ВПК и технологий двой-

ного назначения (российско-китайский широкофюзеляжный самолёт, российско-китайский тяжёлый вертолёт) явно недостаточно.

Китай стал в 2016 г. главным направлением экспорта российской невоенной промышленной продукции. По статье «машины, оборудование и аппаратура» на него пришлось 17,6% всех поставок данного вида на сумму \$ 1,2 млрд. Кроме того, Китай является крупнейшим покупателем российских инструментов и измерительного оборудования и заметным покупателем продукции российского транспортного машиностроения. Однако только чуть более 6% суммарно составила в 2016 г. доля данной продукции в российском экспорте в КНР. В крайне значительном объёме поставок машин и оборудования из Китая (35,3% китайского экспорта в Россию) присутствует доля продукции западных брендов (мобильные телефоны, мониторы, компьютеры). Здесь доля китайской добавленной стоимости не является доминирующей — в диапазоне 10–50% по разным категориям продукции. Сторонам пока не удаётся создать отношения глубокой взаимозависимости, которые позволили бы использовать потенциал друг друга для ослабления возможного давления со стороны Запада.

Необходимо осознать, что Россия и Китай в существующих в международной политике условиях будут обречены на тесное сотрудничество в промышленной сфере на неопределённо долгое время. В противном случае обе страны рискуют оказаться неспособными ответить на новые технологические вызовы со стороны США, опирающихся на систему технологических партнёрств с рядом крупных индустриально развитых стран.

В развитии партнёрства необходимо опираться на позитивный опыт, накопленный в военно-промышленном комплексе, космической и ядерной промышленности, постепенно углубляя его и распространяя на новые области. Важно создать условия для вовлечения в кооперацию между Россией и Китаем партнёров по ЕАЭС и, в тех случаях, когда это политически целесообразно — и других стран АТР и БРИКС. Целесообразно создание эффективной системы информационного обеспечения двустороннего сотрудничества, ориентированного на МСП, в том числе за счёт создания электронных торговых площадок.

Уже в среднесрочной перспективе стоит ориентироваться и на создание многосторонних технологических альянсов с корпорациями тех «западных» стран, которые тяготеют навязываемыми им нелиберальными экономическими порядками. Наиболее выгодные и очевидные партнёры — Япония, Республика Корея, Сингапур. Весьма вероятно, что через шаг из режима экономической войны будут стремиться вырваться и некоторые ведущие западноевропейские страны.

СОТРУДНИЧЕСТВО С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИНСТИТУТАМИ РАЗВИТИЯ

Привлечение институтов развития важно в первую очередь для реализации инфраструктурных проектов на территории России: проектов, нацеленных как на наращивание связей со странами Азии для приграничных регионов, так и на создание таких связей для континентальных районов России, прежде всего расположенных в сибирском ФО. Сегодня спектр возможных участников подобных проектов значительно расширился по сравнению с началом политики поворота в 2011 г. В регионе созданы Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, действует Новый банк развития БРИКС, Фонд Шёлкового пути, наращивает активность Азиатский банк развития, всё более эффективным медиатором проектов выступает

Евразийский банк развития. Для повышения эффективности использования российских ресурсов в данных институтах представляются целесообразными следующие шаги:

- наращивание числа предлагаемых проектов и привлечение эффективных консультантов для подготовки заявок;
- параллельное продвижение российских проектов через переговоры ЕЭК в рамках согласования неpreferенциального торгового соглашения с Китаем (по дальневосточным проектам, по проектам модернизации российских участков транспортных коридоров проекта «Один пояс, один путь», по развитию Северного морского пути), переговоров о целесообразности заключения ЗСТ с Южной Кореей (с упором на развитие инфраструктуры для наращивания экспорта в эту страну, в том числе по строительству зерновых терминалов на Дальнем Востоке), переговоров о ЗСТ с Сингапуром (для популяризации российских проектов в рамках Азиатского банка развития) и в скором будущем — с Индией (по проектам в рамках международного транспортного коридора «Север-Юг»);
- поднятие вопроса о непропорциональности взносов в уставный капитал и распределения проектов на встречах курирующих министров, а в случае продолжающегося фактического саботажа российских проектов — и на высшем уровне;
- использование широкого спектра инструментов поддержки со стороны институтов развития, что позволит увеличивать доходность от вложений, ориентируясь на успешную практику поддержки региональных проектов со стороны ЕБРР и АБР, в наибольшей степени вовлечённых в инфраструктурные проекты в Евразии.

Стратегической задачей для России при настраивании работы с институтами развития в рамках отдельных проектов представляется последовательное продвижение комплексного подхода к развитию территорий. **России важно не просто обустроить транзитные коридоры, а использовать создание новой инфраструктуры для развития собственных территорий, обеспечив связь между ресурсами, производствами и рынками сбыта.** В этой связи представляется важным мониторинг и своевременная координация подобных проектов со стороны как российских профильных ведомств, так и Евразийской экономической комиссии.

НОВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Новое информационное позиционирование Дальнего Востока важно не только для инвесторов, но и для будущих покупателей. Участие представителей региона в азиатских форумах, статусных событиях, отраслевых выставках — необходимые инвестиции в репутацию региона. Нужна системная пиар-кампания бренда дальневосточной продукции в Азии под условным девизом «близко, инновационно, экологично, модно». Укрепление репутации Дальнего Востока может сопровождаться развитием креативных пространств в регионе, организацией музыкальных и кинофестивалей, ориенти-

рованных на страны Азии. Современное медиапространство делает сферы для такого продвижения практически неограниченными для региона с уникальными природными ландшафтами, лучшей экологией среди большинства развивающихся стран Азии, обширными возможностями для гастрономического, фото-, экотуризма. При необходимом продвижении в будущем панъевразийских форматов, таких как евразийские города культуры, программы университетских обменов, евразийское информационное агентство, целесообразно рассмотреть Владивостока как принимающего города или одной из региональных штаб-квартир для подобных инициатив.

С точки зрения информационного позиционирования региона в Азии, важно распространение информации о Дальнем Востоке на национальных языках Азии, реклама региона не только среди инвесторов, но и среди широких слоёв населения, работа с представителями популярной культуры, «лидерами мнений», использование позитивного опыта других стран, активно задействовавших киноиндустрию для популяризации своих туристических возможностей. Крайне успешно на этом поле работает Испания, напрямую финансирующая создание фильмов об Испании с индийскими героями на болливудской студии (фильм стал одним из лидеров проката в Индии) и заказывающая фильм всемирно известному режиссёру Вуди Аллену, после которого популярность Барселоны среди иностранных туристов резко увеличилась. Аналогичные меры в отношении китайских, корейских, японских зрителей могут резко повысить популярность Дальнего Востока. Комплексная стратегия медийного продвижения Дальнего Востока в Азии — необходимое условие для реализации туристического потенциала региона. И, безусловно, она должна сопровождаться реальными мерами по повышению доступности туризма для иностранцев в ДВФО.

Важна и реклама как таковая. Несмотря на сложности в китайско-американских отношениях первая реклама, которую видят пассажиры, прилетающие в международный аэропорт Вашингтона, — это реклама туризма в Китае. Сегодня уже предпринимаются меры по созданию инвестиционной репутации Дальнего Востока, но важна и реклама региона не только среди инвесторов, но и среди широких слоёв населения — потенциальных туристов и покупателей дальневосточной продукции.

Развитие Дальнего Востока как центра производства, пересечения транспортно-логистических цепочек, образования и науки должно стать центральным элементом российской части стратегии построения партнёрства Большой Евразии — пространства совместного развития, сотрудничества государств-членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС, а в перспективе — ЕС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах. **Информационным стержнем этой стратегии в России может стать идея о престижности Дальнего Востока и связанных с его развитием проектов как региона, географически расположенного в наиболее динамично развивающейся части мира и ориентированного вовне**, символа отхода от ресурсной экспортной модели в сторону производства и экспорта высококачественной продукции высокого уровня переработки. Дальний Восток и связанные с ним другие сибирские регионы должны вновь продвигаться как земля возможностей для энергичных, талантливых, желающих позитивной карьеры, заслуженного благосостояния и достатка.

Дальний Восток и Сибирь должны, как и зачастую в прошлые века, стать местом для инициативы, успеха, свободы, местом применения творческих сил и энергии, застаивающихся в условиях политической стабильности, слабых социальных лифтов и экономической стагнации групп

населения, особенно молодёжи. Можно и нужно наряду с развитием экономики и интеграции региона в Азию сделать его модным и престижным методами эффективной и дешёвой информационной стратегии. А проникновение в динамично развивающуюся Азию должно стать таким же символом успеха, каким в последние три века была для россиян интеграция в Европу. Естественно, что при этом необходимо подчёркивать сохранение культурной общности с Европой, готовность вместе с ней идти в Азию. Владивосток — самый европейский город Азии.

Нужно на информационно-политическом уровне интегрировать развитие Дальнего Востока в более широкую концепцию создания Большой Евразии. Концепция, повторим, кроме всего прочего призвана погрузить тупик в отношениях с Европой и провал проекта строительства стабильной системы европейской безопасности и сотрудничества в более широкий контекст, исходя из новых линий взаимодействия с европейскими партнёрами. При этом с позиции новой силы и уверенности России. Не только выдержавшей противостояние с Западом, но и изменяющей экономическим и политическим поворотом на Восток международный баланс сил.

Развитие российского Дальнего Востока: взгляд из Кореи

Ли Чжэ Ён

президент Корейского института международной экономической политики (KIEP)

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Российский Дальний Восток включает девять субъектов, занимающих огромные территории — 36 % всей территории России, а также колоссальные залежи полезных ископаемых. Тем не менее инвестиционный климат на Дальнем Востоке России неблагоприятен, и Дальневосточный регион не считается привлекательным местом для вложения капитала. В 2010 г. здесь проживали всего 6,3 миллиона человек, поэтому размер потребительского рынка невелик. Кроме того, неблагоприятное географическое положение региона — вдали от федерального центра, суровый климат, сильная зависимость экономики региона от сырьевых отраслей и производства вооружений ещё с советских времён, низкий уровень индустриализации и урбанизации и неразвитая инфраструктура — вот основные социально-экономические особенности российского Дальнего Востока.

После прихода к власти правительства Владимира Путина в 2000 г. интерес России к Северо-Восточной Азии (СВА) и Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР) начал расти, а с началом третьего президентского срока Путина в 2012 г. Россия начала всерьёз проводить новую восточную политику, которая во многом определялась двумя факторами. Во-первых, российское правительство осознавало тот факт, что центр мирового экономического роста перемещается в АТР, и попыталось дать новый импульс освоению неразвитых регионов Сибири и Дальнего Востока. Во-вторых, российское правительство стремилось наращивать сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского бассейна за счёт расширения своего политического и экономического влияния в СВА, включая Корейский полуостров. В частности, президент Путин заявил в декабре 2012 г.: «В XXI в. вектор развития России — это развитие на восток. Сибирь и Дальний Восток — это наш колоссальный потенциал [...]. Это возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе, самом энергично, динамично развивающемся регионе мира»¹.

В этом контексте российское правительство упорно трудится над развитием Дальнего Востока. Так, в мае 2012 г. впервые в истории России правительство создало министерство по развитию Дальнего Востока. В сентябре 2012 г. был проведён саммит форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке, а в марте 2013 г. была принята государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». Первый Восточный экономический форум (ВЭФ) был проведён в сентябре 2015 г. Российское правительство также учредило территории опережаю-

щего социально-экономического развития (специальные экономические зоны; ТОРы) и Свободный порт Владивосток (СПВ)².

Между тем правительство Южной Кореи также проявляет большой интерес к развитию Дальневосточного региона, примыкающего к Корейскому полуострову, и ищет пути для реализации двусторонних и многосторонних проектов сотрудничества. Например, бывшая администрация Пак Кын Хе выдвинула «Евразийскую инициативу» в феврале 2013 г. Эта инициатива была нацелена на углубление сотрудничества Южной Кореи с крупными странами Евразии (Россией, Монголией, странами Центральной Азии и др.) с учётом большой значимости евразийского континента. Дальний Восток и Сибирь, примыкающие к Корейскому полуострову, представлялись главными регионами для выхода на рынки Евразии³.

Опираясь на эту динамику, новая администрация Мун Чжэи-на, пришедшая к власти в 2017 г., сформулировала «Новую северную политику», подчёркивая важность стратегического сотрудничества с Россией. В своей вступительной речи на ВЭФ в Дальневосточном федеральном университете во Владивостоке 7 сентября 2017 г. президент Мун сказал: «Новая северная политика» согласуется с новой восточной политикой Владимира Путина, нацеленной на развитие Дальнего Востока». Он также добавил: «Корея — лучший партнёр в развитии Дальнего Востока России, и корейская “Новая северная политика” была сформулирована в расчёте на сотрудничество с Россией». Президент Мун также предложил концепцию «девяти мостов сотрудничества»⁴.

Таким образом, очевидно, что у корейского правительства есть всеобъемлющее понимание важности и заинтересованность в развитии Дальнего Востока. В данной статье анализируется позиция Кореи по развитию российского Дальнего Востока. Автор уделяет внимание важности и стратегической ценности Дальнего Востока России, нынешнему состоянию и определяющим факторам российской дальневосточной политики, а также направлению и задачам, стоящим перед корейской политикой на российском Дальнем Востоке.

ЗНАЧЕНИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДЛЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Современное состояние глобальной экономики характеризуется ростом неопределённости. Об этом свидетельствует ослабление целостности и сплочённости Европейского союза вследствие Brexit, замедление экономического роста Китая, усиление политики «Америка превыше всего» (America First) и протекционизма в администрации Дональда Трампа, а также недавние торговые споры между США и Китаем. В этой ситуации корейская экономика сталкивается с рядом вызовов, таких как развитие новых отраслей совре-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Сайт Президента России. 2012. 12 декабря. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

² Lee J. Y. et al. Evaluation of Korea-Russia Economic Cooperation and Its Mid-to Long-Term Vision. Korea Institute for International Economic Policy. 2015. P. 22–23.

³ Lee J. Y. Contacts of Putin's New East Policy and Eurasian Initiative and the cooperation direction. Korea-Russia Forum. 2015. P. 81.

⁴ Концепция «девяти мостов сотрудничества» подразумевает развитие сотрудничества в таких областях, как газ, железнодорожное сообщение, портовая инфраструктура, энергетика, арктические морские пути, судостроение, трудоустройство, сельское хозяйство и рыболовство. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002358083

менного производства, решение проблемы замедления экспорта и низкого роста по причине определённого уровня развития ключевых отраслей.

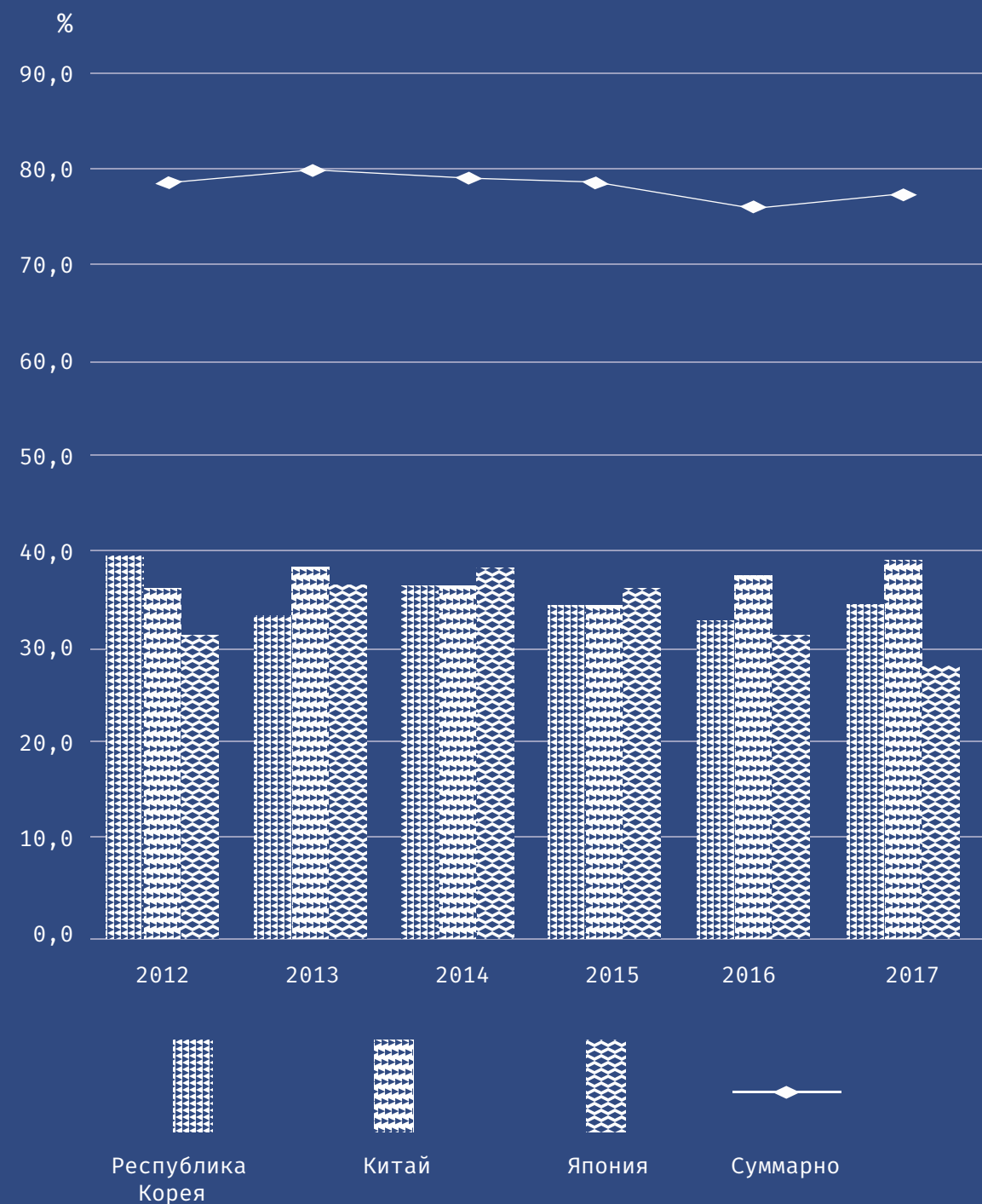
Администрация Мун Чжэина признает Россию важным партнёром для сотрудничества в рамках инициатив «новой северной политики» и «новой экономической карты Корейского полуострова» и стремится к существенному развитию стратегического партнёрства и сотрудничества с Россией. 22 июня 2018 г. в программной речи на Российско-корейском деловом форуме — совместном мероприятии в ходе саммита Корея — Россия — президент Мун предложил расширить торговлю и гуманитарный обмен (\$ 30 млрд товарооборота и 1 миллион человек в рамках гуманитарных обменов к 2020 г.). Он также подчеркнул важность ключевых мер, таких как сотрудничество на Дальнем Востоке, в области новых технологий и науки, а также высокотехнологичных отраслей промышленности. В частности, содействие сотрудничеству на Дальнем Востоке имеет особое значение для Южной Кореи. Это могло бы внести существенный вклад в развитие экономики северных областей, расширение новых механизмов экономического роста, содействию миру и процветанию на Корейском полуострове и построению «моста» между евразийским континентом и АТР.

Экономики Южной Кореи и России являются структурно взаимодополняющими. По этой причине ожидания устойчивых и взаимовыгодных отношений между двумя странами являются вполне обоснованными. С точки зрения национальных интересов Кореи, Россия — не только важный евразийский экспортный рынок, но также источник всех сырьевых материалов, необходимых для энергетического и промышленного развития. Кроме того, Россия — это страна, обладающая передовыми научными знаниями и технологиями, которые могут содействовать развитию промышленности будущего в Южной Корее. С точки зрения национальных интересов России, Южная Корея представляет собой промышленно развитую державу, обладающую ноу-хау, накопленными в ходе поразительного индустриального развития. Промышленная конкурентоспособность Южной Кореи может способствовать экономической модернизации России, промышленной диверсификации и локализации, развитию импортозамещающих отраслей, что является главным государственным политическим приоритетом российского правительства. Помимо этого Корея — одна из ключевых стран в российских планах развития Дальнего Востока и Сибири.

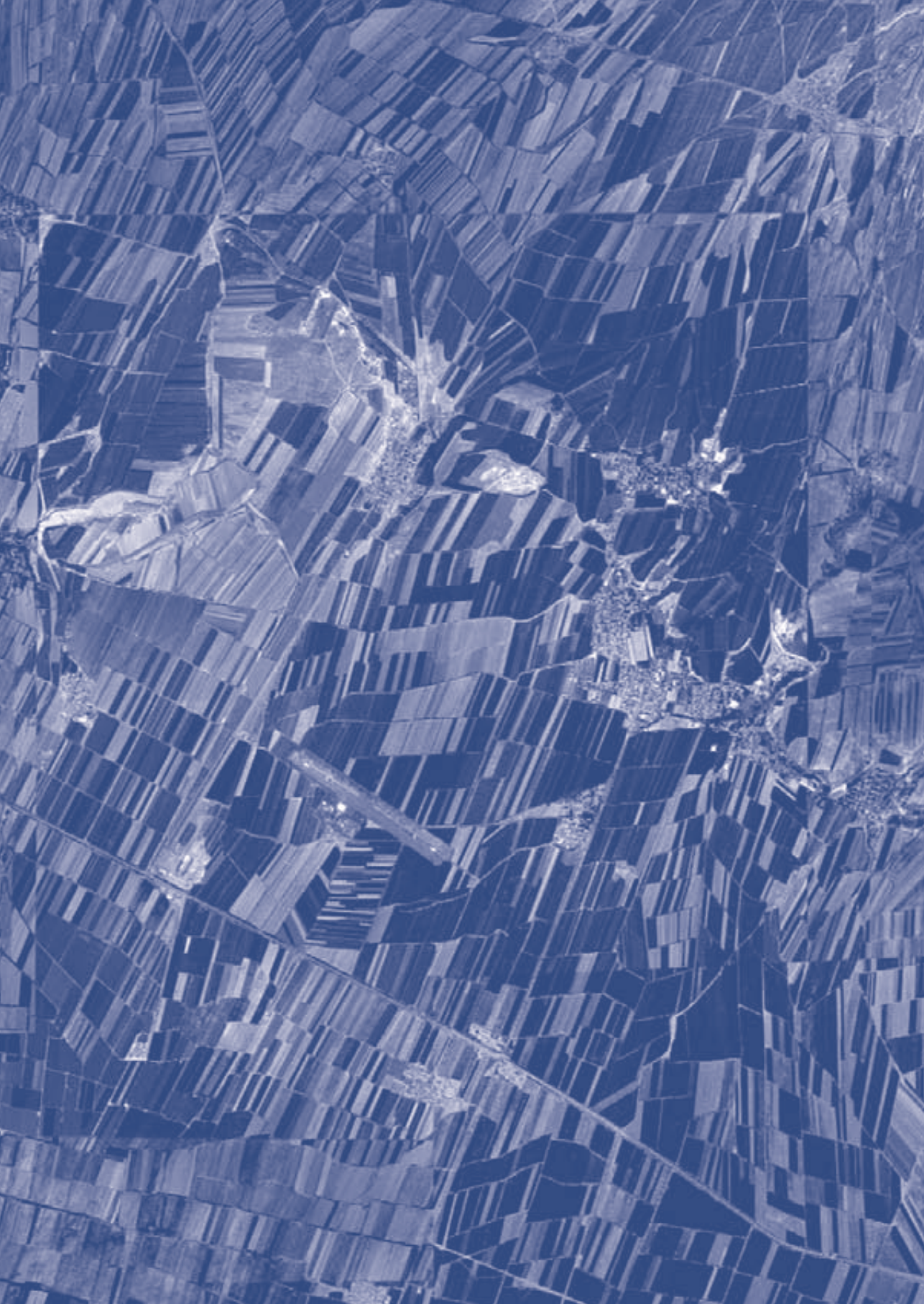
В частности, Дальний Восток — это зона соприкосновения корейской «Новой северной политики» и российской стратегии поворота на Восток. Следовательно, развитие Дальнего Востока не только содействовало бы двустороннему сотрудничеству, но и заложило бы фундамент для будущей объединённой Кореи. Южная Корея сможет обеспечить прорыв в российско-корейских отношениях, изыскивая способы участия в проектах развития Дальнего Востока, таких как проект «девяти мостов», являющийся приоритетным для администрации Путина. В то же время, когда в будущем реализуется сценарий ядерного разоружения Северной Кореи, появится возможность продвигать трёхстороннее сотрудничество России, Южной и Северной Кореи, что подготовит почву для наступления эпохи объединённой Кореи.

Кроме того, экономическое сотрудничество с Россией на Дальнем Востоке дало бы Корее дополнительные возможности для участия в интеграционных процессах, происходящих в евразийском регионе. В настоящий момент развиваются различные проекты экономического сотрудничества и интеграции с целью создания единого евразийского пространства, такие как Евразийский экономический союз под руководством России, китайская

Доли Кореи, Китая и Японии в торговле Дальнего Востока

Источник: Дальневосточное таможенное управление ФТС РФ

инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) и стратегия Нового Шёлкового пути, а также Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) под руководством России и Китая. Южной Корее, в свою очередь, следует искать способы участия в международном евразийском сотрудничестве на основе открытой экономики. Это не только способствовало бы экономическому росту Кореи, но и заложило бы фундамент для формирования институтов международного сотрудничества в Евразии.

Таким образом, Дальний Восток России для Кореи — это входные ворота на евразийский континент и регион с высоким потенциалом для сотрудничества, заслуженно признанный «последним рубежом XXI в. в АТР». В этой связи корейскому правительству следует ускорить налаживание сотрудничества между Россией и Евразией, используя свой геоэкономический и геополитический статус «шлюза» между Евразией и АТР. В то же время России нужно диверсифицировать сотрудничество со странами СВА, включая Корею, для снижения зависимости от Китая. В частности, двустороннее и многостороннее сотрудничество на российском Дальнем Востоке будет способствовать миру и всеобщему процветанию СВА, в том числе и Корейского полуострова.

НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ КОРЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В данном разделе будет проанализирована сфера торговли и инвестиций с целью изучения нынешнего состояния корейской политики в отношении российского Дальнего Востока.

Во-первых, торговля. Торговый оборот Южной Кореи с Дальним Востоком в 2012–2014 гг. составлял от \$ 9,9 до 10,2 млрд, однако начал заметно сокращаться на фоне общего спада российской экономики, начиная с 2014 г. В 2015 г. он уменьшился на 37,6% — до \$ 6,4 млрд. В 2016 г. он снизился ещё на 13,7% — до \$ 5,5 млрд. Это почти в два раза меньше, чем показатель 2012 г. (\$ 10,2 млрд). В 2017 г. торговля немного восстановилась: годовой рост составил 29%, а общий товарооборот — \$ 7,1 млрд. Несмотря на этот спад в торговле, Корея по-прежнему остаётся одним из главных торговых партнёров Дальневосточного региона. На долю Южной Кореи пришлось 28,3% всей торговли на Дальнем Востоке в 2012 г. и 24,9% — в 2017 г.

Корея, Китай и Япония традиционно являются самыми важными торговыми партнёрами для российского Дальнего Востока. В 2017 г. на их долю приходилось 71,1% всего торгового оборота этого региона. Хотя в абсолютном выражении объём торговли между Кореей и Дальним Востоком сравнительно невелик, его долю в общем торговом обороте между Кореей и Россией вряд ли можно назвать незначительной (37,4% от \$ 19 млрд общего двустороннего товарооборота в 2017 г.). Следовательно, чтобы увеличить объём торговли между Кореей и Россией, необходимо расширять торговлю между Кореей и Дальним Востоком.

Во-вторых, инвестиции. Корейские инвестиции на Дальнем Востоке остаются на минимальном уровне. Более 70% инвестиций идут на запад России, а инвестиции на Дальнем Востоке в последние годы были незначительными с учётом общего снижения уровня корейских инвестиций. С 2012 г. прямые инвестиции Кореи в Россию находились в пределах \$ 100 млн, а в 2017 г. их объём составил всего \$ 8,2 млн (0,2% от общего объёма прямых инвестиций Южной Кореи в мире). Это говорит о том, что корейские

инвестиции на Дальнем Востоке всё ещё незначительны, составляя всего 1 % от всех прямых иностранных инвестиций в этот регион.

Впервые Корея вышла на рынок Дальнего Востока в 1997 г., когда во Владивостоке была построена гостиница Hyundai. Инвестиции в развитие сельского хозяйства и разработку природных месторождений в начальные годы затем распространились на строительство, транспорт и логистику. Предполагалось, что завод высоковольтных выключателей, построенный компанией Hyundai Heavy Industries (ввод в эксплуатацию состоялся в январе 2013 г.), стимулирует дальнейшие инвестиции в промышленное производство. Однако в конце 2017 г. это предприятие было закрыто, поскольку не вышло на проектную мощность. Между тем очевидна необходимость придать новый импульс развитию региона.

В последние годы корейские компании инвестируют в ТОРы и СПВ, которые российское правительство активно продвигает с целью индустриализации и интернационализации Дальнего Востока⁵. С учётом роли, отведённой Центру поддержки корейских инвесторов, открытому в ноябре 2017 г. во Владивостоке, и недавних перемен на Корейском полуострове, благодаря улучшению отношений между двумя Кореями и отношений между США и Северной Кореей, сотрудничество Кореи и России на Дальнем Востоке вызывает растущий интерес.

16 мая 2018 г. в Москве прошла 12-я встреча Российско-корейского комитета по Дальнему Востоку и Сибири, на которой обсуждались способы содействия сотрудничеству в рамках программы «девять мостов» на Дальнем Востоке и помощи корейским компаниям в выходе на рынок этого региона. В частности, ожидается активное сотрудничество в таких областях, как здравоохранение, энергетика, транспортная логистика, сельское хозяйство и рыбное хозяйство.

Для содействия экономическому сотрудничеству между Кореей и Россией на Дальнем Востоке необходимо инвестировать в корейские компании. Эти инвестиции будут нацелены на участие корейского бизнеса в ТОРах и проекте развития СПВ, а также сотрудничество в развитии совместного промышленного комплекса в Дальневосточном регионе.

Между тем ключевым фактором, определяющим успех дальневосточной политики Кореи, является политическая воля правительства. С 2012 г. стратегическое направление политики, проводимой правительством Кореи, сфокусировано на «Евразийской инициативе» и «Новой северной политике». Обе эти инициативы являются серьёзными государственными задачами для корейского правительства, отражающими понимание президентом Кореи ситуации в мире и приоритетов государственного управле-

⁵ Следующие корейские компании участвуют в развитии ТОРов и свободных портов: ТОРы — Hotel Pride LLC (строительство отелей), Ooyang LLC (рыбоперерабатывающее производство), Gorod 415 LLC (рыбоперерабатывающее производство). СПВ — Urban Transport System LLC (транспортная логистика), Breese PUMP LLC Production, Vostok Polikor LLC (полиуретан, бытовая химическая продукция), Roskor LLC (строительные материалы), Cristal-Golf Club LLC (поля для гольфа). См.: Leading Development Zone and Free Port System in Vladivostok. Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok. (строительство отелей), Ooyang LLC (рыбоперерабатывающее производство), Gorod 415 LLC (рыбоперерабатывающее производство). СПВ — Urban Transport System LLC (транспортная логистика), Breese PUMP LLC Production, Vostok Polikor LLC (полиуретан, бытовая химическая продукция), Roskor LLC (строительные материалы), Cristal-Golf Club LLC (поля для гольфа). См.: Leading Development Zone and Free Port System in Vladivostok. Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok.

ния. Эти факторы определяют задачи по сотрудничеству Кореи в Дальневосточном регионе, и на этом основании реальные проекты сотрудничества будут осуществляться.

НАПРАВЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИКИ КОРЕИ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Как уже упоминалось, Дальневосточный регион географически связан с Корейским полуостровом и СВА. Это стратегическая область для будущего сотрудничества определённого круга стран, куда входит Северная Корея (Южная Корея — Северная Корея — Россия, Южная Корея — Северная Корея — Китай — Россия — Монголия и т.д.). В то же время Дальний Восток — ключевой узел экономического сотрудничества на севере, где совпадают стратегические интересы России (поворот на Восток), Китая (инициатива ОПОП) и Монголии (инициатива «пастбищного пути»). Этот регион также мог бы быть связан с Корейским полуостровом с помощью проектов строительства инфраструктуры в объединённой Корее, налаживания трёхстороннего сотрудничества между Россией, Южной Кореей и Северной Кореей и сопряжения инициативы ОПОП с «Новой северной политикой».

Корея будет и дальше сотрудничать в тех областях, которые содействуют повышению качества жизни её народа на Дальнем Востоке, и, в частности, сосредоточится на проведении политики «девяти мостов» в России. В первую очередь следует развивать промышленное сотрудничество, продвигая осуществимые проекты в таких отраслях, как туризм, сельское хозяйство, животноводство, рыболовство, логистика и здравоохранение. Параллельно нужно осуществлять поэтапные инвестиции в электроэнергетику, морские порты, дороги, склады и морскую инфраструктуру.

Корея особенно заинтересована в устойчивом плане развития сотрудничества в рамках треугольника Россия — Южная Корея — Северная Корея с целью подготовки инфраструктуры для объединённой Кореи и укрепления транспортных связей и логистики на фоне меняющейся ситуации на Корейском полуострове. В настоящее время Северная Корея остаётся изолированной страной, участвуя в ограниченном экономическом сотрудничестве с небольшим числом государств, таких как Китай и Россия. Поэтому трёхстороннее сотрудничество России, Южной Кореи и Северной Кореи в контексте международного сотрудничества в Евразии остаётся одной из наиболее перспективных мер возвращения Северной Кореи в плоскость экономического сотрудничества и взаимодействия. Если Северная Корея получит экономические выгоды от участия в строительстве и эксплуатации инфраструктуры, это позволит избавить её от избыточной экономической зависимости от Китая и диверсифицировать её внешнеэкономические связи через участие в планах региональной экономической кооперации, извлекающая выгоду из её геополитического положения.

Помимо этого, участие Северной Кореи в таком трёхстороннем формате экономического сотрудничества могло бы создать возможности для отказа от нынешнего менталитета «постоянно осаждённой крепости» в пользу нового стратегического выбора. Если Северная Корея сможет положить конец нынешней военно-политической конфронтации с США и чрезмерной экономической зависимости от Китая, наладив сотрудничество с Южной Кореей и Россией, геополитический конфликт в СВА утратит остроту. В этой связи существуют призывы к возобновлению проекта корейских компаний «Наджин — Хасан» в качестве реакции на прогресс

в ядерном разоружении Северной Кореи. Три пробные поставки товаров были успешно осуществлены в рамках этого проекта, притом третья включала также контейнерные перевозки, что повышает возможность осуществления логистики с высокой добавленной стоимостью. Проект «Наджин — Хасан» мог бы стать эффективным средством вовлечения Северной Кореи в международное сотрудничество и движущей силой экономического сотрудничества России с Южной и Северной Кореей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

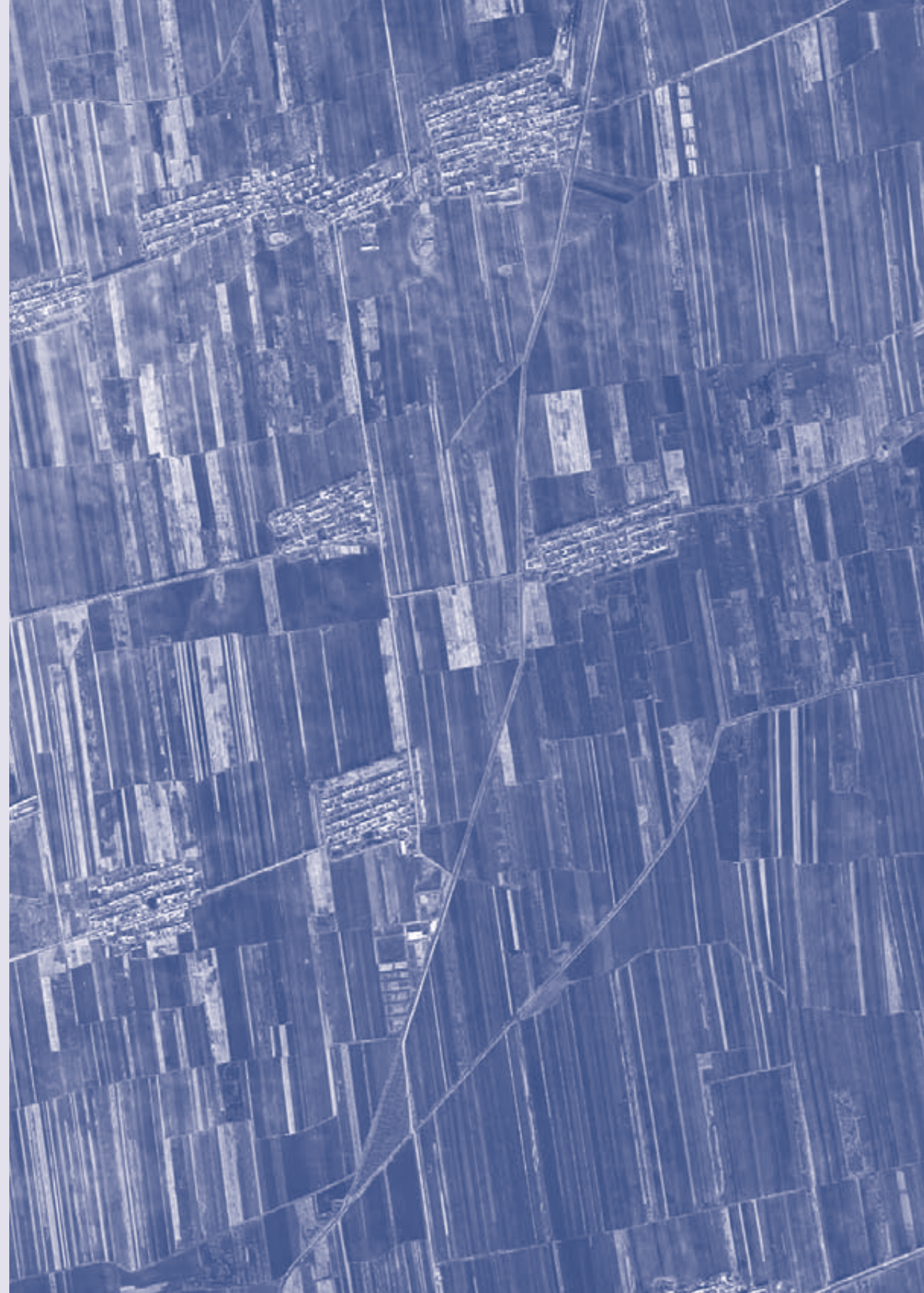
Партнёрство Кореи и России, которое является одной из целей администрации Мун Чжэина в рамках «Новой северной политики», должно содействовать устойчивому сотрудничеству, миру и процветанию. С его помощью корейское правительство также намерено внести вклад в мирный процесс на Корейском полуострове и в СВА на основе тесных связей и сотрудничества с Россией в рамках реализации исторической миссии «создания условий для мирного урегулирования на Корейском полуострове и в СВА», а также создания «инфраструктуры для объединённой Кореи».

Такое взаимовыгодное сотрудничество, опирающееся на уникальные преимущества Кореи (развитое промышленное производство и возможности экспорта промышленных мощностей, а также инновационные технологии, в частности информационные) и потребность России в экономическом сотрудничестве (локализация производства, модернизация экономики и развитие импортозамещающих отраслей), будет способствовать процветанию народов двух стран на основе нового экономического роста и институционализации международного сотрудничества.

Для реализации планов сотрудничества важно найти стратегические точки соприкосновения «Новой северной политики» Южной Кореи и российской разворота на Восток, что может быть реализовано посредством различных проектов сотрудничества на российском Дальнем Востоке. Для расширения программы двустороннего экономического обмена стороны договорились в 2017 г. о создании финансовой платформы в размере \$2 млрд для поддержки проекта развития Дальнего Востока. Теперь важно определить перспективные проекты в Дальневосточном регионе, чтобы затем предоставлять мощную финансовую поддержку компаниям, участвующим в развитии инфраструктуры на Дальнем Востоке России в соответствии с российской политикой поворота на Восток и новой политикой экономического сотрудничества на Севере, которую проводит Корея.

Дальневосточный регион будет важным центром северной экспансии в эпоху единой Кореи. В краткосрочной и среднесрочной перспективе нужно сосредоточить усилия на создании доверительного партнёрства и сотрудничества на базе двусторонней и многосторонней дипломатической и экономической кооперации со всеми странами региона. В среднесрочной и долгосрочной перспективе необходимо придать импульс различным проектам с участием России, Южной и Северной Кореи, а также возобновить логистические связи по маршруту «Наджин—Хасан», особенно если удастся добиться прогресса в ядерном разоружении Северной Кореи, снятии санкций и улучшении отношений между двумя Кореями.

В заключение можно сказать, что сотрудничество на Дальнем Востоке будет способствовать миру и процветанию на Корейском полуострове, а также развитию отношений между Кореей и Россией.

Часть шестая

Ответственный редактор
и руководитель проекта:

С.А. Караганов

почётный председатель
Президиума Совета
по внешней и оборонной
политике

Т.В. Бордачёв

директор Центра комплексных
европейских и международных
исследований (ЦКЕМИ)
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики», программный
директор Международного
дискуссионного клуба «Валдай»

Члены авторского
коллектива:

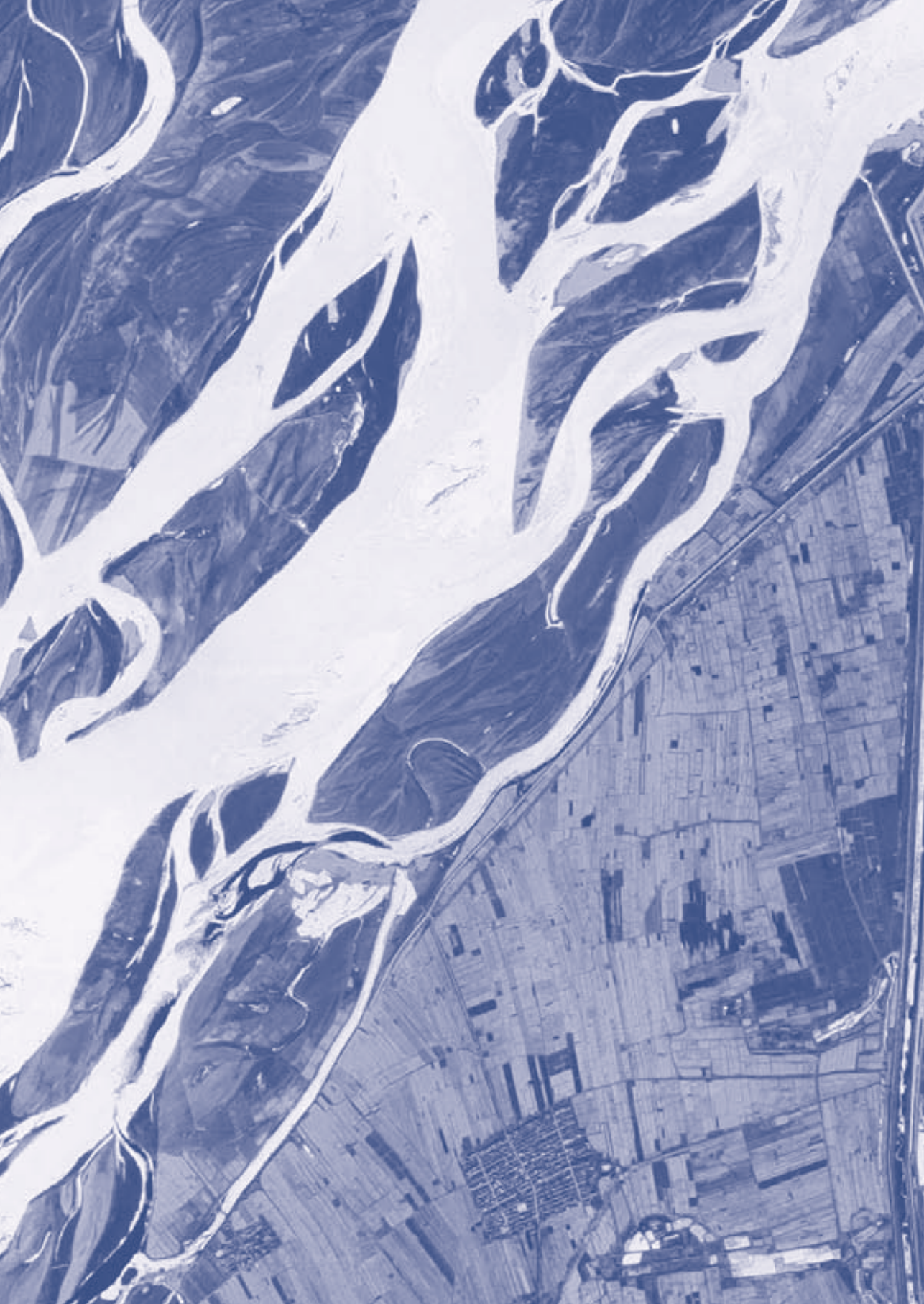
Л.Е. Бляхер

заведующий кафедрой
философии и культурологии
Тихоокеанского
государственного
университета

А.И. Дружинин

стажёр-исследователь
Цentra комплексных
европейских
и международных
исследований (ЦКЕМИ)
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»

ВПЕРЁД К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ: ЛЮДИ, ИСТОРИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ. ПУТЬ К СЕБЕ

Взгляд из 2019 года

Сергей Караганов

Работая над обоснованием, а затем методами и инструментами российского поворота к Азии через развитие Восточной России, мы нередко сталкивались со скептицизмом коллег с Дальнего Востока, которых мы привлекали к исследованиям и разработкам. Первоначально мы списывали этот скептицизм на нежелание менять установившийся после провала первых двух десятилетий после 1991 г. несовершенный, но «нагретый» уклад на опасения конкуренции «Москвы». Все это, возможно, было. Но постепенно, признаём, к сожалению, с запозданием стало приходить понимание, что не всё правильно и в концепции, и в политике поворота. Из него выпали люди — жители, элиты Дальнего Востока, которые этот поворот и должны были осуществлять. Он воспринимался как что-то чужое, в очередной раз предложенное, если не навязанное, Москвой. Чиновный люд, проводивший поворот, упустил из виду потенциал «местных», уже более двух десятилетий наработывавших опыт и связи, необходимые для осуществления поворота.

К тому же политика поворота была и во многом остаётся технократически-экономической, лишённой ключевых — культурной, цивилизационной и социальной — составляющих. Он не увлекал и не привлекал не только «местных», но и россиян из центра России, не стал общенациональным проектом, каким было, например, строительство Транссиба, проводившееся под лозунгом «К Великому океану», столыпинское переселение. Наконец, проект поворота уделял недостаточное внимание улучшению социальных и моральных условий жизни дальневосточников. Считалось, что новые инвестиции, рабочие места и повышение зарплат удержат их от переселения, осчастливят. Между тем к 2017–2018 гг. отъезд снова увеличился — и уезжали по большей части люди не из депрессивных районов, а из относительно благополучных городов.

Этот доклад — о культурных, цивилизационных, образовательных факторах развития. Если предыдущие доклады мы писали с привлечением дальневосточных экспертов, то этот — на основе их исследований, ситуационных анализов с их самым активным участием. Ведущим автором доклада стал замечательный учёный из Хабаровска Л.Е. Бляхер. Но это не взгляд дальневосточников — это совместное и общее видение проблем и путей их решения.

Доклад увлекателен, он прорывает нас и, будем надеяться, российскую политику к новым горизонтам, открывает новые направления, обязательные к воплощению на пути эффективного поворота к Азии. Он не только и не столько (пока) о новой социальной политике, но и о необходимости для всех россиян лучше знать Азию и собственную азиатскую историю, преподаваемую кургузо.

Главный посыл — двигаясь к Востоку, Россия не просто открывает новые возможности для развития. Это и «путь к себе», и к самосознанию страны не как окраины Европы, как считала большая часть её элиты на протяжении последних трёх столетий, а как самостоятельного геостратегического центра, уникальной цивилизации и одновременно — амальгамы Византийской, западноевропейской и азиатской культур.

Доклад заложил основу для рекомендаций госорганам по коррекции восточной политики России. Будем надеяться, часть рекомендаций будет воспринята в новой стратегии развития Дальнего Востока,

которая должна быть принята осенью 2019 г. Но мы выявили и необходимость новых исследований и разработок. Нужна новая концепция и политика развития востоковедения в России, новая более реалистичная демографическая и социальная политика. И главное — превращение развития Сибири и Дальнего Востока, поворота к Азии, в общественный «великий проект» для всей России.

Введение. Краткое изложение

Шестой доклад из серии «К Великому океану» отличается от предыдущих. В первых речь шла об обосновании целесообразности и выгоды движения России на Восток преимущественно с экономической, транспортной, геостратегической точек зрения — предлагались решения именно в этих сферах. Один из докладов был посвящён концепции Большого евразийского партнёрства от Лиссабона до Джакарты, Шанхая или Токио. Этот доклад — о людях, истории, идеологии и образовании, об идейных, «медийных» и духовных аспектах российского движения на Восток.

Первый этап российского поворота к поднимающейся Азии успешен — Дальний Восток развивается более чем в два раза быстрее, чем страна в целом (хотя это ещё не много). Открываются десятки крупных предприятий. Но очевиднее стало ограничение, о котором раньше особенно не задумывались. Развитие Восточной России пока не стало общим и понятным делом для всей страны, которой больших проектов остро не хватает. Не поверили в него по-настоящему и многие жители Дальнего Востока. Отток населения сократился, но не прекратился. На повестке дня необходимость качественно иного вовлечения в этот процесс жителей «русской Азии» — Дальнего Востока и Сибири, уже многие века тесно взаимодействующих с соседями, знающих и чувствующих их. Необходимо и изменение общероссийского отношения к повороту, понимание, что он ведёт страну к экономическим, технологическим и культурным рынкам будущего.

С XVI–XVII вв. Европа была почти единственным источником передовых технологий и капитала. Теперь главный источник потенциального роста быстро перемещается в Азию. Туда же стремительно смещается и условный центр глобальной экономической активности. Если лет 40 назад он был где-то в Атлантическом океане, западнее Ирландии, то сейчас он в Турции, а ещё лет через 10 будет на границе Индии и Китая. Не исключено, что в 2014 г. была остановлена не только грозившая большой войной экспансия западных союзов, но и был достигнут предел петровского периода русской истории. С Европой предстоит соседствовать, по возможности дружить, заимствовать то, что ещё интересно и нужно для развития, но вряд ли она останется маяком для России. Поворот страны к Европе, её технологиям в XVII–XVIII вв. был логичен: Азия была далеко, да и вступала в период относительного упадка, в том числе из-за начала колониальной экспансии лучше вооружённой Европы. Теперь ситуация меняется. Именно Азия будет становиться важнейшим внешним источником капиталов, передовых технологий.

В России не осознают, что наша страна сыграла в подъёме Азии и других «новых» роль повивальной бабки истории. Именно Россия/СССР лишила Запад почти пятисотлетнего военного превосходства, на котором с XVI–XVII вв. строилось его экономическое, политическое и культурное господство. Из-за созданного и сохранённого ядерного равновесия никто в мире больше не может выиграть крупных войн. Мир стал свободнее, демократичнее, а азиатские страны и народы получили возможность использовать свои конкурентные преимущества. Мы идём к Востоку не с пустыми руками. Предоставляем не только ресурсы, транспортные возможности, но и роль крупнейшего поставщика безопасности. Но главное — появляется возможность наладить, не отрываясь от Европы, тесное взаимодействие с Азией, став центром предложенного Москвой и поддержанного Пекином большого евразийского партнёрства, на девяносто процентов совпадающего с китайской концепцией «Один пояс, один путь».

Проблем на пути к созданию Большой Евразии остаётся немало. И поиску решения одной группы таких проблем посвящён этот доклад. Поворот на Восток начинает упираться в идейно-психологические, культурные ограничения. Именно на их преодолении и стоит сосредоточиться в ближайшие годы. Для жителей русского Востока поворот ещё не стал «своим». Он был привнесён Москвой — спасибо ей. Но он не вселил пока в дальневосточников необходимый для большого дела и исторически присущий им больше даже, чем остальным россиянам, кураж. (Впрочем, отсутствием нацеленности на большие свершения, на русскую лихость страдает вся российская политика.) Не задействован в полной мере опыт и потенциал местных в общении с Китаем и другими соседями.

Не менее важная задача для продолжения российского движения к новым восточным рубежам — возвращение истории Сибири и Дальнего Востока, блестящей и увлекательной, в историческое самосознание всей России: и для самоутверждения сибиряков, и для преодоления отношения части россиян к Сибири и Дальнему Востоку как к чему-то другому. Иногда нас спрашивают, почему надо вкладываться не, скажем, в Русский Север, а в первую очередь в Дальний Восток. Потому что уже на протяжении 4–5 веков это — русская земля. Потому что там великолепная природа, гигантские ресурсы и главное — несравнимые с другими регионами возможности развития из-за быстро растущих соседей. Там у страны впервые в истории появились конкурентные преимущества, которые можно использовать для убыстрённого развития. Нужно и преодолевать обиду сибиряков, которые в 1990-е гг. были брошены даже сильнее, чем остальные россияне.

Развивая человеческий капитал сибиряков и дальневосточников, нужно не только помогать осваивать новые технологии, но и морально вдохновлять их, давать возможность почувствовать себя вновь первопроходцами, лидерами, ведущими всю Россию к новым экономическим, политическим и духовным горизонтам — теперь уже евразийским. При этом люди русской культуры с её открытостью, веротерпимостью имеют мощное конкурентное преимущество для того, чтобы стать центральным элементом нового евразийского мегапроекта.

Нужна и систематическая спокойная работа по преодолению регрессивного в новом мире евроцентризма значительной части российских элит, обострённого в годы развала 1990-х и хаотичного восстановления 2000-х гг. вывозом богатыми россиянами средств, прежде всего в Европу, с неизбежным усилением среди них компрадорских настроений. Российскому обществу нельзя отказываться от своей по преимуществу европейской культуры. Но нужно и перестать бояться и тем более стыдиться своей «азиатскости». Вспомним, что по менталитету большинства общества, его отношению к власти Россия, как и Китай, и многие другие государства Азии, — наследники империи Чингисхана. Надо просто не заламывать по этому поводу руки, не презирать свой народ, что делает часть интеллигенции, а принять как данность и использовать как конкурентное преимущество. Тем более что в жёстком соперничестве современного мира авторитарный тип власти — при рыночной экономике и равенстве военных возможностей — видимо, эффективнее современной демократии. Это и беспокоит западных партнёров. Другое дело, что авторитаризм, как и демократия, может вести и к застою, и к деградации. И такая опасность перед Россией стоит.

Через несколько лет мы поймём, что мы не являемся больше восточной периферией, медленно уходящей в прошлое, хотя и близкой большинству Европы; что, идя к Азии, к новому богатству, силе и прогрессу, мы возвращаемся к себе домой; что, взяв у Европы высокую культуру

и обогатив её, взяв военную организацию и став великой державой, мы теперь занимаем своё собственное цивилизационное место великой евроазиатской державы — оригинального и самостоятельного сплава многих цивилизаций. Мы становимся самими собой, возвращаемся домой. Именно этот тезис является главным в этом докладе.

Мы ещё очень плохо знаем Азию — континент возрождающихся и поднимающихся культур, цивилизаций, технологий. Уже сейчас и срочно нужно вводить расширенные курсы изучения азиатской истории и языков в школьные программы, массово готовить востоковедов в университетах. В любом случае через пару десятков лет написанный преимущественно европейцами курс истории человечества сменится. И блистательная Византия, которую наследники крестоносцев сделали воплощением интриг и неэффективности, предстанет в своём истинном облике — великолепной цивилизацией, сохранившей и развившей во времена тёмного средневековья европейскую культуру, соединив её с восточной. А китайские, индийские, японские или корейские династии займут такое же место, что и Плантагенеты, Габсбурги, Бурбоны, Стюарты или Романовы.

Важно, чтобы мы, русские, стали первыми европейцами в Азии, и даже первыми азиатами в Европе — сыграли присущую нам роль цивилизационного, а не только транспортного моста. Пора, используя опыт дальневосточников, веками весьма тесно и в целом дружески общавшихся с китайцами и другими соседями, избавляться от остатков мифа о «жёлтой угрозе», который нам когда-то навязали, а сейчас усердно подпитывают силы, боящиеся дальнейшей эмансипации России в отношениях с Западом. Нужно знать азиатскую историю и своё место в ней.

Частично очевидны инструменты усиления общероссийской и местной мотивации для убыстрения движения к наиболее многообещающим рынкам будущего: это и уже упомянутые обязательные школьные и университетские курсы по востоковедению, и серия фильмов и мультимедийных программ о блестящей и трудной истории Сибири, о её феерически отважных и упорных людях, о её великолепной природной красоте и богатстве. Разумеется, необходимо активное привлечение местных элит к развитию общероссийской политики в Азии. Массовое изучение, сколь угодно критическое, опыта азиатских стран. Необходимы и постоянно действующие клубы, объединяющие деловые и интеллектуальные элиты России и стран Азии. Нужна и внутренняя работа по взаимопереплетению центральной российской и сибирско-дальневосточной элит, чтобы первая лучше понимала нужды российской Азии, а вторая — чувствовала свою причастность к выработке и проведению в жизнь российской евразийской политики. Чем раньше Азия, в том числе русская, станет «своей», модной для максимального количества россиян, тем лучше будет для страны. Многообещающим будет и совместное с соседями по Азии изучение и сравнение систем ценностей россиян и азиатских народов.

Что сделано

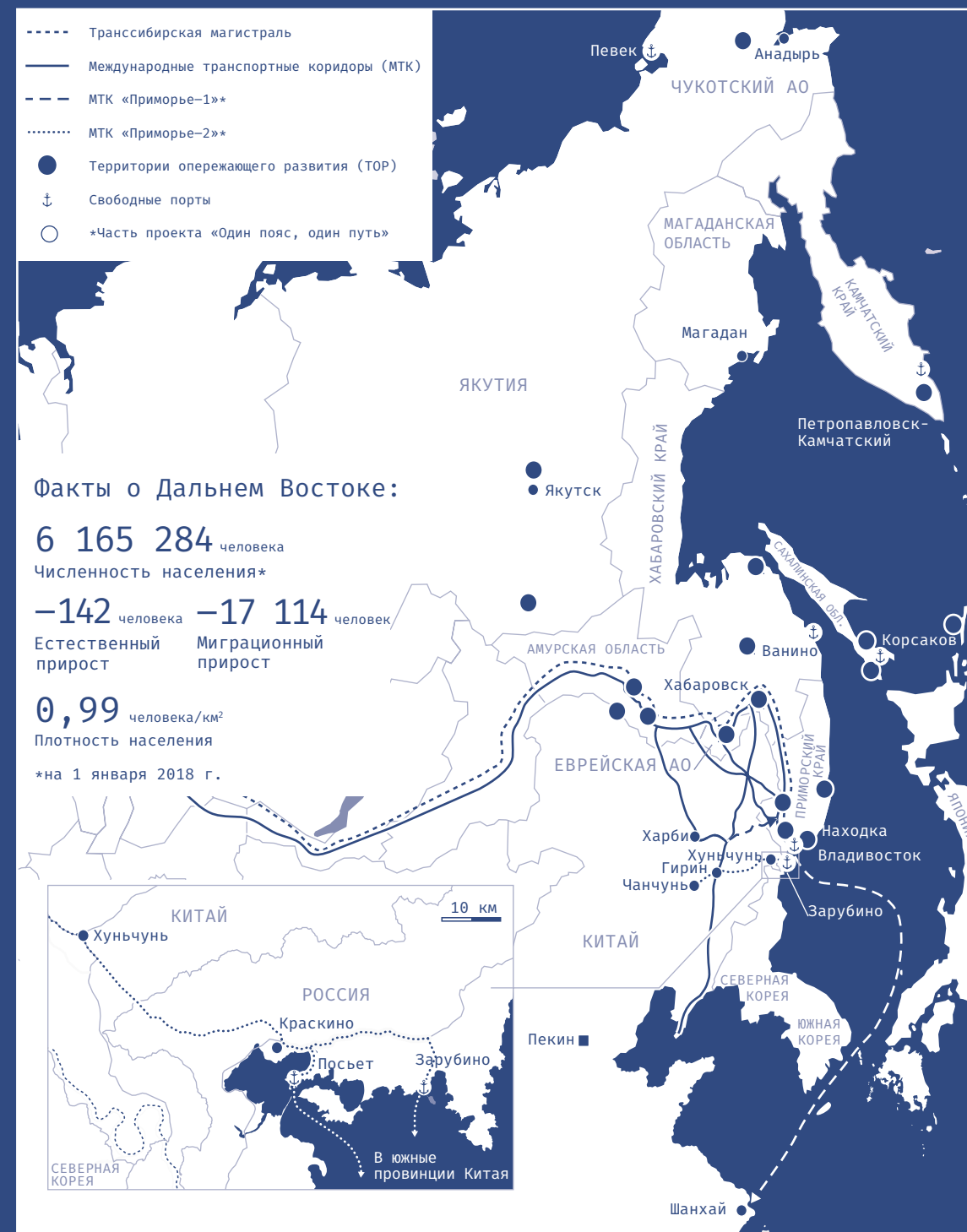
О повороте России на Восток говорят уже десятилетие — огромный период для новейшей истории нашей страны. Причём говорят разное. Кто-то увидел в повороте новый проект будущего России, кто-то осмыслил его как проект приоритетного развития Дальневосточного региона, кто-то просто посчитал его очередной кампанией, которая кроме фраз и публичных мероприятий ничего не содержит. Тем не менее уже достаточно долгий срок идея поворота на Восток присутствует в общероссийском информационном пространстве, транслируется в СМИ, в выступлениях первых лиц государства. Есть продвижение этой идеи в сфере экономики, сложилась система управления, связанная с ней. Всё перечисленное (как и то, что осталось «за кадром») даёт основания для того, чтобы подвести некоторые предварительные итоги.

В последние десятилетия центр мировой хозяйственной жизни неотвратимо начал смещаться в Восточную Азию. Именно здесь сегодня располагаются крупнейшие производства, технологические центры, стремительно развивается система образования. В сторону Восточной Азии смещаются финансовые потоки и основные торговые площадки, строятся новые города, развивается сухопутная транспортная сеть, охватывающая сегодня всё новые страны и территории. Стремясь сохранить своё лидерство в мире и уровень потребления, страны теряющего силы «мирового центра» активнее используют неэкономические инструменты в экономической конкуренции, усиливают давление на своих союзников, партнёров, а также, и в особенности, на Россию и Китай. Соответственно, снижается полезность партнёрства с Западом в тех формах, в которых оно сложилось в последние десятилетия.

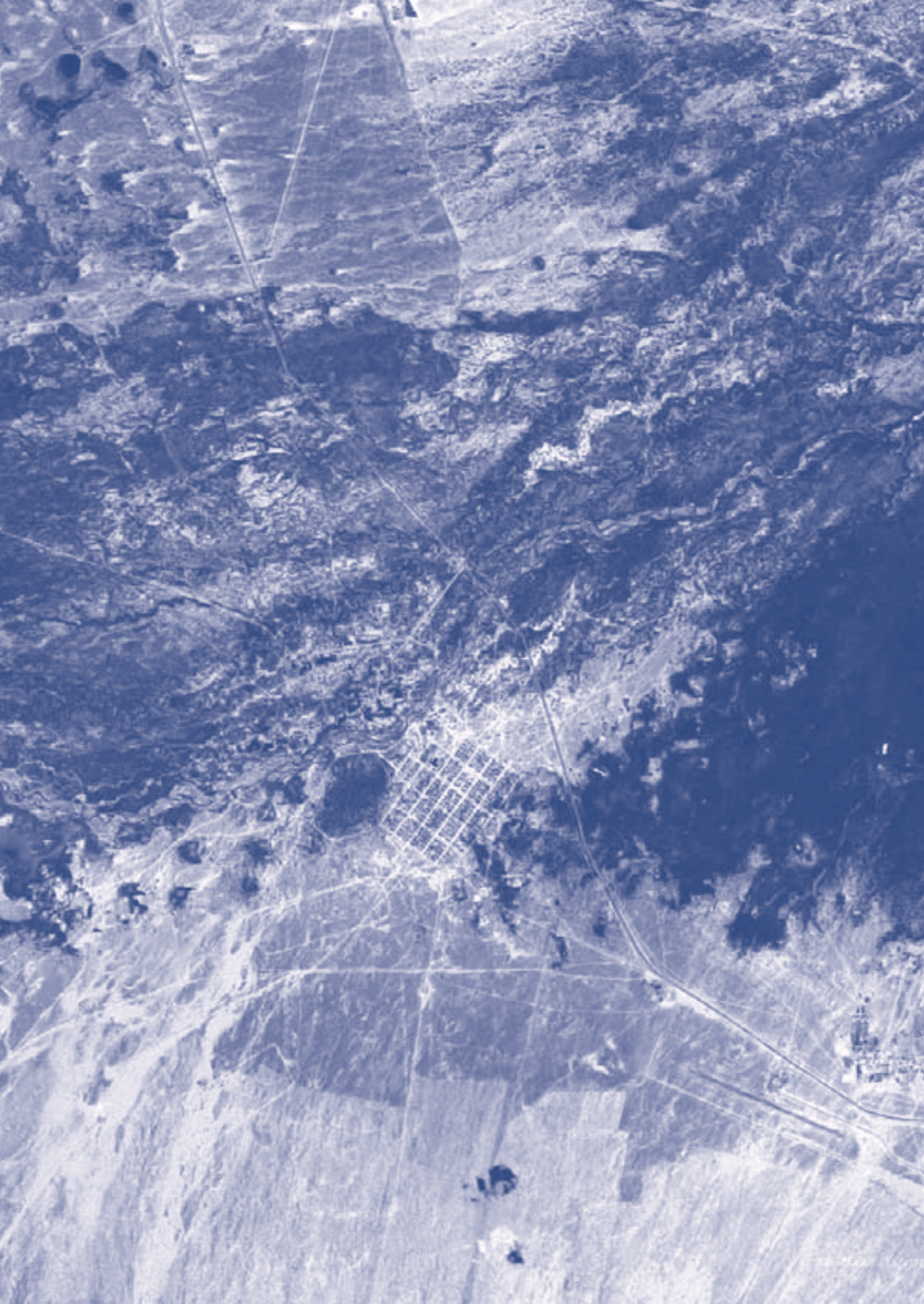
В большей части Азии ситуация иная. Здесь отсутствует или почти отсутствует идеологическое давление, а экономические отношения гораздо меньше «нагружены» сопутствующей политической составляющей. Здесь возникает возможность для диверсификации товарных потоков России, что сделает её позиции в мировой торговле (и не только торговле) гораздо более сильными, чем сегодня. Но ещё более значимо то, что, несмотря на столетия обращённости к Европе, существенная часть российской культуры, социальной и политической организации укоренена в Азии. Казалось бы, дальнейший поворот на Восток, к Азии, для России в этих условиях становится ещё более выгодным и насущным. Однако почти вся хозяйственная, транспортная, демографическая, да и идеологическая система в России в течение столетий была привязана к Европе. Восточная часть страны, несмотря на все её природные богатства, была слабо заселена, обладала недостаточно развитой транспортной системой и ещё менее развитой социальной инфраструктурой. **И дело не только в географической удалённости. Просто для страны, смотревшей на Запад, видеть Сибирь и Дальний Восток можно было только затылком.** «Входить» в пространство нового мирового центра России приходится относительно менее развитой территорией, преодолевая более чем трёхвековой евроцентризм.

Проблемы, с которыми столкнулось государство на своей восточной окраине при воплощении идеи поворота на Восток, появились не сегодня и даже не вчера. Они копились долгие десятилетия. Дальний Восток России развивался крайне односторонне, главным образом как военный форпост Российской империи и СССР, «крепость» на востоке страны. Наиболее значимая часть населения региона так или иначе была связана с работой на обороноспособность страны и прежде всего — её «восточной крепости». Военнослужащие и члены их семей, работники предприятий

Дальний Восток России

Источник: Министерство по развитию Дальнего Востока, Росстат, РЖД

военно-промышленного комплекса, гражданские служащие министерства обороны составляли большую и наиболее статусную группу трудоспособного населения. Последнее создавало серьёзные проблемы в плане самообеспечения региона, который на протяжении всего советского периода нуждался в постоянных дотациях из западных областей страны. Как только дотации уменьшились, это и привело к массовому оттоку населения, продолжающемуся до сих пор. Вполне понятно, что взаимодействие «крепости» и прилегающей территории было минимальным и не особенно дружественным. Ведь именно от этого «окружения» и предполагалось защищать советские границы. Отсюда слабое развитие коммуникации между Дальним Востоком и странами Восточной Азии. Мешало и видение соседей не в качестве выгодных партнёров, а как потенциальных противников.

Статус «крепости» и военная модель хозяйства региона приводили к перекосам во внутрирегиональной транспортной системе. Она развивалась почти исключительно «вдоль стен крепости» — там, где угроза предполагалась особенно вероятной. Даже крупнейший порт региона, Владивосток, был в первую очередь «крепостью», базой Тихоокеанского флота, выполняя торговые функции как сопутствующие. Внутри «крепости», между территориями, связи были достаточно слабыми. Север и юг региона были практически оторваны друг от друга. Проект создания разветвлённой железнодорожной сети, которая связывала бы Дальний Восток воедино и формировала новые экономические районы на востоке России, — сложился в поздний советский период (Байкало-Амурская магистраль, БАМ), но так и не воплотился полностью. И транспортное, и хозяйственное освоение территории не было завершено.

Тем более не завершилось оно и в постсоветский период, когда оставленный на произвол судьбы регион был вынужден выживать, используя ресурс, наработанный в советский период: проложенные к лесным деланкам дороги, разведанные и разработанные месторождения полезных ископаемых, лесные, морские и речные биоресурсы. В поздние советские и первые постсоветские годы Дальний Восток воспринимался как отдалённая и не особенно нужная стране периферия, где господствует криминал, ощущается постоянное давление со стороны более благополучных соседей, горят леса и т.д. Словом, место, где ничего особенно хорошего нет. Не так важно сейчас, насколько это представление соответствовало действительности. Важно, что именно в таком виде существовал регион в информационном пространстве страны.

Но ситуация изменилась. **Азия, в частности восточная её часть, которая ещё недавно воспринималась через призму отсталой «азиатчины», как угрожающее и сложное направление российской политики, становится пространством наиболее привлекательных и перспективных торговых, культурных и технологических контактов.** Более очевидным становится и то, что дальнейшее сближение с условным Западом вступает в острое противоречие с важными принципами существования российской государственности, а Европа вошла в период относительной стагнации. Соответственно, меняется и концепция развития Дальнего Востока: от «региона-крепости» к транзитному региону, региону развития, воротам России в Азию. Из этой концепции и условий, в которых находилась дальневосточная часть нашего общего дома перед началом поворота, вытекают те задачи, которые в первую очередь стремилось решить государство в регионе. Обозначим направления, где успехи наиболее очевидны.

Создание на Дальнем Востоке торгово-производственных центров, «выходов» России в Азию. Проект формирования разветвлённой

и эффективной транспортной системы на Дальнем Востоке России обретает второе дыхание. И не только он. На Дальнем Востоке **реализуются масштабные мероприятия по превращению региона в гигантскую торговую и производственную площадку с удобными «выходами» в Восточную Азию**, способную перетянуть на себя значительные торговые потоки со всего региона и производящую собственные востребованные товары, которые займут место на этих обширных рынках. Водоёмкая продукция, сельское хозяйство и водные биоресурсы, полезные ископаемые и лес, нефть и газ — всё это становится «визитной карточкой» региона в странах Восточной Азии. Но не только сырьё. Энергоёмкие, ресурсоёмкие и водоёмкие производства, металл, изделия из древесины и некоторые высокотехнологичные производства всё больше дополняют сырьевой спектр российского экспорта. О заинтересованности стран Восточной Азии и прежде всего Китая в российской продукции говорит уже готовность инвестировать в совместные разработки газовых месторождений и строительство заводов по производству сжиженного природного газа (СПГ) на Ямале. Первый поток СПГ пошёл на рынки Восточной Азии.

Усиливается интерес к России со стороны деловых кругов Японии и Республики Корея. Уже сегодня обозначен интерес последней по инвестициям в логистику, судостроение, строительство и туризм на российском Дальнем Востоке.

Но для того чтобы Россия нашла свой путь к Азии, необходимы серьёзные структурные изменения на восточной окраине России. Это и происходит сегодня. Реконструируется город Владивосток, расширяется портовая инфраструктура большей части гаваней региона: от Находки до Петропавловска-Камчатского. В этом же направлении будет работать логистический узел в районе острова Большой Уссурийский (Хабаровск). В контексте этого движения необходимо оценивать важность строительства мостов через реку Амур, развитие сети автомобильных дорог, реконструкцию (расширение пропускной способности) Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиб), строительство трубопроводной системы «Восточная Сибирь—Тихий океан».

Здесь же и распространение режима свободного порта на Петропавловск-Камчатский, строительство контейнерного терминала на Камчатке, и многое другое. На интенсификацию этого процесса направлено также создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) с особым правовым и административным статусом, выравняющим условия для инвестирования с другими странами Азии. Можно констатировать, что процесс превращения южной части Дальнего Востока и его прибрежных территорий в торговое и производственное пространство продвигается достаточно успешно. Уже сегодня в регионе созданы особые условия для инвестирования и эффективные формы сопровождения инвестиционных проектов, существенно сокращающие сроки прохождения формальных процедур и ускоряющие отдачу от вложений. К настоящему времени в региональные проекты фактически вложено 76 миллиардов рублей частных инвестиций. Подписаны соглашения об инвестировании более 2 триллионов рублей.

РАЗВИТИЕ ЛОГИСТИКИ В СЕВЕРНОЙ (РЕСУРСНОЙ) ЧАСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Значимые проекты реализуются и в северной части Дальнего Востока, где сосредоточены наиболее крупные месторождения драгоценных, цветных и редкоземельных металлов, лесные массивы. Эта территория в рамках

проекта развивается в качестве «ресурсного региона», поставщика уникальных продуктов на мировой рынок. До самого последнего времени добыча и включение в хозяйственный оборот всех этих природных кладовых сдерживались отсутствием удобной логистики, проблемами с завозом всего необходимого для функционирования приисков и горно-обогатительных комбинатов, доставки леса до мест его переработки. Ситуация начинает меняться.

Продвигается на север железнодорожная магистраль. Сегодня она уже приближается к Якутску. В перспективе — её продолжение к месторождениям драгоценных металлов и камней, что на порядки снизит себестоимость добычи. Планируется качественная реконструкция федеральных автодорог «Лена» и «Колыма» (они пока функционируют ограниченное время в году), строительство мостов, которые заменят прежние паромы и ледовые переправы на этих трассах. Планируемые и отчасти осуществляемые действия по развитию Северного морского пути, — который не только станет самым коротким путём из Азии в Европу, но и даст импульс развитию Русского Севера, — тоже связаны с этим направлением.

Без всех этих новаций себестоимость добычи богатств, которые хранят в себе северные районы Дальнего Востока, будет оставаться чрезмерно высокой, а их добыча — осуществляться на пределе рентабельности или за ним. Безусловно, отдача от этих гигантских вложений наступит не завтра и даже не через год. Но это инвестиции в будущее — будущее России. И каждый проложенный и реконструированный километр пути создаёт новые возможности для частного инвестирования, новые перспективы развития хозяйства дальневосточного севера.

ВЫРАБОТКА И ОФОРМЛЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Важно и то, что сложились инструменты развития Дальнего Востока. Очевидно, что и модель ТОР, и модель свободного порта, а особенно практика реализации этих моделей могут и должны совершенствоваться. Но сама идея и модель создания режима наибольшего благоприятствования для бизнеса, избавления его от мелочной опеки — более чем здравая. Реализуемые в её рамках проекты являются доказательством этого. Уже сегодня в 18 ТОРах региона работают 210 «якорных» резидентов, вложивших средства и частично начавших получать прибыль. Само число проектов, приближающееся к 1000 (969), подтверждает это. И если на первом этапе ожидалось европейские и американские инвестиции, то сегодня они заменяются инвестициями из России и стран Восточной Азии. На каждый государственный рубль в этих проектах приходится 8 рублей частных инвестиций.

Однако если реконструкция и строительство дорожной сети, развитие портового хозяйства и сооружение новых терминалов дают отдачу в среднесрочной перспективе, то многие инициативы, реализуемые в рамках ТОР, дают эффект уже сегодня в виде увеличения сельскохозяйственной и иной продукции, создания новых рабочих мест, совершенствования социальной среды и т.д. В настоящее время Дальний Восток России демонстрирует превышение основных общероссийских экономических показателей роста в области промышленности в 2 раза, сельского хозяйства — в 4 раза, по темпам инвестирования — в 4 раза.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Крайне значимо и то обстоятельство, что за эти годы сформировалась система управления, ориентированная на ускоренное развитие региона: полпред, вице-премьер, Министерство по развитию Дальнего Востока, корпорации по развитию региона и субъектов федерации. Хотя они и возникли в разные периоды и по разным причинам, но сегодня превращаются в целостную систему, осуществляющую интеграцию всероссийской и региональной систем управления.

Проблем много. Некоторые из них надуманные. Слишком долго Дальний Восток оставался для большей части страны terra incognita, описываемой мифами. Одним из наиболее устойчивых представлений была необходимость привлечения в регион массы нового населения. Однако стремление любой ценой массово заселить регион в условиях, когда даже имеющиеся трудовые ресурсы задействованы далеко не полностью, выглядит не до конца продуманным. Ведь одним из основных мотивов, которые указываются потенциальными эмигрантами из региона при опросах, выступает отсутствие возможности трудоустройства. Даже при плановых расчётах не фигурирует необходимая численность работников в регионе. В отсутствие этих цифр зыбким оказывается и представление о том, что дальневосточников «много» или «мало». И первое, и второе утверждение предполагает наличие ответа на вопрос: а сколько нужно? Такого ответа пока нет. Возможно, миф о «катастрофическом обезлюдивании» региона оказался настолько мощным, что оттеснил анализ на периферию. Сказанное, разумеется, не означает отвержения необходимости привлечения качественно-го человеческого капитала туда, где его явно не хватает — на новые стройки производства.

В целом же можно уверенно утверждать, что **первый этап поворота России на Восток завершается. Политическое видение необходимости поворота высказано вполне недвусмысленно, направление развития задано, экономические потоки направлены.** Россия выдвинула своей целью активное участие в строительстве объективно создающейся новой геоэкономической, геополитической, культурной и идеологической общности — партнёрства Большой Евразии. В отличие от старого российского евразийства, концепция Большой Евразии не нацелена против Европы или Запада и предусматривает, что пространство будет включать и Европу Европейского союза (или большую её часть). А Россия наконец обретёт комфортное место в истории и географии как великая евроазиатская держава. Учитывая нарастающую тенденцию к регионализации мира, Большая Евразия будет, весьма вероятно, одним из ведущих центров. Другим предположительно станет условная Большая Америка.

Всё яснее ощущается необходимость перехода к новому этапу реализации поворота России на Восток. Да, Дальний Восток — медленно, но верно — трансформируется из далёкой и не вполне развитой окраины в наиболее интенсивно развивающийся регион. Но при этом всё более понятно, что к процессу поворота на Восток должна подключиться вся страна, а не только один регион. И поворот на Восток должен стать в полной мере «своим» для главных его субъектов — жителей Дальнего Востока. В противном случае процесс может застопориться.

О новом этапе российского поворота на Восток

В настоящее время мы подходим к психологически и политически сложнейшему этапу российского мегапроекта «поворот на Восток». Сильнее проявляется противоречие между объективной заинтересованностью нашей страны в выстраивании тесных партнёрских отношений с государствами Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии в самых разных областях и непониманием или раздражением относительно процесса интеграции России в Азию со стороны жителей западных (и не только западных) территорий страны. Не стал проект «своим» и для многих жителей самого Дальнего Востока.

Сегодня в прессе, в блогосфере, особенно той её части, которая связана с европейскими регионами России, нередко в отношении идеи поворота на Восток и развития дальневосточных территорий встречаются такие эпитеты, как «дорога в пустоту», «мост в никуда», «закапывание денег» и т.д. Сопrotивление во многом культурно обусловлено. Азию в России не знают, а не зная — боятся. Она до сих пор многими воспринимается отсталой, деспотической, ограниченной. Часть интеллигенции ведёт бой за сохранение «европейского пути», даже при демонстрации его неэффективности при инертности на данном этапе. Сопrotивление носит и чисто идеологический характер. Российские западники не хотят отказываться от привычных взглядов и стереотипов, хотя они и устарели. До сих пор не осознан масштаб экономического, политического и технологического сдвига к Азии. Но проблема не столько в ангажированности или невежестве, сколько в непонимании (намеренном или нет) смысла проекта поворота на Восток.

Дело, в частности, в том, что одной из задач, которые решались на предварительном этапе поворота на Восток, было изменение имиджа региона. И проект «Дальневосточный гектар», и дни Дальнего Востока в Москве, и создание ТОРов дали эффект по трансформации образа «заброшенного» Дальнего Востока. Но одновременно они сыграли и негативную роль. Население страны, да и самого Дальнего Востока не успело перейти от образа «заброшенного региона» к его новому облику. Невозможность совместить два эти образа порождает раздражение.

Были и другие факторы, приводящие к неадекватному восприятию идеи поворота на Восток. До самого последнего времени она проявляла себя как концепция приоритетного развития Дальнего Востока России. Иными словами, всероссийский проект и выбор будущего пути России воспринимается большинством, за исключением небольшого числа экспертов и руководства страны, в качестве проекта локального, регионального. Руководство страны, объявив о повороте и даже приняв соответствующее решение, не озвучило его философии, что сразу же вызвало множество вопросов.

Безусловно хорошо, что Владивосток реконструировали к саммиту АТЭС (именно так это воспринималось). Но нужна ли столь фундаментальная реконструкция к одному, пусть и значимому, мероприятию? И почему Владивосток, а не десятки других городов, расположенных «поближе»? Разве они не нуждаются в реконструкции? Не вполне понятными выглядели и усилия по реконструкции Транссиба, ведь пока и имеющиеся мощности загружены не полностью и только «в одну сторону». Не вызвало восторга строительство дороги до Якутска и далее — ведь там ничего нет. Грузов, которые сегодня следуют по этому маршруту, так мало, что РЖД

вынуждены были вводить особые тарифы, чтобы хоть как-то вывести дорогу на самоокупаемость. Зачем же тратить такие деньги? Непонимание порождает раздражение, поиски «личной выгоды», обвинения инициаторов проектов во всех смертных грехах. Множество вопросов у жителей большей части страны вызывало и особое положение региона в целом: преференции, которыми, как им казалось, незаслуженно стали пользоваться жители Дальнего Востока. В самом деле, почему Дальний Восток, а не, скажем, Русский Север?

Недовольство и непонимание выказывали не только представители населения западной части страны, но и региональные элиты. Да и на федеральном уровне понимание возникало не всегда и не во всём. Сопротивление элит, о котором говорилось вначале, не исчезает. Ожидание того, что эта непонятная кампания закончится, как заканчивались программы развития Дальнего Востока в предшествующий период, буквально пронизывает политический, журналистский, да и повседневный дискурс.

Непонимание, если не раздражение, вызывает и проект развития Дальнего Востока у жителей остальной Сибири — исторически, человечески и коммуникационно единого региона. И под этим непониманием есть объективная основа: поворот на Восток через ускоренное развитие планировался 10–12 лет назад для всей Сибири. Потом по бюрократическим соображениям регион оказался частично разорван. Между тем в центральной Сибири сосредоточен мощнейший интеллектуальный, научный и производственный потенциал, едва ли не лучший человеческий капитал страны. И регион страдает от удалённости от рынков. Рано или поздно нужно будет возвращаться к идее вхождения на новые рынки, к новым восточным рубежам не только Дальнего Востока, но и большей части Сибири.

Но парадоксальным образом обиженными, судя по опросам социологов, оказались и сами жители Дальнего Востока России. Здесь можно выделить несколько составляющих «обида». Во-первых, **«обида на Москву» — один из наиболее фундаментальных региональных стереотипов постсоветского периода.** Самосознание региона как «крепости», защитника страны на восточном направлении, привело к соответствующему восприятию реалий «нового мышления» конца 1980-х гг. и «становления рыночных отношений» 1990-х гг. Восприятие было однозначным: Москва предала свою «крепость» и её гарнизон. Отзвуки этого настроения существуют, хоть и в ослабленном виде, и сегодня, затрудняя взаимодействие в системе центр — регион.

Во-вторых, в течение второй половины 1990-х гг. и начала XXI в. жители региона как-то адаптировались к новым условиям существования. **Реализация значительного числа новаций на территории Дальнего Востока в большей или меньшей степени вырывает население из зоны комфорта.** При этом каких-либо внятных объяснений, новой идеологии, способной примирить с неудобствами новых и непривычных форм деятельности, идеи, ради чего нужно менять и меняться, — не транслируется. Идеино не обоснована выгода поворота на Восток для жителей региона и для всей страны. А ведь именно ощущение причастности к большому делу и в века «покорения Сибири», и в советское время позволяла дальневосточникам терпеть гораздо более серьёзные неудобства за счёт убеждённости в критической важности собственной деятельности.

В-третьих, активное имиджевое продвижение региона вовне в свете всего перечисленного выше вызывает, даже пусть и необоснованное, озлобление местных активистов, а за ними и значительной части жителей Дальнего Востока. Ведь самосознание дальневосточников в постсоветский

период выстраивалось в виде представления о жизни-преодолении: сильных людях в невероятно сложных условиях. Образ «процветающего региона» наносит удар по региональной идентичности. Потому и заставляет фиксировать внимание исключительно на негативе. Не случайно столь популярен в регионе мем «лучше бы садик построили» — как реакция на любую инициативу, не дающую отдачи сегодня или завтра. Возникает убеждение в том, что развитие региона идёт в ущерб для его жителей. Часть местных просто боится конкуренции «пришлых». Это тем более опасно, что порождает настроения, способные замедлить реализацию проекта поворота на Восток. Кроме того, эти настроения активно транслируются и вовне, снижая интерес к сотрудничеству и к инвестициям со стороны соседей по региону.

Именно для того чтобы компенсировать и внешнее, и внутреннее непонимание, необходим переход к новому этапу развития всероссийского, а не только регионального проекта поворота на Восток. Люди, элиты запада и востока России должны поверить в поворот, он должен стать для них «своим». И это понимание должно массово транслироваться вовне. Иначе Восточный экономический форум и прочие «road shows» (выездные мероприятия по продвижению какой-то идеи. — Прим. ред.) будут ограниченно эффективны. Наконец, **страна застоялась без большого проекта, который увлекает людей, делает их предприимчивее, сильнее, настойчивее.** Именно образ будущего создаёт то напряжение, которое позволяет обществу двигаться вперёд. Это в первую очередь относится к городской молодёжи, знающей Европу, но не знающей Азии, очень часто не видящей перспективы и даже уезжающей за границу. Уезжает и молодёжь востока России — и в центр, и за рубеж, только уже преимущественно в Азию. И начать этот этап разумнее всего с того, чтобы проговорить, для себя и на национальном уровне оформить в некоторую более или менее целостную концепцию саму идею поворота.

В ЧЁМ ЦЕЛЬ ПОВОРОТА

Поворот на Восток — это не региональный проект приоритетного развития Дальнего Востока. Это даже не столько проект диверсификации производства и торговых потоков страны, выхода на новые рынки, укрепляющего её экономические позиции. Хотя это очень важно. **Поворот на Восток — это проект обретения Россией политической и цивилизационной субъектности, адекватной новому миру.** Именно в этом ключе он должен восприниматься и формулироваться. При этом речь идёт не только о словесном конструировании (хотя и это тоже очень важно), но о системе практических шагов, позволяющих нашей стране стать одним из центров нового структурирования мирового пространства, создания нового мирового порядка на месте разваливающегося старого.

Сама идея поворота на Восток связана со стремлением не столько вписать себя в чью-то модель, сколько создать совместно с партнёрами собственный проект общего будущего для гигантского континента Евразия. И условия для создания такого проекта сегодня благоприятны как никогда. Некоторый вакуум силы, возникший в Северо-Восточной Азии в связи с ослаблением интереса США к интеграционному проекту «Азиатско-Тихоокеанский регион» и переходом к сдерживанию Китая, привёл к положению, когда все значимые игроки этой части света в условиях выхода на поверхность внутрирегиональных противоречий с большей или меньшей интенсивностью начинают искать сближения с Россией, стремиться использовать её в своих интересах. Последнее позволяет России выстра-

ивать сложную и многовекторную политику, отстаивая собственные интересы в Восточной Азии и Евразии вообще.

Но дело не только в благоприятной конъюнктуре, сложившейся сегодня на востоке азиатского континента. Речь идёт о гораздо более фундаментальных процессах — о двуединой природе российской государственности, российского общества, которая и предполагает наличие второй — азиатской — составляющей для возврата к своей подлинной природе. Россия на протяжении своей истории впитала в себя самые разные политические и культурные традиции. Это и влияние скандинавских воинских союзов, ощущающееся в особом почтении к воинской славе и ратному труду. Это и несомненное влияние Византии, проявившееся в принятии восточного варианта христианства, форм религиозной жизни. Гигантское влияние на становление политической системы России оказала Монгольская империя. Именно в ней сформировались специфические для России формы власти, её сакральный статус. Особенно важно отметить, что монгольская основа лежит в фундаменте политических традиций большей части стран Азии.

И Россия, и Китай, образно говоря, вышли из империи Чингисхана. Это и создаёт возможность для понимания культур, обществ, организации совместной деятельности. И если христианская основа российской культуры должна создавать (хотя сегодня не вполне создаёт) условия для диалога с христианской, но уходящей от христианства Европой, то монгольский субстрат становится основой для диалога в Азии.

Евразийская сущность России, её неизбежное пребывание в двух не всегда совпадающих и даже не всегда тесно связанных экономических, политических и идейных пространствах на протяжении всей истории российской государственности были и её проклятием, и её шансом. Проклятием потому, что гигантская, разная и разноголосая Россия никогда не могла полностью вписать себя ни в Восток, ни в Запад. Какая-то, подчас немалая, её часть всегда оставалась «другой», не включённой в общее движение. Но это ныне и великий шанс России, живущей в двух равновеликих мирах. Не одно столетие представители элиты нашей страны смотрели в одну сторону — в сторону Запада, пренебрегая азиатской Россией и Россией в Азии. Этот односторонний взгляд обрекал нашу страну на психологически и политически невыгодное положение догоняющей, ведомой. Но сегодня эта западная панорама становится всё менее перспективной, более туманной. Здесь и возникает вторая составляющая России — не европейской, а евразийской державы.

Один из наиболее тонких исследователей восточной части России генерал-губернатор Приамурья П.Ф. Унтербергер ещё в начале XX в. писал, что Приамурский край (так тогда именовались эти земли) являет собой стратегический резерв для страны. И речь идёт не только о природных богатствах этой земли. Дальний Восток, Сибирь — ворота России в новое, потрясающее в своём разнообразии и сложности, но притягательное пространство Азии. Важно понимать, что перемещение мирового центра к Востоку сегодня — явление объективное. Оно будет происходить вне зависимости от желания или нежелания той или иной группы политических деятелей, от той или иной внешней политики. Вопрос состоит в том, будет ли в этом новом мире Россия самостоятельной силой или ведомым, зависимым актором. В этих условиях **поворот России на Восток из красиво-го лозунга или даже экономически выгодной стратегии всё больше становится жизненной необходимостью, вопросом будущей судьбы всей страны.** Причём речь идёт не о столетии, а о годах. И здесь дело не просто в торговле (что само по себе, конечно, значимо), но в полноценном — культурном,

экономическом, политическом и правовом — вхождении в это пространство. Без такого всеобъемлющего вхождения достаточно сложно не только повернуть на Восток страну, но даже просто развивать торговлю.

Точнее, это возможно было в прошлом — с позиции силы, с позиции колонизатора. Но сегодня Восток постепенно возвращает себе мировое лидерство, утраченное несколько столетий назад, в том числе и в военной сфере. Огромное завоёванное предками русское пространство даёт нам возможность стать первоклассной евроазиатской державой. Сибирь, Дальний Восток из бремени или тыла в противостоянии с Западом на глазах превращаются в главный потенциальный актив с точки зрения не только экономического, оборонного, но и духовного, культурного развития страны. Россия начинает заполнять всё пространство, отведённое ей историей.

Поворот на Восток — не просто смена ориентиров, попытка опереться на «новых сильных» в становящемся мире Азии. **Страна возвращается к своей двуединой природе, дополняя европейскую составляющую азиатской**, избавляясь от комплекса «вечного ученика», вспоминая свою яркую и насыщенную историю в Азии, осознавая свою роль в этом пространстве. Только в этом варианте наша страна сможет играть роль одного из центров будущего евразийского «концерта держав». Только так Россия сможет занять место не наблюдателя, случайно попавшего в чужое пространство, а место ключевого игрока.

Не только соображения текущей и перспективной экономической и политической конъюнктуры диктуют потребность поворота России на Восток. Есть здесь причины гораздо более глубокие и значимые, связанные с матрицей политической системы, определяемой особенностями пространственной организации российского государства и общества. При этом важно понимать, что, несмотря на длительную «петровскую эпоху» ориентации на Запад, возвратный путь — это не насильственное и вынужденное движение, но дорога России домой, к самой себе, своей евразийской сущности.

Из-за географии, климата, истории, уязвимости внешних вторжений власть в России выполняет три критически важные для общества функции, отличные от функций власти в обществах условного Запада. Во-первых, она обеспечивает защиту населения, сохранение и воспроизводство сложившихся форм жизни — то, что на современном политическом языке и описывается термином «суверенитет». Во-вторых, она обладает ресурсом, который страхует общество в кризисных обстоятельствах, обеспечивая его выживание. И, наконец, третья важнейшая функция власти состоит в том, что сама она и выступает структурообразующим элементом общества, без которого общество рассыпается. Не гражданское общество поддерживает власть, а последняя строит общество. Потребность общества в защите, патернализме объективно требует от власти централизации, а когда центральная власть ослабевает, разваливается и общество, и страна. Так было в смуту, в 1917 г. и в 1990–1991 гг.

Противостояние двух систем создавало дистанцию, позволяющую евразийской державе благополучно существовать по избранной ей матрице, вписанной в ландшафт бескрайних просторов. Исчезновение дистанции, попытка интеллектуальных и политических классов «стать Европой» породили непредвиденные проблемы. В 1990-е гг. в России начинает править бал локальная автаркия («региональные бароны» и местные самодостаточные хозяйственные системы), делающая избыточной центральную власть если не юридически, то фактически. Само существова-

ние России как целого оказывалось под вопросом. Европа, выступающая как фундаментальный ориентир, обладала характеристиками, радикально противоречащими политическим практикам, сложившимся в России.

Но просто дистанцироваться от Запада далеко не достаточно. Да и не в этом цель. Попытка организации хозяйства по типу западного (прошлых веков) упирается в гигантские пространства, сложность и невероятную дороговизну контроля, способного поглотить доходы даже от эксплуатации золотоносных жил. И важно понять, что это не бесхозяйственность или слабый менеджмент, в чём мы любим обвинять себя (точнее, далеко не только они), а особенность пространственной организации общества. Попытка организации хозяйства по типу современных восточных стран упирается в малочисленность и относительную дороговизну трудовых ресурсов. Опасно и, следуя по пути Запада, усиливать фискальное давление на население. Конечно, современные средства контроля гораздо более совершенны, чем в прошлые эпохи. Но социальные и политические последствия такого жёсткого контроля могут оказаться фатальными для общества.

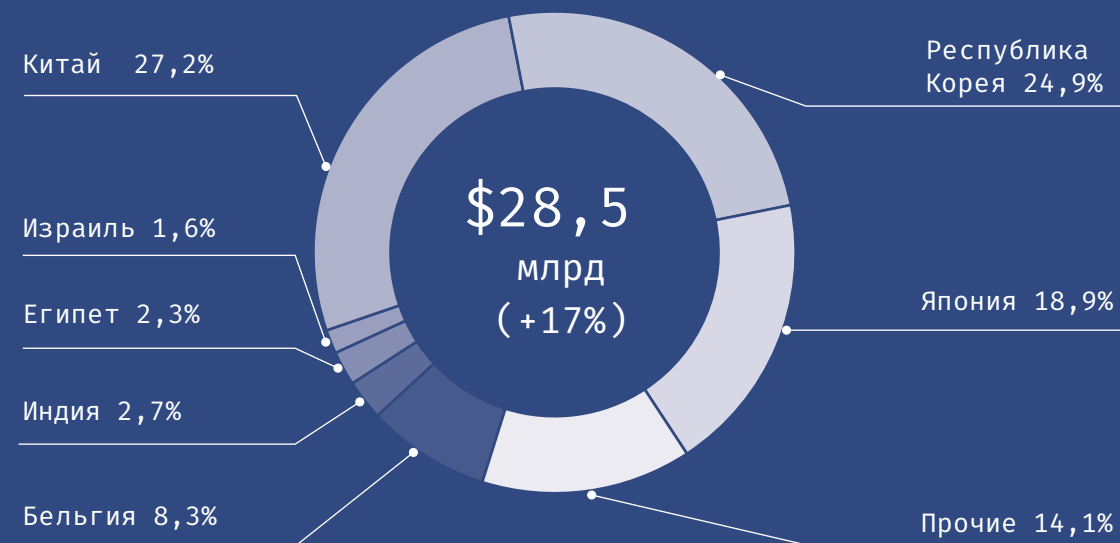
Есть ли здесь выход? Безусловно. **И первым шагом на этом пути станет признание, что Россия — это не Запад и не Восток. Это Россия.** Её история, её культура и формы жизни укоренены в истории, традициях, социальных формах как Азии, так и Европы. Но отличие нашей страны и от условного Запада, и от условного Востока, как представляется, — отнюдь не путь одиночества. Россия — это фронт, универсальный посредник, поставщик уникальных ресурсов на мировой рынок. Вернуть себе эту роль (причём там, где она востребована), войти в Азию, оставаясь с Европой — это не только задача, но жизненная необходимость, условие сохранения стабильности и жизнеспособности страны на десятилетия, если не на века. В противном случае — медленная деградация или быстрый взрыв почти неизбежны.

Азия сегодня всё более стремительно становится не просто «мастерской мира», но и огромным рынком, где востребованы самые разные продукты: от сырья до безопасности и социальных технологий. Это пространство, которое начинает выступать центром притяжения для всего мира, при этом оставаясь вполне самостоятельной сущностью. Но стремление «плыть по течению», ожидая, что Азия сама бросится в объятия России, ведёт лишь к вытеснению России на периферию истории. Именно поэтому необходимо не только следовать тенденции поворота мира к Азии, но и активно формировать эту тенденцию.

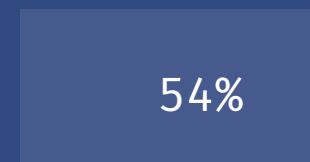
А в загоризонтной перспективе поворот на Восток может оказаться и движением к ещё одному мощнейшему рынку — североамериканскому, в том числе по суше. Выход через Аляску тоже может быть обретением Россией исторической «себя». Но уже в новом мире.

Внешняя торговля Дальнего Востока в 2017 году

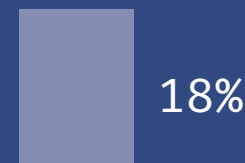
Основные торговые партнёры и товарооборот

ЭКСПОРТ (\$22,2 млрд)

Минеральные продукты

Драгоценности

Продукты животного происхождения

ИМПОРТ (\$6,3 млрд)

Машины и оборудование

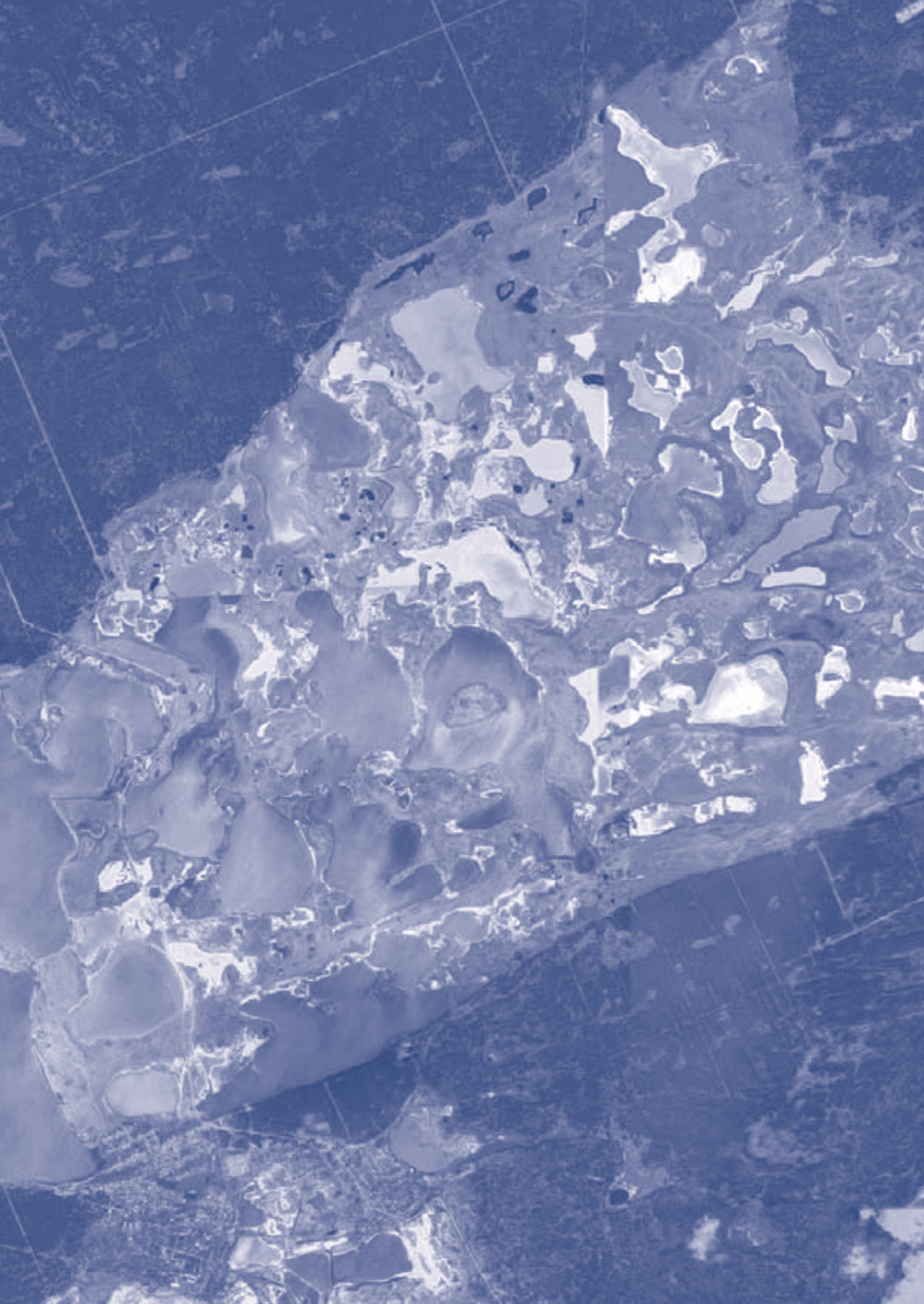
Транспорт

Металлы

Источник: Дальневосточное таможенное управление ФТС

Россия как «место сборки» Большой Евразии

Что же может предложить Россия в обмен на рынки, технологии и инвестиции для стран этой части света? Прежде всего, уникальные природные ресурсы, хранящиеся в «северных кладовых». Естественно, высокого уровня переработки и с использованием продвинутых технологий (успешен опыт Канады, Австралии). Для этого и предпринимаются действия по организации логистики в северной части Дальнего Востока, развивается Северный морской путь, построена трубопроводная система «Восточная Сибирь—Тихий океан», ведётся строительство трубопровода «Сила Сибири».

Но это далеко не всё. Наследие СССР и современная геополитическая ситуация предоставляют России гораздо большие возможности, чем только поставщика сырья. Эти возможности заданы самой географией страны. До самого недавнего времени конечным пунктом большинства транзитных коридоров и товарных потоков (центром потребления) выступали Европа и США. Но эти рынки уже поделены. Кроме того, США сегодня демонстрируют всё более откровенное желание отгородиться от потоков извне, сделав ставку на собственное производство и навязывание собственной продукции странам-партнёрам. При всём том, что логика этого движения понятна, США тем самым утрачивают статус центра мировой экономики. Столкнувшись со стратегией сдерживания со стороны США, Китай вынужден частично отказаться от ориентации на создание главного центра мировой экономики в АТР и двигаться на юго-запад и запад через концепцию «Один пояс, один путь». К тому же основной — через южные моря — торговый путь Китая становится очевидно уязвимым в отношении возможного перекрытия американцами, которые ещё долго будут сохранять военно-морское превосходство.

Так сложилось, что пространство Евразии разрезано гигантскими горными массивами Тибета, Памиро-Алая, Синьцзяна, пустынными пространствами Такла-Макана, Каракума и Кызылкума. Оптимальный сухопутный маршрут, связывающий континент, проходит по территории России или через Казахстан в Россию. В отличие от любого другого только этот путь не нуждается в прокладывании коммуникаций через горы и пустыни. Более того, базовый транспортный коридор — Транссиб — уже существует и функционирует. Именно с российской системой дорог теснейшим образом связаны транспортные системы соседних стран, в первую очередь бывших республик СССР. Тем самым природное преимущество уже дополнено технологическим. Сухопутная транспортная система будет активно дополняться морской, связанной с Северным морским путём, а также сетью трубопроводов.

Очень важно наличие политико-культурных обстоятельств, делающих Россию оптимальным узлом для формирования единой Евразии. Несмотря на потери, которые престиж нашей страны понёс на просторах Азии за десятилетия постсоветских попыток стать Европой, унаследованное от СССР и Российской империи влияние здесь остаётся существенным. В Монголии, в Центральной Азии, на Кавказе, да и за пределами бывшего социалистического лагеря русский язык остаётся одним из языков межнационального общения, а отношение к России как к ориентиру продолжает преобладать.

Для Монголии, стремящейся, несмотря на возрастающие торговые контакты с КНР, дистанцироваться от своего южного соседа (опасения перед ассимиляционной политикой во Внутренней Монголии), Россия выступает желанной «второй силой», благодаря которой Монголия считает возможным сохранить культурное своеобразие. Важны и укрепляющиеся культурные связи между Монголией и Республикой Бурятия. Культурная близость подчёркивает и то обстоятельство, что приграничные районы Забайкалья являются одним из возможных мест рождения Чингисхана. До недавнего времени большая часть монгольской элиты получала образование в России, преимущественно в Иркутском государственном университете, общежития которого в этнокультурном сознании окружены романтическим ореолом. Стоит учесть и фактор взаимосвязи Трансмонгольской железной дороги и Транссиба.

Сложная ситуация в Закавказье, несмотря на демонстративное дистанцирование от России ряда политических сил и государственных деятелей, делает посредническую роль нашей страны крайне важной. Значимыми остаются и хозяйственные контакты с Россией в области туризма, рынков сельскохозяйственной и пищевой продукции. Тем более что при всех новациях основные транспортные коммуникации в этих странах продолжают привязывать их к России.

Особенно велика роль России в Центральной Азии — территории, на «освоение» которой ориентирован сегодня Китай. И причины здесь совершенно объективны. В двух странах региона — Узбекистане и Таджикистане — демографический взрыв 1970–1980-х гг. и засоление почв постоянными посадками хлопка приводят к тому, что огромное число жителей оказываются просто невостребованными в рамках национальной экономики. Отток избыточного населения в Россию — это не только источник валютных поступлений, но и способ снизить социальное напряжение в этих странах. Возможность отъезда на временные заработки в арабские страны снижается из-за низкого уровня знания и арабского, и английского. Местные жители просто не выдерживают конкуренции с выходцами из Индии, владеющими английским языком. В то же время русский язык здесь остаётся городским языком, который знают (или считают, что знают) многие. И хотя сегодня роль китайских инвестиций в этом регионе велика, только Россия предоставляет возможности по смягчению острейших демографических проблем этих стран, а также их проблем безопасности.

Сложные межэлитные отношения в Киргизии делают геостратегическую и посредническую функцию России в этой стране востребованной и для поддержания внутреннего мира, и для развития территории. Безусловно, самостоятельную политическую роль старосты в Центральной Азии играет, и небезуспешно, Казахстан. Но и здесь существуют факторы, делающие роль России крайне значительной. Да и транспортная система Казахстана жёстко привязана к транспортной системе России. Однако влияние здесь важно отнюдь не как самоцель. Россия и тесно связанные с ней страны (логистика, язык, историческая и политическая судьба) при этом превращаются в универсальные транзитные пространства для товаров, услуг, культурного опыта освоения мира. **Оптимальный сухопутный маршрут, связывающий континент, проходит по территории России или через Казахстан в Россию.**

В силу ряда обстоятельств сохраняется и возобновляется влияние России в Иране и на Ближнем Востоке. Однако если в новых и не очень новых государствах Центральной Азии и Закавказья речь идёт о долгосрочных цивилизационных факторах, то в представленном случае

можно говорить о политической конъюнктуре, которая может быть использована и закреплена. В таком случае эти важнейшие государства Евразии тоже включатся в структуру, к созданию которой ведёт Россия. Это тем более реально, что в последние десятилетия и Иран, и Турция всё больше поворачиваются в сторону Азии. До сих пор слабо оценён потенциал Каспийского моря как связующего пространства не только для России и Закавказья, но и для Ирана. Вместе с тем были периоды, когда эта коммуникационная ветка становилась едва ли не ключевым торговым пространством центра Евразии. В наше время эта ситуация вполне может отчасти повториться.

Наконец, началось строительство железной дороги из России к Персидскому заливу. Большое значение в построении Большой Евразии имеет совместный проект России и Ирана по прокладке трубопровода в Индию. Это не только важнейшее направление диверсификации российских торговых потоков в сторону этой страны — второго (после Китая) потребителя газа в мире. Сложные отношения между Индией и Китаем сегодня толкают первую в сторону усиления партнёрства с США. Включение Индии в Большую Евразию, в которую она, несомненно, входит исторически и продолжает входить в хозяйственном и культурном отношении, — одна из важнейших задач. Традиционно тесные политические отношения между Россией и Индией при укреплении хозяйственных связей позволят нашей стране выполнить посредническую функцию, обеспечить условия для стабилизации политической ситуации в регионе, для успешного экономического взаимодействия на всём пространстве континента.

Важно и то, что между большей частью стран Большой Евразии и Россией за постсоветский период сложились «входные пространства»: особые точки, через которые наша страна и её азиатское (и не только азиатское) окружение осуществляют коммуникацию. Иркутск, Новосибирск, Екатеринбург, Краснодар являются «воротами» не только для временных рабочих, но и для товарных и финансовых потоков в обе стороны. К «воротам» стягиваются товары, предназначенные для этих стран и регионов. Здесь перегружаются и хранятся товары для других регионов России или других стран. В этих и некоторых других точках стихийно возникает система складов, гостиниц (общежитий), досуговая инфраструктура, ориентированная на обслуживание этих потоков, формируются этнические рынки. Через Россию и в Россию движутся не только товары, произведённые в нашей стране, Казахстане, Узбекистане и т.д. — движутся товары из Китая, Южной Кореи, стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), пришедшие по морю или по железной дороге через Китай. Сегодня эти «ворота» существуют стихийно и обособленно, часто наперекор силовому давлению. Но в случае, когда каждые из этих «ворот» займут своё место в рамках единой трансазиатской транспортной системы России, товарные и людские ручейки превратятся в потоки, сольются с транспортной системой в ЮВА и южных провинциях КНР — будет возникать Азия как целостная хозяйственная система. Собственно, конструирование такого пространства с Россией как важного связующего элемента и есть цель поворота на Восток, строительства Большой Евразии.

Мощно содействует этой тенденции и упомянутый «Один пояс, один путь», нацеленный не только на создание вокруг Китая пояса дружественных и благополучных государств, зависящих от него рынков, но и на выход на рынки Европы. Именно Китай выступает сегодня инициатором переноса значительной части центра тяжести мировой торговли с морей на континентальные пространства, из Тихого океана и Атлантики — в Евразию. Именно Китай сегодня создаёт единую транспортную систему, соединяющую его территорию и страны ЮВА, инициирует дорожное строи-

тельство через Казахстан. И здесь два проекта не противоречат, а дополняют друг друга — не только на просторах Большой Евразии, но и в зоне соприкосновения границ на Дальнем Востоке.

Владивосток и выступает при этом не окном, но «воротами» в Азию, «входным пространством» для Южной Кореи и Японии, «точкой входа» России на эти рынки. Для этого и необходимо продолжение реконструкции порта, расширение Транссиба, развитие БАМа. Необходимо развитие и остальных «ворот», которые выступают теперь формами интеграции России в сопредельное евразийское пространство (Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск, Чита и др.). Для северных провинций Китая связь с Евразией через Транссиб и Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), выходящую на Транссиб, будет более удобной, чем через Казахстан с выходом в европейской части России. Здесь «входным пространством» может выступить Чита, традиционная база на КВЖД, и Хабаровск с логистическим центром на о. Большой Уссурийский, создаваемым сегодня.

Крайне важна здесь культурно-геополитическая составляющая проекта поворота России на Восток. Многоголосая, разная и единая Россия получает возможность выступить важным центром встречи Азии с Европой. Россия — христианская страна. Это, безусловно, сближает её с христианскими государствами Европы. Но уникальность опыта России состоит в том, что здесь представители разных религий много веков проживали рядом, вместе. В России, а особенно в её сибирской части, сложились уникальные традиции веротерпимости и сосуществования. Здесь необходимо тщательное изучение опыта Забайкальского региона, где сегодня сложился уникальный симбиоз культур, составленный из множества различных по вере социальных групп, выработавших успешные формы совместного проживания и общения. Забайкальский опыт при его рациональном использовании может стать одной из матриц организации культурного и религиозного взаимодействия в Восточной Азии. Для создания успешной матрицы общения с мусульманскими странами, понимания не только хозяйственных или этнических, но религиозных оснований политики этих стран крайне важен опыт Татарстана и Башкортостана. Развитие мусульманского богословия в России, рост его авторитета в мире способны не только облегчить общение в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, но и выбить из рук террористов религиозные «козыри».

Для каждого из евразийских пространств (христианского, мусульманского, буддийского) в России есть язык, выработанный столетиями. Язык не растворения в себе, а сложного и продуктивного диалога. Россия вполне может и должна стать для Евразии не только транзитным пространством, способом связать хозяйственные системы, но и пространством диалога между разными, но в то же время во многом духовно близкими культурами. В китайской традиции есть понятие «гармония многообразия». В русской культуре есть близкое к нему понятие — «соборность». Такая соборность в Евразии может быть создана при посредничестве России. Таким образом, поворот России на Восток отнюдь не является проектом регионального уровня. Он включает в себя:

- Перенос центра тяжести российской политики, национального экономического и культурного строительства с западного направления на восточное. Осознание своей евразийской природы, где Азия слишком долго находилась в тени Европы.
- Создание разветвлённой транспортно-логистической сети, являющейся материальной основой построения

Большой Евразии и позволяющей решить две задачи. Во-первых, включить в хозяйственный оборот уникальные «кладовые» северных районов востока России, создать условия для привлечения инвестиций в переработку природного сырья на территории страны. Во-вторых, связать воедино хозяйственные комплексы Северной Евразии, Центральной и Передней Азии.

- Содействие — в опоре на разнородную и единую культуру России — осуществлению синтеза культур и обществ на пространстве Большой Евразии, становление в качестве «места встречи» и пространства формирования одного из главных центров нового мира и нового мирового порядка.
- Активное, а на ряде направлений и ключевое участие в создании на просторах Евразии сообщества сотрудничества, развития и безопасности, включающего в перспективе и Европу, западную часть континента.

К тому же Россия, благодаря многообразию её культуры, хорошо приспособлена для роли геополитического балансира между конкурентами в Азии, прежде всего между Индией и Китаем. Россия доказала, что может быть посредником в конфликте вокруг Сирии. На выстраивание устойчивого и сбалансированного мироустройства в Азии нацелена и концепция Большой Евразии. Россия с её дипломатическим мастерством и военно-политическим весом, не связанная формальными военно-политическими обязательствами, идеально приспособлена, чтобы стать ведущим поставщиком безопасности в Евразии: независимым и относительно равноудалённым балансиром и арбитром размораживающихся и вновь возникающих конфликтных ситуаций на континенте и в Восточной Азии, в том числе в отношениях Китая, Японии, Индии, Северной и Южной Кореи. Этот геополитический ресурс до известной меры компенсирует относительную экономическую слабость.

Сегодня впервые за последние 500 лет появляется реальный шанс построить Великую и Большую Евразию — не империю, но союз народов, осознающих свои различия, но при этом ощущающих единство исторической судьбы. И естественным «местом сборки» Евразии может — и призвана — стать Россия с её множеством сосуществующих культур, с её «воротами», связывающими гигантский континент в новую общность. Но на пути реализации Россией своей евразийской миссии есть немало препятствий: мифы об Азии, многочисленные «фобии», связанные с Востоком. Ведь не бабушки у подъезда, а солидные «эксперты» рассуждают об «угрозе с Востока» и «ползучей экспансии». Причём делают это во вполне респектабельных СМИ. В чём же эта «угроза»? Попробуем разобраться.

0 мифах, фобиях и переводе Азии на русский язык

К сожалению, бытовая, да и не только бытовая, ксенофобия продолжает сохраняться в России, являясь серьёзным препятствием для реализации поворота на Восток. Тем более что ксенофобия достаточно избирательная. То, что представляется вполне извинительным для представителя европейской страны или США (национальные особенности, традиции), часто выступает предметом возмущения в отношении выходца с азиатской части континента. **Незнание или избирательное знание Востока порождает страх и стремление дистанцироваться от него.** Пожалуй, сильнее всего фобии в отношении Востока воплотились в идее «жёлтой угрозы».

О том, что Восток угрожает России, говорится и пишется уже более 100 лет. Правда, на первом этапе, в первой половине XX в., «угрозу» отождествляли с Японией. Собственно, создание из Дальневосточного региона форпоста, «крепости» на Востоке выстраивалось именно в этой логике. Во второй половине столетия главная угроза сменилась. Теперь она исходила из Китая. Но идея «крепости» осталась. Как остался и сам мотив противостояния с Востоком, распространившись от передовиц в газетах и бесед на скамейках до «научных» исследований. Именно этот образ Востока формировал самосознание дальневосточников, обеспечивая для них смысл деятельности. Любой житель региона, и не только региона, знал, что к Дальнему Востоку нельзя подходить с экономической меркой, поскольку здесь решается проблема безопасности России (СССР). Оборонное сознание на протяжении всего советского периода для большей части жителей региона было базовым.

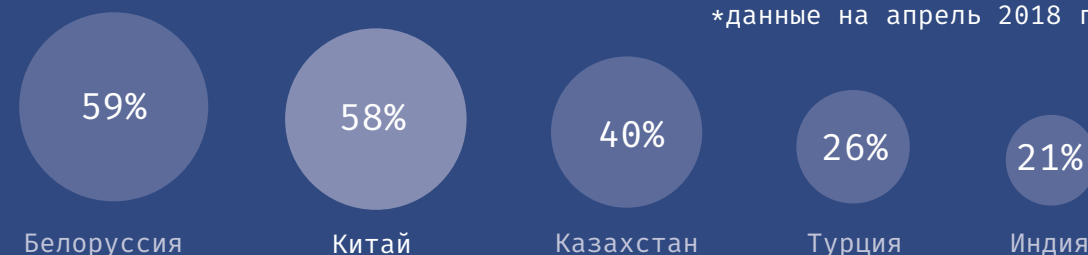
Понятно, что столь глубинная структура не может колебаться «вместе с политической партией». Новое направление, ставшее основным с 1985 г., породившее перестройку, распад СССР и все последующие события постсоветского периода, было воспринято в регионе однозначно как поражение. Несмотря на радикальную смену социально-экономических условий, исчезновение идеологии и самой страны СССР, весь постсоветский период, а особенно в 1990-е гг., число носителей «форпостной» идентификации было достаточно велико. Даже при опросе в 2011 г., проведённом в преддверии саммита АТЭС во Владивостоке, количество респондентов, считающих оптимальным военный путь развития региона («регион-крепость», «город-крепость»), составляло более 23%.

Главным противником на Дальнем Востоке большую часть послевоенной истории СССР был Китай. Появление китайских торговцев, а несколько позже и китайских рабочих (предпринимателей, студентов, деятелей культуры и т.д.) первоначально воспринималось жителями региона как личная катастрофа, утрата экзистенциального смысла. Здесь миф о «жёлтой угрозе» переходит в массовое сознание: они нас захватывают. Ведь вот они — внутри «крепости». При всём том, что численность китайских граждан на территории Дальнего Востока никогда не превышала нескольких десятков тысяч человек, факт их наличия породил истерию, ставшую в первой половине 1990-х гг. едва ли не всеобщей. Понятно, что страх распределялся достаточно неравномерно. На севере, где число граждан КНР было пренебрежимо мало, о том, что Дальний Восток уже захватили китайцы, слышали, читали — и не более. Сходное ощущение было и в центре. Сильнее он был на территориях, особенно тесно

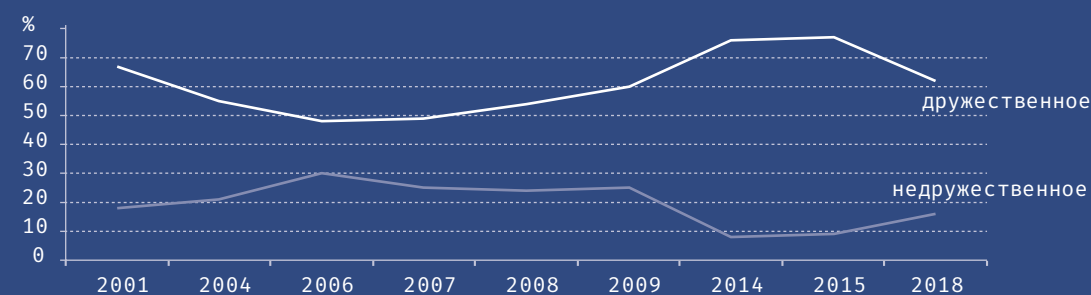
Обзор общественного мнения

Пять наиболее дружественных стран по мнению* россиян

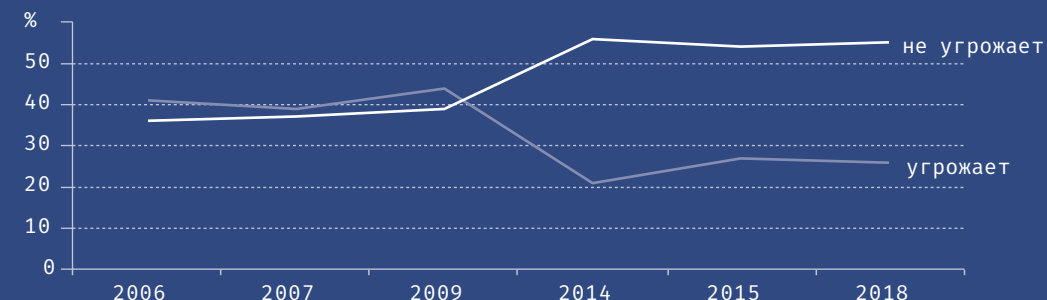
*данные на апрель 2018 года

Динамика отношения к Китаю

Угрожает ли усиление Китая интересам России?

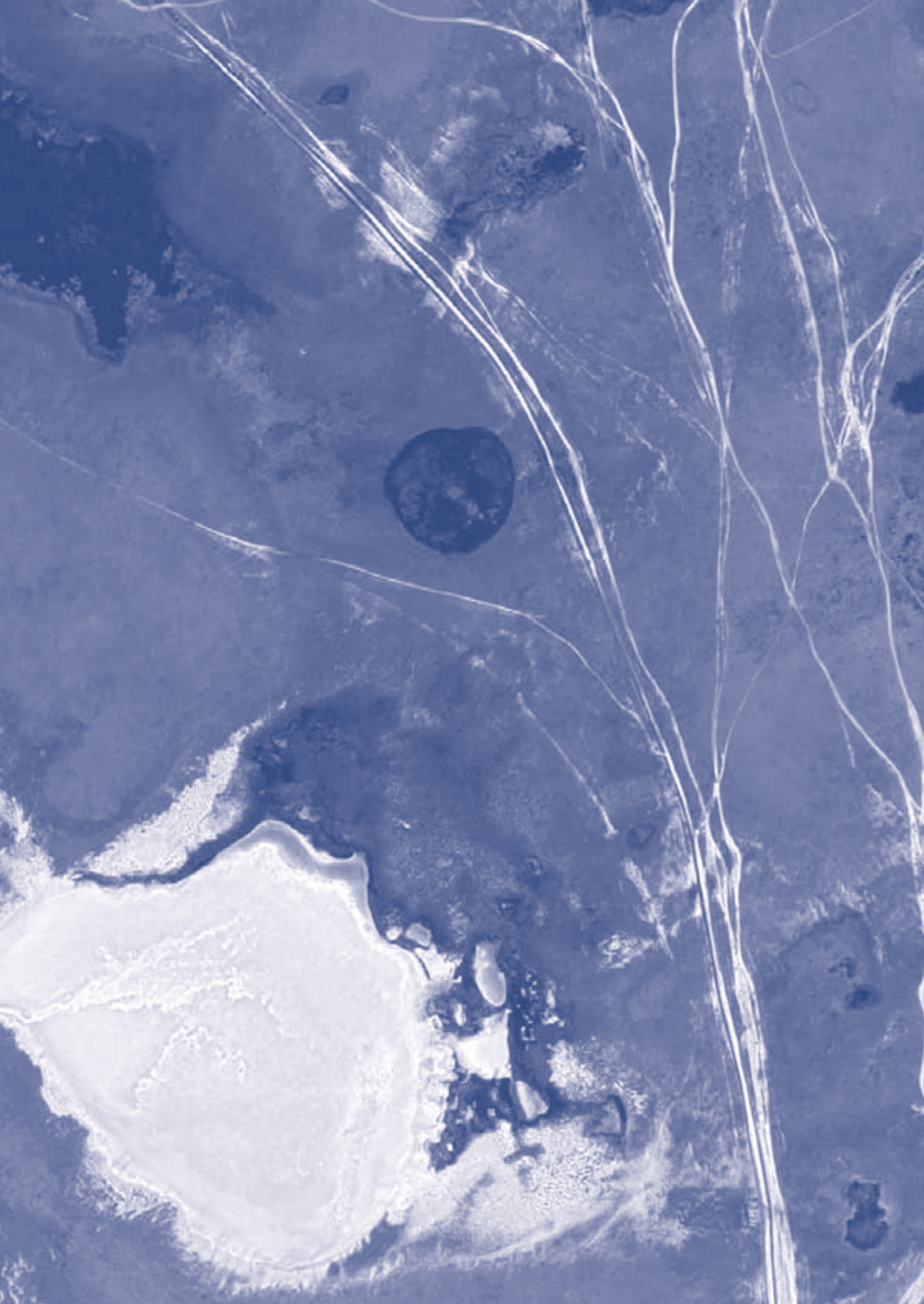
Если бы у вас был выбор, поехать в Китай или в одну из европейских стран, где вы не были, куда бы поехали в первую очередь?

В Китай 27%

В одну из стран Европы 49%

Затрудняюсь ответить 24%

Источник: ФОМ

взаимодействующих с южным соседом: южные районы Приморья и Амурской области.

Правда, почти сразу на Дальнем Востоке он сменился более сложным отношением: нас, конечно, захватывают, но другого пути выжить в условиях, когда метрополия бросила свою «крепость», кроме как сотрудничать с ними, у нас (дальневосточников) нет. Начинается период массового «челночного» движения в регионе, активного трансграничного взаимодействия, из которого и вырос малый и средний бизнес Дальнего Востока. Во всяком случае, его южной части. Приграничные города Китая «обживаются» дальневосточниками, приспосабливаются под них. Здесь формируется инфраструктура, ориентированная на приграничную торговлю (дешёвые гостиницы, склады, кафе, транспортные схемы). Жители этих городов активно учат русский язык, появляются вывески и меню на русском языке. Словом, приграничные районы Китая перестают быть для дальневосточников чужими.

Правда, на русской территории ситуация складывается не столь благобно. Здесь «жёлтая угроза» становится едва ли не официальной идеологией региональных властей. Причина принятия на вооружение уже теряющей популярность у населения идеи «жёлтой угрозы» — в специфических способах выстраивания отношений между центром и регионами. Последние в свете предложения Б.Н. Ельцина «брать суверенитета, сколько сможете унести» конструируют «ужасы», под которые и выделяются дополнительные полномочия местной власти. Такая «торговля угрозами» была на тот момент самой оптимальной региональной стратегией. Самым успешным здесь был Татарстан, выторговавший под знаком «угрозы исламского экстремизма» максимальный объём прав. Но дальневосточные субъекты Российской Федерации тоже ненамного отстали. Под флагом противостояния (не столь важно, искреннего или имитационного) «китайской угрозе» они получили достаточно широкие полномочия, позволившие региональным администрациям де-факто реализовать режим свободной торговли для своих территорий, бывший на тот момент формой их выживания. С помощью «жёлтой угрозы» региональные руководители объясняли федеральному центру, почему он не должен вмешиваться в дальневосточные дела, менять сложившиеся правила игры. Здесь всё плохо и сложно, и только имярек (губернатор) способен удержать ситуацию, защитить российскую землю от «жёлтой экспансии».

На фоне такой политики на рубеже веков дальневосточники осваивают уже не китайское приграничье, но северные провинции. Харбин, Далянь, Муданьцзян и Цицикар становятся вполне привычными и обжитыми для россиян-дальневосточников. Расширяются и миграционные потоки в обе стороны. В Китай едут педагоги и архитекторы, инженеры и студенты. В Россию на рубеже веков прибывают прежде всего временные работники, но также и предприниматели, учёные. Интенсифицируются контакты между региональными администрациями. В этот период появляется соответствующая инфраструктура и с другой стороны границы, в России, с ориентацией на граждан Поднебесной. Но в сравнении с местным населением численность выходцев из КНР на территории Дальнего Востока даже в этот период была пренебрежимо мала.

Ситуация вновь меняется к середине первого десятилетия текущего века. Китайские гастарбайтеры исчезают. Их сменяют выходцы из стран Центральной Азии. Зато гораздо больше появляется китайских бизнесменов, учёных и педагогов, музыкантов и художников, врачей, поваров. Рост материального благополучия жителей северных провинций Китая сделал для них временную работу в России невыгодной. Число граждан Китая

в России уменьшается, хотя значимость их растёт. При этом увеличивается поток россиян в Китай. Российские предприниматели обрастают связями в сопредельных странах и более отдалённых странах ЮВА, инвестируют в их экономику, создают совместные предприятия, размещают заказы на предприятиях Китая. Российские (дальневосточные) студенты всё активнее едут получать образование в Китай и Южную Корею.

Более популярным становится отдых в Китае. Остров Хайнань, курорты Жёлтого моря притягивают жителей Дальнего Востока как более дешёвые, чем Приморье, и предоставляющие более высокий уровень сервиса. В этот период и возникают дружеские и партнёрские сети, формируется опыт взаимодействия в пространстве Восточной Азии. Российские и китайские художники устраивают выставки и в городах Дальнего Востока, и на территории Китая, проводятся совместные (приграничные) фестивали в Благовещенске. Достаточно большое число педагогов, инженеров, архитекторов, специалистов в области информационных технологий получают долгосрочные контракты на работу в Китае. До недавнего времени даже некоторые пенсионеры, сдавая квартиру во Владивостоке, Хабаровске или Благовещенске, переезжали в китайские приграничные курортные городки. В этих условиях всерьёз говорить о «китайской угрозе» могли только любители конспирологических теорий в стиле: «это они притворяются хорошими, а на самом деле...».

Но уже совсем малочисленные и маргинальные сторонники «жёлтой угрозы» получили неожиданную поддержку из западных губерний, из столиц. Идущий в 1990-е гг. с Дальнего Востока образ «китайской угрозы» наложился на старые страхи и породил убеждение, что на востоке «китайцы уже всё захватили». Что их там миллионы. Что они массово женятся на россиянках. Поскольку миф рациональному опровержению не поддаётся, то опровергнуть его довольно трудно. Ни констатация того, что без учёта краткосрочных визитов число китайцев в России не превышает сотни тысяч человек, из которых большая часть — студенты российских вузов, ни указание на то, что прямых инвестиций Китая в Россию меньше, чем российских (частных) инвестиций в экономику КНР, — миф не компрометировали. Даже российско-китайских браков, оказывается, несколько, десятков или, может быть, сотен или десятков тысяч в год. К тому же вообще трудно видеть в межнациональных браках угрозу. По не вполне понятным причинам сторонников «жёлтой угрозы» не смущали китайцы в Европе, в ЮВА. Зато китайцы в Санкт-Петербурге приводили в страх и трепет. Всё новые группы журналистов столичных СМИ приезжали описывать «захваченный Дальний Восток», возвращаясь разочарованными, поскольку захватчики коварно прятались и обнаружить их не удавалось. Однако активность столичных «свидетелей жёлтой угрозы» не прекращалась, ведь они сражались не только за привычную, хотя и уже невыгодную культурно-политическую и экономическую ориентацию на Европу, но и за свои многолетние вложения в связи на Западе, за инвестиции в западную недвижимость, ориентацию на Европу.

Кроме того, с конца 2000-х гг. русскую синофобию стали подкачивать друзья-соперники из Европы. Пошёл поток статей, доказывающих, что Китай поглотит Россию, что поворот на Восток невыгоден и обречён. Эти статьи массово транслировались российскими западниками. Целью этих публикаций было, видимо, недопущение диверсификации российских экономических и политических связей, усиления конкурентных позиций России и российских хозяйственных субъектов в отношениях с Европой, сохранение приятной и выгодной системы отношений — когда «ученик»

готов не только подчиняться, но и платить «учителю». На Дальнем Востоке синофобия угасает, иначе обстоит дела за пределами региона. Здесь борьба с «жёлтой угрозой» продолжается. Здесь же и мифы о том, что китайцы зверски вырубает леса. Лес вырубает местные промышленники и «сочувствующие» им чиновники. Китайцы лес скупают. Это — целиком внутренняя проблема России.

В свете укрепления политического партнёрства России и Китая возникает альтернативная идея — о Китае как о манне небесной для России. Из наличия политического союза делаются достаточно странные выводы, что китайские деловые круги будут действовать не в своих интересах, а в интересах своих российских партнёров. Из Китая ожидаются (или ожидались до самого последнего времени) инвестиции не туда, где это будет выгодно их бизнесу, а туда, куда нужно России или даже отдельным компаниям, которые сами инвестировать не готовы. Отсутствие подобного поведения отбрасывает носителей неоправданных ожиданий в область поиска конспирологических объяснений таких «странностей», к идее «жёлтой угрозы». И первое, и второе является серьёзным препятствием для выстраивания взаимовыгодных торговых связей и идеи поворота на Восток в целом. К тому же двум государствам действительно пока не удаётся чётко отработать путь от политических заявлений и рамочных соглашений к реальным инвестициям и совместным проектам.

Несмотря на гипертрофированность всех фобий в отношении к Востоку, определённое рациональное основание под ними стоит. Оно связано, конечно, не с «агрессией» или «экспансией» какой-либо восточной страны в отношении России. Однако любое излишнее сближение с иным, даже если оно оправданно в краткосрочной перспективе, может вести к растворению, утрате собственной сущности.

Некогда страны и народы восточной части Евразии в сложный для себя период (разорённый непрекращающимися двухсотлетними войнами Китай, лежащий в руинах Тибет, переживающая острый внутренний кризис Япония) создали «двухслойный» язык для общения с европейцами. Внешним слоем здесь выступали европейские формы, за которыми стояло вполне азиатское содержание. Этот язык позволял им брать из европейской техногенной цивилизации то, что соответствовало духу их жизни и отбрасывать всё иное, маскируя это различными имитационными формами. Был создан эффективный, уже более столетия работающий фильтр между Востоком и Западом. Япония сделала это первой в эпоху Мэйдзи. Китай пошёл по этому пути существенно позже. Сегодня этот язык-фильтр, структуры-фильтры распространены повсеместно (конечно, с существенными национальными вариациями). Этот опыт и стоит позаимствовать России при взаимодействии с Азией. В противном случае сделки будут не особенно надёжными, инвестиции меньшими, а продавцы вполне могут оказаться (и уже оказываются) в положении просителей, получая существенно меньшую выгоду от своей деятельности. Для того чтобы видеть не только протекционистские меры в соответствующих законах этих стран, но и заложенные в них же механизмы вполне легального обхода запретов, нужно стать максимально «своим».

Российская философия внешних связей создавалась для общения с Западом по тем лекалам, которые приняты. Из наличия политического союза делаются странные выводы, что китайские деловые круги будут действовать не в своих интересах, а в интересах российских партнёров. Двум государствам действительно пока не удаётся чётко отработать путь от политических заявлений и рамочных соглашений к реальным

инвестициям и совместным проектам в этом пространстве. Если европейская цивилизация — во всяком случае, в её модернистской форме — базируется на идее абсолютизации права и личной инициативы, то **Восток живёт не столько в мире права, сколько в мире порядка, где право, закон, обычай и вера — лишь средства для обеспечения изначального порядка и гармонии в обществе.** Основой же последнего выступает «дом» (семья, соседское и дружеское окружение). Из них («домов», дружеского и соседского окружения), а не из институтов гражданского общества состоит социальная ткань.

Безусловно, столетия господства Запада (и подчас очень жёсткого господства) принесли на восточную почву немало зёрен, предназначенных прорасти под иным небом. Внешне они напоминают своих западных отцов. Но земля, которая их взрастила, вложила во внешние формы иной смысл. Именно потому, что почва здесь иная и растения на ней вызревают иначе, выработанные европоцентристской культурой формы «борьбы» показывают на этой почве довольно малую эффективность. И строгие санкции в отношении Китая после событий на площади Тяньаньмэнь, и бойкот Ирана, и санкции против Индии, и даже изоляция Северной Кореи не привели эти страны к катастрофе и распаду. Часто даже давали толчок к развитию национальной экономики и культуры.

«Священные коровы» западной институциональной системы становятся здесь только «языком», формой (не всегда удачной) для выражения иных, более свойственных этой земле смыслов, связанных с традиционными способами социальной организации. Западные политики выработали универсальный, точнее, универсалистский способ межнационального взаимодействия: норма, основанная на общественном договоре и закреплённая в законе, — внутри страны; международное право — вовне. Наличие законодательно закреплённого формального акта выступает здесь основой для взаимного доверия контрагентов. На Востоке основой, скрепляющей договорённость, выступает не столько формальный акт, сколько межличностное, персональное доверие между участниками договора. Безусловно, сделка может состояться и в ином случае, когда речь идёт о чем-то особенно выгодном для участников. Но надёжное и долговременное сотрудничество здесь не особенно вероятно. Это тем более важно в условиях, когда нормы международного права продолжают размываться, а международные экономические отношения быстро политизируются. Здесь слабеющее институциональное доверие и компенсируется доверием межличностным, персональным доверием участников из разных стран. Чтобы преуспеть, российским политикам и российскому бизнесу надо начинать привыкать работать в иной идейной среде, понимать цивилизационные особенности партнёра, играть «вдолгую».

Разумеется, стремление облизиться, войти, стать «своими», не отменяет рациональной политики балансирования и даже мягкого сдерживания азиатских партнёров — чрезмерная зависимость везде опасна. Именно в этом состоит геополитическая составляющая концепции Большой Евразии, подразумевающая не только создание общего пространства сотрудничества, развития и безопасности (что приблизительно соответствует китайской концепции «сообщества единой судьбы»), но и погружение Китая — неизбежного лидера региона — в сеть связей, институтов и балансов, исключаящих неприемлемую для его больших соседей даже мягкую гегемонию. Это является определённым вызовом для Пекина, в котором не может не быть сильной многотысячелетней инерции Срединного царства, мягко «подминающего» соседей. В отношении наследников Российской, Персидской, Османской империи, Индии такая стратегия неприменима. России для того, чтобы

обеспечить себе успешную коммуникацию с Азией и одновременно обезопасить себя от поглощения последней, необходим посредник-переводчик.

Выше мы говорили о наличии структур-фильтров и языка-фильтра, которые позволяли азиатским странам успешно взаимодействовать с мировой экономикой, построенной по западноцентристской матрице, при самых жёстких ограничительных мерах со стороны последней. Но эти структуры вырабатывались в течение столетий или, в лучшем случае, десятилетий. Такого запаса времени у России сегодня нет. Однако ситуация отнюдь не безвыходная. Сегодня в России есть огромный регион, охватывающий южную часть Дальнего Востока, Забайкалья, который по стечению обстоятельств в исторически ничтожные сроки смог выработать формы взаимодействия с хозяйственными системами большинства стран Северо-Восточной и части стран Юго-Восточной Азии.

Здесь и становится понятной критическая важность развития Дальнего Востока России — основного «входного пространства» России в Азии, региона-посредника. Именно Дальний Восток сегодня является носителем уникального опыта вхождения в пространство Восточной Азии, способен выступить «проводником» и даже «переводчиком» Азии для России в этом незнакомом мире, сопровождающим её в этом путешествии, страхующим от неверных шагов. Становится понятна та роль, которую могут сыграть дальневосточники в воплощении проекта Большой Евразии.

Что нужно делать №1.

Дальний Восток и не только

Так сложилось, что после распада СССР Дальний Восток был предоставлен собственной судьбе. Он оказался практически отрезан от основной части страны (менее 4% продукции региона направлялось в западном направлении) при том, что существующее к тому моменту в регионе хозяйство к самостоятельному (не в рамках национальной экономики) существованию было абсолютно не подготовлено.

Немногом более чем за десятилетие, опираясь на советский (до 1950-х гг.) и досоветский опыт, существенная часть жителей региона смогла включиться в экономику сопредельных стран. И не просто включиться. Они обзавелись здесь партнёрской и дружеской сетью, охватывающей сегодня практически все северные провинции Китая, распространяющейся на Корею, Японию и страны ЮВА. Именно эти сети позволяли в крайне сложных условиях вести деловые операции, страховать свой бизнес от самых разных угроз, решать проблемы с государственными и частными структурами сопредельных и достаточно удалённых стран. Конечно, это были не корпорации мирового уровня, а малые или средние предприятия. Именно поэтому сотрудничество оставалось трансграничным, не охватывало всех возможных направлений и пространств. Но даже в таком виде оно создавало опыт, позволяло выработать понятный и удобный язык коммуникации, принципы взаимодействия в пространстве Восточной Азии. Они смогли научиться видеть реальные отношения, скрытые западной формой, работать с людьми и местными институтами, а не с имитационными форматами.

Но не только предприниматели региона получили такой опыт. Дальневосточные вузы, НИИ, музеи вынуждены были налаживать контакты с коллегами из ближайшего зарубежья, учить язык, осваивать навыки местного этикета — просто для выживания. Достаточно долгое время это был практически единственный способ получить возможность для развития нового направления в образовании, проведения дорогостоящего эксперимента или полевого исследования, создания новой экспозиции, выставки, организации яркого культурного мероприятия. Пожалуй, опыт этих организаций даже более ценен, поскольку коммуникация здесь охватывала государственные структуры сопредельных стран самого разного уровня: от муниципального до федерального. Значительная часть этих организаций плотно интегрирована в профильные союзы и объединения макрорегиона, обменные программы и т.д. При этом просто в силу своего вхождения в единую общероссийскую сеть связь вузов, НИИ, музеев и т.д. с внутренним пространством страны была существенно сильнее, чем связь бизнеса.

Эта территория, люди, её населяющие, организации, расположенные здесь, и могли бы выступить в качестве фильтра, посредника, проводника между «европейской Россией» и Восточной Азией. Могла бы, но не выступает. Пока этот опыт дальневосточников пропадает. Отчасти по вине самих дальневосточников, которые не спешат его артикулировать, боясь конкурентов с запада страны, не хотят привлекать их. Не зная об этой возможности, люди, стремящиеся развивать регион из условной Москвы, стараются как-то подключить местных к глобальному проекту, но совсем не там, где дальневосточные специалисты могут быть полезными. Взаимный скепсис порождает столь же взаимное дистанцирование. Не подключаются к проекту и многие уже существующие партнёры дальневосточников

из азиатских стран. Значительный ресурс сближения с Азией — активное использование пусть небольших, но часто важных диаспор азиатских стран, живущих и работающих в России. Они могут служить дополнительными проводниками для взаимодействия для лучшего понимания других, должны быть задействованы в образовании. Пока их скорее ограничивают.

Для столичных деятелей дальневосточники оказываются не вполне понятным балластом, придатком к критически важной территории. При этом придатком постоянно «ноющим», требующим для себя (непонятно за что) всё новых льгот. Для местных жителей скепсис связан с тем, что, видя, как без учёта специфики региона, его опыта интеграции в Восточную Азию идёт развитие Дальнего Востока, иначе как в качестве «распила бюджета из Москвы» они это не воспринимают. А молчат потому, что об этом не спрашивают. Да и что говорить об очевидных для жителя региона вещах. Преодолима ли эта ситуация? Да. Просто на вопросы отвечают тогда, когда их задают.

Идея новой и особой роли Дальнего Востока — регион убыстрённого развития, регион-посредник, фильтр и проводник, ворота для всей России в новый мир, к новому благосостоянию — должна быть не только артикулирована, но и воплощена в систему конкретных действий с конкретными людьми (вполне известными в регионе). Тогда включение дальневосточников в процесс поворота на Восток — причём включение активное — вполне возможно. Формы такого включения совсем не обязательно должны быть публичными и громкими (конференции, форумы). Ещё важнее превращение идеи поворота на Восток в серию конкретных проектов по взаимодействию России и стран Восточной Азии, создание под эти проекты рабочих групп с определением сроков, ресурсов и степени свободы действий.

В регионе уже созданы структуры (например, корпорации по развитию территорий), которые сопровождают инвестиционные проекты, ускоряют прохождение всех формальных процедур. Но не менее важно работать с потенциальными инвесторами в иностранных государствах, формировать такие группы поддержки и сопровождения для российских инвестиций за рубежом. И здесь личные связи, создание сетей доверия, по которым распространяется информация, позволяют сделать и российские, и иностранные инвестиции более надёжными, более прибыльными. При общей координации из центра и информационной поддержке такие локальные группы станут реальным шагом России в Азию. Наличие персонального доверия, сложившейся социальной сети в этих странах позволит участникам этих групп выполнить важнейшую функцию для России в целом — функцию проводника-переводчика. Понятно, что такая работа, тем более производимая на постоянной основе (в ином варианте она малоосмысленна), требует высочайшего уровня знания и аналитики.

Именно поэтому одним из важнейших условий её успешности станут аналитические центры, ориентированные на сбор и обработку информации из стран Азии. Нужны квалифицированные востоковеды. Причём не просто знатоки того или иного языка, но люди, обладающие способностью к анализу, широчайшей страноведческой эрудицией. И нужны они не только в столичных центрах, хотя и там, но в регионах соприкосновения. **Подготовка востоковедов — одна из приоритетных задач поворота на Восток на новом этапе.** Важно, чтобы они росли и работали при российской финансовой поддержке. Перефразируя известную сентенцию о том, что нежелающие кормить свою армию будут кормить чужую, можно сказать: те, кто сегодня не пожелает кормить востоковедов, будут и сегодня и всегда платить штрафы за своё незнание Востока.

Однако такими посредниками окажутся далеко не все жители региона. Как и в любом обществе, далеко не всё население Дальнего Востока готово интегрироваться в международную среду (особенно в северной части). Они и создают тот негативный информационный фон, который сопровождает любые новации, проистекающие извне. При этом часто игнорируется то обстоятельство, что в существующих условиях Дальний Восток России по многим категориям работников не трудонедостаточный, а трудоизбыточный регион с высокой долей «лишнего» населения. Здесь возможны и необходимы два типа действий.

Во-первых, какая-то часть людей вполне может быть включена в проекты в качестве исполнителей, «прорабов и рабочих», поскольку любой логистический или строительный проект потребует большого числа рабочих рук. Если на севере региона каждый завезённый работник оказывается дешевле местного (даже если работает за ту же зарплату), то на юге достаточно использовать уже имеющуюся рабочую силу, организовав и переориентировав центры переподготовки с парикмахеров и визажистов на какие-то более связанные с поворотом на Восток профессии. Более того, относительно трудоизбыточный юг вполне способен поставлять сезонных рабочих в северные районы (как это происходило в 1990-е гг.). Последнее будет существенно дешевле, нежели завоз работников из других регионов или других стран. Но и это не «использует» полностью население, неспособное или нежелающее быть проводником России в мир Восточной Азии.

Здесь и возникает «во-вторых»: существенная часть населения Якутии, Магаданской области, Камчатки, да и южных регионов вполне выработала формы выживания в рамках локальных сообществ и локальной экономики. И здесь гораздо дешевле для страны, дав им максимальную свободу действий, сняв все формы административных ограничений и контроля над ними, оставить их жить так, как живут. Желющие, активные люди Дальнего Востока включаются в глобальный проект, занимают своё место в рамках концепции региона-посредника, транзитной территории или ресурсного региона. Но и те, кто хотели бы жить, как жили, должны получить такую возможность.

Не регион, а малые предприятия, индивидуальные предприниматели, самозанятые просто «отпускаются на вольные хлеба». Понятно, что делать это необходимо крайне осторожно. Скажем, на первых порах давая возможность этой группе выбирать себе модель социальных платежей (пенсионное страхование, медицинская страховка и т.д.), постепенно расширяя сферу самостоятельного выбора, распространяя её на новые группы населения. Эти группы будут создавать социальную и досуговую инфраструктуру, без которой немыслима мировая торговля, создавать продовольственную базу территории, снижая издержки государства. Тем самым косвенно они тоже будут участвовать в проекте. Концептуализация новой значимости Дальнего Востока и, что очень важно, дальневосточников как проводников и переводчиков Азии на русский язык, создаст новую мотивацию для жителей региона, новое и мощное основание для самосознания в рамках региона и в рамках России.

Но для реализации евразийского проекта России наличие «проводников» необходимо во всей Евразии. И здесь функцию «следопытов» фронта вполне могут выполнять жители иных «ворот» (центрально-сибирских, кавказских, монгольских, каспийских и т.д.). За постсоветские годы такие контакты и сообщества людей, вступающих в эти контакты, сформировались. Однако до настоящего времени не только не предпринималась

попытка их использования в интересах страны в целом, но существовали и существуют серьёзные ограничения в отношении их деятельности. Речь идёт не столько о мифических знатоках и об академическом сообществе (хотя его роль тоже может быть значительной), но о совершенно конкретных людях, гражданах России. В СССР сибирские и дальневосточные просторы осваивали всей страной. При этом принципиальных различий между этносами не было или почти не было. Наличие понятий «советский народ» и «советский человек» гасило эти различия. В результате на всей территории России существуют в рамках национально-культурных образований сообщества выходцев из Таджикистана и Азербайджана, Армении и Казахстана, других бывших советских республик. Это полностью натурализованные граждане России, и они могут внести свой вклад в организацию взаимодействия на пространствах Евразии. Культурная близость монголов и бурят, а также проживание на территории Монголии большой бурятской общины может стать важным фактором, способствующим вхождению в это пространство российского бизнеса как «своего».

Ещё более весомый вклад в процесс освоения Россией Азии могли бы внести русские общины, имеющиеся сегодня не только в бывших советских республиках. За постсоветские годы русская диаспора распространилась почти на все страны Восточной Азии, включая страны ЮВА. Ещё в 1990-е гг. жители региона начали выезжать туда не только на отдых, но и для работы по длительному контракту. Первыми стали осваивать эти пространства деятели культуры и науки, преподаватели. Сегодня многие из них проживают в сопредельных странах уже не одно десятилетие. Достаточно серьёзным был поток предпринимателей (особенно в текущем столетии). Люди встраивались не только в «русский» сектор, связанный с туризмом и обслуживанием традиционных для региона поставок биоресурсов (лес, рыба), но и в местный бизнес. Круг мигрантов в страны Восточной Азии расширялся. В настоящее время русские мигрантские сообщества в Южной Корее, Китае, Таиланде, Вьетнаме и т.д. представляют собой сложные, укоренённые в местной почве социальные организмы со своим набором статусов, со своими способами выстраивания отношений с родиной. Однако серьёзная работа с ними не проводилась и, к сожалению, не проводится и сегодня. Существующие структуры (например, Россотрудничество) выполняют ограниченные культурно-просветительные функции, торгпредства пока ограничено эффективны и управляются, как правило, чиновниками, но не людьми из бизнеса.

Большой популярностью пользуется термин «народная дипломатия». Считается, что неформальные связи, возникающие между гражданами разных стран, смогут стать дополнительной страховкой от сползания мира в катастрофу ядерной войны. Сегодня необходимость воссоздания и активизации таких структур ощущается особенно остро. В этом случае политические договорённости будут составлять рамку, внутри которой смогут действовать сети, страхующие деловые контакты, делающие их долгосрочными и надёжными. В свою очередь, эти сети в Восточной Азии станут основой для дальнейшего политического, культурного, цивилизационного сближения России и стран макрорегиона. При этом они же при определённых организационных усилиях способны выполнить функцию фильтра, отбирая те формы сотрудничества, которые пойдут на пользу нашей стране.

Видимо, требуют реформирования, «приближения к земле» большинство существующих бизнес-ассоциаций, которые должны налаживать деловое сотрудничество России с конкретными странами Азии. Предварительный анализ показал, что большинство этих ассоциаций носят

в заметной степени формальный характер. Возглавляющие многие из них крупные российские бизнесмены и общественные деятели имеют слишком много нагрузок. Видимо, такого рода ассоциации должны возглавляться прежде всего «чувствующими земледельцами», знающими конкретику Сибири и Дальнего Востока, имеющими широкий личный опыт и связи в Азии. Оптимально — это сибиряки и дальневосточники.

Конкретным и относительно легкоосуществимым проектом по сближению российских центральных и восточных, а также азиатских элит и бизнеса мог бы стать условный Восточный клуб, объединяющий в российской части на 20% центральные деловые, политические и научные элиты, ориентирующиеся на Азию, на 45% — дальневосточников, на 25% — представителей других регионов Сибири. Работа клуба могла бы не только содействовать исполнительной власти, вырабатывать новую стратегию развития Сибири и Дальнего Востока, российского поворота на Восток. Основная задача — перемешивание центральных и восточных элит страны, выработка ими единой идеологии, движения в новый мир. В клуб могли бы входить представители деловых, научных и медийных элит других азиатских государств, представители русских общин в странах Азии. Клуб смог бы содействовать организации форумов и продвигать интересы российско-азиатского бизнеса внутри страны и в Азии, содействовать развитию научных культурных контактов, поддерживать некоммерческие организации, занятые в этой области. И главное — стать институциональной площадкой продвижения в России идеи выгодного стране поворота на Восток. **Конкретным и относительно легкоосуществимым проектом по сближению российских центральных и восточных, а также азиатских элит и бизнеса мог бы стать условный Восточный клуб.** Весомый вклад в процесс освоения Россией Азии могли бы внести русские общины.

Но даже наличие «входных пространств» и круга лояльности в странах Восточной Азии и Большой Евразии не сможет полностью гарантировать успех поворота до тех пор, пока всё население страны или его большая часть не осознает, не почувствует своей причастности к этому миру, не осознает судьбу России в Азии.

Что нужно делать №2. Поворот на Восток для всей России: узнать Азию

Одной из важнейших составляющих политической нации выступает её история. Причём история не столько как форма и результат деятельности профессиональной корпорации учёных-историков, сколько как коллективная память, коллективное переживание. Безусловно, такая память и переживание должны опираться на достоверные и проверенные факты, но её роль гораздо важнее, чем просто описание прошлых событий. Именно благодаря таким коллективным переживаниям и коллективной памяти формируется самосознание, различение «свой-чужой», формируется принятие или непринятие «другого». Именно такие переживания совместного прошлого создают ту ткань, которая связывает индивидов в общество, позволяет им совместно жить, действовать, создавать. Сегодня понятно, что без включения в систему коллективной (общей) памяти азиатской части России поворот на Восток имеет все шансы остаться региональным проектом. **Для того чтобы Россия состоялась как архитектор нового пространства Большой Евразии, необходимы достаточно серьёзные подвиги в мировоззрении,** базовые постулаты и даже словарь которого сформировались в петровский «европейский» период и особенно в период постсоветского романтического европоцентризма.

Россия, безусловно, должна оставаться Россией — державой, расположенной в Европе и Азии. Многовековая обращённость России на Запад неизбежно приводила к специфическому изменению масштаба событий. Сложнейшие переплетения интересов, стычки, набег, осады и многолетние войны неожиданно оказались «освоением пустых земель» с целью получения «мягкой рухляди и рыбьего зуба», которые выполняли в ту эпоху роль современного экспорта нефти и газа. Шли действительно за уникальным ресурсом, на который имелся спрос на всех рынках Европы и Китая. Но шли совсем не по «пустым землям». Если о Сибирском ханстве и покорении его мы вспоминаем хотя бы в связи с Ермаком, образ которого достаточно прочно укоренился в фольклоре, то о Тюменской орде (юрте) вспоминают в лучшем случае тюменские краеведы. Как и о «златокипящей Мангазее», русском Эльдорадо XVI в. Достаточно редко за рамками специальных исследований рассказывается о крайне сложных и подчас кровавых взаимоотношениях с Джунгарским ханством.

Почти неизвестна сорокалетняя война с империей маньчжуров (Цин). И поход Ерофея Хабарова, обернувшийся столкновением с регулярными частями империи, и поход Никифора Черниговского за Амур, и фееричная оборона Албазина под руководством обрусевшего немца Афанасия Бейтона, выбранного казаками атаманом, — все эти яркие исторические события остаются за рамками обычного знания российской истории. Забыты и многолетние усилия русских учёных и дипломатов Николая Гавриловича Спафария и Никиты Яковлевича Бичурина по установлению отношений с Китаем. Чего стоит одна история посланника Петра, коммерсанта Избранта Идеса — он стал первым россиянином, принятым китайским императором. **Эти и многие другие значимые и драматичные события истории азиатской России не выступают пока элементами коллективной памяти народа.**

Забыто, что «мягкую рухлядь» — меха, моржовую кость — русские промысловики и купцы направляли не только на Запад, но и в Китай, получая и потом перепродавая китайские товары. Именно за меха закупался чай, ставший национальным русским напитком. Вослед коммунистической исторической традиции, принижавшей всё, что было до 1917 г., забыта Русско-японская война и главное — человеческий подвиг русских инженеров, рабочих, офицеров, солдат в исторически краткие сроки построивших Транссиб, без которого Россия в современных границах, возможно, и не состоялась бы. Полузабыт и главный организатор и вдохновитель этого проекта — граф Сергей Юльевич Витте. Не возвращены в нашу коллективную и благодарную память сотни тысяч зэков Дальстроя (государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы с 1931 г. — Прим. ред.), строивших порты и дороги, добывавших золото и уран и таким образом, хоть и подневольно, защитивших страну в тяжёлые годы. В Москве поставлен масштабный монумент жертвам политических репрессий, открыт музей ГУЛАГа, сотни памятников стоят по всей стране. Но их почти нет на Дальнем Востоке. Сибирь, всё пространство от Урала до Тихого океана остаются зоной исторического молчания.

События истории Русской Азии, даже самые значительные, оказываются какими-то не вполне понятными «приграничными столкновениями». То, что эти «столкновения» длились долгие десятилетия, с битвами многотысячных армий, осадами, переговорами, чудесами благородства и подлости, остаётся за кадром. За пределами общего внимания и удивительная судьба князя Гантимура — цинского аналога русского князя Курбского, судьбы русских героев этих почти забытых битв, осад и переговоров. Даже сам уникальный Нерчинский мир — один из первых равноправных договоров Цинской империи, находившейся в зените своего могущества (эпоха Канси) — был начисто заслонён начавшимся противостоянием между царевной Софьей и царём Петром. А ведь именно этот договор позволил России стать одним из поставщиков шёлка, фарфора и пряностей для Европы, чей рынок до того был монополизирован венецианцами, португальцами и голландцами.

За пределами привычных знаний остаётся и хозяйственный расцвет Приамурья, вновь вошедшего в состав России по результатам Айгунского и Пекинского договоров, в конце XIX — начале XX вв. Это был период, прерванный гражданской войной, когда Дальний Восток по темпам развития обгонял американский Дикий Запад. Когда Сибирские и Приамурские города обретали лоск, обзаводились гигантскими «дворцами торговли», кинотеатрами, театрами, библиотеками и тому подобными атрибутами городской жизни. Когда именно здесь находились крупнейшие товарные биржи макро-региона, билось сердце хозяйственной жизни Восточной Азии. Вне русской истории остаётся и общество, столетиями жившее по принципу: «Сибирь — территория согласия». Православные христиане и католики, старообрядцы самого разного толка и мусульмане, ламаисты и язычники, как правило, находили способы действовать вместе, жить в мире и согласии.

В результате создаётся специфический образ Русской Азии как гигантской пустоты, в которой ничего не было, кроме «дикой Сибири» и немногочисленных первопроходцев, шедших по ней со своей, неведомой целью. Даже героические события относительно близкого прошлого остаются местными, региональными. Петропавловская оборона, когда горстка казаков, матросов и добровольцев из местных народов смогли отбить нападение англо-французской эскадры, решившей в 1854 г. кроме Крыма прибавить к рукам и Камчатку, является событием разве только для жителей Петропавловска-Камчатского. А ведь сложились события иначе, русских земель в районе Тихоокеанского побережья могло сегодня и не быть. Даже формиро-

вание знаменитых сибирских и дальневосточных дивизий, спасших Москву, Сталинград, остаётся за кадром массового сознания. Почти неизвестным продолжает быть тяжёлый труд моряков Тихоокеанского флота по защите восточных рубежей страны и их бытовой героизм, когда они в 1990-е гг. сохранили ключевую часть ядерного стратегического щита страны. Для большей части жителей России эта — драматическая и героическая — история присоединения Сибири, формирования и жизни Русской Азии остаётся неизвестной. Как целостное явление она достаточно робко представлена в экспозициях музеев, крайне слабо описана в учебниках. Но без этого знания Азия остаётся чужой и непонятной, а порой и враждебной.

Знание европейской истории России необходимо дополнить страницами освоения и развития Сибири. Борьбы, в которой выковывался характер сибиряка, лучшие черты русского характера: его лихость, которой так не хватает нынешней России, способность и воевать, и договариваться, и отстаивать свои интересы, и быть верным другом. **Необходимо тщательное и заинтересованное описание движения русских людей «встречь солнцу».** Причём не в рамках исторического цеха (такие работы есть, хотя и остаются в тени), но языком популярной литературы, языком кино и телевидения. Крайне важно включение этого материала в школьные курсы, пропаганда существующих сайтов по истории и современной жизни Сибири и Дальнего Востока, создание новых в регионах для просвещения населения по истории России в Азии. Но такое знание России о России — не только «продукт внутреннего применения». **Критически важным является и трансляция образа России, Русской Азии в сопредельные страны.** В настоящее время сложилась и отчасти продолжает сохраняться очень странная ситуация, когда образ России в Азии формируется практически без участия России. Зато активно участвуют в его формировании западные аналитические и информационные центры, незаинтересованные в успехе русского движения к Азии. В результате создаётся «кривое зеркало», серьёзно препятствующее налаживанию отношений с соседями.

Не менее важно знать культуру и языки Востока. Если знание европейской литературы, истории и культуры сегодня входит в обязательный перечень знаний образованного человека, то аналогичное знание в отношении Китая, Японии, Кореи и Индии относится к экзотическим или узкопрофессиональным компетенциям. Эта ситуация требует изменения. Трудно принять то, что неизвестно. Незнание порождает фобии, конспирологические теории о тайной экспансии и тому подобные досужие построения.

Формой преодоления фобий и могли бы стать, к примеру, переводы классических и современных писателей Китая и Японии (ведь кроме Мураками здесь создавали и создают потрясающие тексты сотни и тысячи авторов), перевод и трансляция наиболее понятных для российского зрителя кинематографических произведений. Необходимо в разы расширить подготовку квалифицированных востоковедов, способных не только преподавать восточные языки, но анализировать прошлое и настоящее наших партнёров по Большой Евразии, создавать информационное пространство поворота на Восток (подготовке специалистов по Востоку будет посвящён отдельный доклад). Возможно задействование ресурса Русского географического общества (РГО) для распространения знаний об Азии, расширение функций РГО на массовое просвещение.

Необходимо и резкое расширение преподавания языков, истории и географии Азии уже в школе, переподготовка учителей, создание пособий, возможно онлайн курсов, ведущими востоковедами страны. Ведь, когда нынешние дети станут взрослыми, история мира, которая писалась до сих пор европейцами, будет выглядеть по-иному. И история

Византии (Восточной Римской империи) будет выглядеть не воплощением неэффективности и интриг, как её изображали (и отображали в нашем сознании) потомки крестоносцев, а одним из величайших достижений мировой цивилизации, сохранившей в годы провала Европы, в мрачное средневековье, европейскую культуру, соединив её с восточной. Нужны новые учебники, учебные пособия по истории Евразии, выработанные совместно с коллегами с запада и востока континента. В Азии уже выходило много азицентричных работ. Но они могут быть такими же неадекватными, как и прошлые, европоцентричные. Российское сообщество историков могло бы сыграть совместно с восточными и западными партнёрами важную роль в выработке нового более объективного и адекватного нарратива, видения мировой истории.

Важно и встречное движение. Не только Россия должна лучше знать Восток, но и Восток должен больше понимать Россию. Такое взаимное движение сблизит Россию и Восточную, Южную и Юго-Восточную Азию, сделает русских более понятными и близкими для жителей этих стран. В странах Евразии, даже там, где для этого существуют все условия, крайне вяло ведётся пропаганда русского языка и культуры. По существу, мы сегодня продолжаем «снимать пенки» с тех инвестиций в продвижение русской культуры в Азии, которые были сделаны в эпоху СССР. Нельзя сказать, что в странах Восточной Азии не изучают русскую культуру. В Китае, Японии и Корее сохранились кафедры русистики или славистики, ведутся исследования. Однако, как было отмечено выше, здесь образ русского конструируется другими. Он далеко не всегда соответствует реальности, собственным представлениям россиян и очень часто до сих пор диктуется доминирующим в интеллектуальном пространстве Запада видением. А он ныне настроен антироссийски. Создавать механизм трансляции российского образа России — значит организовывать движение навстречу друг другу. Сегодня это можно и нужно делать. В наши дни существует острая необходимость в пропаганде роли великой русской культуры в культуре мировой. Нужны новые и квалифицированные переводы на восточные языки произведений русской классики и современной литературы, чтение лекций о России в университетах Востока, перевод русских фильмов. Особенно с учётом того, что многие из них в Азии более чем понятны. Нужна особая публицистика, объясняющая Россию Востоку. Причём это должна быть не разовая акция, но постоянная работа.

Некогда великий хан Хубилай (император Шицзу в китайских текстах), первый монгольский владыка Китая, чтобы быть ближе к ключевой части своих владений, перенёс свою ставку из Каракорума в необжитый на тот момент городок, назвав его Ханбалык (ныне Пекин). Безусловно, перенос столицы сегодня затратное предприятие. Но ситуация, когда политическое руководство России и территории её ключевых партнёров находятся на разных сторонах гигантского континента, затрудняет успешное общение. Может быть, выходом здесь будет создание третьей, восточной столицы в Хабаровске или Владивостоке. В Москве уже принималось решение о переносе головных офисов крупнейших корпораций, работающих в регионах. Но оно не было выполнено. Создание такой столицы вдохнёт дополнительную энергию в Сибирь и Дальний Восток, ускорит обновление российских элит, подстегнёт развитие зауральской России. Опыт почти всех стран, перенёсших или создавших вторые столицы, позитивен для их развития. Промежуточный вариант — создание восточной ставки/резиденции/представительств всех ключевых министерств на уровне первого заместителя министров и опять же — главных офисов крупнейших корпораций. Москвичи, участвовавшие в подготовке доклада, считают, что такой шаг был бы полезен и для разгрузки столицы.

Подведение итогов

Поворот на Восток, а России — к себе как полноценной евроазиатской державе — сложный и длительный процесс. Результат его будет виден не завтра и даже не через год. Потому и предельно важно понимание смысла этого поворота не как экономического или политического проекта, но и, повторим, как пути России к самой себе, возвращения домой. Это непростой путь. Но любой путь можно проделать, понимая, что именно нужно предпринять, что мы хотим получить в итоге. Попробуем суммировать те задачи, которые предстоит решать на следующем этапе поворота на Восток. При этом важно понимание, что материальная составляющая поворота не отменяется (её нужно продолжать и интенсифицировать), но дополняется культурно-просветительским и социальным компонентами. Транспортно-логистическая сеть с центром в России должна продолжать развиваться, охватывая постепенно весь гигантский континент, втягивая в себя всё новые ресурсные и технологические территории. Для того чтобы проект поворота на Восток из технического, экономического и геостратегического стал политическим и цивилизационным — а значит стал успешным, — необходимо его культурно-политическое наполнение.

Сегодня необходима реконструкция и пропаганда знаний об азиатской судьбе России средствами научных исследований, художественными инструментами, через СМИ, интернет-ресурсы, с помощью системы образования. Восток России должен стать ближе и понятнее для всех россиян. Необходимо создание просветительских центров, чья деятельность была бы посвящена формированию коллективной памяти об азиатской части судьбы России. Нужны фильмы, телевизионные сериалы, рассказывающие о прошлом, настоящем и будущем востока России, о его уникальной по красоте и богатству природе. Лучший до сих пор пример — российско-японский фильм «Дерсу Узала», режиссёром которого был великий Акира Курасава. Напрашивается фильм о путешествии популярного ныне Николая II, который, будучи наследником, выбрал первым своим зарубежным путешествием не Европу, а Азию.

Совершенно необходим качественный рост знаний об Азии, её истории и культуре. В России должно в самое ближайшее время появиться новое и многочисленное поколение востоковедов, способных стать не только переводчиками лучших художественных и мировоззренческих трактатов, но «переводчиками» Азии на русский язык. Для этого необходимо резко активизировать подготовку востоковедов с широкой страноведческой эрудицией. Понятно, что основную нагрузку и ответственность по расширению подготовки востоковедов должны взять на себя государство, научное сообщество, профессура. Но стоит активнее использовать и структуры из азиатских стран, занимающиеся продвижением их культуры, языка: Институт Конфуция, Институт Кореи, Токийский фонд и т.д. Понятно, что эти институты, как и подобные им европейские или российское Россоотрудничество, несут и пропагандистскую нагрузку. Но пока они в балансе полезны для пополнения знаний об Азии. Необходимо и организация обучения и переподготовки государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов и других граждан, чьи решения влияют на реализацию поворота на Восток. (В Австралии и Новой Зеландии, например, переподготавливают часть госслужащих для работы с Китаем и другими азиатскими партнёрами.)

Не менее важна активная пропаганда русского языка и русской культуры в Азии, конструирование адекватного образа русских

и России в глазах наших партнёров. Необходимо заново подчеркнуть роль русской культуры в мире, широту и отзывчивость характера русского народа. Для этого тоже необходима когорта квалифицированных специалистов.

Для полноценного вхождения в мир Восточной Азии требуется и активизация личных и деловых связей россиян в сопредельных странах, формирование человеческих сетей в этих странах. И здесь создание Восточного клуба, структура которого описывалась выше, могло бы стать формой консолидации людей, способных на эти действия, консолидации сообщества «проводников» России в мир Азии.

Не менее важно в этом плане взаимодействие с русскими диаспорами, на сегодня существующими во всех странах макрорегиона, с целью создания благоприятной среды для продвижения экономических и политических интересов России. Эта работа тоже могла бы быть активизирована в рамках Восточного клуба.

Желательно создание условий для сосуществования местных (локальных) сообществ и раскрытой на Восток общенациональной хозяйственной системы в рамках общей идеи евразийской страны. Ведь даже участники локальных хозяйственных систем, как и любые «охотники из диких земель», могут быть идеальными проводниками по этим землям. Дальневосточники уже не одно столетие интегрируются в сопредельные страны, имеют там устойчивую систему контактов, контрагентов, друзей. Можно ли отыскать лучших проводников в сообществах, где межличностные контакты намного важнее и надёжнее, чем документально зафиксированные договорённости?

Абсолютно необходимым (и легко достижимым) является увеличение сибирского и дальневосточного контента в федеральных СМИ. Сибирь и Дальний Восток должны постоянно присутствовать в медийном и ментальном пространстве страны и общества. Грубо говоря, если поднимается проблема свалок, то выяснять, как эту проблему решают (или не решают) на востоке страны. Если речь идёт о проблеме капитального ремонта, то необходимы новости и мнения по этому вопросу и из Сибири, и с Дальнего Востока. Идеальный сценарий: чтобы в российских медиа Колыма была рядом с Костромой, а Хабаровск и Владивосток — рядом с Санкт-Петербургом.

Особая задача — содействие созданию аналитических и медийных комплексов общеевразийского значения, которые позволяли бы элитам и интеллектуальным классам Большой Евразии расширять интеллектуальную и информационную независимость в условиях, когда традиционные информационные каналы, ещё в значительной степени контролируемые Западом, становятся менее объективными. Через такой комплекс действий интеллектуальные классы России и других азиатских стран получили бы большие возможности вырабатывать единую линию в мировой экономике, политике, идейной сфере. Речь может идти, например, о создании под эгидой ШОС аналитическо-информационного агентства «Евразия Аналитика», которое не только объединяло бы существующие ресурсы, но и вырабатывало бы и распространяло собственный контент, условно объединяло бы функции таких проектов, как «Блумберг» и «Стратфор».

Оценивая перспективы поворота на Восток, стоит вспомнить, что задачи, стоящие перед страной и её правительством в эпоху поворота к Западу, вряд ли были легче. А перенос в начале XVIII в. центра тяжести государства на Балтийское побережье с поправкой на современные средства транспорта едва ли был проще, чем частичный перенос его на Восток. Да и необходимость его в наши дни не менее острая, чем была в эпоху Петра. Ведь это — выстраивание дороги в мир, где хоть и не раскрывают

объятий, но готовы сотрудничать, где существуют оптимальные на сегодня условия для воспроизведения политической и культурной матрицы России.

Некогда Россия отринула и заклеила азиатскую составляющую русской культуры. Сегодня мы, сохраняя все приобретения, полученные в плодотворный европейский период своей истории, возвращаемся к себе, к своей двуединой сущности, возвращаемся домой. И при этом не отвергаем Европу, свой европейский культурный опыт, — должны и будем привлекать наших европейских соседей, похоже, находящихся в тупике, и к участию в создании Большой Евразии, и к собственному повороту на Восток.

К ВЕЛИКОМУ ОКЕАНУ: хроника поворота

**Сборник докладов
Валдайского клуба** **на Восток**

Руководитель проекта
А.Г. Быстрицкий

Научный руководитель проекта
С.А. Караганов

Научный редактор
Т.В. Бордачёв

Выпускающий редактор
и координатор проекта
В.О. Коломин

Редактор
Т.И. Тюкаева

Дизайн-проект
М. Силенина и Я. Эткина

Подготовка инфографики
творческий коллектив
НО «Издательский центр “Москвоведение”»
Технический редактор: А.И. Немальцина
Дизайнеры: В.Г. Удовенко, М.А. Ковтун

Подписано в печать 12.08.2019
Формат 70×100/16. Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство «БОСЛЕН»
105082 Москва, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10
По вопросам сотрудничества
обращайтесь по телефонам:
(495) 902-00-69, (495) 971-89-09
e-mail: bar@boslen.ru
www.boslen.ru
www.facebook.com/BOSLEN.Publishers

Отпечатано в типографии
ОАО «ИПК “Дальпресс”»
г. Владивосток,
пр-т «Красного знамени», 10
тел.: (423) 240-69-32